

Сизова Александра Александровна — кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока Российской академии наук.

А.А. Сизова является автором более 40 научных, научно-популярных и методических работ по истории и современным проблемам международных отношений в Восточной и Центральной Азии, российской дипломатии и русской диаспоры на Востоке, истории, политическому и культурному развитию Китая и Монголии, вопросам развития азиатской части России, межкультурной коммуникации.

ISBN 978-5-02-036596-4
9 785020 365964

Монголія. — Общій видъ города Урги.

А.А. Сизова КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА РОССИИ В МОНГОЛИИ

КИТАЙ: история и современность

А.А. Сизова

КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА РОССИИ в МОНГОЛИИ (1861–1917)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Дальнего Востока

А.А. Сизова

КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА РОССИИ В МОНГОЛИИ

(1861–1917)

МОСКВА
Наука — Восточная литература
2015

УДК 327
ББК 66.4
С 34

Книга издана при поддержке
Посольства КНР в России

Ответственный редактор
д. и. н. *С.Г. Лузянин*

Рецензенты
д. и. н. *Н.Л. Мамаева*, к. и. н. *А.С. Ипатова*

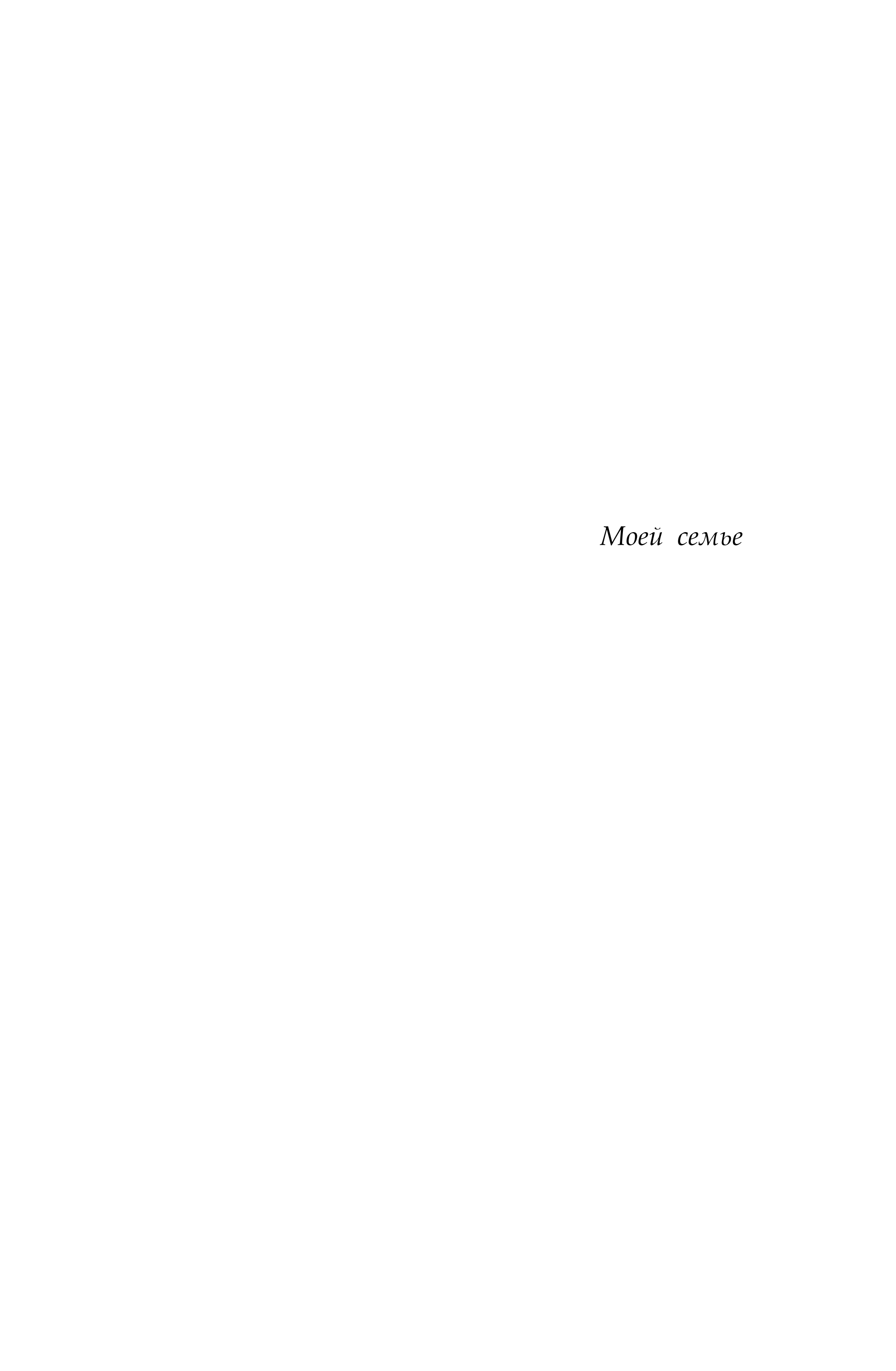
На первой сторонке переплета:
Общий вид консульства России в Урге в начале XX в.

Сизова А.А.

Консульская служба России в Монголии (1861–1917) / А.А. Сизова ; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2015. — 295 с.: илл. — (Китай: история и современность). — ISBN 978-5-02-036596-4

Монография является первым трудом, воссоздающим целостную картину формирования и функционирования сети консульских учреждений России в Монголии до 1917 г., их роли в защите интересов государства и русской диаспоры, регулировании и развитии политических, хозяйственных и социально-культурных связей России, Монголии и Китая. Исследование опирается на широкий круг источников, в первую очередь архивных, и способствует более точному определению уникального дипломатического вклада консульского института в реализацию дальневосточной политики Российской империи, обеспечение региональной безопасности и содействие развитию Монголии и ее сближению с Россией во второй половине XIX — начале XX в. Раскрываются новые страницы истории внешнеполитического ведомства России и истории «русского мира» в Азии.

ISBN 978-5-02-036596-4

Моей семье

Введение

Консульская служба России в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. являлась важнейшим органом координации российско-монгольско-китайских контактов. Ее опыт является частью истории международных политических, экономических и социально-культурных отношений в Северо-Восточной и Центральной Азии, русской диаспоры за рубежом, а также истории внешнеполитического ведомства России. Комплексный характер данной темы определяет ее актуальность для всех названных направлений истории.

Консулом называется должностное лицо, назначенное в качестве постоянного представителя в каком-либо городе или районе другого государства для защиты юридических и экономических интересов своего государства и его граждан. Консульское учреждение есть постоянный государственный орган внешних сношений, учреждаемый в иностранном государстве на основе договора между двумя государствами для выполнения консульских функций в каком-либо консульском округе[1].

В рамках Вестфальской модели международных отношений роль консульств в регулировании внешних контактов европейских государств существенно повысилась. Россия приступила к созданию консульской сети как института репрезентации государства за рубежом на заре XVIII в. К началу XX в. система консульских учреждений России достигла высокого уровня развития и, по словам известного дипломата барона А.А. Гейкинга, являлась «одним из богатств Рос-

[1] Дипломатический словарь. Т. II. Здесь и в дальнейшем в постраничных сносках приводится краткое название работ; полное библиографическое описание см. в Списке использованных источников и литературы.

сии»[2]. Учреждение консульств в Цинской империи во второй половине XIX — начале XX в. было обусловлено реструктуризацией региональных приоритетов внешней политики России и изменением структуры международной системы на Дальнем Востоке в результате «опиумных войн». В Китае первые российские консульства появились в 1851 г., а к 1917 г. консульская сеть в Китае и автономной Монголии насчитывала более 20 представительств, будучи одной из самых разветвленных в мире. Российский консульский институт в Китае был представлен учреждениями всех уровней — от генеральных консульств до нештатных вице-консульств — и действовал под началом посланника в Пекине (см. Прил. 1).

До настоящего времени деятельность дипломатических представительств России в Китае во второй половине XIX — начале XX в., в том числе значение данных учреждений для защиты интересов России и реализации ее дальневосточной политики, не подвергалась всестороннему анализу. Предметного рассмотрения не получила, в частности, и роль загранпредставительств в жизни русской колонии в Китае. В случае с Монголией, находившейся в изучаемый период под властью Китая, к указанным малоисследованным вопросам можно добавить региональную специфику работы консульств, их роль в развитии контактов с данной страной в один из самых турбулентных периодов истории Монголии — возрождения государственности последней, а также в ее социально-экономическом развитии.

В работе предпринята попытка комплексного анализа процесса формирования, принципов организации и функционирования, региональной специфики и различных сфер деятельности консульской службы Российской империи в Монголии в период с 1861 по 1917 г., роли консульских учреждений в обеспечении многосторонних национальных интересов России в данном регионе, развитии ее экономических, политических и социально-культурных связей с Монголией и Китаем, в распространении культурного влияния России в Монголии и изучении последней, а также сохранении равновесия в международных отношениях на Дальнем Востоке.

Изучение обозначенных вопросов важно для осмысления роли российского фактора в истории международных отношений в Восточной Азии и в истории Монголии, в частности в становлении политической субъектности последней. Опыт консульской службы России в Монголии, несомненно, должен учитываться при выработке современной поли-

[2] *Первенцев В.В.* Консул и внешняя торговля. С. 73.

тики России в отношении Монголии и Китая, требующей эффективных мер по консолидации соотечественников, созданию благоприятного образа российского государства, бизнеса, «русского мира» в целом.

Как отмечают исследователи, «новая Россия ослабила на первых порах внимание к Монголии», а Монголия «стала диверсифицировать свои международные контакты и завоевывать более заметное и самостоятельное место в системе мировых связей»[3]. Китай же за последние 20 лет существенно усилил свое влияние в этой стране, его экономическое преобладание в Монголии сегодня является бесспорным. Китайская Народная Республика — приоритетный торговый партнер Монголии, для граждан последней давно установлен безвизовый режим въезда в КНР, действует множество других взаимовыгодных договоренностей. Плодотворно развиваются контакты Монголии с другими странами Восточной Азии и прочих регионов мира. Стратегия же Российской Федерации в отношении Монголии представляется еще не до конца сформированной.

Взаимоотношения с Монголией имеют для России стратегическое значение как с военно-политической, так и с экономической (торговой, инвестиционной, энергетической), социально-культурной и других точек зрения. Есть основания полагать, что на фоне «поворота на Восток» в российской внешней политике и одновременно роста вовлеченности КНР в международные политические процессы в Восточной и Центральной Азии, увеличения объема инвестиций в развитие «малых» стран этих регионов значимость Монголии, как давнего и дружественного партнера, для России должна возрасти. С середины первого десятилетия 2000-х годов былые симпатии Монголии к России стали проявляться более явно, что было обусловлено помимо системных факторов общей активизацией действий России на восточноазиатском направлении в новых международных условиях.

В последние годы в российско-монгольских отношениях отмечается положительная динамика, подкрепляемая новыми договоренностями, конструктивным взаимодействием в новых международных форматах. Соглашения, заключенные на высшем уровне в ходе визита президента РФ В.В. Путина в Монголию в сентябре 2014 г., открывают для такого взаимодействия новые горизонты[4]. В частности, 3 сентября 2014 г. правительствами России и Монголии было подписано согла-

[3] *Яскина Г.С.* Россия и Монголия. С. 203.

[4] Россия и Монголия отменили визы // Российская газета. 03.09.2014. URL: http://www.rg.ru/2014/09/03/vizit-site.html

шение об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и Монголии, устанавливающее безвизовый режим въезда на срок не более 30 дней[5]. Данное соглашение вступило в силу 14 ноября 2014 г.[6]. Однако и в настоящее время трудно говорить о существовании у России специальной политики в отношении Монголии, о выработке особого модуса взаимоотношений со страной, на судьбу которой она исторически оказывала существенное влияние.

Специалисты подчеркивают, что важнейшим фактором оживления российско-монгольских связей должно стать приграничное межрегиональное сотрудничество, но в реальности его показатели остаются незначительными[7]. Особое внимание уделяется значению экономического фактора в сохранении российского влияния в Монголии. С 1990-х годов отмечалось ослабление позиций России на монгольском рынке, отсутствие серьезной поддержки российских коммерческих структур со стороны государства по продвижению на данный рынок. Экспертами высказывается мнение о том, что в новых международных условиях и при современной диверсификации Монголией внешнеэкономических связей Россия может укреплять свои позиции только за счет повышения своей конкурентоспособности[8].

В свете сказанного в настоящее время актуализируется роль государства и его ведомств в стимулировании развития российско-монгольских контактов — политических, экономических, культурных, научно-технических и пр., в повышении уровня доверия в отношениях двух стран. Это представляется важным в первую очередь с точки зрения обеспечения стратегических интересов России в сфере интеграции в экономику и политические процессы Северо-Восточной и Центральной Азии, для экономического и социального развития российских Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также в плане повышения престижа России на постсоветском пространстве и в мире[9].

Таким образом, в трудах современных исследователей, дипломатов, экспертов-практиков поднимаются вопросы активизации российско-

---

[5] О вступлении в силу российско-монгольского Соглашения об условиях взаимных поездок граждан // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/44257b100055e10444257d77005c879b!OpenDocument

[6] URL: http://www.mongolia.mid.ru/bezviz.html

[7] *Мещанинов М.Б.* Регионы России в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией. С. 154.

[8] Там же. С. 154–155.

[9] Треугольник Россия–Китай–США в АТР. С. 9.

монгольских отношений, укрепления российского влияния в Монголии, повышения роли государства и его институтов в развитии двусторонних связей, а также соотнесения целей и задач развития отношений России с Монголией и с Китаем, стратегическим партнером России. Многие из данных проблем по своему характеру сходны с существовавшими и обсуждавшимися во второй половине XIX — начале XX в. и рассматриваемыми в данной книге.

В изучаемый исторический период заграничные представительства играли особенно важную роль в развитии контактов России с Монголией вследствие непривлекательных условий для предпринимательской деятельности и малой емкости рынка в этой стране. Представляется, что этот фактор должен быть учтен в отношениях с Монголией в XXI в., особенно в условиях конкуренции за экономическое, политическое и культурно-духовное влияние в Монголии с Китаем, Японией, Южной Кореей, США и странами Европы. По мнению экспертов, и сегодня государство может способствовать созданию в Монголии привлекательного образа российской культуры, бизнеса и других аспектов жизни. Помимо государственных структур серьезную роль в стимулировании двустороннего экономического, социального, культурного, научно-технического обмена могут сыграть и институты «общественной дипломатии» (организации граждан, коммерческие компании и индивиды).

Роль российской традиционной и культурной дипломатии весьма велика и в жизни соотечественников, проживающих в Монголии. Несмотря на изменение географии расселения, сообщество россиян в этой стране по-прежнему довольно многочисленно[10]. Наряду с обеспечением законных интересов российских граждан в Монголии важны гуманитарные инициативы заграничных институтов России (государственных и негосударственных), мероприятия, направленные на сплочение проживающей в стране русской диаспоры, развитие информационного и образовательного пространства русскоговорящей части населения Монголии. Существенной задачей является и активизация всесторонней информационно-аналитической работы в помощь российскому бизнесу в Монголии и монгольскому в России, а также для углубления взаимопонимания по основным проблемам региональной и глобальной безопасности между народами двух стран.

В последние годы деятельность российской дипломатии на социально-гуманитарном и экономическом направлениях вышла на новый уро-

[10] *Михалев А.В.* Русские в постсоциалистической Монголии. С. 133–139.

вень. Роль консульского института в современных международных отношениях, в том числе российско-монгольских, повышается, и изучение опыта консулов-«первопроходцев» необходимо для практической работы дипломатов в Монголии на современном этапе. Существует мнение, что роль официальной дипломатии снижается вследствие развития новых информационно-коммуникационных технологий, появления новых форматов международного общения, роста числа акторов на мировой арене, перераспределения функций между институтами, вовлеченными в координацию международных контактов и других факторов. Однако есть множество подтверждений тому, что значение высокопрофессиональной дипломатической и консульской деятельности, особенно в странах Востока, напротив, лишь возрастает. Поскольку Россия имеет самый богатый опыт консульских сношений с Монголией, его анализ и систематизация могут представлять интерес не только для российских, но и для зарубежных специалистов. Так как российские консульства оказали серьезную поддержку Монголии в становлении ее государственных структур, в том числе внешнеполитических, исследование важно и для изучения истории дипломатической службы Монголии, которая в 2011 г. отметила свой 100-летний юбилей.

Консульские связи России всегда были весьма обширными. По данным на 2014 г., консульские учреждения России (включая консульские отделы посольств) функционировали в 148 странах мира[11]. В Монголии в 2014 г. действовали два консульства — в городах Дархан и Эрдэнэт и консульский отдел посольства Российской Федерации (в г. Улан-Батор). Со второй половины XX в. многие функции дипломатических и консульских работников, вне зависимости от места прохождения службы, были стандартизированы, однако некоторые региональные особенности дипломатической и консульской работы в таких самобытных странах, как Монголия и Китай, не утратили актуальности на протяжении полутора столетий. Изучение опыта работы консульских учреждений России по защите интересов государства и хозяйственной деятельности его подданных также требуется на фоне создания Россией, Монголией и Китаем на территориях друг друга как новых консульских учреждений[12], так и других институтов, выполняющих функции сбора информации, содействия в поиске деловых партнеров,

---

[11] Консульские учреждения / Представительства России за рубежом. URL: http://www.mid.ru/bdomp/zu_r.nsf/straconsweb!OpenView

[12] 6 июня 2008 г. состоялось открытие (возобновление работы после закрытия в 1962 г.) генерального консульства России в г. Гуанчжоу (см.: О церемонии открытия Генерального консульства Российской Федерации в Гуанчжоу. URL: http://www.mid.ru).

проводника культурной дипломатии (например, представительств отдельных регионов)[13].

Исследование деятельности консульств России в Монголии во второй половине XIX — начале XX в., безусловно, значимо и для освещения неизученных ярких страниц истории российского ведомства внешних сношений и знакомства с именами многочисленных дипломатов, внесших вклад в укрепление позиций России на Дальнем Востоке. Не менее полезным данное исследование представляется и с точки зрения выявления неизвестных ранее сведений о жизни и деятельности российских колоний, институтов государственной власти и православной церкви за рубежом на фоне актуализации проблемы сохранения «русского мира», русского культурного наследия, памяти о воинской, дипломатической славе Российского государства и международных событиях, на ход которых Россия оказала существенное влияние.

Хронологические рамки исследования ограничены второй половиной XIX — началом XX в. Началом периода служит 1861 г. — год основания первого российского консульства в Монголии в г. Урга. Временной отрезок заканчивается с выходом приказа НКИД от 16(29) ноября 1917 г. об увольнении чиновников МИДа, отказавшихся сотрудничать с советской властью. Несмотря на то что подавляющее число дипломатических представительств функционировали еще в течение нескольких лет, взаимодействуя с белогвардейскими правительствами, и были признаны иностранными державами, внешнеполитическое ведомство Российской империи и система его заграничных представительств прекратили существование.

В территориальном отношении исследование охватывает пространство современной Монголии[14], Алтайского округа Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, Республики Тыва, входивших в изучаемый период в состав Монголии (Алтайский округ — до 1913 г., территория Тывы — до 1914 г.), которое в самом Китае именовалось «Внешняя Монголия». В исторической литературе, посвященной рассматриваемому периоду, встречаются как минимум два варианта трактовки понятия «Внешняя Монголия»:

---

[13] Улан-батор — Иркутск: меридиан сотрудничества // МОНЦАМЭ. Обзор монгольской прессы. № 33. 01.12.07. URL: http://owasia.ru/search_details+M5414b0c122a.html?&tx_ttnews[swords]=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB

[14] По результатам плебисцита в октябре 1945 г. Монголия стала самостоятельным государством. Китай признал ее независимость в январе 1946 г.

— как территории, совпадающей с Халхой — исторической областью Монголии, находившейся к северу от пустыни Гоби (традиция такого понимания введена маньчжурами в середине XVII в.). В конце XVII в., в результате борьбы против объединения Халхи под властью ойратского Галдан-Бошокту-хана, халхаские ханы обратились к цинскому императору Канси с просьбой принять их владения в состав маньчжурской империи. Внешняя Монголия стала частью Цинской империи в 1691 г., в то время как Внутренняя (Южная) Монголия вошла в состав последней еще в 1636 г. (современный автономный район Внутренняя Монголия в КНР). В период маньчжурского правления Халха была разделена на четыре аймака: Дзасакту-ханский (Дзасагту-ханский, Цзасакту-ханский) — на западе Халхи, Тушэту-ханский — в центре Халхи, Цэцэн-ханский (Сэцэн-ханский) — на востоке Халхи и Сайн-нойон-ханский (Сайн-ноин-ханский) — в центре Халхи (последний был выделен в 1725 г. из западной части Тушэту-ханского аймака). Иногда в составе Дзасакту-ханского аймака выделяют Хубсугульский округ (Прикосоголье) — территорию, частично совпадающую с современным Хубсугульским аймаком;

— как территории современной Монголии, которая включала Халху, состоявшую из четырех упомянутых аймаков, и Северо-Западную Монголию. Несмотря на то что регионы были присоединены к Цинской империи в разное время, все они населялись монгольскими племенами и уже в начале 1760-х годов были связаны единой системой управления (в 1762 г. император Цяньлун назначил своего наместника-амбаня в Ургу, главный политический и культурно-религиозный центр страны, и двух амбаней-соправителей в Улясутай и Кобдо), а также подчинялись духовной власти ургинского хутухты. Таким образом, с 1760-х годов толкование понятия «Внешняя Монголия» расширилось вследствие присоединения к Халхе ряда территорий павшей Джунгарии. Присоединенный Кобдоский округ примыкал на севере к Томской губернии, на западе — к кочевьям киргизов Семипалатинской области. В 1911 г. идентификация Халхи и Северо-Западной Монголии как единой страны подтвердилась в консолидированном выступлении монголов данных регионов против китайского владычества во имя создания единого монгольского государства. 1 декабря 1911 г. Монголия декларировала независимость, но по Кяхтинскому соглашению от 25 мая 1915 г. получила статус автономии, ликвидированный Китаем в 1919 г. В 1924 г.

бывшая «Внешняя Монголия» провозгласила Монгольскую Народную Республику. В дореволюционной литературе было принято разделение Внешней Монголии на три округа: на востоке — Ургинский, в центре — Улясутайский, на западе — Кобдоский. В 1907 г. из части Кобдоского округа Пекином образован новый пограничный округ в Монгольском Алтае (Алтайский округ) с центром в Шара-Сумэ (Чэнхуа)[15]. С 1913 г. он вышел из состава Монголии и получил особый статус. Урянхайский край (Танну-Урянхай, современная Тыва), номинально состоявший под властью главы Улясутайского округа — цзянцзюня, в июле 1914 г. был принят под протекторат России.

В большинстве отечественных и зарубежных трудов по истории Монголии термин «Внешняя Монголия» употребляется во второй (расширительной) интерпретации, обозначая территорию Монголии в период с начала 1760-х годов до создания Народного правительства в 1921 г. Он нередко используется как синоним понятия «Монголия», реже — «Северная Монголия» (в основном в географическом смысле). В китайской и тайваньской литературе «外蒙古» («Вай Мэнгу» — «Внешняя Монголия») до сих пор применяется к современной Монголии. В данной работе термин употребляется во второй трактовке. В некоторых трудах и документах Внешняя Монголия (Халха и Северо-Западная Монголия) именуется «Халхой». Понятие «Халха» в данной работе употребляется в значении исторической области Монголии. Также географические рамки исследования включают сопредельные с указанными регионами территории Российской империи — юг Томской, Иркутской, Енисейской губерний, Забайкальскую, Амурскую области, а также восточную часть Восточно-Казахстанской области современной Республики Казахстан (см. Прил. 2).

В настоящей работе использован комплексный теоретический подход, выбор которого предопределен междисциплинарным характером исследуемого предмета. Основой подхода являются взгляды школы политического реализма, которые наиболее релевантны для исследования роли консульств как институтов и защитников интересов государства. Такой подход базируется на трактовке международных контактов, характерной для периода Венской системы, как отношений между государствами, действия которых определяются «жизненными

[15] Строительство административного центра началось уже в 1905 г.

интересами» (выраженными в терминах силы)[16], первостепенный из которых — обеспечение безопасности.

Теория «многофакторного равновесия», разработанная А.Д. Воскресенским применительно к российско-китайским контактам Нового времени[17], обогащает методологическую основу исследования. Ее положение о складывании в отношениях России и Китая конца XIX в. особой модели «равновесия» помогает понять целеполагание, концептуальный базис и принципы деятельности дипломатической службы России в Монголии в области взаимодействия с китайской администрацией. Применимой для исследования является и концепция А.Д. Воскресенского о формировании «буферных зон» в приграничных регионах Российской и Цинской империй (Синьцзян, Монголия, Урянхайский край, Маньчжурия, Сибирь и Дальний Восток). Данные зоны характеризовались подвижными границами, и соотношение государственных и общественных компонентов национальных интересов в их рамках отличалось изменчивостью. Для поддержания «равновесия» в российско-китайских отношениях на пространстве таких отдаленных от Пекина и Петербурга «зон», как Монголия и Сибирь, обладавших нехарактерными для Внутреннего Китая и европейской России системами управления, специфической политической и хозяйственной культурой, пограничным властям обоих государств, как и заграничным представительствам России в Монголии, делегировались расширенные полномочия.

В объяснении роли консульств как носителей русской культуры и проводников христианской цивилизации во взаимодействии на территории Монголии с представителями буддийского, конфуцианского и мусульманского (в Западной Монголии) миров можно применить ряд концепций в рамках цивилизационного подхода[18] (как в культурной интерпретации А. Тойнби, так и с позиций теории «мир-экономик» Ф. Броделя)[19]. В соответствии с этим подходом цивилизации свойственна склонность к трансляции своих ценностей и жизненного уклада.

---

[16] *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations. P. 4–5.

[17] *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. С. 393–426.

[18] Под «цивилизациями» в данном случае понимаются целостные социальные и культурные суперсистемы, не совпадающие ни с нациями, ни с государствами, ни с отдельными социальными группами, выходящие за пределы географических и расовых границ, но определяющие характер более мелких социальных образований (*Гуревич П.С.* Культурология. С. 54).

[19] *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. С. 182; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация. С. 15–16.

Таким образом, императорская консульская служба в Монголии может рассматриваться как институционализированный проводник влияния православной христианской цивилизации на соседние цивилизационные общности. Консульства содействовали развитию культурно-духовной и бытовой инфраструктуры российской колонии, став неким «форпостом» русской культуры в Монголии и ее распространения среди местного населения. В общении с местными властями и населением сотрудники консульств транслировали ценности и обычаи, принятые в российском обществе, управленческие и бытовые практики, экономическую и политическую культуру, стимулировали межкультурный диалог. Сотрудники консульств также способствовали изучению Монголии и Китая. При этом формы и методы культурного воздействия на Монголию со стороны России выгодно отличались от таковых со стороны Китая толерантностью, открытостью, гуманизмом, что предопределило большее взаимопонимание русских и монголов и принесло России политические выгоды.

Еще одной составляющей комплексного подхода является мир-системная теория[20], которая помогает раскрыть сущность российских консульств в Монголии как координаторов российско-монгольско-китайского экономического взаимодействия. Поскольку основными участниками контактов с Монголией были выходцы из Сибири (купцы, приказчики сибирских отделений московских фирм, казаки, военные, паломники), то правомерно говорить и об особом — региональном — уровне взаимодействия России и Китая. На этом уровне встречались «периферии» двух империй — Сибирь и Монголия, сходные по географическим, экономическим и, в определенном смысле, культурным условиям и в ходе регулярных взаимодействий с XVII в. образовавшие некую «зону сближения»[21]. Данная теория помогает понять вклад консульств в организацию контактов России, Монголии и Китая и совершенствование их механизмов с учетом региональной специфики, в содействие развитию межрегионального сотрудничества в системе хозяйственных связей этих стран в изучаемый период.

Комплексный анализ позволяет рассмотреть работу российского консульского института в Монголии во всем ее разнообразии, как

---

[20] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем; *Jackson R., Sorensen G.* Introduction to International Relations. P. 186–187.

[21] Особый хозяйственно-культурный социум, сложившийся в результате такого сближения, А.В. Старцев называет «зоной конвергенции» (*Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 9).

элемента системы заграничной дипломатической службы в Китае, обладавшего своей спецификой по сравнению с другими региональными элементами, но действовавшего в соответствии с едиными принципами функционирования данной системы.

Считаю важным обратить внимание читателя на то, что в предлагаемом его вниманию исследовании в научный оборот вводится комплекс неопубликованных архивных источников по истории российской внешней политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в., по истории «монгольского вопроса», российского МИДа и русской диаспоры за рубежом. Впервые в историографии систематизированы наиболее полные данные по штатам консульств России в Монголии. Практическим результатом работы также стало составление карт-схем, иллюстрирующих развитие консульской сети России в Монголии и Китае в изучаемый период, в том числе изменение границ консульских округов.

В заключение хочу выразить благодарность сотрудникам Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока Российской академии наук, а также лично доктору исторических наук, профессору Сергею Геннадьевичу Лузянину (Институт Дальнего Востока РАН), доктору исторических наук Наталье Леонидовне Мамаевой (Институт Дальнего Востока РАН), доктору исторических наук Александру Владимировичу Старцеву (Алтайский государственный университет), кандидату исторических наук Александру Николаевичу Хохлову (Институт востоковедения РАН) за содействие в осуществлении научного поиска, ценные рекомендации и поддержку в ходе проведения данного исследования и подготовки его результатов к публикации.

ГЛАВА 1

Историография и источники

Историография проблемы

Отдельные сюжеты истории отечественной консульской службы в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. нашли отражение в работах по истории взаимоотношений России, Монголии и Китая, российской внешней политики и дипломатической службы.

Дореволюционные российские труды, в которых содержатся упоминания о деятельности российских дипломатов в Монголии, в силу их характера могут быть отнесены как к литературе, так и к источникам. До 1906 г. (формально до 1909 г.) в Монголии имелось лишь одно консульство России — в г. Урга. До окончания Русско-японской войны основной объем его работы составляло разрешение вопросов, связанных с регулированием торговых отношений, поэтому в литературе этого периода превалировал торгово-экономический дискурс деятельности консульского института в Монголии.

После заключения Пекинского договора 2(14) ноября 1860 г. началось систематическое изучение Монголии российскими учеными, доставившими значительный объем страноведческих (естественно-научных, этнографических, топографических и т.д.) сведений о земле номадов, а также о торговой деятельности русских в Монголии, Урянхайском крае, Китае. Эти работы, созданные в 1860–1890-е годы, чрезвычайно важны для изучения природных, социальных, культурных, политико-экономических условий, в которых протекали жизнь

и деятельность пионеров российской торговли и официального представительства России[1].

Информация о состоянии коммерческих операций русских в Урге, Западной Монголии, Сойотии и Китае, о торговых путях (через Кяхту, Минусинск, Чуйском тракте и т.д.), средствах сообщения с этими регионами, перспективных сферах приложения капитала содержалась в публикациях востоковедов, чиновников и самих предпринимателей (особенно сибирских)[2]. В отдельных изданиях встречались упоминания о мерах, предпринятых консулом в Урге Я.П. Шишмаревым, или его предложениях по улучшению условий торговли России с Монголией.

Наибольший объем сведений о Монголии, ее общественном строе и системе хозяйства, культурной и религиозной специфике, системе управления в этот период был собран, систематизирован и проанализирован известными путешественниками и монголоведами Г.Н. Потаниным[3] и А.М. Позднеевым[4]. В фундаментальном труде «Монголия и монголы», ставшем результатом экспедиции, организованной на средства МИДа в 1892–1893 гг., и главным российским сочинением о монгольском мире в XIX в., А.М. Позднеев дал первое относительно подробное описание внешнего вида консульства, русской колонии, кладбища в Урге. Он также сделал краткий экскурс в историю взаимоотношений первых консулов с маньчжурскими властями и ламаистским духовенством, на основе которого можно выявить характер и приемы, которыми пользовались российские дипломаты для достижения взаимопонимания с местными элитами[5].

---

[1] См., например: *Принтц А.* Торговля русских с китайцами на р. Чуе и поездка в г. Хобдо; *Радлов В.* Торговые сношения России с Западной Монголией; *Пясецкий П.Я.* Путешествие в Китай в 1874–1875 гг.; *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи; *Певцов М.В.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая; *Ладыгин В.Ф.* Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии.

[2] *Крит Н.К.* Заметка о торговых путях из Китая в Россию через Азиатскую границу; *И.Н. (Носков И.).* О русской торговле с Китаем; *Васенев А.* От Кобдо до Чугучака. Маршрут купеческого каравана; *он же.* От Кобдо до Ланьчжоу-фу; *Ба-ов Г.* Чуйский торговый путь в Монголию; *Чмелев Н.* К вопросу о нашей взаимной торговле в Монголии и Китае по Чуйскому тракту.

[3] *Потанин Г.* От Кош-Агача до Бийска; *он же.* Очерки Северо-Западной Монголии; *он же.* Путешествия по Монголии; *он же.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия.

[4] *Позднеев А.* Города Северной Монголии; *он же.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии.

[5] *Позднеев А.М.* Монголия и монголы.

С конца 1890-х годов, по мере роста значения Монголии как транзитной территории, рынка сбыта и источника сырья для российского капитала, проблемы российско-монгольской торговли привлекали все большее внимание исследователей. Многие из них использовали статистические сведения консульств, комментарии дипломатов по вопросам двусторонней торговли, в частности обустройства транспортных путей в Халху и Западную Монголию, улучшения условий быта и деятельности предпринимателей, создания в стране кредитно-финансовых учреждений[6]. Исследовались проблемы политики Китая в Монголии[7].

В связи с активизацией колониального раздела Китая с середины XIX в. возрастал интерес отечественных интеллектуалов к исследованию различных вопросов международно-политических отношений на Дальнем Востоке. В 1890-е годы в государственных и научных кругах сформировалось представление о Монголии как о «буферной зоне» между Россией и Китаем на случай военного столкновения в регионе. В связи с этим на рубеже XIX–XX вв. внимание было обращено и на политико-дипломатическую ипостась консульской службы в Монголии. Идеологами распространения российского политико-экономического и культурного влияния на зарубежные территории буддийского ареала были, в частности, П.А. Бадмаев и Э.Э. Ухтомский[8], которые возлагали большие надежды на дипломатов и военных для реализации этой задачи. В 1906 г. вышла книга консула в Западном Китае Н.В. Богоявленского, ставшая первым трудом, знакомящим с повседневной деятельностью консульств (в первую очередь административной и судебной) и устройством российских факторий в Застенном Китае[9].

С середины первого десятилетия 1900-х годов принципиальное изменение стратегической обстановки на Дальнем Востоке катализировало рост интереса к проблемам политики России в регионе. Еще

[6] *Коваленко С.А.* По поводу торговли бийских купцов с китайцами; *Штейнфельд Н.* Русская торговля в Монголии; *Свечников А.* Русская торговля в северо-западной Монголии; *Маньковский В.* Исторический очерк развития торговых сношений с Китаем по Чуйскому тракту; *Гурьев Б.* Русская торговля в Западной Монголии; *Омельченко Е.И.* Русская торговля с Монголией в районе Южно-Сибирской магистрали; Краткая записка о Кяхтинской железной дороге.

[7] *Болобан А.П.* Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии; *он же.* Северо-Восточная Монголия и ее хлеба; *Фрозе Б.* Восточная Монголия и ее колонизация.

[8] *Ухтомский Э.* Англо-японские виды на Китай; *Бадмаев П.А.* Россия и Китай.

[9] *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай.

более высокую динамику он приобрел в связи с кризисом российской торговли в Монголии в конце этого десятилетия и активизацией в стране китайского, японского и европейского капитала. Российская общественность критиковала правительство и консульства за «бездействие», упущение реальных коммерческих выгод, ориентацию исключительно на политическое закрепление в стране. Поскольку до 1912 г. консулы были единственными представителями России в Монголии, они неизбежно становились объектами недовольства как по поводу своих собственных действий, так и в общем контексте критики линии правительства, несовершенства российской бюрократии и т.д.[10].

В 1910 г. в Монголию были направлены две научно-торговые экспедиции — московская (под руководством В.Л. Попова)[11] и томская (под руководством М.И. Боголепова и М.Н. Соболева)[12], собравшие обширный материал для обстоятельного научного анализа экономической деятельности России в Монголии, проблем ее обслуживания и путей их преодоления. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, разделяя взгляды экономического либерализма, объясняли упадок торговли в Монголии не только субъективными (ориентированность предпринимателей лишь на частную выгоду, просчеты политики правительства), но и объективными причинами («колониальное» положение Сибири в составе России, неспособность российской промышленной продукции конкурировать с китайской и европейской и т.д.).

«Очерки» томской экспедиции 1910 г. можно считать первой научной работой, предметно анализирующей практику консульской службы в Монголии (консульский суд, взыскание долгов, информационно-статистическую работу), ее проблемы и возможности содействия распространению экономического и культурного влияния России в Монголии. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев подвергли всесторонней критике организацию консульской защиты торговли в Монголии, отметив убогость быта учреждений, их малочисленность, скованность инициативы бюрократией, плохую информированность и т.д. Препятствием в деле защиты торговых интересов России, с точки зрения ученых, был и недостаток у дипломатов экономических и юридических знаний: «...Быть может, консулы и очень удачно справляются со своими дипломатическими задачами. Но в области экономической политики они легко могут оказаться бессильными, потому что лишены

[10] *Ломакина И.* Великий беглец. С. 105–107.
[11] Московская торговая экспедиция в Монголию.
[12] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли.

серьезной подготовки для этого дела»[13]. При существовавших условиях консульской службы в Монголии, по мнению руководителей экспедиции, «...консулу довольно трудно быть полезным для русских даже при добром желании»[14].

Обширная и разноплановая по политической и идеологической ориентации авторов литература, созданная в период освободительного движения в Монголии (1911–1915), также внесла определенный вклад в разработку темы. В условиях вакуума политико-экономического влияния в Монголии после изгнания из страны маньчжуров российская общественность активно обсуждала пути развития страны и роль России в ее политической судьбе[15].

Крайне «правые» политики и военные считали для России стратегически выгодным установить над Монголией протекторат или аннексировать ее, скептически относясь к возможности конструктивного диалога с Китаем о судьбе его бывшего вассала (А.Н. Куропаткин, А.П. Беннигсен, Ю. Кушелев, В.В. Томилин)[16]. С этих позиций российские консульства рассматривались как форпосты политико-экономического влияния России в Монголии, поэтому их усилия по охране российских интересов оценивались как недостаточные. Так, А.П. Беннигсен констатировал «полное отсутствие защиты русских интересов представителями нашей дипломатии»[17]. Колониальный, но не захватнический подход (с акцентом на экономическое преобладание) разделяли ряд предпринимателей, ученых, публицистов (А.Н. Аркадий-Петров, В.И. Денисов, А.И. Лепарский и др.) [18]. В первую очередь они обращали внимание на значение Монголии для России как рынка сырья и утверждали, что роль российской дипломатии в деле сближения с Монголией не должна ограничиваться заключением договоров, необходимы шаги по созданию конкретных инфраструктурных проектов.

---

[13] Там же. С. 394.

[14] Там же. С. 400.

[15] См.: *Гурьев Б.* Политические отношения России и Монголии; *Котвич В.Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии и др.

[16] *Беннигсен А.П.* Несколько данных о современной Монголии; *Кушелев Ю.* Монголия и монгольский вопрос; *Томилин В.* Монголия и ее современное значение для России.

[17] *Беннигсен А.П.* Несколько данных… С. 20.

[18] *Денисов В.И.* Русский экспорт; *он же.* Россия на Дальнем Востоке; *Петров А.* Русские интересы на Дальнем Востоке; *он же.* Монголия как мировой мясной резерв; *Калинский Б.С.* Монголия (интервью с А.Н. Петровым); *Лепарский А.И.* Монголия и мясо-продовольственное дело в России; Монголия как резерв продуктового скотоводства (беседа с А.И. Лепарским).

Либеральный взгляд на «монгольскую проблему» разделяло большинство купцов-«монголистов», одобрявших прагматическую позицию министра иностранных дел С.Д. Сазонова, утверждавшего, что, несмотря на неготовность кочевой страны к независимости, необходимо поощрять стремление монголов к преодолению средневековой отсталости. В поддержке эмансипации Монголии, интеграции ее в мировое хозяйство сибирские коммерсанты видели практические выгоды. Они призывали правительство воздействовать на фабрикантов для борьбы с их «индифферентностью» к «общегосударственным интересам», инвестировать в создание социальной, транспортной, финансовой инфраструктуры в Монголии[19]. Соответственно, предлагалось усовершенствовать и консульскую политику в Монголии, которая «в ее настоящей структуре не всегда отвечает требованиям наших торговых интересов»[20]. Эти меры должны были способствовать развитию отечественного предпринимательства и реализации цивилизаторской миссии России в Монголии. Близких позиций придерживалась демократическая интеллигенция (ряд ученых-востоковедов, путешественников, врачей, учителей)[21]. Приоритетными задачами и условиями укрепления влияния России в Монголии они считали приобщение кочевников к европейской культуре и повышение их образовательного уровня, чему должны были содействовать как государственные органы, так и предприниматели[22].

За полную независимость Монголии агитировали политики-социалисты. Они считали, что деятельность императорских консульств как агентов «буржуазной» дипломатии (основой которой, по мнению В.И. Ленина, были «финансовые операции, сводящиеся к ограблению и удушению слабых народностей»[23]) только препятствовала национальному освобождению монголов.

Большинство участников дискуссий начала XX в., вне зависимости от их политических взглядов (за исключением большевиков, отвергавших само существование буржуазного государства), указывали на недостатки в защите торгово-экономических интересов государства

---

[19] *Васенев А.Д.* Русские задачи в Монголии; *Першин Д.П.* Современная Монголия.

[20] *Васенев А.Д.* Русские задачи… С. 173.

[21] *Потанин Г.Н.* Русские в Монголии; *Клеменц Д.А.* Письма с дороги; *он же.* Об укреплении русского влияния в Монголии; *Свечников А.* Русские в Монголии; *Котвич В.Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии и др.

[22] *Свечников А.* Русские в Монголии. С. 28.

[23] *Ленин В.И.* Речь в защиту резолюции о войне (27 апреля) 10 мая. Протокольная запись. Т. 31. С. 390.

в Монголии, и в частности в работе консульств. При этом консульские учреждения априорно рассматривались лишь в качестве институтов МИДа, зависимых от его прямых инструкций.

С 1912 г. возросло количество исследований Монголии как сферы «особых интересов» России, в первую очередь изучался ее экономический потенциал[24]. Члены Российской экспортной палаты отмечали важность помощи правительства в создании транспортной, почтово-телеграфной и ссудо-сберегательной инфраструктуры, упрощения формальностей таможенного, санитарного контроля, организации товарных складов, содействия созданию российских акционерных обществ в Монголии[25]. После подписания российско-китайской декларации осенью 1913 г. в научно-публицистических изданиях широко освещалась тема падения популярности русских в Монголии[26]. Наиболее информативными в этом отношении (невзирая на обилие оценочных суждений) являются очерки М.И. Воллосовича[27].

В конце XIX — начале XX в. в России увеличилось количество трудов, посвященных истории и теоретическим вопросам консульской службы. На фоне интенсификации международных контактов отечественный консульский институт, наряду с мировым, переживал кризис и все чаще подвергался критике деловых и государственных кругов. В рамках дискуссий о будущем консульской службы переосмыслялась сама ее суть, предпринимались попытки разрешить проблему ее амбивалентности, т.е. одновременного функционирования в параллельных плоскостях — дипломатической и коммерческой[28]. Указывая на необходимость реформы консульской службы, в декабре 1893 г. министр финансов С.Ю. Витте отмечал: «…Существующая постановка консульского дела в той части, которая касается торговли и промышленности, не удовлетворяет даже самым снисходительным требованиям»[29]. Реформирование должно было иметь целью выра-

---

[24] *Степанов С.Ф.* Монголия (общий очерк); *Бобрик П.А.* Монголия: Очерк торгово-промышленного и административного быта; *Имшенецкий Б.И.* Монголия.

[25] *Петров А.Н.* Русско-монгольский торговый договор.

[26] *С.Ж.* Монголия (о лекции профессора Б.П. Вейнберга); *С.Л.* Письмо из Монголии.

[27] *Воллосович М.* Россия и Монголия; *он же.* У соседей; *он же.* Письма из Монголии.

[28] См.: *Вейнер А.П.* Консулы в христианских государствах; *Боткин П.С.* К вопросу о преобразованиях в Министерстве иностранных дел; *Гейкинг А.А.* Консульская служба России и в других странах; *Грасс А.* О российских консулах; Консульская служба и торговые агенты; *Берендтс Э.Н.* Соображения о срочной необходимости переработать заново Российский устав консульский; *Рапопорт С.И.* О коммерческой службе в иностранных государствах.

[29] Цит. по: *Первенцев В.В.* Консул и внешняя торговля. С. 75.

ботку оптимального механизма защиты внешнеполитических и экономических интересов России, при этом исключающего трансформацию консульств в торговые агентства. С 1909 г. и до начала Первой мировой войны подготовкой реорганизации консульской службы России занималась специальная комиссия[30].

Объектом повышенного внимания исследователей было несовершенство консульского судебного института, для которого в дореволюционной России так и не был создан устав. Наиболее подробно история и перспективы преобразования консульского суда (но лишь в «христианских» и «мусульманских» странах) рассмотрены в трудах профессора Ф.Ф. Мартенса[31]. Дискуссии о путях реформирования консульского института актуализировали потребность в изучении истории дипломатической службы России. Исторические корни консульской службы России, в том числе в Цинской империи, исследовал В.А. Уляницкий[32].

Таким образом, в отечественной литературе до 1917 г. проблемы консульской службы России в Монголии рассматривались преимущественно в контексте анализа торгово-экономической политики правительства России, и как следствие, изучению подлежали лишь отдельные аспекты деятельности консульств, имевшие отношение к российско-монгольским экономическим связям.

Советская историческая наука тоже не выделяла деятельность дипломатических учреждений России в Монголии до 1917 г. в отдельную тему, поскольку это не представлялось актуальным и было периферийным с точки зрения тематических приоритетов исторических исследований. В 1920–1980-х годах о российских консульствах в Монголии как институтах координации международных взаимодействий упоминалось в трудах по истории Монголии и национально-освободительной борьбы монгольского народа[33], российско-монгольских и российско-китайских политических и хозяйственных контактов[34], внешней

[30] *Ильин Ю.Д.* Основные тенденции в развитии консульского права. С. 20–21.

[31] *Мартенс Ф.* О консулах и консульской юрисдикции на Востоке.

[32] *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границею в XVIII веке.

[33] См.: *Калинников А.* Национально-революционное движение в Монголии; История Бурят-Монгольской АССР; История Монгольской Народной Республики; *Златкин И.Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии; *Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии; *Попова Л.П.* Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии».

[34] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Россия и Монголия; *Зайцев М.В.* Краткий очерк о Монголии; *Черных А.В.* Торговые связи Монголии и Восточной Сибири; *Н.К.* Исторический очерк торговли; *Бурдуков А.В.* Сибирь и Монголия; *Сладковский М.И.* Очерки торгово-экономических отношений; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Из истории русско-монгольской торговли в начале XX века; *он же.* Русско-монгольские торгово-экономические связи в

политики России в отношении Китая и Монголии в XIX — начале XX в.[35]. Для авторов этих работ консульства не представляли самостоятельного интереса и были важны только как агенты российского государства и источники статистической информации. Некоторые сведения о действиях консулов по защите экономических интересов России в Монголии содержатся в трудах И.М. Майского[36]. В 1960–1980-х годах отдельные аспекты участия консулов в регулировании экономических отношений России и Монголии в XIX — начале XX в. затронули Е.М. Даревская[37], А.Н. Хохлов[38], Ш.Б. Чимитдоржиев[39].

Очевиден выбор теоретического подхода, через призму которого в указанный период рассматривалась деятельность дипломатов в Монголии. В соответствии с логикой основополагающей для советской науки теоретической работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» чиновники МИДа на Востоке до 1917 г. играли роль агентов колониализма и империалистической экспансии[40]. Вследствие этого считалось, что деятельность консулов в Монголии была направлена на защиту интересов буржуазии, эксплуатировавшей местный рынок, чиновники и капиталисты не привносили в жизнь страны конструктивных начал, а признаваемое учеными прогрессивное влияние России на общественно-экономическое развитие Монголии было оказано исключительно благодаря дружественным «народным массам». Попытку применить альтернативный подход к изучению деятельности русских в Монголии предпринял Г.Е. Грумм-Гржимайло[41]. Он пришел к выводу, что российские капиталисты

конце XIX в.; *Единархова Н.Е.* Торгово-экономические связи России с Китаем; *Лузянин С.Г.* Русско-монгольские отношения; *он же.* Русско-монгольские торгово-экономические отношения в 1911–1917 гг.; *Мясников В.С., Шепелева Н.В.* Империя Цин и Россия; *они же.* Китай и Монголия; *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке.

[35] *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав; История дипломатии; *Тихвинский С.Л.* Маньчжурское владычество в Китае; *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма.

[36] *Майский И.М.* Современная Монголия; *он же.* Монголия накануне революции; *он же.* Через 600 лет.

[37] *Даревская Е.М.* Русско-монгольские экономические и культурные связи; *она же.* Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии.

[38] *Хохлов А.Н.* Кяхтинская торговля и причины ее упадка; *он же.* Российские купцы в Китае 60–80-х гг. XIX.; *он же.* Торговля — приоритетное направление политики России.

[39] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия.

[40] *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Т. 27. С. 299–426.

[41] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3.

и дипломаты не стремились трансформировать хозяйственную и социальную практику монголов, а наоборот, адаптировались к условиям традиционного общества, одновременно оказав на его развитие прогрессивное воздействие.

В 1990-х — первом десятилетии 2000-х годов принятие на вооружение новых теоретических подходов, введение в оборот большого объема архивных данных обогатили исследования отношений России с Монголией и Китаем до 1917 г. Многие проблемы взаимодействия России со странами Восточной и Центральной Азии, прежде считавшиеся хорошо изученными, были рассмотрены с более объективных позиций[42]. Освещение получили новые аспекты этих проблем. В частности, всесторонне изучено российско-монгольско-китайское взаимодействие по проблеме обретения Монголией государственности[43], в том числе «урянхайский вопрос»[44]. Глубокую исследовательскую проработку получили вопросы экономических и культурных связей России и Монголии во второй половине XIX — начале XX в., их инфраструктура, особенности государственного регулирования, региональная специфика[45]. Развиваются исследования историографии Монголии и ее отношений с Россией и Китаем[46], а также библиографи-

[42] *Воскресенский А.Д.* «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор; *он же*. Эволюция международных отношений в АТР; *он же.* Китай и Россия в Евразии; *Единархова Н.Е.* Сибирь и проблема пересмотра русско-китайского договора 1881 г.; *Дацышен В.Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в.; *он же.* Очерки истории российско-китайской границы; *Лиштованный Е.И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии; *он же.* От Великой империи к демократии; История внешней политики России; *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX в.: граница; *он же.* История взаимоотношений России и Китая. Кн. I; История Монголии. XX век.

[43] *Кузьмин Ю.В.* Позиция демократической интеллигенции России в «Монгольском вопросе»; *он же.* Русско-монгольские отношения; *Лузянин С.Г.* Россия–Монголия–Китай; *он же.* Проблема возрождения Монгольского государства; *Гурбадам Ц., Бат-Очир Р.* Размышления об идее панмонголизма; *Гунтупов А.В.* Формирование идеологии Великого Монгольского государства; *Манханова А.С.* Становление монгольской государственности.

[44] *Белов Е.А.* Проблема Урянхайского края; *Кузьмин Ю.В.* Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений.

[45] *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии; *Старцев А.В.* Торговля предпринимателей Алтая с Монголией и Китаем; *он же.* Русская торговля в Монголии; *он же.* Русские предприниматели в Монголии; *он же.* Российско-монгольские торгово-экономические отношения; *Семенов С.А.* Предпосылки согласованной кластерной политики; *Мещанинов М.Б.* Регионы России.

[46] *Дугаров В.Д.* Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв.; *Гусева И.А.* Отечественная историография российско-монгольских отношений; *Задваев Б.С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей; *Старцев А.В., Старцева А.А.* «Монгольский вопрос» начала XX в.

ческие исследования работ по данным вопросам[47]. Интерес ученых привлек многоплановый «русский мир» в Монголии и Китае XIX — первой четверти XX в., деятельность отдельных групп российских подданных (предпринимателей, врачей, деятелей культуры и др.), организаций и институтов[48]. Особым предметом исследования стала работа разведок великих держав в приграничных районах Китая[49]. В некоторых из упомянутых работ содержатся отрывочные данные о российских консульствах в Монголии.

В последние годы появился ряд публикаций, посвященных отдельным сюжетам истории дипломатических представительств России в регионах Китая[50]. Неизвестные страницы подготовки кадров для заграничной службы дореволюционной России в Китае и Монголии открывают статьи А.Н. Хохлова[51].

Изучением истории консульств России в Монголии, а именно процесса создания, благоустройства, повседневной деятельности консульства в Урге в период работы его первых руководителей (К.Н. Боборыкина и Я.П. Шишмарева), занималась иркутский историк Н.Е. Единархова[52]. В совместной статье Н.Е. Единарховой и Е.М. Даревской уделено внимание биографии, профессиональному и научному пути Я.П. Шишмарева[53]. Вклад в изучение трудов и жизненного пути этого известного дипломата также внесли Ю.В. Кузьмин, А.И. Андреев, И.И. Ломакина, а также потомки Я.П. Шишмарева[54].

Среди сотрудников МИДа, работавших в Монголии, более или менее подробно также изучена биография А.П. Хионина, занимавшего

---

[47] *Бойкова Е.В.* Библиография отечественных работ по монголоведению.

[48] *Старцев А.В.* «Чтобы поблагодарила Вас и Россия...»; *Единархова Н.Е.* Русские купцы в Монголии; *Смирнов Н.Н.* Забайкальские казаки в системе взаимоотношений; *Попов А.В.* Русская диаспора; *Колесников А.А.* Русские в Кашгарии; *Жалсапова Ж.* Деятельность русских военных инструкторов; Русские в Китае. Исторический обзор; *Обухов В.Г.* Потерянное Беловодье и др.

[49] *Греков Н.В.* Русская контрразведка; *Обухов В.Г.* Схватка шести империй; *Решетнев И.А.* Деятельность органов государственной власти; *Лебедев В.А.* О разведывательной деятельности МИД России; *Гендунов А.Б.* Русская агентурная разведка.

[50] *Харламов С.* История Генерального консульства России в Шанхае; *Черникова Л.* Землю под фундамент привезли с Родины; Краткая история Генконсульства в Шанхае; *Галиев В.В.* Российские консульства в Синьцзяне.

[51] *Хохлов А.Н.* Подготовка кадров; *он же*. Стажеры при российской дипломатической миссии в Пекине.

[52] *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге.

[53] *Даревская Е.М., Единархова Н.Е.* Шишмаревы в Монголии и Китае.

[54] *Андреев А.И.* Я.П. Шишмарев; *Кузьмин Ю.В.* Я.П. Шишмарев; *Ломакина И.И.* Монгольская столица, старая и новая.

разные посты в загранучреждениях МИДа в Монголии с 1911 по 1920 г. Отдельная статья, посвященная жизненному пути этого дипломата и востоковеда, в том числе и в годы эмиграции, подготовлена Г.И. Каневской[55]. Однако деятельность А.П. Хионина на службе в Монголии до сих пор не получила подробного освещения.

Большой объем данных о работе российского правительства и его консульских представительств, а также различных групп россиян в Монголии в области развития медицины, ветеринарии, образования, изучения страны до начала 1920-х годов систематизирован Е.М. Даревской[56]. Целый раздел в монографии иркутского историка посвящен политическому аспекту жизни русской колонии в Монголии во время революций 1905 и 1917 гг. и Гражданской войны и отражает противоречия демократически настроенной части русских поселенцев с консулами в Урге и Западной Монголии.

Контуры деятельности российских дипломатов в Монголии в области решения вопросов политического взаимодействия России, Китая и Монголии в 1870–1910-х годах очерчивают фундаментальные труды Е.А. Белова[57] и В.А. Моисеева[58]. Организация консульствами в Кобдо и Шара-Сумэ защиты мирного населения и эвакуации китайцев после осады Кобдо в 1912 г. рассмотрена А.Н. Хохловым[59]. Вклад консульства в Урге в актуализацию «тибетского вопроса» во внешнеполитической повестке Российской империи и его решение, изучение Тибета и поддержание его связей с российскими и монгольскими буддистами отмечены в монографии А.И. Андреева[60].

В 1990-х — первом десятилетии 2000-х годов новый импульс получили исследования отечественной дипломатической службы как института, ее исторической эволюции, особенностей, концептуальных основ[61]. Специальный анализ процесса формирования и принципов функционирования консульской службы Российской империи,

---

[55] *Каневская Г.И.* Оправдавший надежды приамурского генерал-губернатора.

[56] *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия.

[57] *Белов Е.А.* Баргинский вопрос в русско-китайских отношениях; *он же.* Россия и панмонгольское движение; *он же.* Царская Россия и Западная Монголия; *он же.* Россия и Китай в начале XX в.; *он же.* Россия и Монголия.

[58] *Моисеев В.А*. Россия и Китай в Центральной Азии.

[59] *Хохлов А.Н.* Гуманная акция России.

[60] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России.

[61] *Первенцев В.В.* Консул и внешняя торговля; *Желтикова С.О.* Из истории консульской службы России; Очерки истории МИД России; *Зонова Т.В.* Основные этапы становления российской дипломатической службы; *она же.* Контуры дипломатической службы XXI века; *она же.* Духовные основы и идеологические постулаты и др.

в том числе ее особых полномочий на Востоке, провела Е.В. Сафронова[62].

Как видно из сказанного, несмотря на то что вопросы дипломатической службы России в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. затрагивались в работах отечественных авторов, деятельность консульств пока не подвергалась комплексному исследованию.

В *англоязычной историографии* роль заграничных представительств России в развитии ее контактов с Монголией и Китаем до 1917 г. также не выделялась в самостоятельную тему. Предметное поле дальневосточных исследований «евроатлантической» школы включает проблемы империализма, геополитики и безопасности, баланса сил в региональной подсистеме международных отношений, сфер интересов великих держав в Китае. Отношения России с Китаем, Японией и европейскими государствами, как правило, анализируются с позиций структурных факторов, «интереса», «силы» и «влияния», и Монголия, наряду с Синьцзяном и Маньчжурией, рассматривается как объект конкуренции держав. Широкое освещение в западной науке получило национальное освобождение Внешней Монголии, причем большинство ведущих ученых признают, что значимую роль в его достижении сыграло содействие России (У. Рокхилл, О. Латтимор, Р. Рупен, П. Тан, Дж. Фриттерс, Т. Эвинг, У. Онон и Д. Притчатт, Чэн Тяньфан, Г. Шварц, О. Клабб, С. Пэйн и др.)[63]. Отдельным сюжетом в рамках темы борьбы за сферы влияния в Монголии является политика Японии в регионе в 1900–1910-х годах[64].

Консульства в Монголии и Китае рассматриваются западными авторами в качестве элементов внешнеполитического механизма и форпостов влияния держав в Азии. В силу этого исследователей прежде всего интересуют юридические и дипломатические условия обретения Россией прав на открытие консульских учреждений в Китае. Весьма редки англоязычные работы, в которых упоминается роль

---

[62] *Сафронова Е.В.* Становление и развитие консульской службы; *она же.* Историческое развитие консульской юрисдикции.

[63] *Rockhill W.W.* The Question of Outer Mongolia; *Lattimore O.* Nomads and Commissars; *Lattimore O., Nachukdorji Sh.* Nationalism and Revolution; *Rupen R.* The Mongols of the Twentieth Century; *idem.* How Mongolia is Really Ruled; *Tang P.* Russian and Soviet Policy; *Fritters G.* Outer Mongolia and Its International Position; *Ewing T.E.* Between the Hammer and the Anvil?; *Onon U., Pritchatt D.* Asia's First Modern Revolution; *Cheng Tien-Fang.* A History of Sino-Russian Relations; *Swartz H.* Tsars, Mandarins and Commissars; *Clubb O.E.* Russia and China; *Paine S.C.M.* Imperial Rivals, China, Russia; *Perry-Ayscough H.G.C., Otter-Barry R.B.* With the Russians in Mongolia.

[64] *Li Narangoa.* Japanese Geopolitics and the Mongol Lands.

российских дипломатов в решении вопросов международных экономических отношений в Монголии (Э. Эндикотт, М. Хай и Дж. Шлезингер)[65].

Пожалуй, единственным сюжетом российско-монгольско-китайских контактов начала XX в., при изучении которого западными авторами артикулируется индивидуальная роль российских дипломатов, является их участие в переговорах с Ургой и Пекином об автономии Монголии. Так, Дж. Фриттерс делает вывод об определяющей роли генконсула в Урге А.Я. Миллера и секретаря консульства В.Н. Лавдовского в дипломатическом успехе России на Кяхтинской конференции 1914–1915 гг. В контексте анализа политики России в приграничных районах Китая внимание истории создания консульств России в Монголии уделили П. Тан, Г. Шварц, Дж. Фриттерс, Чэн Тяньфан, О. Клабб.

Интерес представляют оценки значения действий России в Монголии в конце XIX — начале XX в. для государственного строительства и общественного прогресса монголов. О. Латтимор, Ч. Боуден[66], Дж. Фриттерс, Д. Каррутерс видят в маньчжурском владычестве источники обнищания страны, угнетения ее производительных сил, размывания национальной идентичности монголов. Усиление позиций России в Монголии могло, по их мнению, содействовать восстановлению государственности монголов и развитию «цивилизованного» общества. Так, Д. Каррутерс, интерпретируя историю Монголии и Китая в Новое время, положительно оценивает рост влияния России в Монголии как с точки зрения освобождения от бремени ламаизма, препятствовавшего прогрессу общества и модернизации хозяйства страны, так и с позиций региональной безопасности (создание буферного государства)[67]. О. Латтимор, рассматривающий международные контакты как трансцивилизационные, представляет российско-монгольско-китайские отношения как встречу в «зоне интеракций» различных культур и традиций. Прослеживая длительную историю данных связей, он признает цивилизаторскую роль России в Монголии, подчеркивая значимость фактора сближения монголов и русских на духовном уровне[68]. Напротив, мнение об «агрессивности» политики России и ее отрицательного влияния на судьбу прилежащих к ее гра-

[65] *Endicott E.* Russian Merchants in Mongolia; *High M.M., Schlesinger J.* Rulers and Rascals.
[66] *Bawden C.R.* Modern History of Mongolia.
[67] *Carruthers G.* Unknown Mongolia.
[68] *Lattimore O.* Nomads and Commissars. P. 50–68.

ницам районов Китая разделяют П. Тан, Чэн Тяньфан, Г. Шварц, О. Клабб и др.[69].

Среди англоязычных работ по международным отношениям в Северо-Восточной Азии, созданных в 1990-х — первом десятилетии 2000-х годов, можно выделить ряд трудов, затрагивающих вопросы истории и современного состояния российско-монгольско-китайских отношений. Труды К. Хамфри, М. Россаби, Р. Бедески представляют интерес с точки зрения выявления преемственности целей политики России и Китая в отношении Монголии[70].

В *китайской историографии*, несмотря на то что дипломатическая служба России в Монголии не являлась предметом специального исследования, оценки характера действий российских представителей в этой стране отличаются единодушием с 1960-х годов. Они укладываются в общую парадигму анализа отношений Европы и Японии с Китаем в 1840–1910-х годах как колониальной экспансии держав. Вследствие этого иностранные учреждения рассматриваются в качестве институтов империалистической экспансии, а российские представители — как «царские агрессоры» (沙俄侵略者 ша э циньлюэчже). Краткие сведения о развитии консульских отношений Китая с середины XIX в. содержатся в работах по вопросам консульской службы[71]. В публикациях по истории «царской агрессии» и борьбы великих держав в Китае присутствуют упоминания о «вероломстве» и настойчивости российских дипломатов в отстаивании государственных интересов «военно-феодальной» России в Монголии.

Наибольшее количество референций по теме встречается в трудах по истории освободительного движения в Монголии (1911–1915). В 1960–1980-е годы доминирующим в изучении российско-монгольско-китайских отношений в 1910-х годах являлся подход, трактовавший действия российских дипломатов и военных в Монголии как агрессивные. Утверждалось, что целями работы консулов были «закулисная игра» и вмешательство во внутреннее управление страной, в результате чего было создано «марионеточное» правительство (傀儡当局 куйлэй данцзюй — «марионеточные власти») в Урге и попран сюзеренитет Китая в отношении «исконных» территорий. По мотивам

[69] *Tang P.* Op. cit.; *Cheng Tien-Fang.* Op. cit.; *Swartz H.* Op. cit.; *Clubb O.E.* Op. cit.; The Cambridge History of China.

[70] *Humphrey C.* The Moral Authority of the Past in Post-Socialist Mongolia; *Rossabi M.* Modern Mongolia; *Bedeski R.E.* Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State.

[71] *Лян Баошань.* Шиюн линши чжиши.

и характеру действий в Китае Россия, по мнению китайских ученых, не отличалась от Англии, Японии и других держав. Крупнейшие исследователи внешних сношений Китая в Новое время Гу Минъи, Цзэн Динбэнь, Ян Шихао, Лу Минхуэй, Юй Шэнду, Ли Цзягу, Чжан Чжи, Мо Юнмин, Фу Суньмин называют «аномальным» обретение Монголией государственности и утверждают, что содействие России в реализации освободительных устремлений монголов противоречило нормам международного права[72].

В некоторых трудах этого периода упоминается роль отдельных российских дипломатов в монгольских событиях 1911–1915 гг. По мнению авторов тенденциозной монографии «Краткая история монгольского народа», консулы в Урге, Улясутае и Кобдо не просто поддерживали монголов в самоопределении, но и провоцировали их на сепаратистские действия[73]. С тех же позиций трактует действия консулов Я.П. Шишмарева, А.А. Вальтера, М.Н. Кузминского, В.Ф. Любы, А.Я. Миллера известный историк Мо Юнмин, утверждая, что они «прельщали» монгольскую аристократию и подстрекали ее к национальному движению[74].

В большинстве китайских работ 1990-х — начала 2000-х годов наблюдается преемственность дискурса незаконности и агрессивности действий России в «монгольском вопросе». Отношения Китая и России в начале XX в. по-прежнему трактуются по формуле «жертва–агрессор», а действия монгольских элит — как несамостоятельные[75]. Не подвергается сомнению «империалистическая» природа российской дипломатии в Монголии. Лю Цунькуан, подробно изучавший проблемы монгольской независимости, отмечает активную политическую роль консулов в Урге в «отторжении» ее от Китая, в частности генерального консула в Урге А.Я. Миллера, который на переговорах в Кяхте «захватил в свои руки» инициативу и «заставил» Китай признать автономию Монголии[76]. Фань Минфан указывает на активное давление генконсула в Урге В.Ф. Любы и специального уполномоченного И.Я. Коростовца на китайских контрагентов, чтобы заставить

---

[72] См., например: Ша Э цинь Хуа ши; Ша Э циньлюэ Чжунго сибэй бяньцзян ши; *Фу Суньмин.* Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь; Ша Э цинь Хуа ши; *Гу Минъи.* Чжунго цзиньдай вайцзяо шилюэ; Чжунхуа Миньго вайцзяо ши цзыляо сюаньбянь.

[73] Мэнгу цзу цзяньши.

[74] Ша Э цинь Хуа ши.

[75] *Ли Юйшу.* Мэн ши лунь цун; *Го Тинъи.* Цзиньдай Чжунго шиган; *Хуан Динтянь.* Дунбэй Я гоцзи гуаньси ши; Цзиньдай гоцзи гуаньси ши; Дун Я ши.

[76] *Лю Цунькуан.* Чжун Э гуаньси юй Вай Мэнгу цзы Чжунго дэ фэньли.

их признать российско-монгольское соглашение 1912 г.[77]. В очерках Дай Мяня, Ши Цзяньго, Чэнь Яня также упоминается о «режиссировании» дипломатами в Монголии и Пекине превращения Монголии в «колонию» России[78].

Тем не менее в последние годы наблюдается некоторый пересмотр взглядов на характер политики России на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. в пользу большей взвешенности[79]. Среди современных работ, анализирующих внешние сношения Китая в этот период с помощью нового политологического инструментария, можно выделить исследования Чжоу Фанъиня и Цюань Хэсю, в которых изучаются движущие силы внешней политики и эволюция моделей дипломатии цинского Китая в отношении России и других держав[80]. Проблемы политики Пекина в отношении национальных окраин в начале XX в. рассматривает Линь Сяотин[81]. В более поздних работах заметно смягчение категоричности оценки роли России в развитии освободительного движения и достижении Монголией автономии. Так, например, в статье Би Аонаня и Алтанвчира отмечается: «Провозглашение „независимости“ „Внешней Монголии“ произошло не без участия России, но основным фактором было внутреннее обострение отношений»[82]. Характеристика российской позиции в «монгольском вопросе», приведенная в статье, выглядит более сбалансированной, свободной от излишней эмоциональности. Исследователи учитывают роль фактора структуры региональной системы международных отношений. Важным является то, что заключение российско-монгольского соглашения 1912 г. о признании автономии Монголии понимается как шаг России, сделанный в ответ на просьбу о помощи самой Монголии в условиях стремления правительства Китайской Республики провозгласить страну неотъемлемой частью Китая[83].

---

[77] *Фань Минфан.* 1912 нянь «Э Мэн сеюэ» цзи Э Мэн «Шанъу чжуаньтяо» чжи цяньдин.

[78] Чжунго ши да вайцзяоцзя.

[79] *Сунь Чжинцин.* Китайская политика России; *Сюн Цзяньцзюнь, Чэнь Шаому.* Гуаньюй Миньго шици Вай Мэнгу дули шицзянь дэ хуэйгу юй сыкао.

[80] *Zhou Fangyin.* The Role of Ideational and Material Factors in the Qing Dynasty Diplomatic Transformation; *Quan Hexiu.* The Two Systems of Diplomacy of Late Qing China.

[81] *Lin Hsiao-ting.* Modern China's Ethnic Frontiers.

[82] *Би Оунань и др.* Китайско-российские отношения и проблема Монголии. С. 18; *Би Аонань, Алтанвчир.* Чжун Э гуаньси юй мэнгу вэнти.

[83] *Би Оунань и др.* Китайско-российские отношения… С. 20.

Спектр исследований российско-китайских отношений в Новое время, выполненных на китайском языке, ограничивается в основном военно-политической сферой. Работы, посвященные трансграничным экономическим, культурным, религиозным связям различных национальных, профессиональных групп, позволяющие воссоздать многоплановую картину взаимоотношений России и Китая, координируемых консульствами, весьма малочисленны[84].

Деятельность дипломатического института России в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. не рассматривалась специально и в *монгольской историографии*. При изучении истории отношений Монголии с Россией этого периода внимание ученых привлекали преимущественно вопросы влияния «северного» и «южного» соседей на судьбу страны в период национально-освободительного движения 1911–1915 гг., поэтому о деятельности российских дипломатов в монгольских трудах упоминается главным образом в контексте анализа политики Петербурга в отношении Монголии.

В работах 1950–1980-х годов роль России в обретении Монголией государственности в начале XX в. и социально-экономическом развитии страны в целом оценивается как прогрессивная. Тем не менее с позиции теории империалистической борьбы дипломатические учреждения рассматривались как инструменты колониализма, и их значение для развития экономических и гуманитарных контактов двух народов значительно преуменьшалось[85]. Агентом «окультуривания» Монголии со стороны России представлялось приграничное население Сибири, передававшее кочевникам «культуру» в ходе хозяйственных контактов[86].

С середины 1990-х годов роль российского и китайского факторов в истории Монголии второй половины XIX — начала XX в. и место самой страны в региональной международной подсистеме изучаются монгольскими учеными с более объективных позиций. Появился ряд альтернативных подходов к оценке результатов российской политики в «монгольском вопросе». С одной стороны, положительно оценивается финансовое, военно-техническое содействие России Монголии,

---

[84] См.: Чжун Э бяньмао фалунь; *Го Юньшэнь.* Чжун Э чае маои ши; *Ван Сяоцзюй.* Эго дунбу иминь кайфа вэньти яньцзю.

[85] *Чойбалсан Х.* Краткий очерк истории Монгольской народной революции; *Нацагдорж Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии; *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX вв.; *Сандаг Ш.* Борьба монгольского народа; *Бира Ш., Ишжамц Н.* Национально-освободительное движение в Монголии.

[86] *Лигуу Б.* Из истории русско-монгольских отношений.

помощь в сохранении традиционного уклада и культурной самобытности монголов на фоне китаизации страны в конце XIX — начале XX в.[87].

С другой стороны, значительное число специалистов склонно считать, что Россия не полностью оправдала надежды, возлагавшиеся на нее монгольской аристократией в ходе освободительной борьбы. Так, Л. Жамсран, Н. Магсаржав, Д. Дашпурэв, Уша Прасад полагают, что дипломаты, выполняя инструкции МИДа, при заключении соглашений с Ургой и Пекином в 1912–1913 гг. игнорировали позицию самих монголов[88]. Б. Лхамсурэн утверждает, что тройственное Кяхтинское соглашение 1915 г., достигнутое при непосредственном участии генконсула в Урге, противоречило монгольским национальным интересам[89]. Таким образом, исследователи, рассматривая независимость Монголии как основную цель нации в начале XX в., не принимают во внимание, что достижение независимости в существовавших международных условиях не гарантировало стране безопасность, и недооценивают значимость попыток России добиться оптимального для заинтересованных стран решения «монгольского вопроса». За пределами интереса ученых также остается участие консульских сотрудников в организации комплексной помощи России при создании государственных институтов, обучении монголов навыкам гражданского управления, формировании потенциала страны для дальнейшей борьбы за независимость и другие аспекты проблемы.

Роль российского и китайского факторов в развитии Монголии в исторической ретроспективе рассматривается в работах Б. Батбаяра (Баабара), К. Дэмбэрэла, О. Батсайхана, Ц. Батбаяра и других авторов[90], в которых делается вывод об исторической и геополитической предопределенности характера взаимодействий Монголии с ближайшими соседями — необходимости постоянного балансирования между интересами России и Китая.

Анализ степени изученности деятельности российских консульств в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. демонстрирует

[87] *Хишигт Н.* Монголо-российское сотрудничество в военной области; *Шурхуу Д.* Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 181.

[88] *Жамсран Л.* Монголын сэргэн мандалтын эхэн; *Магсаржав Н.* Монгол улсын шинэ түүх; *Dashpurev D., Usha Prasad.* Mongolia.

[89] *Лхамсурэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол.

[90] *Baabar Bat-Ėrdėniĭn.* Twentieth Century Mongolia; *Дэмбэрэл К.* Влияние международной среды на развитие Монголии; *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол; *Батбаяр Ц.* Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад и др.

фрагментарность ее отражения в отечественной и зарубежной историографии. Таким образом, существует объективная необходимость восполнить пробелы в изучении данной темы в рамках специального исследования.

Источники

Настоящая работа создана на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных источников. По происхождению их можно разделить на законодательные акты, ведомственные документы, статистистические материалы, справочные издания, источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма, путевые заметки и дневники путешественников), материалы средств массовой информации.

К числу законодательных актов относятся международные договоры и соглашения, в первую очередь между Россией и Китаем, — Тяньцзиньский (1858 г.), Пекинский (1860 г.), Санкт-Петербургский (1881 г.) договоры и сопровождавшие их «Правила для сухопутной торговли» (1862, 1869, 1881)[91]. Данные документы составляли правовой фундамент российско-китайских отношений до 1920 г., регламентировали их пограничные и торговые аспекты и закрепляли права России на назначение консулов в города Китая. В этот блок также входят соглашения, подписанные Россией с ургинским и пекинским правительствами и региональными властями в период национально-освободительного движения в Халхе и Западной Монголии, в дипломатической подготовке и заключении которых участвовали российские консульства. Среди них — российско-монгольское соглашение и протокол от 21 октября 1912 г.[92], российско-китайская декларация от 23 октября 1913 г., прелиминарный договор о демаркационной линии между китайскими и монгольскими войсками в Алтайском и Кобдоском округах от 8 декабря 1913 г.[93], Кяхтинское соглашение от 25 мая 1915 г., закрепившее автономию Монголии[94]. К этой группе документов относятся соглашения о почтовой и телеграфной связи, путях сообщения, строительстве железных дорог, многие из которых подписывались российскими консулами[95]. Данные соглашения и договоры

[91] См.: Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 64–69, 70–79, 91–95, 101–107, 117–124, 125–131.

[92] Там же. С. 550–552, 552–557.

[93] Там же. С. 413–415.

[94] Там же. С. 420–426.

[95] Там же. С. 557–558, 561–562, 567–569, 566–567, 432–437.

включались в различные документальные сборники, публиковавшиеся до и после 1917 г.[96].

К международным документам, определявшим политический курс России в отношении Монголии, относятся российско-японские соглашения о «сферах влияния» и принципах отношений на Дальнем Востоке — конвенция 31 января — 13 февраля 1907 г., соглашение от 4 июля 1910 г., секретная конвенция от 25 июня 1912 г., политическая конвенция от 20 июня 1916 г.[97], а также российско-британские договоренности о «сферах интересов» в Китае[98].

Другая группа источников включает акты внутреннего законодательства России, регламентировавшие деятельность торгово-промышленных кругов, а также внешнеполитического ведомства России во второй половине XIX — начале XX в. (Устав консульский в редакции 1858, 1887, 1893 и 1903 гг., Устав торговый, Свод уставов о службе гражданской). Данные нормы нашли отражение в сводах законов Российской империи[99], в специальных сборниках, систематизировавших законодательство в области работы консульских учреждений[100]. Также использованы законодательные акты Китая, регулировавшие его отношения с иностранными державами и зависимыми территориями[101].

В работе привлечен большой объем ведомственной рабочей документации, составляющей основной массив источниковой базы исследования. Источники этого типа позволяют изучить процесс выработки позиции России по вопросам пересмотра договора с Китаем, отношений с Тибетом, монгольского освободительного движения в 1911–1915 гг., материально-технического содействия Монголии, улучшения условий торговли с этой страной и участия в нем консульств, а также проследить ход подготовки соответствующих международных соглашений[102].

---

[96] Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881; Россия. Договоры. Торговые договоры; Сборник дипломатических документов; Россия. Договоры. Соглашение об аренде; Русско-китайские отношения, 1689–1916 и др.

[97] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 522–526, 538–539, 549–550, 578–579.

[98] Там же. С. 539–541.

[99] См.: Полный свод законов; Свод законов Российской империи.

[100] *Горяинов С.М.* Руководство для консулов.

[101] Уложение Китайской Палаты внешних сношений.

[102] Труды совещания; Журнал Особого Междуведомственного совещания; Сборник дипломатических документов; Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.; Международные отношения в эпоху империализма; За три века; *Белов Е.А.* Записка подполковника Генерального штаба Хитрово; Россия и Тибет.

Ряд циркуляров по МИДу, касающихся технических вопросов российской консульской службы в Китае (реорганизации заграничных учреждений Российской империи в Китае, порядка назначения на дипломатическую службу, рабочего регламента — отпусков, поездок по консульским округам), содержится в «Ежегоднике Министерства иностранных дел» и сборниках дипломатических документов[103].

Большинство рабочих материалов, иллюстрирующих участие консульств в обсуждении и имплементации решений по вопросам российской политики в Китае и Монголии, а также их повседневную работу в политической, экономической, социально-культурной областях, включая организацию жизни русской колонии, содействие российским и иностранным научно-исследовательским экспедициям, не опубликованы и хранятся в центральных и региональных архивах Российской Федерации.

Богатый материал имеется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Он представлен донесениями консульств и Дипломатической миссии в МИД и Министерство торговли и промышленности, перепиской консулов в Монголии с их коллегами в других регионах, с посланником в Пекине, российскими военным и финансовым ведомствами, администрациями пограничных регионов, маньчжурскими и монгольскими властями Халхи и Западной Монголии; телеграммами консульств; предложениями чиновников по пересмотру договоров с Китаем, улучшению консульского надзора, таможенного режима; циркулярами МИДа; официальными публикациями Государственного совета и министерств, отчетами маньчжурских и монгольских властей о положении в стране в 1890–1910-х годах и другими ценными документами.

Эти данные обогащаются документами органов власти и коммерческих учреждений сибирских регионов (Государственный архив Иркутской области, Государственный архив Алтайского края).

Пониманию процесса эволюции «монгольской» политики России в изучаемый период и борьбы Китая с российским влиянием в Монголии способствуют документы, опубликованные в КНР и на Тайване[104]. Данные материалы дополняют картину, сформированную на основе российских источников, но не вносят в нее принципиальных изменений.

---

[103] Ежегодник Министерства иностранных дел; Русско-китайские договорно-правовые акты.

[104] См., например: *Би Гуйфан.* Вай Мэн цзяошэ ши моцзи.

Исследованию аналитико-статистической деятельности консульств в Монголии в торгово-экономической сфере, а также самой динамики торговли, ее форм, региональных особенностей способствуют консульские отчеты о торговле и общие донесения консульств в Урге, Улясутае, Кобдо и Шара-Сумэ, в которых нередко встречается цифровой материал и статистические приложения. Эти отчеты локализованы в фондах российского консульства в Урге (АВПРИ. Ф. 292. Главный архив), Министерства торговли и промышленности (РГИА. Ф. 23). Копии отчетов консульства в Урге за 1860–1980-е годы сохранились в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН наряду с иными материалами по истории российско-монгольской торговли, собранными А.М. Позднеевым для неоконченного им шестого тома труда «Монголия и монголы» (ф. 44).

Некоторые отчеты консулов в Монголии были опубликованы. Отчет Я.П. Шишмарева о деятельности консульства в Урге за 1861–1886 гг. подготовлен к публикации Н.Е. Единарховой[105]. Ряд отчетов дипломатов, служивших в разных частях страны, помещен в «Сборнике консульских донесений» и позднее в «Журнале Министерства торговли и промышленности»[106]. Подробный анализ состояния российско-монгольской торговли, структуры ввоза и вывоза, динамики товарооборота с характеристикой отдельных фирм дается в отчете агента Министерства торговли и промышленности при консульстве в Урге А.П. Болобана[107].

К справочным материалам, использованным в исследовании, в первую очередь относится труд ученого Дж. Ленсена, предпринявшего попытку систематизировать данные о персонале заграничных представительств России в Китае, Монголии и Корее до 1924 г.[108]. Несмотря на наличие неточностей и неполноту сведений, справочник заслуживает внимания как первое подобное издание по теме. К этой же категории материалов относятся «памятные книжки» Томской, Иркутской, Енисейской губерний и других граничивших с Монголией регионов России[109], которые дополняют комплекс данных о характере

[105] Русский консул в Монголии.

[106] Сборник консульских донесений; Донесения Императорских Российских консульских представителей.

[107] *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-промышленном отношении.

[108] *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia.

[109] Памятная книжка Иркутской губернии; Памятная книжка Забайкальской области; Справочная книжка Амурской области; Памятная книжка Енисейской губернии; Памятная книжка Томской губернии.

экономических связей данных губерний и областей с монгольскими аймаками и о путях транспортного и почтового сообщения, о финансовых, медицинских, культурных учреждениях приграничных регионов. Особенно интересны сведения о торговых фирмах, имевших контакты с Монголией и Китаем, и об административных органах этих губерний и областей, с которыми сотрудничали консульства в Монголии. Важное справочное значение имеют издания МИДа по техническим и организационным вопросам функционирования заграничных учреждений России[110].

Значительный интерес представляют источники личного происхождения, позволяющие не только увидеть международные процессы на Дальнем Востоке второй половины XIX — начала XX в. глазами их участников, но и дополнить информацию о консульских учреждениях и их сотрудниках сведениями неформального характера. К сожалению, в 1938 г. была уничтожена рукопись книги Я.П. Шишмарева, систематизировавшая итоги его деятельности в Монголии. Неизученными в настоящее время являются и другие документы из личных архивов некоторых консульских сотрудников, в частности оказавшихся в эмиграции (например, рукопись сына консула В.В. Долбежева Константина, находящаяся в США). Однако разнообразные интересные подробности, касающиеся службы российских дипломатов в Монголии, можно найти в трудах русских и иностранных путешественников, записках посещавших страну ученых, политиков, предпринимателей, в письмах и мемуарах современников.

Значимыми для понимания процесса формирования политики России на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в., ее позиции в «монгольском вопросе», исторических условий создания сети загранпредставительств в Китае, отличий дипломатической службы в Монголии и Китае от таковой в других регионах мира являются труды российских дипломатов и политических деятелей. Посланник в Пекине и специальный уполномоченный в Урге в 1912–1913 гг. И.Я. Коростовец в своих мемуарах запечатлел размышления о «монгольском вопросе», описал процесс оформления автономии Монголии, в том числе отметив роль в этом процессе консульства в Урге[111]. В сочинении раскрываются специфические детали дипломатической службы в регионе, в том числе подробности сложного

---

[110] Справочная книга МИД; Справочная книга по торгово-промышленной части.

[111] *Korostovets I.J.* Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik; *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики.

процесса переговоров с монгольским правительством по вопросу об автономии, характеризуются культурные и психологические проблемы взаимодействия российских, китайских и монгольских чиновников. В целом это способствует пониманию изучаемых феноменов не только с исторической и политологической, но и с когнитивно-философской точки зрения. Увидеть изнутри работу российского правительства на дальневосточном направлении на рубеже XIX–XX вв. позволяют воспоминания С.Ю. Витте, А.Б. Лобанова-Ростовского, Э.Э. Ухтомского[112]. Свою трактовку действий консульства в Урге во время переворота в Халхе в декабре 1911 г. дает атаман Г.М. Семенов, служивший в то время в консульском конвое[113].

Интерес для исследования представляют воспоминания китайских дипломатов и общественных деятелей о российско-китайском взаимодействии по вопросу о статусе Монголии. Записи посланника в России Ян Жу иллюстрируют его противодействие попыткам российской дипломатии получить специальные права в Монголии и других регионах Китая[114]. В мемуарах журналиста Хуан Юаньюна описываются ожесточенные дискуссии в китайских политических партиях и Сенате по поводу заключения в 1912 г. российско-монгольского соглашения[115]. Данные труды позволяют увидеть «монгольскую проблему» глазами Китая и понять напряженность психологической обстановки, в которой вырабатывалась и проводилась политика России в отношении монгольского освободительного движения дипломатами в Петербурге, Пекине и Урге.

Большое значение для воссоздания картины событий в Монголии в 1910-х годах имеют дневники и письма русского торговца А.В. Бурдукова. Помимо характеристики политической жизни страны в этот период он оставил комментарии к действиям ряда консулов в Урге, Улясутае и Кобдо, о состоянии русских факторий в дни революционных событий в Монголии[116]. В примечаниях к книге воспоминаний А.В. Бурдукова содержатся краткие биографические справки о некоторых чиновниках МИДа в Монголии, подготовленные Е.М. Даревской.

Отдельные сведения о деятельности консульств в Монголии по защите экономических интересов России, исследованию страны и со-

[112] *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары; *Lobanov-Rostovsky A.* Russia and the Asia; *idem*. Russia and Mongolia; *Ухтомский Э.Э.* Из китайских писем.

[113] *Семенов Г.* О себе.

[114] Ян Жу Цинсинь цуньгао; Чжунго ши да вайцзяоцзя.

[115] *Хуан Юаньюн.* Юань шэн ичжу.

[116] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии.

седних районов Китая почерпнуты из дневников и писем сибирского купца А.Д. Васенева, а также переписки Г.Н. Потанина с консулом в Урге[117]. Интерес также представляют письма известного российского дипломата — генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского, способствующие выявлению сходства и различий консульской службы в двух соседних пограничных регионах Китая — Синьцзяне и Монголии[118].

Труды путешественников, проезжавших по стране в изучаемый период (П.А. Ровинский, Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, М.В. Певцов и др.), содержат информацию о внешнем виде консульских резиденций, их обитателях, описания повседневной жизни российских факторий в Монголии, а также позволяют оценить помощь консульств научным экспедициям[119].

В работе использовались и неопубликованные источники личного происхождения. Некоторые сведения о работе консульств в торговой и гуманитарной сферах, заметки о состоянии «русского дела» в Монголии обнаружены в записях А.М. Позднеева[120]. Интересным источником для исследования русской колонии в Западной Монголии является отчет настоятеля консульской церкви в Урге Ф. Парнякова для Ургинского приходского попечительства за 1915 г. из фондов Государственного архива Иркутской области (ф. 293). В Государственном архиве Алтайского края сохранились письма А.Д. Васенева консулам Я.П. Шишмареву и В.Ф. Любе (ф. 71).

Сведения о штатах консульств в Монголии в 1861–1917 гг. и биографиях консульских сотрудников собраны из разнотипных источников — от «Ежегодника Министерства иностранных дел», биобиблиографических изданий[121], материалов периодической печати, мемуарной литературы[122] до архивных фондов. Особую ценность представляют неопубликованные формулярные списки Министерства ино-

---

[117] *Васенев А.* От Кобдо до Чугучака; Сибирский купец А.Д. Васенев; Письма Г.Н. Потанина.

[118] *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма.

[119] *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии; *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи; *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов; *Козлов П.К.* Монголия и Кам; *он же.* Монголия и Амдо; *Роборовский В.И.* Путешествие в Восточный Тянь-Шань; *Сапожников В.В.* По Алтаю; *Певцов М.В.* Путешествие по Китаю и Монголии и др.

[120] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136.

[121] *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция; *Бойкова Е.В.* Библиография отечественных работ по монголоведению.

[122] *Абдуллаев А.* Мой прадед Абдулов Ахмед-Гирей; *Шишмарев А.* Российский консул Шишмарев; Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых.

странных дел, послужившие базовым источником при составлении биографических справок (АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Формулярные списки).

Публикации сотрудников консульских учреждений в Монголии и соседних регионах (Я.П. Шишмарева, И.В. Падерина, А.И. Успенского, Б.В. и В.В. Долбежевых и др.)[123], знакомящие с неизвестными сюжетами истории страны, деталями кочевого быта, данными по географии Монголии и Китая, жизнью русской колонии за границей, помогают получить представление о вкладе консульств в Монголии в востоковедение.

Широко представлены в исследовании материалы российской дореволюционной, советской и современной периодической печати. Из этого источника почерпнуты данные о состоянии торговли через российско-монгольскую границу, жизни русской колонии в Монголии, событиях в России, Китае и приграничной полосе, влиявших на ход международных отношений[124].

Особый интерес представляют материалы китайской прессы начала XX в., отражающие алармистскую реакцию китайских общественно-политических кругов на проводимую Россией политику в Монголии. Европейская и американская периодика 1900–1910-х годов знакомит с содержанием дискуссий западного общества по вопросам реформирования консульской службы и взаимодействия держав в Китае. Наряду с оригинальными текстами использовались переводы статей из китайских, европейских и американских периодических изданий из архива Дипломатической миссии в Пекине (АВПРИ. Ф. 188).

И наконец, последнее. В книге помещены фотографии, запечатлевшие виды городов Монголии, исторические фигуры и события, здания российских консульств, а также фотографии, имеющие отношение к биографиям российских дипломатов и жизни соотечественников в Монголии. Часть фотографий была опубликована в трудах пу-

---

[123] *Шишмарев Я.П.* Сведения о халхаских владениях; *он же.* Сведения о дархатах-урянхах; *он же.* Маршрут из Урги в Хлассу; *Венюков М.* Барометрическая нивелировка в Монголии; *Балкашин Н.* Торговое движение; *Долбежев Б.В.* В поисках развалин Бишбалыка; *он же.* Дархатский округ; *он же.* Судьба калмыков, бежавших с Волги; *Долбежев В.В.* Русская торговля в Халхаской Монголии; *Колоколов С.А.* О китайской колонизации.

[124] «Известия МИД», «Вестник Азии», «Голос Сибири», «Сибирская газета», «Восточное обозрение», «Сибирский наблюдатель», «Русский экспорт», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Сибирский торгово-промышленный ежегодник», «Сибирские огни», «Наше хозяйство», «Современная Монголия» и др.

тешественников, ученых и дипломатов (А.М. Позднеева, трудах Московской торговой экспедиции, П.К. Козлова, В.Л. Котвича, И.Я. Коростовца и т.д.). Часть же стала доступна относительно недавно благодаря публикации электронных коллекций фотографий в сети Интернет. К этой категории, в частности, можно отнести уникальную подборку старых фотографий проекта Британской библиотеки «Endangered Archives Programme»[125], фотографии генерального консула в Урге Я.П. Шишмарева и членов его семьи[126] и другие фотоматериалы.

[125] Сайт проекта «Endangered Archives Programme». URL: http://eap.bl.uk/
[126] *Шишмарев А.* Российский консул Шишмарев.

ГЛАВА 2

Система консульских учреждений Российской империи в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.)

Становление консульского института России

Консульства играют особую роль в международных отношениях. Наряду с посольствами и дипломатическими миссиями они защищают права и интересы находящихся за рубежом граждан и юридических лиц аккредитующего государства. Выполняют они и ряд других задач, в том числе связанных с многочисленными видами деятельности соотечественников в стране пребывания.

Функции дипломатических и консульских представительств во многом тесно переплетаются, в частности в области содействия развитию торговых, экономических, гуманитарных контактов между государствами. Однако деятельность консульств локализуется в пределах консульских округов, они не являются общеполитическими представительствами, как посольства. Различия между посольством и консульством существуют и при возложении на консула с согласия принимающего государства дипломатических функций. Суть консульской деятельности — защита прав и интересов граждан аккредитующего государства[1].

---

[1] *Лапин Г.Э.* Консульская служба. С. 6.

В большинстве случаев консульская служба современного государства является частью его внешнеполитического ведомства, но имеет свою специфику. Она регулируется нормами особой отрасли международного права. По определению Г.Э. Лапина, консульское право представляет собой «совокупность норм, выраженных в международных соглашениях и международно-правовых обычаях и сочетающихся в необходимых случаях с нормами национального права государств по вопросам статуса и функционирования консульств и их персонала»[2].

Деятельность консульств чрезвычайно разнообразна. Консул является одним из официальных представителей государства в другой стране и выполняет целый комплекс функций. Его работа, как и сотрудников возглавляемого им учреждения, требует больших познаний в самых различных областях, и в первую очередь глубокого знания региона пребывания. В изучаемый период помимо таких обязанностей, как защита подданных и торговых интересов аккредитующего государства, оформление паспортов соотечественникам и виз иностранцам, рассмотрение запросов, консул мог вести миграционный контроль и учет, выступать в качестве нотариуса, работника органа записи актов гражданского состояния, аналитика, консультанта по вопросам торговли, промышленности, культуры, истории страны пребывания для соотечественников и источника актуальных сведений о своем государстве для иностранных граждан, а иногда и играть роль дипломатического представителя. Работники консульства проводили мониторинг политической и экономической обстановки в месте пребывания, анализ экономической деятельности своего государства в данной стране в целом и своем консульском округе в частности. Неслучайно, говоря о значении консулов в XVIII–XIX вв. и их многосторонней деятельности, Ф.Ф. Мартенс в своем труде «Современное международное право цивилизованных народов» приводит слова Ш.М. Талейрана, основателя традиций европейской дипломатии: «Будучи искусным дипломатом, сколько еще требуется, чтобы быть хорошим консулом? Обязанности консула разнообразны до бесконечности, и они вполне отличаются от функций других должностных лиц. Они требуют множества практических знаний, для усвоения которых необходимо специальное воспитание и приготовление»[3].

С XVI в. консульские должности стали замещать подданные представляемого государства. До этого консулами назначались граждане

[2] Там же. С. 5.
[3] Цит. по: *Богоявленский Н.В*. Западный Застенный Китай. С. 344.

страны, где появлялась необходимость в защите иностранных подданных[4]. С XIX в. они именовались «штатными консулами», состояли на службе государства и не имели права заниматься доходной деятельностью, получая жалованье от государства. Так, например, статья 3 Консульского устава Российской империи 1903 г. запрещает «консулу, состоящему на действительной службе, принимать прямое или косвенное участие в каком бы то ни было торговом деле»[5]. В прежние времена, когда консулы назначались из числа коммерсантов, проживающих за границей, заработная плата консулов состояла из их личного дохода от оказания консульских услуг или дохода этого же характера с небольшим вознаграждением от государства[6].

Формирование консульской службы стран Европы и Америки завершилось на рубеже XIX–XX вв. и подразумевало широкую сеть штатных и нештатных консулов. Эти страны стремились распространить консульские учреждения по всей территории принимающего государства, особое значение в их деятельности придавалось сбору и анализу экономической информации, содействию торговле, реализации административных функций, увеличивалось число специальных консульских соглашений. В указанный период сложилась единая система консульских рангов (генеральный консул, консул, вице-консул, консульский агент). Консульская служба в странах Востока вплоть до середины XX в. характеризовалась существованием режима капитуляций (договоров, легализовавших привилегированные условия для иностранных граждан в государстве пребывания) и консульской юрисдикции (подсудности консулу всех гражданских, административных, уголовных дел соотечественников и дел, в которых одной из сторон выступал подданный принимающей страны)[7]. Европейские государства, воспринимавшие азиатские страны как источник товаров, сырья и рынки сбыта, еще со Средних веков практиковали заключение с ними договоров «о торговле и дружбе», «о мореплавании и дружбе», подробно описывавших права и обязанности западных консулов. Чрезвычайно широкими правами пользовались европейские консулы на Ближнем Востоке.

Современная эпоха вносит в работу консульств свою специфику. Однако во времена становления дипломатического и консульского институтов роль консулов была более существенной, чем ныне. Если

---

[4] *Ильин Ю.Д.* Основные тенденции в развитии консульского права. С. 9.

[5] Свод законов Российской империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. 2. С. 1163.

[6] *Ильин Ю.Д.* Основные тенденции… С. 15.

[7] *Бобылев Г.В., Зубков Н.Г.* Основы консульской службы. С. 22–23.

сегодня круг обязанностей консула велик, но строго ограничен международным правом и главным образом ориентирован на работу с гражданами и защиту торгово-экономических интересов государства, то в XVI–XIX вв. консулы нередко выполняли и дипломатические функции. В силу того, что послы и консулы входили в узкий круг лиц, официально представлявших государство, их полномочия были весьма широки. Статус данных лиц среди населения принимающей страны и соотечественников за границей был чрезвычайно высок. Посольства, дипломатические миссии и консульства были основными источниками информации о зарубежных государствах, особенно восточных, сведения о которых до середины XIX в. в европейском обществе были весьма скудны. Дипломатам принадлежала и ключевая роль в выстраивании «мостов» между государствами, экономиками и культурами.

История зарождения российского консульского института восходит к началу XVIII в., хотя прием иностранных консулов в России начался с XVI в. Одним из результатов политики Петра I, его стремления к активизации внешнеторговой деятельности было создание постоянных представительств России за границей. Только с их помощью можно было организовать эффективное изучение иностранных языков, получать актуальные сведения о курсах валют и зарубежных рынках, о различных областях жизни иностранных государств. Информация путешественников, торговцев, миссионеров была также очень важна, однако официальные представители обязаны были обеспечить требуемое ее качество.

Первые консульства России открылись в Западной Европе — Амстердаме (1707 г.), Венеции (1711 г.), Париже (1715 г.) и Бордо (1723 г.), Вене (1718 г.), а также в Кадисе (1723 г., Испания). Однако на Востоке в это время консульство имелось только в Тегеране (1720 г.), в Турции первое русское консульство открылось в 1774 г.[8]. Процедура назначения консулов проходила следующим образом: Коммерц-коллегия (создана в 1719 г.) вносила в Сенат кандидатуру на пост консула, а после ее одобрения она утверждалась императором. Консульские патенты выдавала Коллегия иностранных дел, которая и приводила консулов к присяге. Ко времени образования Министерства иностранных дел в 1802 г. за пределами России функционировало 13 генеральных консульств, 8 консульств, 2 вице-консульства, значительное число почетных консулов.

---

[8] *Бобылев Г.В., Зубков Н.Г.* Основы консульской службы. С. 26.

В составляемых Коллегией иностранных дел инструкциях закреплялись консульские права и привилегии (непременно равные правам и привилегиям консулов других стран в конкретном государстве), механизмы защиты российских подданных и оказания им содействия, правила отправки донесений в Коллегию о политических и торговых делах государства пребывания, правах иностранцев и т.д. Консулы должны были наблюдать за выполнением международных договоров, содействовать возвращению беглых, без вмешательства во внутренние дела страны пребывания блюсти национальные интересы России.

До 20-х годов XIX в. задачи консула в том или ином государстве в каждом конкретном случае были зафиксированы в отдельной инструкции, составленной императором. Изданный 25 октября 1820 г. Консульский устав закрепил их права и обязанности на европейском и североамериканском континентах. Консульства на Востоке в начале XIX в. руководствовались положениями Торгового устава. Указания для деятельности «западных» и «восточных» консульств России были впервые сведены воедино и поставлены на общую основу в новом Консульском уставе 1893 г. С развитием капитализма в странах Европы на рубеже XIX–XX вв., все более тесным переплетением экономики, торговли, финансов с политикой остро встал вопрос о слиянии посольств и консульств в рамках одной заграничной службы. Общемировая тенденция отразилась и в попытках реформировать российскую консульскую службу. В 1858, 1887 и 1893 гг. в Консульский устав вносились многочисленные поправки. В 1903 г. вышел в свет новый Консульский устав, который просуществовал до 1917 г.

В XIX в. расширение экономических и политических интересов России имело следствием увеличение количества консульств. Уже в 1825 г. Россия была представлена за границей 20 генеральными консульствами, 21 консульством, 11 вице-консульствами и 3 консульскими агентствами. Наблюдался быстрый рост числа консульских представительств в Азии (Персии, Турции, Китае, Японии, Корее). К 1909 г. Россия располагала 442 консульствами (из них 142 нештатных) по всему миру. На протяжении XIX в. значительно окреп институт нештатных консулов, вице-консулов и консульских агентов[9].

Многие исследователи отмечают, что период второй половины XIX — начала XX в. был весьма непростым в развитии системы заграничных учреждений России. Основной причиной этого были кос-

[9] *Первенцев В.В.* Консул и внешняя торговля. С. 73.

ность и централизованный бюрократический стиль работы ведомства иностранных дел, вследствие чего дипломатические и консульские представительства России в целом не играли активной роли в принятии внешнеполитических решений[10]. Эти учреждения являлись в основном непосредственными исполнителями решений центрального ведомства и источниками информации о различных сферах жизни стран пребывания, деятельности российских подданных за границей, новых тенденциях в международных отношениях и пр. В воспоминаниях ряда дипломатов отражено мнение о закрепощенности инициативы, невозможности действовать исходя из конкретной ситуации, необходимости беспрекословно выполнять приказы центра[11].

Реформа Министерства иностранных дел была требованием времени. В преобразованиях нуждался и российский консульский институт. Ускоренное развитие и концентрация промышленности России, интересы экономической экспансии (в значении «распространение экономического влияния за первоначальные пределы») в различных регионах мира заставляли Министерство торговли и промышленности оказывать давление на МИД и добиваться превращения консулов в «торговых агентов и консультантов частных торгово-промышленных российских компаний»[12]. Реформа консульской службы ставила целью приблизить работу внешнеполитического ведомства к интересам торгово-промышленных кругов. Эти задачи были четко обозначены и в новом Консульском уставе 1903 г. В начале XX в. о будущем отечественного консульского института рассуждали видные юристы и политики[13], однако реформирование императорской консульской службы так и не было завершено.

Стоит отметить, что консульская служба в исследуемый период сама по себе расценивалась сотрудниками Министерства иностранных дел как многотрудная и ответственная. Б.Н. Григорьев отмечает: «…если чисто дипломатическая служба была довольно простой, весьма интересной, не предполагала специальных знаний и проходила в основном в приятном общении с интересными людьми, то консульская служба требовала глубоких и специальных знаний, была связана

[10] История внешней политики России. С. 71.

[11] Там же.

[12] *Первенцев В.В.* Указ. соч. С. 74.

[13] *Гейкинг А.А.* Консульская служба России и в других странах; Консульская служба и торговые агенты; *Сабанин А.В.* К вопросу о положении консульской службы; *он же.* Еще к вопросу о задачах консульской службы; *Беренс Э.* Соображения о срочной необходимости переработать заново Российский устав консульский и др.

с „крючкотворной“ бумажной работой, а если консульским чиновникам и приходилось иметь дело с людьми, то общение с ними, как правило, большого удовольствия им вряд ли приносило»[14]. Ограниченные возможности карьерного роста, длительные сроки несения службы в одной географической точке, более низкая, по сравнению с работниками посольств и миссий, оплата труда консульских служащих при большем объеме рабочей нагрузки и ответственности и без возможности полноценного отдыха обусловили непопулярность консульской службы в системе российского МИДа. Вследствие этого, пишет Б.Н. Григорьев, в министерстве существовало негласное деление на «белокостных дипломатов» и «обиженную консульскую касту»[15].

Консульская служба в странах Востока считалась делом экзотическим и непростым и требовала от сотрудников более серьезной подготовки, поскольку кроме положенных европейских языков и специальных знаний они должны были быть экспертами по регионам, культура, язык, а нередко и география которых являлись слабоизученными и непривычными для европейца. Пребывая в восточных регионах в течение длительных сроков, консульские работники становились уникальными специалистами по широкому кругу вопросов, связанных с ними. Зная положение дел «изнутри», они делились с центральным аппаратом МИДа своими соображениями и рекомендациями касательно отношений России со странами пребывания. В случае с регионами Азии, учитывая то, что в конце XIX в. их только начали предметно изучать, а политика России на данном направлении становилась все более активной, практически любая поступавшая от консульств информация носила стратегически важный характер. Однако оценки нужд российской торговли, политической обстановки, предложения по разрешению спорных ситуаций, мнения по важным вопросам международных взаимодействий, содержавшиеся в консульских донесениях, часто оставались без надлежащего внимания. Недооценка потенциальных возможностей консульств на Востоке обусловила и их скудное финансирование.

Между тем многие министры, их заместители, директоры департаментов, пройдя ступени карьеры в кабинетах столичного ведомства, не имели опыта работы за границей, поэтому вряд ли обладали большей компетенцией по конкретным вопросам в конкретных государствах, чем дипломаты за рубежом. Особенно заметно бюрократизм сис-

---

[14] *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. С. 346.
[15] Там же. С. 347–348.

темы и незнание ситуации чиновниками министерства отразились на восточной политике России и работе российских консульств в Азии. В своих мемуарах крупный государственный деятель конца XIX — начала XX в. С.Ю. Витте указывал на недостаточное знание членов правительства и сотрудников МИДа стран Дальнего Востока: «В то время… было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды. Только что назначенный министром иностранных дел князь Лобанов-Ростовский тоже не имел никакого понятия о делах Дальнего Востока»[16]. Исследователи приводят немало примеров неповоротливости внешнеполитического механизма дореволюционной России, игнорировавшего рекомендации зарубежных представительств относительно действий правительства в конкретной международной обстановке, что нередко наносило ущерб престижу и торговым интересам России[17].

Консульские отношения между Российской и Цинской империями установились с заключением Кульджинского договора (1851 г.), по которому Россия получила право открыть в Западном Китае два консульства — в Кульдже (Илийский край) и Чугучаке (Тарбагатайский округ)[18]. Первым консулом в Китае некоторые исследователи называют Лоренца Ланга[19], назначенного российским агентом в Пекине в 1719 г.[20]. Однако миссия лейб-гвардии капитана Л.В. Измайлова, посланная в этом году к цинскому императору для переговоров об организации свободной беспошлинной торговли с Китаем и добивавшаяся учреждения должности постоянного консула в Пекине, не смогла договориться с маньчжурским правительством из-за пограничных и ряда других разногласий. Фактически Л. Ланг выполнял функции почетного консула, добиваясь свободной торговли для российского каравана до июля 1722 г., когда он был выслан из Китая вместе с караваном. После восстановления российско-китайских отношений в 1725 г. российское посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского также стремилось к достижению соглашения о консульстве (ст. 20, 41 инструкции Коллегии ино-

---

[16] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 44.

[17] История внешней политики России. С. 71.

[18] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 64–69.

[19] Подробнее о нем см.: *Шафрановская Т.К.* Путешествие Лоренца Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин.

[20] *Лапин Г.Э.* Указ. соч. С. 9.

странных дел от 30 мая 1725 г.). Однако по Кяхтинскому трактату от 14 июня 1728 г. функции руководства русскими купцами были закреплены за начальником казенного каравана, отправлявшегося раз в три года, которым до 1741 г. являлся Л. Ланг. Манифестом 1762 г. казенная торговля с Китаем была отменена и отдана «на волю купечества», с выборным старшиной каравана[21].

О широте круга обязанностей консульств в странах Дальнего Востока дает представление письмо Азиатского департамента МИД России за подписью министра иностранных дел А.М. Горчакова от 3 июня 1869 г. на имя российского консула в Хакодатэ: «Существование консульских постов за границею имеет две главнейших цели: оказание содействия находящимся за границею русским подданным и в доставлении консулами из мест их пребывания всякого рода сведений, могущих иметь значение для интересов России и в особенности для русской торговли… Консульские сведения должны преимущественно служить к практической пользе русской торговли и промышленности. Вернейшее средство для того, чтобы они соответствовали видам правительства, заключается в тщательном изучении консулами той страны, где они имеют пребывание, в отношении сбыта нашей отпускной торговли, в особенности в Азии, где находят себе выгодный сбыт даже наши мануфактурные произведения…». Давая разъяснения по требованиям к консульским донесениям, касающимся торговли, к обзорам торговой деятельности А.М. Горчаков заключал: «Вообще трудно предусмотреть все могущие встретиться случаи и потому можно только сказать, что консула должны зорко следить за всеми обстоятельствами, могущими содействовать или вредить торговле России»[22].

К 1917 г. российские консульские учреждения в Китае и автономной Монголии (не считая консульского отдела Дипломатической миссии в Пекине) располагались в следующих пунктах: Мукден (Шэньян), Урга (Нийслэл-Хурээ), Харбин, Шанхай, Гирин (Цзилинь), Гонконг, Кантон (Гуанчжоу), Кашгар (Каши), Кобдо (Ховд), Куаньчэнцзы (Чанчунь), Кульджа (Инин), Маймачэн (Алтанбулаг)[23], Нючжуан (Инкоу),

---

[21] *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границею. Ч. I. С. 158–198.

[22] АВПРИ. Ф. 300. Консульство в Хакодате. Оп. 572/2. Д. 68. Л. 30–33.

[23] Маймачэн (кит. 买卖城, монг. Маймаа хот, Маймаачин) — торговое поселение на границе России и Монголии напротив торговой слободы Кяхты, расположенной вблизи российского г. Троицкосавска, образовавшееся после заключения российско-китайского Кяхтинского договора (21 октября 1727 г.). Выполняло роль таможенного пункта и перевалочной базы для торговых (прежде всего чайных) караванов. В исто-

Тяньцзинь, Улясутай (Улиастай), Урумчи (по договору должно было быть открыто в Турфане), Ханькоу, Цицикар, Чифу (Яньтай), Чугучак (Тачэн), Шара-Сумэ (Чэнхуа), Айгунь, Хайлар, Янцычан (Янцзефу, было подчинено консульству в Гирине)[24]. Таким образом, сеть российских консульств распространялась на большое количество регионов Китая и Монголии и была весьма представительной.

«Монгольская» политика России и формирование консульств в Монголии

Возникновение и развитие консульской системы в Монголии находятся в неразрывной связи с процессом освоения Россией физического «жизненного пространства» в Азии, обретенного к середине XIX столетия. Во второй половине XIX — начале XX в. восточноазиатское направление внешней политики становится жизненно важным для России ввиду интегрирования в национальную экономику Сибири, Приамурья и Приморья. Географическая отдаленность, слабая система охраны рубежей, низкая плотность населения богатых природными ресурсами регионов, к которым уже в этот период проявляли серьезное внимание Япония и США, требовали от российского правительства разработки специальной политической и социально-экономической стратегии для обеспечения их целостности и безопасности.

Другим фактором, повлиявшим на включение Китая и Монголии в число внешнеполитических приоритетов Российской империи, стал рост экономических и политических притязаний западных держав и Японии на Дальнем Востоке. В результате «опиумных войн» Китай стал активно включаться в мировое хозяйство. С 1870-х годов западные державы усилили свою экономическую экспансию в этой стране[25]. Европейские монархии и США рассматривали обладание сферой влияния в каком-либо районе Цинской империи как гарантию участия

риографии также закрепились наименования данного поселения «Маймачен» и «Кяхтинский Маймачен». Сегодня на этом месте находится монгольский город Алтанбулаг, центр сомона Алтанбулаг в аймаке Сэлэнгэ.

[24] Ежегодник Министерства иностранных дел. 1916; Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 575–576; *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia; АВПРИ. Ф. 143. Д. 224. Л. 83. По вице-консульствам в Циндао (было подчинено консульству в Чифу), Амой (Сямынь, Сямэнь) и Сватоу (Шаньтоу) данные имеются до 1916 г.

[25] История Дальнего Востока СССР. С. 218.

в определении судьбы Восточной Азии[26]. Поскольку в изучаемый период Россия являлась одним из ведущих международных игроков, в условиях экспансии держав в Азии принцип «баланса сил» в рамках Вестфальской системы диктовал ей стремление достичь не меньших преимуществ в Китае, чем Великобритания, Франция, Германия, США и Япония. К началу XX в. державы распределили в стране сферы влияния и получили ряд привилегий, в том числе права на создание концессий, направление войск для охраны сеттльментов, постройку железных дорог, права экстерриториальности и консульской юрисдикции. Вследствие экономического отставания России от других держав, недостатка вооруженных сил и отсутствия развитых путей сообщения на Дальнем Востоке основным приоритетом политики Петербурга в Восточной Азии, в частности в Китае, с середины XIX в. были обеспечение охраны границ и поддержание status quo[27].

С 1890-х годов внешнеполитическая и внешнеэкономическая активность России приобрела выраженную дальневосточную ориентацию. По версии С.Ю. Витте, оказывавшего в этот период серьезное влияние на выработку внешнеполитического курса, суть политики в отношении Китая заключалась в обеспечении территориальной целостности, самостоятельности, но «неподвижности» Китая, которые являлись залогом «спокойствия» России[28]. Несмотря на приоритетность Северо-Восточного Китая и Кореи как объектов расширения влияния, уже в этот период в число естественных сфер влияния России в Азии участники общественно-политических дискуссий включали Синьцзян и Монголию, которые должны были уравновешивать влияние Великобритании в Южной Азии[29]. Концепция С.Ю. Витте о превалировании экономических инструментов укрепления позиций России в Азии над военными, предлагавшимися радикалами в правительстве, подразумевала трансформацию России «из типично „военной империи“ в живущую по законам экономической целесообразности»[30]. Данный стратегический разворот был обозначен строительством Транссибирской железной дороги (1891 г.) и, кроме того, предполагал поощрение предпринимательства, создание российской банковской и производственной инфраструктуры в странах Дальнего Востока.

[26] *Корсаков В.В.* Пекинские события. С. 38–47.

[27] Очерки истории Министерства иностранных дел России. С. 456; Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. 1940. С. 8.

[28] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 45.

[29] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 73–74.

[30] *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия. С. 69.

В последнее десятилетие XIX в. Цинская империя переживала социально-экономический и внутриполитический кризисы, усугубленные последовавшей за китайско-японской войной 1894–1895 гг. «новой волной раздела Китая»[31]. Симоносэкский мир с Японией (17 апреля 1895 г.) изменил международную ситуацию в регионе, вследствие чего прежде в целом равноправные отношения России и Китая стали видоизменяться и приобрели форму взаимодействия стремившейся к расширению политико-экономического влияния великой державы, с одной стороны, и полуколонии — с другой. До войны Китай воспринимался в России как сильный элемент дальневосточной международной подсистемы, способный стать либо потенциальным противником, либо союзником в борьбе с Японией. Однако после 1895 г. в связи с повышением риска расчленения Китая в общественных кругах, вне зависимости от политической ориентации, возобладала точка зрения, что Цинская империя слаба и необходимо укрепить позиции России в ее приграничных регионах. В качестве обоснования такой политики приобрела популярность идея востокофила князя Э.Э. Ухтомского о нравственно-культурной миссии России в Азии[32], естественности и «неизбежности» ее влияния в Застенном Китае в силу географической близости, его «тяготения» к России и существовавшей международно-политической конъюнктуры на Дальнем Востоке[33].

Изменилось и политико-стратегическое значение Монголии для России: с началом ханьской колонизации страны в конце 1880-х — начале 1890-х годов, усилением экспансии Англии в Тибете и ввиду трудностей англо-российского разграничения на Памире[34] оно существенно возросло[35]. В результате поражения Китая в войне с Японией,

---

[31] Цзиньдай гоцзи гуаньси ши. С. 322–323, 368–369; *Паркер Э.* Китай, его история, политика и торговля. С. 206–210.

[32] *Ухтомский Э.Э.* Англо-японские виды на Китай.

[33] *Ухтомский Э.Э.* Из китайских писем. С. 27.

[34] В 1891 г. между Россией и Великобританией возник спор о демаркационной линии между Афганистаном и Синьцзяном. 11 марта 1895 г. было подписано соглашение по «памирскому вопросу». 28 апреля 1899 г. обменом нотами Россия и Англия обозначили сферы интересов в Китае. Центральноазиатская «большая игра» приостановилась с заключением соглашения 31 августа 1907 г. о признании Тибета частью Китая. Границы России и Китая на Памире были установлены в 1894 г. (Известия Министерства иностранных дел. 1914. Кн. IV. С. 58–59).

[35] Распространенное в англоязычной историографии мнение о том, что Россия имела стратегические планы в Монголии еще в 1850-х годах, является преувеличением (см.: *Clubb O.E.* Russia and China. P. 151).

возникновения угрозы уничтожения его как государства и раздела, а следовательно, и потенциальной возможности соседства на границах с Великобританией, США и Японией в российских общественно-политических кругах стали рассматривать Монголию как «буфер», физически отделяющий Сибирь и Забайкалье от Внутреннего Китая. Это представлялось важным с точки зрения отношений с Цинской империей и другими державами, в том числе и в контексте распространения в российском обществе идей о «желтой опасности» с Востока.

Восстание ихэтуаней 1899–1901 гг. и обострение «тибетского вопроса» актуализировали формирование сферы интересов России на Дальнем Востоке, которая распространялась на Маньчжурию (с 1897 г.)[36] и Монголию (до 1904 г. и на Тибет). Однако лишь военное поражение от Японии в 1905 г., ограничившее активность России в Маньчжурии и предоставившее Японии новые преимущества, а также национально-освободительные выступления в Халхе подтолкнули Петербург к принятию конкретных мер по усилению политико-экономических позиций в регионе[37]. По договорам с Японией 1907 и 1910 гг. Россия не могла проникать в Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, и приоритетными зонами расширения ее влияния стали Внешняя Монголия и Северная Маньчжурия[38]. По словам П. Тана, «...только с началом Русско-японской войны в 1904 г., ознаменовавшим появление Японии как новой победоносной державы на Дальнем Востоке, царская Россия была вынуждена отказаться от интересов в Южной Маньчжурии и перенести внимание на Монголию»[39]. В частности, по ст. 3 русско-японской конвенции 17(30) июля 1907 г. были признаны особые интересы России в Монголии, при этом в секретной ноте отмечалось, что признание интересов России не должно нарушать status quo и равные преимущества в стране. На повышение внимания к Монголии также повлияла необходимость разграничения интересов в Центральной Азии с Англией (в том числе в рамках решения «тибетского вопроса»).

В период после Синьхайской революции российская политика в Китае была направлена преимущественно на сохранение влияния в уже существовавших сферах интересов (Северная Маньчжурия, Монголия, Синьцзян, Урянхайский край)[40]. Первая мировая война

---

[36] Царская Россия и Монголия. С. 8.
[37] *Paine S.C.M.* Imperial Rivals. P. 274–275.
[38] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 538–539, 549–550.
[39] *Tang P.* Russian and Soviet Policy. P. 288.
[40] *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX в. С. 48–49.

и революции 1917 г. препятствовали использованию Россией плодов ее активности в Монголии в полной мере, но стали прологом к интенсификации трансграничных связей на Дальнем Востоке, формированию сил и средств для выстраивания принципиально новых по форме, но сохранивших признаки прежнего содержания отношений России с Монголией и Китаем.

В отличие от политического, экономический интерес России к Монголии проявился и неизменно возрастал еще с XVII в. Приграничные хозяйственные контакты с этой страной (торговля, использование сельхозугодий) имели большое значение для населения Сибири[41]. В инструкции Коммерц-коллегии 1725 г. предполагавшемуся консулу в Пекине Л. Лангу четко просматриваются особенности задач, которые впоследствии ставились перед российскими консульствами в Китае и отличали их от подобных учреждений России в Западной Европе. Если вторые должны были создавать условия и стимулировать развитие коммерческих отношений со странами пребывания, то первые — упорядочивать уже существующие связи, т.е. выполнять судебно-контрольные и полицейские функции, так как маньчжурские власти были обеспокоены нередко встречавшейся нечистоплотностью российских купцов в торговых операциях[42]. Как и в планах по созданию должности консула в Пекине, главной целью правительства при организации этого института в Монголии было установление надежного и прямого контроля над российскими подданными[43]. Ввиду многочисленных жалоб китайских купцов на нечестный торг русских в Урге было разрешено приезжать в Монголию только партиями по 30 человек в сопровождении «детей боярских» из Иркутска с инструкцией, заверенной государственной печатью. В 1723 г. была создана должность судебного пристава, приводившего караваны в Ургу, но упразднена в 1762 г.[44].

С ускорением развития российского капитализма во второй половине XIX в. крупные фирмы обратили внимание на Монголию как на рынок сбыта промышленной продукции и источник сырья, а также как транзитную территорию для торговли с Китаем. Важным фактором активизации исследования Монголии как рынка была стагнация торговли с Китаем на центральноазиатских рубежах в 1860–1870-х годах в связи с дунганским восстанием в Синьцзяне. При этом и в начале XX в. в государственных кругах превалировала позиция о нецеле-

[41] *Мясников В.С., Шепелева Н.В.* Империя Цин и Россия. С. 138–141.
[42] *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границею. С. 181–182.
[43] *Шафрановская Т.К.* Путешествие Лоренца Ланга. С. 189–205.
[44] *Уляницкий В.А.* Указ. соч. С. 183.

сообразности развития в Монголии российских промышленных предприятий, так как ее функцией, с точки зрения внешнеэкономических планов России, было потребление российской продукции, а не ее производство.

Статьями Тяньцзиньского и Пекинского договоров были сняты ограничения на торговлю России с Монголией, что в существенной мере способствовало включению последней в орбиту российского экономического влияния[45]. Однако российская торговля в Монголии была уникальна тем, что отечественный капитал проник в страну самостоятельно, без концессий, как в другие регионы Дальнего Востока[46]. Договоры России с Китаем 1858 и 1860 гг. регламентировали де-факто существовавший российско-монгольский обмен и предоставили новые возможности для его развития, а не создали условия для его возникновения.

Заключение Пекинского договора стало прологом для появления в Монголии в 1861 г. первого российского консульства[47]. Ввиду особого характера российской торговли в Монголии специфичной была и цель назначения в Ургу императорского консула[48]. С самого начала консульство задумывалось не как орган, стимулирующий торговлю, а как институт, «покровительствующий» торговле[49], упорядочивающий российско-монгольские хозяйственные отношения и жизнь российских подданных в Монголии, защищающий их от притеснения маньчжурских властей и недобросовестной конкуренции китайских купцов. Учредить консульство Россия поспешила сразу по заключении Пекинского договора. Возвращавшийся с переговоров 1860 г. граф Н.П. Игнатьев лично выбрал место под его здание[50].

---

[45] *Мясников В.С., Шепелева Н.В.* Китай и Монголия. С. 141.

[46] Царская Россия и Монголия. С. 7.

[47] Первый консул К.Н. Боборыкин прибыл к месту служения 4 июня 1861 г.

[48] Урга — историческое русское название столицы Монголии, современного Улан-Батора. Монгольские названия: Их-Хурээ («Большой круг»), Да-Хурээ («Великий монастырь») — 1706–1911 гг., Нийслэл-хурэ («Столичный монастырь») — 1911–1924 гг. «Урга» — русская транслитерация монгольского названия «оргоо» («ставка знатного лица»), которое было дано городу при основании в XVII в. (место пребывания первого главы монгольской буддийской церкви — Ундур-гэгэна). Главный священный город дореволюционной Монголии во второй половине XIX в. превратился в крупный торговый, а с 1911 г. и административный центр.

[49] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1885. № 10. С. 616.

[50] По данным И.Я. Коростовца, Н.П. Игнатьев сделал это во время остановки в Урге по пути в Пекин в 1859 г. (*Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 202–203).

На пост консула в Урге 24 декабря 1860 г. кандидатуру выдвинул и.о. Кяхтинского пограничного комиссара В.Д. Карпов, однако А.М. Горчаков назначил на эту должность начальника штаба Его Высочества подполковника К.Н. Боборыкина (с 1863 г. — полковник), а его помощником — переводчика при Кяхтинском градоначальстве Я.П. Шишмарева[51]. В 1861 г. последний был назначен на должность секретаря консульства, но фактически с конца 1861 г. он исполнял обязанности консула ввиду временного отсутствия, а затем — окончательного отъезда К.Н. Боборыкина из Урги весной 1863 г. 2 марта 1865 г. указом Александра II Я.П. Шишмарев был официально назначен консулом в Урге. В инструкции первому консулу в Монголии К.Н. Боборыкину предписывалось содействовать формированию добрых отношений российских и китайских подданных для развития российско-монгольской сухопутной торговли[52].

Таким образом, при создании консульства в Урге декларированные цели империи лежали в экономической плоскости[53]. Однако своеобразие положения Халхи по сравнению с другими окраинами Китая и необходимость защищать престиж России в условиях противодействия маньчжурской администрации деятельности российских представителей в регионе вскоре обнаружили особую политическую значимость консульства в Урге. Уже в 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (Карсаков) ходатайствовал перед директором Азиатского департамента МИДа П.Н. Стремоуховым о преобразовании консульства в генеральное[54]. Тем не менее только по заключении Петербургского договора Я.П. Шишмарев был возведен в звание генерального консула (1882 г.)[55].

Поскольку с 1870-х годов активное развитие получил западномонгольский вектор российской торговли[56], в новом — Петербургском —

[51] Русский консул в Монголии. С. 15.

[52] Там же. С. 14.

[53] *Paine S.C.M.* Imperial Rivals. P. 272.

[54] Русский консул в Монголии. С. 15.

[55] В 1905 г. статус учреждения был понижен до консульства, в 1908 г. возвращен, в марте 1911 г. вновь понижен, с августа 1913 г. возвращен. При этом Я.П. Шишмареву было присвоено звание «генерального консула лично». В.Ф. Люба получил такое звание в 1911 г.

[56] В записке секретаря консульства в Урге И.В. Падерина от 16 сентября 1872 г. сообщается, что официально торговля с Западной Монголией началась в 1870 г. и стала «на прочные начала» уже к 1872 г. Торговля российского Алтая (купцов из г. Бийска) с данным регионом Монголии велась и ранее через пограничные караулы Суок, Как, Юстыд и др. (АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 137. Л. 3).

договоре с Китаем 1881 г. Россия зафиксировала право на открытие в Улясутае и Кобдо дополнительных консульских учреждений. После 1881 г. российская торговля устремилась в глубь монгольских степей, во многих селениях образовались фактории. К началу XX в. основными центрами российской торговли и колонизации являлись Улясутай[57], Кобдо[58], Ван-Курень (Ван-Хурэ), Цзаин-Шаби (Цэцэрлэг, Уланком (Улаангом)[59]. Однако, несмотря на значимость для России торговли с Монголией, консульская сеть в западной части страны стала создаваться лишь с середины первого десятилетия XX в. в связи с трансформацией взглядов на место Монголии в системе внешнеполитических приоритетов России.

С 1890-х годов в России торговля со странами Дальнего Востока стала рассматриваться как инструмент влияния в регионе. Иначе говоря, торговля, ранее являвшаяся стержнем российской политики в Монголии, стала восприниматься как ее средство. Целью же стало превращение этой страны в один из опорных пунктов, обеспечивающих сохранение баланса сил в отношениях России с великими державами и Китаем и status quo в дальневосточной подсистеме.

Правительство полагало, что купечество станет надежным проводником российского влияния в Халхе и Западной Монголии, и не предпринимало мер стимулирования экспорта российской продукции в регион. Однако с 1890-х годов он стал многократно уступать по объемам импорту сырья. Дело в том, что в этот период резко усилилась конкуренция со стороны китайских купцов: с конца 1890-х годов те стали завозить недорогую и качественную промышленную продукцию из Европы и США, что подрывало возможности российского экспорта[60]. Отсутствие у России четкой политики в отношении Монголии, налоговых и таможенных льгот, неразвитость коммуникаций в Монголии и приграничной полосе России, спекулятивный характер

---

[57] Улясутай (монг. Джавхлант, Джибхаланту — «тополь») — историческое название современного города Улиастай в Монголии, центра Дзабханского (Завханского) аймака. Основан в 1733 г. как крепость, превратился в главный административный центр Внешней Монголии, складской и перевалочный пункт, базу хошунной торговли. В 1780–1911 гг. в Улясутае находилась резиденция маньчжурского наместника (цзянцзюня).

[58] Кобдо (монг. Джаргалант, Дунд-Ус) — русифицированное название города Ховд в Монголии, центра современного Ховдского аймака. Старейший город Монголии (в 1685 г. на месте будущего города Галдан Бошокту-хан создал свою ставку), культурный и экономический центр Западной Монголии. С 1766 г. стал административным центром Кобдоского округа.

[59] *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-промышленном отношении. С. 102–125.

[60] Царская Россия и Монголия. С. 10.

торговли, примитивная кредитно-финансовая инфраструктура, низкий культурный уровень купцов наряду с противодействием местных властей, конкуренцией китайцев, малой емкостью местного рынка предопределили низкую эффективность торговли как средства российского влияния в Монголии. Когда в 1909–1910 гг. торговля вступила в фазу кризиса, правительство России осознало, что без комплексной поддержки отечественные предприниматели не смогут стать надежным инструментом укрепления российских позиций в стране.

Серьезному обсуждению проблема улучшения условий торговли в Монголии впервые подверглась только в 1909 г. на Особом междуведомственном совещании по исследованию монгольского рынка при Министерстве торговли и промышленности[61]. В связи с кризисом российской торговли в Монголии в 1910 г. прошли дискуссии с участием представителей различных министерств и научных кругов России на Междуведомственном совещании по пересмотру Петербургского договора, а также на совещаниях при Министерстве торговли и промышленности в 1910–1911 гг.[62], заседаниях «Русского экспортного товарищества», на совещании в Семипалатинске (март 1911 г.)[63]. Были предложены отдельные меры стимулирования экспорта[64], обращено внимание на культурный и торгово-экономический факторы усиления влияния в Монголии. Комплексная же программа государственной поддержки хозяйственной деятельности российских подданных в Монголии была выработана уже после объявления Халхой независимости — по итогам Особого междуведомственного совещания под председательством иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева 11–24 июня 1913 г.[65].

С повышением стратегического значения Монголии для России напрямую соотносилась динамика создания новых консульских учреждений в этой стране. Реализовать право на открытие в Западной Монголии новых консульств, по мере увеличения торговых оборотов с данным регионом, предлагалось еще с начала 1890-х годов. В 1894 г. с таким предложением выступило Министерство финансов, а в 1902 г. — консул в Урге[66], а также консул в Чугучаке[67]. Консул в Урге пред-

[61] Там же. С. 11.
[62] РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 96–111.
[63] *Н.К.* Исторический очерк торговли. С. 14.
[64] Биржевые ведомости. 21.07.1910; Новое время. 05.10.1910.
[65] См.: Журнал Особого Междуведомственного совещания.
[66] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 168.
[67] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 2 об.–3 об.

лагал рационализировать работу МИДа в Монголии за счет дополнительных агентств в нескольких местностях, не упомянутых в договорах, но важных для российского предпринимательства (кяхтинском Маймачэне, Цзаин-хурэ, в Цэцэн-ханском аймаке, на Иринских приисках «Монголора»)[68]. Однако эти ходатайства отклонялись, что отражало недооценку МИДом значимости Монголии для политико-стратегических интересов России до Русско-японской войны.

В свою очередь, вопрос о недостаточном представительстве интересов России в Монголии был поднят самим МИДом в 1905 г. в связи с активизацией мероприятий цинского правительства, направленных на увеличение зависимости западных округов от Пекина, стимулированием миграции китайского населения в эту часть страны, ростом присутствия в ней Японии. Необходимость получения точных и своевременных данных о выходящей из-под контроля ситуации в западномонгольской сфере влияния была стимулом к началу переговоров о создании императорского консульства в данном регионе[69]. В мае 1905 г. МИД принял решение об учреждении нового консульства в Западной Монголии в г. Улясутае, и 28 ноября 1905 г. Николай II утвердил соответствующее решение Государственного совета[70].

Процесс согласования с Китаем вопроса об организации консульства в Улясутае был серьезно затруднен, так как цинское правительство, используя неточность формулировки ст. 10 Петербургского договора, отказывалось легализовать деятельность учреждения. Упомянутая неточность позволяла Пекину спекулировать на предмет степени развития российской торговли в Западной Монголии, от чего зависели судьба беспошлинной торговли России с этим регионом и возможность создания новых консульств[71]. Дипломатическая миссия в Пекине пыталась реализовать право России на открытие нового консульст-

---

[68] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 101–102; Д. 566. Л. 138 об.; Д. 623. Л. 54–57. «Монголор» — Акционерное общество рудного дела Тушэту-ханского и Цэцэн-ханского аймаков, занимавшееся разработкой полезных ископаемых в Монголии и Северном Китае (создано 13 марта 1900 г.). Было преемником геологоразведочного синдиката Русско-Китайского банка на территории концессии, предоставленной цинским правительством В.Ю. фон-Гроту. В 1906 г. Общество приобрело концессионные права Маньчжурского горнопромышленного товарищества. Имущество «Монголора» национализировано на основании декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 20 июля 1918 г.

[69] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 6 об.–7.

[70] Там же. Л. 10.

[71] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. С. 734–735.

ва таким образом, чтобы режим беспошлинной торговли с Монголией был сохранен[72].

Исполняющий обязанности консула в Улясутае прибыл к месту служения 26 июня 1906 г.[73], но его пребывание до официального открытия учреждения было представлено как временная командировка сотрудника Министерства иностранных дел для разбора торговых споров[74]. Осенью 1906 — зимой 1907 г. в МИДе серьезно рассматривался вопрос об уступках Пекину по введению пошлин на торговлю с Монголией, что подчеркивало возросшую стратегическую значимость для России присутствия ее официального представителя в Западной Монголии[75]. Однако по настоянию посланника Д.Д. Покотилова Россия сохранила твердость в вопросе о беспошлинном режиме, в результате чего МИД игнорировал требования Вай-у-бу[76] о введении пошлин в срок до марта 1908 г. Тем не менее ввиду неуступчивости Пекина России пришлось принять условие, предложенное им в качестве альтернативы отмене беспошлинной торговли в Монголии, — разрешить открытие генерального консульства Китая во Владивостоке. 28 марта 1909 г. Вай-у-бу согласилось на создание консульства в Улясутае[77].

Вопрос о консульстве в Кобдо активно обсуждался в МИДе с 1905 г., однако только в конце 1907 г. дипломаты в Урге и Улясутае смогли доказать его неотложность[78]. Активные военно-административные преобразования и китайская колонизация в Монгольском Алтае с 1904 г., строительство крепости Шара-Сумэ обусловили возрастание стратегической значимости этого района для России как в военном отношении (алтайский участок границы не был укреплен), так и в связи с осложнением «урянхайской» проблемы и миграцией киргизов (китайских подданных) в российские пределы. Еще одной существенной проблемой были многочисленные нарушения прав русских в Кобдо-Алтайском округе маньчжурской властью, отказывавшейся сотрудничать с консульством в Улясутае[79].

---

[72] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 14.

[73] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 9.

[74] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 20–20 об.

[75] Там же. Л. 40.

[76] Вай-у-бу (кит. 外务部) — внешнеполитический орган Китая, аналог Министерства иностранных дел.

[77] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 50 об.

[78] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 79 об.–80.

[79] Там же. Л. 163.

Из-за переноса резиденции старшего кобдоского амбаня из Кобдо в Шара-Сумэ оговоренный ст. 10 Петербургского договора для открытия консульства пункт Кобдо предлагалось заменить на Шара-Сумэ. Ввиду серьезности ситуации рассматривались даже меры силового давления на Пекин[80]. В феврале 1910 г. новый консул в Улясутае принципиально поставил вопрос об удалении из Шара-Сумэ амбаня Си Хэна, не признававшего полномочия российского представителя, и создании в этом пункте консульства[81]. Посланник в Китае И.Я. Коростовец в марте 1910 г. подчеркнул необходимость укрепления позиций России на северо-западной границе с Китаем, где Пекин еще не добился полного контроля. Анализируя неутешительную картину «урянхайского» вопроса, он поддержал мнение о насущности проблемы создания нового консульства России в Шара-Сумэ и необходимости подготовки силового давления на Пекин в случае отказа (ввод в Улясутай усиленного конвоя из 200 казаков и 2 орудий)[82].

Открытие консульства в Шара-Сумэ сопровождалось не менее напряженными прениями между МИДом и Вай-у-бу[83]. Китайская сторона, продолжавшая курс на ограничение влияния иностранных держав на своей территории, пыталась убедить российскую в том, что Шара-Сумэ является лишь походным лагерем, а не административным центром округа и что количество русских в нем, как и масштабы российско-монгольской торговли, недостаточны для открытия консульства. В мае 1910 г. и.о. поверенного в делах в Пекине М.С. Щекин поставил перед Вай-у-бу вопрос о необходимости учредить российское консульство в этом пункте[84]. Попытки князя Цина оправдать незаконный снос построек русских купцов маньчжурскими властями в Западной Монголии стали поводом к началу обсуждения силовых мер давления на Пекин по вопросу открытия консульства[85]. В сентябре 1910 г. МИД принял решение командировать на Алтай специального чиновника В.Ф. Любу, прибывшего в Шара-Сумэ в августе 1911 г.

Получив распоряжение добиваться открытия консульства любой ценой, М.С. Щекин в переговорах с Вай-у-бу прибег к расширительному толкованию статьи Петербургского договора, указав, что условием для открытия консульства в Шара-Сумэ является развитая

[80] Там же. Л. 164.
[81] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 3–4, 18 об.
[82] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 7–8.
[83] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 972. Л. 3–11.
[84] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 13, 20.
[85] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 42–42 об.

торговля во всем Алтайском округе, а не только в самом городе. В результате силового давления в феврале 1911 г. Пекин согласился на учреждение поста консула в Шара-Сумэ[86]. Решение об этом было высочайше утверждено императором 21 июня 1911 г.[87]. Пользуясь благоприятной политической конъюнктурой, в сентябре 1911 г. посланник И.Я. Коростовец добился согласия Вай-у-бу на назначение консулами сотрудников Министерства иностранных дел как в Шара-Сумэ, так и в Кобдо, в зависимости от обстоятельств и усмотрения правительства в Петербурге[88].

Наиболее насыщенным «монгольский вектор» политики России на Дальнем Востоке стал с середины 1911 г. в связи с развитием освободительного движения монголов, которое привело к усилению российского влияния в Монголии. Однако в планы России не входили ни установление над страной протектората, ни гарантии независимости режима богдо-гэгэна, ни поддержка создания Великого монгольского государства на пространстве от Урянхая до Южной Монголии. Петербург поддержал монголов лишь в той мере, в которой это не угрожало интересам России, в частности сохранению status quo на Дальнем Востоке и равновесия в отношениях с Китаем, Японией и Англией[89]. Комплекс проблем, связанных с определением судьбы Монголии с конца 1911 г. и укреплением в стране российского влияния, активно обсуждался в правительственных, торгово-промышленных и научных кругах[90], а также иностранными дипломатами (например, У. Рокхилом[91]). Большинство участников дискуссий считали, что Монголия не готова к независимости и Россия не должна способствовать ее достижению как из-за угрозы вооруженного столкновения с Китаем и Японией, так и по причине неспособности к конкуренции с иностранным капиталом в случае открытия страны для международной торговли[92]. Поддержка монгольской независимости также была чревата отвлечением внимания России от усугублявшегося международного кризиса в Европе[93].

---

[86] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 211.

[87] Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. С. 207.

[88] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 102.

[89] *Clubb O.E.* Russia and China. P. 152.

[90] См.: *Кузьмин Ю.В.* Позиция демократической интеллигенции; *он же.* Русско-монгольские отношения в 1911–1912 годах.

[91] Царская Россия и Монголия. С. 44.

[92] *Paine S.C.M.* Imperial Rivals. P. 292; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. С. 2170–2171.

[93] *Swartz H.* Tsars, Mandarins and Commissars. P. 86.

До весны 1912 г. Петербург занимал выжидательную позицию в отношении ситуации в Монголии и вел переговоры с правительством Китайской Республики. Однако после провала переговоров Россия, опасаясь обращения Юань Шикая к иностранной помощи[94] и «открытия» Монголии, решила оформить свои отношения с богдо-гэгэновским правительством на приемлемых для нее условиях и 21 октября 1912 г. подписала с Ургой соглашение о признании автономии Монголии[95]. Заключение данного соглашения обеспечило России поступательный рост влияния в стране до 1915 г., дальнейшая институционализация которого выразилась в создании новых и повышении статуса существовавших консульских учреждений. В августе 1913 г. консульство в Урге было вновь преобразовано в генеральное, а статус его главы повысился до дипломатического агента. Включение Алтайского округа в состав Синьцзяна в 1913 г. обусловило выход консульства в Шара-Сумэ из числа «монгольских». 30 июня 1913 г. царским указом консульство в Кобдо и Шара-Сумэ было переименовано в «консульство в Шара-Сумэ». В целях усиления российского надзора над деятельностью монгольских властей в Северо-Западной Монголии в г. Кобдо учреждалось отдельное представительство[96], которое открылось 11 сентября 1913 г.

После заключения тройственного российско-китайско-монгольского соглашения 1915 г. консульская система России в Монголии была расширена посредством учреждения в сентябре 1915 г. вице-консульства в кяхтинском Маймачэне. Идею его создания высказывали Я.П. Шишмарев в 1910 г. и И.Я. Коростовец в 1912 г.[97]. Однако практическое значение для российского правительства она приобрела лишь в связи с возвращением в Монголию и Кяхту китайских купцов, когда выявилась полная неспособность богдо-гэгэновского правительства контролировать ситуацию на границе. Вице-консулу были вменены широкие судебные функции, право надзора за российскими подданными в Монголии.

Ряд проектов по расширению консульской сети в Монголии, выдвигавшихся самими консулами, остался нереализованным. В частности, не было учреждено консульское агентство на Иринских приисках (1910–1911) — в местности работы «Монголора» (район нынешнего

[94] *Полевой С.А.* Периодическая печать в Китае. С. 54–78.
[95] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 178.
[96] *Кожирова С.Б.* Российско-китайская торговля в Центральной Азии. С. 107.
[97] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 110–110 об.; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 137 об.

г. Эрдэнэт), где русские из-за отсутствия компетентных органов вынуждены были обращаться с жалобами к маньчжурским чиновникам, что нарушало принцип экстерриториальности[98]. Не получило поддержки и предложение консула в Улясутае А.А. Вальтера в конце 1915 г. об учреждении консульского надзора в Прикосоголье (в районе оз. Хубсугул) посредством создания вице-консульства в Хатхыле (Хатгале), несмотря на то что в области нарушались права российских подданных[99].

Таким образом, к началу XX в. в Монголии сформировалась целая сеть консульских учреждений, ставшая оплотом защиты интересов российского государства и его подданных на пространстве от Тарбагатайского хребта до Приманьчжурья. Процесс ее создания напрямую зависел от эволюции политики России в отношении Монголии, направленной на расширение влияния в данной стране. Однако благодаря подписанию Кяхтинского соглашения об автономии Монголии в 1915 г. и внешне- и внутриполитическим затруднениям, с которыми столкнулась Россия в 1914–1917 гг. (вступление в мировую войну, Февральская и Октябрьская революции), Китай смог быстро восстановить позиции на монгольском рынке. Экономико-политические преимущества в Монголии, достигнутые в результате дипломатической борьбы с Китаем, активности консулов и предпринимателей, были утрачены Россией уже к началу 1917 г. После Октябрьской революции прекратило существование государство, интересы которого обязались представлять консульства, но до осени 1920 г., когда Монголию покинули последние российские дипломаты, они оказывали посильную помощь соотечественникам.

Правовая и организационная база российского консульского института в Монголии

Правовые основы консульской службы России в Монголии были заложены договорами и соглашениями с Китаем и Монголией, российскими правовыми актами и международными обычаями и правилами. При этом, несмотря на то что изначально перед консульствами в Монголии фактически ставилась задача защиты как экономических, так и политико-стратегических интересов России[100], официальные до-

[98] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 101–103; Д. 566. Л. 19–19 об.
[99] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 54–57.
[100] *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. С. 138.

кументы, регулировавшие работу консулов до 1917 г., подробно регламентировали лишь экономическую составляющую их деятельности[101].

Первым российско-китайским договором, регулировавшим порядок консульских контактов между двумя государствами, стал Тяньцзиньский трактат от 1(13) июня 1858 г. Согласно ст. 5, Россия получила право назначать своих представителей в любые портовые города Китая, открытые для иностранной торговли, и в случае необходимости могла направлять туда военные суда. Деятельность российских консулов в Китае регламентировалась общими правилами, принятыми для иностранцев, в том числе в вопросах, касающихся их взаимодействия с местными властями, аренды и покупки земли под дома, склады, церкви и т.д. Статья 7 определяла порядок работы консульского суда над российскими подданными в открытых для иностранной торговли пунктах[102]. Большое значение для взаимодействия китайских и российских властей в Китае имел принцип их равенства (ст. 2).

Пекинский договор от 2(14) ноября 1860 г., установивший восточную и частично западную границы России с Китаем, обеспечивал право россиян вести беспошлинную торговлю вдоль всей пограничной линии, а также свободу операций торговцев из обоих государств в открытых для торговли местах. Договор предоставлял России возможность учреждения консульства в столице Монголии Урге (ст. 5)[103]. Кроме того, он определил порядок заграничной торговли с выдачей свидетельств и ограничения, касающиеся количества участников торга в Урге и Калгане (не более 200 человек). Согласно ст. 8, консулу в Урге разрешалось арендовать жилые помещения в месте своего пребывания. Вопросы отвода земли под консульство, фактории и пастбища российский представитель должен был решать самостоятельно путем переговоров с маньчжурскими и монгольскими властями. Статья 8 разъясняла порядок сношений консула с местным начальством, обязанности обеих сторон по расследованию преступлений и ведению судебных разбирательств, а также при рассмотрении взаимных торговых споров.

Претензии по торговым сделкам должны были разрешаться выборными торговыми старшинами, при этом консулы и местные вла-

[101] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 132 об.–133.

[102] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 64–69.

[103] В соответствии со ст. 5 Пекинского договора Россия сначала учредила консульства в Тяньцзине и Урге, вице-консульство в Чифу и могла ввести должность генконсула в Пекине. По ст. 8 разрешалось открыть консульство в Кашгаре, но оно было создано в 1882 г. (Сборник договоров России с Китаем. С. 159–173).

сти могли лишь содействовать примирению, не беря на себя ответственности по искам. Сотрудник консульства вместе с представителем местной администрации заверял письменные обязательства обеих сторон при заказах товаров, аренде помещений и пр., а также побуждал участников сделки исполнять зафиксированные обязательства в случае неустойки. По соглашению с местным начальством консул должен был разбирать жалобы и претензии, в том числе и неторгового характера, и определять меры наказания для виновных по законам своего государства, разыскивать беглых русских на территории Цинской империи и даже в случае укрывательства их китайцами. При разборе особо тяжких уголовных дел консульство производило следствие и в случае установления виновности отправляло совершившего преступление в Россию для отбывания наказания. Статьи 11 и 12 устанавливали форму «письменных сношений» консула с китайским пограничным начальством, а также порядок отправки почтовых сообщений для двух государств (ст. 11)[104]. Учреждение консульства в Урге позволяло России самостоятельно решать многие вопросы в Монголии без посредничества цинского правительства[105].

Санкт-Петербургский договор от 12(24) февраля 1881 г. закрепил старые и предоставил новые права и привилегии российским подданным в Монголии. Статья 10 договора закрепила за Россией право открыть консульства в Сучжоу (Цзяюйгуань), Турфане и «по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством» учредить консульства в Кобдо, Улясутае, Хами, Урумчи и Гучэне[106]. Китайские власти обязывались оказывать новым консулам всяческое содействие, решать двусторонние дела по взаимному согласию (ст. 10, 11). Договор подтверждал право на строительство и аренду подданными России жилых и торговых помещений в пунктах нахождения консулов (ст. 13). В ст. 12 оговаривалось право Китая отменить беспошлинную торговлю в случае необходимости установления нового таможенного тарифа, но только в результате переговоров с Россией.

Для регламентации административной деятельности консулов особенно важны были «Правила приграничной сухопутной и морской

[104] До открытия консульства в Урге переписка российских приграничных властей — генерал-губернатора Восточной Сибири и градоначальника Кяхты — с властями Внешней Монголии велась через кяхтинского пограничного комиссара, который передавал документы кяхтинскому дзаргучею. Ургинские же амбани передавали свои бумаги к российским властям кяхтинскому дзаргучею, который, соответственно, доставлял их кяхтинскому пограничному комиссару (Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 70–79).

[105] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. С. 107.

[106] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 117–124.

торговли между Россией и Китаем» 1862 г.[107] и аналогичные документы 1869 и 1881 гг.[108], поскольку они устанавливали механизм паспортного режима (контроль за наличием свидетельств и их выдача).

За 30 лет, прошедших после подписания Петербургского договора, в российско-китайской торговле произошли существенные изменения, что побудило китайскую сторону поставить вопрос о преобразовании режима и инфраструктуры экономических связей. Пекинское правительство стремилось к отмене беспошлинной торговли с Россией и прилагало усилия к дискредитации установленного договором режима. На практике это выражалось в попытках цинских властей саботировать обеспечение некоторых договорных прав российских подданных. В результате напряженных переговоров 1910–1911 гг. по пересмотру договора России удалось добиться сохранения беспошлинной торговли в Монголии и Западном Китае[109]. Решение Особого совещания Совета министров закрепило продление действия Петербургского договора до 20 августа 1921 г.[110].

Документы, подписанные Россией с Монголией в период 1911–1915 гг., создавали дополнительные преимущества для расширения императорской консульской сети. Так, статья 1 российско-монгольского соглашения от 21 октября (3 ноября) 1912 г. и протокол к нему давали российским подданным исключительные экономические права[111], а в соответствии со ст. 8 протокола за Россией закреплялось право назначать консулов в те пункты Монголии, где российское правительство признает необходимым. По данному документу Россия могла увеличить число консульских представителей и факторий в местах нахождения консулов, которые должны были управляться исключительно консулами или (за неимением таковых в определенных пунктах) торговыми старшинами (ст. 9). Статья 11 соглашения разрешала бесплатное пользование консулами и другими официальными российскими лицами монгольской казенной почтой для пере-

[107] Там же. С. 91–95.

[108] Обновленные правила пограничной сухопутной и морской торговли между Россией и Китаем, 15 апреля 1869 г. // Там же. С. 101–107; Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем, принятые согласно С.-Петербургскому договору, 12 февраля 1881 г. // Там же. С. 125–131.

[109] *Cheng Tien-Fang.* A History of Sino-Russian Relations.

[110] *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии. С. 81.

[111] Соглашение между Россией и Внешней Монголией о признании автономии Внешней Монголии. 21 октября (3 ноября) 1912 г.; Протокол к соглашению между Россией и Внешней Монголией о признании автономии Внешней Монголии. 21 октября (3 ноября) 1912 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 550–557.

сылки корреспонденции (не более 100 лошадей и 30 верблюдов в месяц), а для частных поездок — теми же почтовыми станциями, но на возмездной основе.

Статья 16 была нацелена на преобразование порядка участия российских консулов в документальном обеспечении российско-монгольских и российско-китайских торговых сделок. Данное соглашение предоставляло право свидетельствовать сделки у местных монгольских властей, а к российским консулам участники соглашений должны были обращаться только в случае недоразумений с монгольскими властями. В то же время сделки с недвижимостью и в области эксплуатации природных ресурсов в Монголии должны были совершаться письменно и утверждаться монгольскими властями и российскими консулами. Статья 16 также описывала роль консулов в разрешении споров между участниками торговых отношений. Если споры не удавалось прекратить полюбовно через посредников, они передавались в производство постоянных и временных судебных комиссий, обязательными членами которых были российские консулы и представители монгольского правительства. Консул исполнял судебное решение в отношении российских подданных сразу же по вынесении его комиссией[112].

Кяхтинское соглашение от 25 мая (7 июня) 1915 г. подтверждало все консульские права России, зафиксированные в соглашении 1912 г., а также уточняло статус российских консулов и китайских комиссаров в автономной Монголии[113]. В документе особо подчеркивались равноправное положение представителей России и Китая в отношениях с правительством Монголии и обязательство первых не вмешиваться во внутренние дела страны, а лишь участвовать в обсуждении вопросов внешней политики правительства богдо-гэгэна. Статья 9 утверждала права российского консула и представителя Китайской Республики на частные аудиенции правителя Монголии богдо-гэгэна. В ст. 8 оговаривалось общее число конвойных казаков при российских консульствах (не более 150 человек в Урге, не более 50 человек в других пунктах пребывания консулов). Статьи 15 и 16 соглашения разъясняли порядок производства консульского суда по делам с участием российских, китайских и монгольских подданных[114].

---

[112] Протокол к соглашению между Россией и Внешней Монголией о признании автономии Внешней Монголии, 21 октября (3 ноября) 1912 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 556.

[113] Кяхтинское трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии. 25 мая 1915 г. // Там же. С. 420–425.

[114] Там же. С. 422.

Таким образом, в течение изучаемого периода международно-правовая база деятельности российских консульств в Монголии расширилась. Однако основные договоры не дополнялись специальными документами, конкретизировавшими полномочия консулов и порядок их взаимодействий с китайскими и монгольскими властями, что давало поводы для противоречий с местными чиновниками, особенно на ранних этапах функционирования российских загранпредставительств.

Говоря о национальной юридической основе деятельности российских консульств в Монголии, следует отметить, что с развитием капитализма в России, а также возросшей взаимозависимостью политического и экономического измерений международных контактов внутрироссийские законодательные нормы, регламентировавшие деятельность консульских учреждений за рубежом, находились в состоянии перманентного реформирования. До 1893 г. российские консулы на Востоке руководствовались положениями Торгового устава, поскольку воспринимались в первую очередь как инструменты укрепления экономического влияния[115]. Первый Консульский устав, конкретизировавший принципы и задачи деятельности консульств в Азии[116], синхронизировавший их с основами деятельности консульств на Западе, вышел в 1893 г. Вместе с тем в нем подчеркивалось, что консульствам на Востоке вменялись дополнительные функции (поиск новых рынков сбыта, координация морской торговли, сбор информации)[117].

Консульский устав 1903 г., действовавший до 1917 г.[118], вобрал в себя отредактированные положения всех предыдущих уставов (1820, 1858, 1887 и 1893 гг.). Документ разъяснял круг обязанностей консулов (ст. 1, 2), описывал структуру консульского института и его внутреннюю субординацию (ст. 5), процедуру выбора кандидатур и назначения консульских представителей, порядок направления донесений в МИД и Министерство финансов, служебных командировок и т.д. (ст. 6–10)[119]. Особо выделялись указания о поддержании престижа

---

[115] Права и обязанности консулов в Европе и Северной Америке были закреплены в первом Консульском уставе от 25 октября 1820 г.

[116] К этому времени консульская сеть в азиатских странах существенно расширилась — учреждения были открыты в Китае, Японии, Корее, Турции, Персии.

[117] При составлении консульских уставов XIX — начала XX в. были учтены многие положения инструкций предполагаемым консулам в Китае (относительно статуса, обязанностей, юрисдикции и пр.), разработанных еще в 1710–1720-х годах (см.: *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границею. С. 185–188).

[118] Свод законов Российской империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. 2. С. 1163–1190. В 1906 г. в Устав были внесены дополнения.

[119] Там же. С. 1165.

России консулами и воспитании идеалов чести и достоинства в участниках экономической деятельности торгового и «корабельного» сословий. «Блюсти честь русского имени», в частности, означало не изменять взятым обязательствам, не обманывать контрагентов, не допускать иных видов «бесчестия»[120]. Те же благородные качества и этикет предписывалось употреблять и в отношениях консулов с властями любого уровня государств их пребывания. Консулу надлежало «не предъявлять таких требований, которые могли бы дать повод к несогласиям», и даже в самых сложных диалогах уметь «поддерживая собственное достоинство, не терять из вида должного уважения к правительству» принимающего государства (ст. 99)[121].

Однако из всех существовавших областей консульской деятельности Консульский устав подробно регламентировал лишь защиту морской торговли. Существенной слабостью консульского законодательства было отсутствие документов, детально описывавших содержание и механизмы судебной деятельности загранпредставительств. Консульский судебный устав, над которым работали лучшие юристы России в конце XIX — начале XX в., так и не был создан.

Консульский устав также не содержал указаний по выполнению все более явственно проявлявшихся в странах Востока дипломатических или агентурных функций консульств. Их информационно-аналитическая работа сводилась лишь к сбору и анализу сведений, относящихся к состоянию рынков стран пребывания, торгово-экономическим возможностям России на данных рынках, конкуренции с иностранными державами. Один раз в год консулы должны были составлять отчет о движении российской торговли и общей экономической конъюнктуре в своем округе (ст. 92), а также своевременно информировать МИД, Министерство торговли и промышленности и Главное управление торгового мореплавания и портов обо всех важных для отечественной торговли хозяйственных изменениях в стране пребывания (ст. 93). Вследствие синхронизации Устава с российско-китайскими договорами в данном документе предпринята попытка обозначить специфику деятельности и расширенные полномочия консулов в Монголии (ст. 190)[122]. Подчеркивалось, что в судопроизводстве консульств в отношении российских подданных по преступлениям, совершенным ими на территории Китая и Кореи, сотрудники МИДа должны руководствоваться договорами, заключенными с правитель-

[120] Там же. С. 1177.
[121] Там же. С. 1179.
[122] Там же. С. 1186.

ствами данных стран и положениями Уложения о наказаниях Российской империи.

Таким образом, национальная правовая основа для консульской работы в Монголии принципиально не менялась со времен создания загранучреждения в Урге и до 1917 г., содержала пробелы в отношении регулирования ряда областей работы консульств и не учитывала особенностей дипломатической службы в регионе.

Организационно деятельность дипломатов в Монголии направлялась не только инструкциями МИДа. Во второй половине XIX — начале XX в. в координации международных связей России участвовали несколько ведомств — министерства финансов, торговли и промышленности, внутренних дел, народного просвещения, военное, морское, а также Святейший Синод, Императорская главная квартира и Комитет министров. Правом на заключение международных договоров, в том числе и по политическим вопросам, обладали даже некоторые региональные власти (генерал-губернаторы и наместники). В соответствии с Консульским уставом 1893 г. консулам также полагалось «исполнять все отдельные предписания, которые будут получать непосредственно от Министерства финансов»[123]. С 1905 г. роль Министерства финансов и его главы в решении внешнеполитических вопросов возросла. Наряду с этим по ст. 5 Консульского устава 1903 г. консульства выполняли отдельные предписания Морского министерства, Главного управления торгового мореплавания и портов (а с 1905 г. — Министерства торговли и промышленности)[124]. Сложный порядок субординации и отчетности негативно сказывался на деятельности консульств.

В 1910 г. был определен круг обязанностей консулов по охране российских торговых интересов и подотчетности Министерству торговли и промышленности[125]. Задачи представителей МИДа сводились к общему осведомлению, без участия в переговорах и торговых сделках, а также к содействию предпринимателям благодаря знанию местного рынка. Основные функции по защите коммерческих интересов России за рубежом переходили к специальным агентам Министерства торговли и промышленности (в Монголии агент появился в 1912 г.).

---

[123] *Первенцев В.В.* Консул и внешняя торговля. С. 73.

[124] Свод законов Российской империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. 2. С. 1164.

[125] Министерство учреждено 27 октября 1905 г. с целью консолидации в рамках одного ведомства обязанностей управления и попечительства о нуждах торговли, казенной и частной промышленности, ранее распределенных между Министерством финансов, Министерством земледелия и государственных имуществ, Главным управлением торгового мореплавания и портов (*Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. С. 235).

В решении вопросов, касающихся отношений России с Китаем, важную роль играло и Военное министерство. Оно одновременно сотрудничало и конкурировало с МИДом, так как сферы компетенции этих ведомств частично пересекались, но различались подходы к внешним сношениям. Министерство иностранных дел рассматривало внешнюю политику России со стратегических позиций, учитывая конъюнктуру международной системы, а военные были привержены тактическому анализу, придерживаясь экспансионистских взглядов на политику России на Востоке. Региональной проекцией их конкуренции в дальневосточных вопросах были отношения консульства в Урге и пограничного комиссарства в Кяхте[126], подчинявшегося военному губернатору Забайкальской области. Из-за необходимости выполнения сходных обязанностей в области сбора секретных и торговых данных, охраны правопорядка на границе, судопроизводства и т.д. между ними не сложилось благожелательного сотрудничества[127].

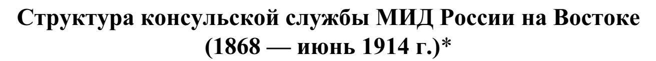
Непосредственно деятельностью консулов в Китае руководил Азиатский департамент МИДа (см. схему)[128]. В связи с тем, что все дела, касавшиеся сферы контактов с Востоком, считались политическими, на этот департамент были возложены значительные политические функции МИДа. В отсутствие в министерстве единого политического отдела общим управлением делами стала заниматься Канцелярия МИДа, подчиненная министру иностранных дел. Такое распределение обязанностей было не вполне благоприятным для выстраивания единой стратегической линии ведомства. Азиатский (впоследствии Первый) департамент превратился в «мини-министерство», занимаясь широким спектром отношений России с азиатскими и даже европейскими странами, нередко рассматривая их сквозь призму колониаль-

[126] В 1909–1917 гг. кяхтинским пограничным комиссаром был А.Д. Хитрово (1861–1921). В 1915 г. он участвовал в Кяхтинской конференции. В 1921 г. расстрелян в Урге по приказу барона Унгерна.

[127] См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 110–110 об.

[128] В 1897 г. переименован в Первый департамент, с 1914 г. преобразован в 4-й Политический (Дальневосточный) отдел. Консулы отправляли свои донесения на имя директора департамента (отдела). Департамент возглавляли Н.П. Игнатьев (1861–1864), П.Н. Стремоухов (1864–1875), Н.К. Гирс (1875–1882), И.А. Зиновьев (1883–1891), Д.А. Капнист (1891–1897), А.К. Базили (1897–1900), Н.Г. Гартвиг (1900–1906), Д.К. Сементовский-Курилло (1906–1907). В отсутствие директора департамента делами управляли А.А. Нератов (1908–1910 — и.о. старшего вице-директора), Д.А. Нелидов (1911–1912 — вице-директор), Г.Н. Трубецкой (1913–1914 — вице-директор). После реструктуризации МИДа 4-й Политический отдел возглавлял Г.А. Козаков (1914–1916) (Ежегодник Министерства иностранных дел. 1862–1916).

ной политики. Самостоятельная «департаментская политика» далеко не всегда соотносилась с линией руководства МИДа.

* Составлено по: История внешней политики России. С. 69.

** С 1908 г. в состав департамента вошли три отделения: ближневосточное, среднеазиатское и дальневосточное.

Сложившаяся к началу XX в. организационная структура министерства, с ее традиционной косностью и бюрократизмом, дублирование функций громоздкими структурными подразделениями затрудняли работу ведомства в условиях стремительно менявшихся междуна-

родных отношений на рубеже XIX–XX вв.[129]. В результате реформы Министерства иностранных дел в 1897 г. политические дела были изъяты из ведения Первого департамента. Политическая переписка, «не исключая касающейся Востока», была сосредоточена в Канцелярии МИДа. Однако тесная связь политических и экономических вопросов международных отношений продолжала порождать параллелизм функций. Например, в регулировании российско-монгольских отношений некоторые функции выполняли и консульства в Монголии, и администрация Восточной Сибири, в частности в решении миграционных и правоохранительных вопросов[130].

Относительный порядок в координации действий российской консульской службы в Китае и Монголии, особенно в правовом регулировании ее деятельности, был наведен в результате реформы МИДа в 1910–1914 гг., когда в соответствии с новым законом[131] департаменты были преобразованы в политические отделы, сформированные по региональному принципу. Что касается дипломатических миссий и консульств в странах Дальнего Востока, то их передали в ведение специального 4-го Политического отдела. Реструктуризация Министерства иностранных дел в 1914–1916 гг. способствовала значительному снижению степени дублирования функций между различными подразделениями министерства, что положительно сказалось на качестве и оперативности их деятельности[132]. При этом, однако, недостаточность и внутренняя противоречивость правовой базы функционирования консульств в Монголии сохранялись до 1917 г.

Специфика консульской службы России в Монголии

Несмотря на то что задачи российской консульской службы в Монголии во второй половине XIX — начале XX в., принципы (право экстерриториальности, консульская юрисдикция, расширенные полномочия[133]) и характерные проблемы (противодействие местных властей,

[129] История внешней политики России. С. 70–71.

[130] *Воллосович М.* Россия и Монголия. С. 45.

[131] Закон «Об учреждении МИД» утвержден Николаем II 24 июня (7 июля) 1914 г.

[132] *Зонова Т.В.* Основные этапы становления российской дипломатической службы. С. 11–29.

[133] Консулы выполняли роль посредников в решении политических вопросов между Россией и Китаем: «Консулы на Востоке, прежде всего, являются представителями дипломатическими, каковыми не являются консулы в государствах цивилизованных»

кадровый дефицит[134] и т.д.) во многом были типичны и для заграничной службы России в Китае, у работы консульских учреждений в Монголии была своя специфика.

В первую очередь, консулы в Монголии де-факто имели более высокий дипломатический статус, чем их коллеги во Внутреннем Китае, Синьцзяне и Маньчжурии. Одной из причин этого было особое административное положение региона в составе Цинской империи[135]. Данный статус определял высокий уровень доступа к местному начальству. Консулы напрямую сносились с монгольскими и маньчжурскими амбанями, цзянцзюнями и духовным правителем Монголии богдо-гэгэном, а не только с даотаями, как консулы в других регионах. Кроме того, исключительное положение консулов в Монголии определялось организационными особенностями службы. До 1913 г. консульства являлись единственными представителями российской власти в регионе и совмещали функции целого ряда органов. Диапазон полномочий консулов был очень широк и сходен с генерал-губернаторским. Фактически они решали любые задачи, проистекавшие из взаимодействия России и Китая по проблемам Монголии, в том числе дипломатического и политико-агентурного характера.

Консульские округа в Монголии характеризовались масштабностью. До 1906 г. округ ответственности консульства в Урге распространялся на всю Монголию, от Амура до Тарбагатайского хребта[136]. С образованием консульства в Улясутае он простирался с запада на восток от Цзаин-Шаби-куреня (Сайн-нойон-ханский аймак) до Маньчжурии, с севера на юг — от границы Иркутской губернии и Забайкалья до Алашаня[137], а консульство в Улясутае контролировало Улясутайский и Кобдоский округа, включая Монгольский Алтай и Урянхай. После передачи Кобдоского и Алтайского округов в компетенцию консульства в Кобдо и Шара-Сумэ в 1911 г. Улясутайский консульский округ включал Сайн-нойон-ханский и Дзасакту-ханский аймаки (кроме Прикосогольского района) (см. Прил. 3)[138]. Дисперсное расселение российских подданных по территории, особенно в Западной

(*Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай. С. 345). Иногда они участвовали и в нормализации внутриполитической обстановки в стране пребывания.

[134] *Богоявленский Н.В.* Указ. соч. С. 333; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 236.

[135] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China. P. 324.

[136] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 421 об.

[137] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 19.

[138] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 55 об.

Монголии, и интенсификация трансграничных экономических связей определяли большую рабочую нагрузку консульских учреждений, поступательно возраставшую на протяжении изучаемого периода. При нехватке персонала это снижало эффективность консульского контроля над соотечественниками.

В силу территориальной отдаленности Монголии от Петербурга и Пекина, где находилась Дипломатическая миссия, а также малоизученности региона степень автономности консулов в принятии решений по текущим вопросам отношений с Китаем была высока, поэтому уровень влияния России в Монголии, эффективность претворения в жизнь российской политики во многом зависели от них. Консулы координировали свои действия с посланником в Пекине и Министерством иностранных дел, но их «особое положение» и глубокое знание ими местной ситуации лишали смысла подробные инструкции министерства, как отмечали современники, «закрепощавшие инициативу» во многих других регионах Китая. О действиях консулов по конкретным вопросам посланник и Петербург нередко информировались по факту[139]. Тем не менее из-за бюрократизма МИДа до 1910-х годов консулы, за редким исключением, не допускались к участию в выработке политического курса в регионе, их роль ограничивалась преимущественно информированием[140].

Ввиду того, что правовой базис деятельности консулов не учитывал специфику конкретных культурных, политических и иных условий местопребывания, консульские сотрудники должны были самостоятельно вырабатывать оптимальный механизм взаимодействия с местной администрацией (маньчжурской, монгольской, киргизской, урянхайской) и населением, совмещая «цивилизованные» методы дипломатии с «традиционными». Если работа консулов в открытых портах Китая в меньшей степени отличалась от работы в европейских городах и относительно детально регламентировалась Консульским уставом[141], то в специфических условиях Монголии деятельность консула без специальных инструкций была настоящим испытанием. Это объясняло практику расширительного толкования консулами российско-китайских договоров — по принципу выгодности для российских подданных и государства. В Монголии, удаленной от центра китайской метрополии, эмпирически сформировался особый правовой по-

[139] *Богоявленский Н.В.* Указ. соч. С. 361.
[140] История внешней политики России. С. 71.
[141] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 393.

рядок взаимодействия представителей России с местными властями, в котором причудливо переплетались положения российско-китайских трактатов, нормы цинского права, степные законы, ламаистские обычаи, право личного авторитета, частные договоренности, подношения и силовое давление. При этом обычай и слово зачастую имели большее значение, чем буква договора.

Работа в Монголии требовала более серьезной специальной подготовки, чем в большинстве регионов Китая. Для успешного несения службы в этой стране дипломаты должны были обладать не только страноведческими знаниями о Китае, его культуре, дипломатических традициях, но и глубоко знать принципиально иной — кочевой — мир, ориентироваться в тонкостях сложного политико-правового, экономического, культурно-цивилизационного взаимодействия Монголии и Китая. Анализ внутриполитической и экономической обстановки в Монголии требовал понимания ментальных, мировоззренческих, хозяйственных, культурных особенностей различных кочевых племен, взаимоотношений родов, народностей, аймаков, хошунов и т.д., а также духовного фундамента региона — тибетского буддизма (ламаизма) и принципов взаимодействия его институтов с обществом номадов. Другой цивилизационный пласт формировали киргизы, без учета перечисленных особенностей которых была невозможна эффективная защита государственных интересов в Кобдоском и Алтайском округах. Только находясь в одном культурном, языковом, информационном полях с местным населением и властями, российские дипломаты могли успешно выполнять свои задачи. Знание языков региона было необходимым условием для работы в Монголии, поскольку в стране не использовались традиционные английский и французский. Делопроизводство, включая судебные дела, велось на китайском, маньчжурском и монгольском языках, в Кобдоском округе — также на киргизском[142].

Для службы в Монголии большое значение имел фактор личности глав российских представительств. Начиная с Я.П. Шишмарева, прослужившего в ургинском консульстве 49 лет и поднявшего авторитет российской дипломатии среди властей и населения Монголии и Сибири на высокий уровень, от консула в Монголии ожидались только энергичные, уверенные действия, способные сохранить и приумножить престиж «русского имени». Для представления интересов российских подданных перед китайскими властями и купцами в Монго-

[142] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 286.

лии важными качествами были умение принимать быстрые решения, находчивость и твердость характера. При этом такими качествами должны были обладать все сотрудники консульств, сплоченные в профессиональные коллективы и работавшие на принципах взаимозаменяемости[143]. Процедуры и характер претворения консулами правительственной политики в различных регионах Монголии (как и у генерал-губернаторов в разных регионах Российской империи[144]) нередко имели свои специфические черты. Степень знания консулом региона, понимания специфики китайской и монгольской дипломатии, умение выстроить доброжелательное взаимодействие с колонией соотечественников, коллегами в Монголии, Пекине и Петербурге существенно влияли на успешность реализации российской политики в стране.

В изучаемый период в МИДе и пограничных администрациях были редки профессиональные монголоведы и китаеведы. Подготовка дипломатов для службы в Китае заметно отставала от реальных потребностей[145]. Среди сотрудников в Монголии было крайне мало тех, кто владел маньчжурским, китайским языками, а уж тем более монгольским и киргизским. Так, в 1892 г. среди дипломатов в Китае монгольским языком владели только Я.П. Шишмарев и И.В. Падерин. Несмотря на преобразования в подготовке персонала при министрах А.Б. Лобанове-Ростовском, М.Н. Муравьеве, А.П. Извольском[146], для службы в Монголии был характерен острейший дефицит знатоков местных языков.

С 1861 по 1906 г. ургинское консульство было единственным в стране и постоянно испытывало кадровые проблемы, которые значительно обострились с конца 1880-х годов из-за увеличения объема работы. В круг обязанностей драгомана в Урге до 1909 г. входили прежде всего письменные и устные сношения с маньчжурскими и монгольскими властями по любым запросам, судебным делам и т.п., по делам на границе консульского округа, а также переводы всех документов, необходимых для данных сношений. Ежегодно драгоман пере-

[143] Традиционный штат российского консульства за границей, кроме консула, обязательно включал секретаря, одного или двух драгоманов, врача, иногда вице-консула и военного агента. Во многих западноевропейских странах Россия имела несколько консульств, чья деятельность покрывала довольно небольшие округа.

[144] Сибирь в составе Российской империи. С. 116.

[145] *Хохлов А.Н.* Подготовка кадров. С. 349–350.

[146] Был введен усложненный конкурсный экзамен, способствовавший улучшению кадрового состава министерства (Правила для определения на службу и к должностям по МИД // Ежегодник Министерства иностранных дел. 1912. С. 145–146).

водил, не считая мелкого делопроизводства на маньчжурском и монгольском языках, более 100 бумаг от маньчжурских властей и более 100 документов, направляемых консульством маньчжурским властям[147]. Дипломатический состав консульства до 1914 г. (кроме 1905 г., когда в учреждении числился второй драгоман) ограничивался самим консулом, секретарем и драгоманом, притом должности секретаря и драгомана нередко замещались одним лицом (в 1862–1875, 1885, 1888–1890, 1894–1897, 1900, 1902, 1910 гг.), а в некоторых случаях консул работал совсем без помощников (1861, 1901 гг.)[148].

Для выполнения различных поручений консульства активно привлекали к работе монголов и китайцев, которые служили в качестве переводчиков, «факторов» (посыльных, доверенных), учителей, «чичероне» (проводников) и т.д.[149]. Со времени приезда исполняющего обязанности консула в Улясутай в 1906 г. он практически все время работал в одиночестве, довольствуясь помощью временных секретарей, торговцев или услугами китайского переводчика[150]. Штаты консульств в Шара-Сумэ и Кобдо в течение всего срока работы также никогда не были укомплектованы полностью[151].

Нехватка работников ограничивала возможности консульств и подрывала идею «консульской инициативы»[152]. С середины 1890-х годов консул в Урге обращался в МИД с просьбой о решении кадрового вопроса и об открытии консульств в Западной Монголии, но подолгу не получал отклика[153]. Так, проблема отсутствия драгомана в Урге, на которую Я.П. Шишмарев указывал в 1894–1895 гг., решилась только в 1898 г.[154]. С 1897 г. консул неоднократно предлагал посланнику прикомандировать к учреждению в Урге студента (т.е. стажера) Дипломатической миссии[155]. Второй драгоман появился в консульстве только в 1905 г.[156].

В отчете за 1907 г. Я.П. Шишмарев подчеркивает необходимость увеличения штата консульства в Урге, ссылаясь на то, что «импера-

---

[147] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 330–330 об., 346–347, 422.

[148] См. Прил. 4.

[149] *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии. С. 287.

[150] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 17; Д. 623. Л. 7–8, 40 об., 76–77 об.

[151] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 136.

[152] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 8; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 393.

[153] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 23. Л. 2.

[154] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 331.

[155] Там же. Л. 422 об.–423.

[156] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 186–186 об.

торское консульство в Урге находится в особом совершенно положении, чем все остальные Консульства наши в Китайской империи»[157], в связи с обширностью консульского округа, протяженностью границы с Россией и Китаем, многочисленностью российской колонии в Урге по сравнению с другими городами Азии. Патриархальность традиций официальных сношений властей Монголии и Китая, рост делопроизводства по торговым и судебным делам вызывали перенапряжение сил драгомана и секретаря консульства. Для облегчения нагрузки ургинского штата Я.П. Шишмарев вызвал в Ургу секретаря консульства в Улясутае, однако требовались более конкретные меры по реорганизации штата генерального консульства. В процессе обсуждения открытия нового консульства в Шара-Сумэ в начале 1910 г. посланник И.Я. Коростовец настоял на расширении штатов российских консульств в Китае, в том числе на назначении в Шара-Сумэ консула, секретаря-драгомана и врача[158].

Дефицит кадров обусловил также низкую межрегиональную мобильность сотрудников. Ротация кадров, как правило, осуществлялась в пределах Монголии и прилежащих регионов — Синьцзяна и Маньчжурии, реже — Внутреннего Китая. Следовательно, дипломаты, начавшие службу в Застенном Китае, имели немного шансов на назначение в другие регионы Китая, тем более в другие страны мира. По этой же причине длительными были сроки службы в одной географической точке. Например, консул в Урге Я.П. Шишмарев оставался на своей должности с 1862 по 1911 г.[159]. За 56 лет существования императорского консульства в Урге пост его главы занимали всего пять человек (К.Н. Боборыкин, Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, А.Я. Миллер, А.А. Орлов), в Улясутае за 11 лет (официально за 8) — три человека, в Кобдо за шесть лет — три, в Шара-Сумэ — один человек (см. Прил. 4).

Чрезвычайной была бытовая неустроенность консульских учреждений в Монголии[160]. О сложных бытовых условиях консульской резиденции в Урге (ветхости, тесноте, плохом отоплении) говорилось в донесениях и воспоминаниях секретаря консульства в 1866–1869 гг. А.Д. Кормазова, сообщениях работавшего в Урге в разные годы на различных должностях В.Н. Лавдовского, посланника в Пекине в 1909–

[157] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 66.

[158] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 8.

[159] *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. P. 78–79, 81–84, 89–90, 96–97, 140.

[160] Русский консул в Монголии. С. 13, 33–36; ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 20/9. Л. 69–77.

1911 гг. и уполномоченного российского правительства в Урге в 1912–1913 гг. И.Я. Коростовца[161]. Наиболее неблагоприятные условия труда были в Западной Монголии. Если консульство в Урге имело собственное двухэтажное здание и усадьбу, то российский представитель в Улясутае вплоть до 1911 г. жил в холодной китайской фанзе, практически без мебели и печи. Дом был настолько ветхим, что при установке в нем печи летом 1910 г. обвалилась стена здания. Фанза императорского консула находилась в грязном переулке китайского квартала и была неприметна из-за частокола. Первую же зиму управляющий консульством в Улясутае В.В. Долбежев был вынужден провести в монгольской юрте[162]. У консульств в Кобдо и Улясутае не было собственных зданий до 1916 г.

До перехода конторы Департамента внешних сношений под начало Департамента хозяйственных дел в 1905 г. загранучреждения самостоятельно решали хозяйственные вопросы (от покупки дров до обеспечения охраны резиденций)[163]. Службу в Монголии также осложняли такие обстоятельства, как суровый резко континентальный климат, неразвитость привычных для европейцев бытовой инфраструктуры и коммуникаций, низкий культурный уровень русских поселенцев и их разобщенность. Незавидная жизнь чинов ургинского консульства в столь неприветливых условиях была очевидна и стороннему наблюдателю. В.А. Обручев в 1892 г. отмечал, что она протекала «уныло» и без развлечений[164].

На протяжении большей части срока функционирования материальное положение российских консульств в Монголии было весьма тяжелым. Финансирование консульства в Урге в 1860-х годах было лучше, чем консульств в Синьцзяне. К примеру, на его содержание отпускалось по 7890 руб. в год, в то время как на консульства в Кульдже и Чугучаке — по 5930 руб. в год[165]. Однако из-за высокой инфляции, больших бытовых расходов, тяжелых климатических условий отпускаемых сумм на содержание консульства в Урге и выплату заработной платы зачастую было недостаточно. При учреждении консульства в Улясутае в смету, утвержденную Государственным советом 28 ноября 1905 г. (в сумме 13 800 руб.), не была включена стоимость арен-

---

[161] См.: *Хохлов А.Н.* Подготовка кадров. С. 345; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 18; *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 202–203, 286.

[162] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 396.

[163] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси. С. 216–217.

[164] *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи. С. 6.

[165] *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге. С. 57.

ды помещения[166]. С 1908 г., по мере укрепления позиций России в Маньчжурии, МИД приступил к расширению сети консульств в приграничных регионах Китая, увеличив их финансирование и штаты, в особенности генеральных консульств. В большинстве новых консульств по штатному расписанию полагался врач, выделялись деньги на аренду здания и медикаменты. Содержание генерального консульства в Маньчжурии обходилось в 27–29 тыс. руб. в год, консульства — 17–21 тыс. руб.[167]. Консульство в Кобдо и Шара-Сумэ, открытое в 1911 г., финансировалось уже по новой системе[168].

Масштабы консульских округов и наличие лишь одного консульства в стране до 1906 г. требовали постоянных и продолжительных командировок консульских сотрудников в разные районы Монголии в целях контроля, разрешения споров и сбора сведений. Например, в 1886 г. Я.П. Шишмарев ходатайствовал о командировании драгомана консульства С.А. Федорова в Улясутай как минимум на два года для выполнения поручений консульств в Урге и Чугучаке[169]. Осенью 1905 г. драгоман консульства в Урге Б.В. Долбежев был командирован в Дархатский курень, ранее не посещавшийся российскими официальными представителями. Ввиду самоуправства русских в этом районе драгоман предложил вверить контроль над ним агенту консульства в Урге, командируемому в Улясутай «почти ежегодно»[170]. Особенно частыми были поездки в Западную Монголию, где активно развивалась хошунная торговля. Личное участие чинов МИДа в разборе дел намного превосходило по эффективности переписку с улясутайскими и кобдоскими властями, которая растягивалась на долгие месяцы. По Консульскому уставу 1903 г. консул был обязан объезжать округ раз в три года, но мог делать это чаще. Поездки самого консула по границе рассматривались монгольским населением как проявление дружественной заботы[171]. Однако в связи со скудным финансированием

[166] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 10–10 об.

[167] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 224. Л. 83–84.

[168] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 209.

[169] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 12 об.–13.

[170] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 57, 86–86 об.

[171] В 1892 г. Я.П. Шишмарев совершил поездку по границе на восток от Урги до Цицикара (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 213 об.–214). Летом 1895 г. Я.П. Шишмарев объехал границу Западной Монголии с посещением Улясутайского и Кобдоского округов (там же. Л. 357). В апреле 1899 г. Я.П. Шишмарев разбирал дела между русскими, монголами и урянхайцами на границе в Западной Монголии (там же. Д. 563. Л. 67–67 об.). С 13 августа по 20-е числа ноября 1905 г. В.Ф. Люба совершил поездку по Западной Монголии и Сибири (Россия и Тибет. С. 113). Летом 1907 г.

получение разрешения на поездки «по консульству» нередко было процессом сложным и даже сопровождалось противодействием центра[172].

Консульства в Монголии тесно сотрудничали с военными, гражданскими и религиозными властями приграничных регионов России в вопросах охраны правопорядка в приграничной полосе, организации учреждений образования, здравоохранения, санитарии, пожарной охраны в Монголии, почтового сообщения, которые являлись сферами их совместной компетенции. Более того, первоначально консульство в Урге находилось под покровительством генерал-губернатора Восточной Сибири. Консульства активно взаимодействовали с Восточно-Сибирским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами (образованы в 1822 г.). В Восточно-Сибирское генерал-губернаторство входили Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область. После его разделения консульства сносились с образовавшимися вместо него 16 июня 1884 г. Иркутским (наследовало территории Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в 1906 г. в него вошла и Забайкальская область) и Приамурским генерал-губернаторствами, просуществовавшими до марта 1917 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало Томскую и Тобольскую губернии, Семипалатинскую, а с 1868 г. — и Акмолинскую области. В 1882 г. на основе Западно-Сибирского генерал-губернаторства образовано Степное (из Туркестанского генерал-губернаторства ему была передана Семиреченская область, но в 1899 г. возвращена). Третьим пограничным генерал-губернаторством было Туркестанское (образовано в 1867 г., включало Сырдарьинскую и Семиреченскую области).

Сферы ответственности пограничных органов власти и консульств нередко пересекались, что, с одной стороны, затрудняло решение определенных вопросов МИДом, но, с другой стороны, в отсутствие у консульств средств к осуществлению своих контролирующих обязанностей в отдаленных районах, прилегающих к территории России (Урянхай, Прикосоголье), позволяло поддерживать правопорядок. Таким образом, консульства, центральные и местные органы государственной власти Восточной Сибири и Дальнего Востока составляли единый комплекс координации связей России с Монголией.

Я.П. Шишмарев совершил стратегически важную поездку в Западную Монголию для выяснения настроений в условиях обострения отношений между восточными и западными аймаками и японских рекогносцировок (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 19). В 1909 г. Я.П. Шишмарев объехал восточную часть своего округа до границы с Маньчжурией в целях проверки деятельности японцев в районе, а также «упадающей» торговли (там же. Л. 85–88).

[172] Там же. Л. 16–16 об.

Как и остальные дипломаты на Дальнем Востоке, сотрудники МИДа в Монголии имели некоторые привилегии при поступлении на службу и несении ее. При соискании должности драгомана выпускники Учебного отделения восточных языков при Первом департаменте или китайско-маньчжурского отделения факультета восточных языков Петербургского университета освобождались от дипломатического экзамена[173]. В системе отпускных льгот они относились к четвертой, самой привилегированной, категории[174]. Тем не менее эти льготы не компенсировали большие объемы работы и ответственности, бытовые и иные трудности, отличавшие службу в этом регионе. Трудоемкость службы при неблагоприятных условиях определяла ее «экстремальность» и сужала круг желающих стать кандидатами на должности в Монголии. Так, например, в донесении в Первый департамент от 22 января 1915 г. консул в Улясутае А.А. Вальтер писал: «Лица с большим образовательным цензом предпочитают находить себе заработок в пределах России и ехать в Улясутай отказываются за какое бы то ни было вознаграждение»[175]. Как правило, в этой стране работали энтузиасты, имевшие подлинный, в том числе научный, интерес к кочевому народу и его культуре.

Таким образом, процесс развития консульской сети России в Монголии до ноября 1917 г. был поступательным, характеризовался ростом числа и повышением статуса учреждений. Создание консульств в регионе было обусловлено в первую очередь политическими интересами России и напрямую зависело от логики дальневосточной политики правительства в условиях активной экспансии великих держав в регионе и лишь во вторую — стремлением освоить новые рынки. Анализ российско-монгольской торговли во второй половине XIX — начале XX в. показывает, что правительство до 1910-х годов не стремилось поддержать и упорядочить ее с помощью консульского надзора, учитывая ее небольшие объемы[176].

Промедление с открытием новых консульств в Монголии свидетельствует о малом значении, которое придавалось ей до 1905 г. как рынку сбыта и стратегическому форпосту российского влияния в Азии. Учитывая географическую близость Монголии к Сибири, куда

---

[173] Правила для определения на службу и к должностям по МИД // Ежегодник Министерства иностранных дел. 1912. С. 147.

[174] Циркуляр по ведомству МИД (Об отпусках) // Ежегодник Министерства иностранных дел. 1906. С. 147–148.

[175] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 7 об.–8.

[176] *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 183.

шла большая часть импорта из Монголии, правительство возлагало надежды в деле «освоения» этой страны на предпринимательский элемент и таким образом стремилось экономить на создании транспортной, коммуникационной, финансовой инфраструктуры и содержании консульств. В свою очередь, изменение стратегической обстановки (разворачивание программы ханьской колонизации Маньчжурии и Монголии и открытия Халхи для международной торговли, ограничение российских возможностей в Маньчжурии из-за активности Японии с начала XX в.) повлекло энергичные действия России по реализации трактатных прав на учреждение представительств в Западной Монголии.

В соответствии с международными документами, подписанными во второй половине XIX — начале XX в. в двух- и трехстороннем форматах, права России в области консульской защиты и юрисдикции в Монголии поступательно уточнялись и расширялись. Однако несовершенство международной и национальной правовой базы, определявшей обязанности и задачи консульских сотрудников в стране, отсутствие четкой политики в регионе на протяжении всего изучаемого периода, неопределенность компетенции и субординации консулов на Востоке затрудняли работу консульств в Монголии. При этом равноудаленность Монголии как территории взаимодействия российских и китайских подданных от центров России и Китая обусловливала слабое влияние этих центров не только на свойства международных контактов, но и на характер их регулирования властями обоих государств. В условиях «рыхлости» структуры социально-экономических отношений русских, монгольских и китайских участников, а также различий в трактовках сторонами положений договоров консулам в отстаивании отечественных интересов нередко приходилось использовать ситуационное толкование трактатов, явочный порядок разрешения противоречий с маньчжурской и монгольской администрациями. Как в отношениях предпринимателей с монгольскими и китайскими визави, так и в контактах консулов с местными властями применялись и «цивилизованные» и «традиционные» правовые нормы.

Организационная и функциональная специфика, характерная для консульской службы в странах Востока во второй половине XIX — начале XX в., в условиях Монголии обогащалась и особыми региональными чертами, которые не претерпели принципиальных изменений на протяжении всего изучаемого периода.

ГЛАВА 3

Политико-стратегическое измерение деятельности российских консульств в Монголии

Взаимодействие консульств с местной администрацией

До признания российским правительством автономии Монголии (21 октября 1912 г.) консульства были единственными официальными представительствами России в стране и принимали деятельное участие в решении любых вопросов, касавшихся международных взаимодействий на ее территории.

Консульство в Урге изначально создавалось как важный инструмент регулирования отношений Российской и Цинской империй. По Пекинскому (дополнительному) договору от 2(14) ноября 1860 г. решение вопросов, имевших отношение к контактам с местными властями и надзору за российскими подданными, было передано в его ведение, что принципиально изменило существовавший ранее трехуровневый порядок сношений, замыкавшийся на Кяхте[1]. В январе 1861 г. в Цинской империи было создано особое ведомство — Цзунли-ямэнь, которое было призвано играть роль ведомства внешних сношений[2].

---

[1] Русский консул в Монголии. С. 14.

[2] Цзунли-ямэнь (кит., полное название 总理各国事务衙门 Цзунли гэго шиу ямэнь) — Канцелярия по общему управлению делами различных стран, или Управление иностранными делами. Это Управление в основном курировало решение вопросов, касающихся взаимодействия Китая с европейскими державами и США. Ключевые же решения в области внешней политики фактически принимал Цзюнь-цзи-чу (кит. 军机处) — Государственный военный совет при императоре, или Верховный совет.

В ведение Цзунли-ямэня и перешло взаимодействие с иностранными дипломатическими представителями. Однако посланники, консулы, капитаны судов могли беспрепятственно добиваться удовлетворения своих требований посредством обращения к местным властям (начальникам округов — даотаям, губернаторам — дутунам, генерал-губернаторам — цзянцзюням)[3]. Пекинский договор модернизировал режим сношений пограничных российских и китайских властей (ст. 9). Ранее контакты с Китаем на восточной границе регулировались через Кяхтинское градоначальство и управление ургинских амбаней, а на западной — через Западно-Сибирское генерал-губернаторство и Илийское главное управление. С 1860 г. отношения устанавливались также между военными губернаторами Амурской и Приморской областей и цзянцзюнями провинций Хэйлунцзян и Гирин, а равно и между кяхтинским пограничным комиссаром и маймачэнским дзаргучеем (бу-юанем). По особо важным делам в сношения (письменные) с китайскими властями (Цзюнь-цзи-чу или Ли-фань-юань) мог вступать генерал-губернатор Восточной Сибири. Вскоре после образования консульства и перенесения таможни в Иркутск было ликвидировано Кяхтинское градоначальство (1863 г.)[4]. Консульство стало главным наблюдательным, аналитическим и координирующим звеном системы исполнительных органов, регулировавших сношения с Монголией.

До окончания Русско-японской войны Российская империя не имела определенных политических интересов в Монголии и внимание консульских чиновников было обращено на поддержание дружественных отношений с китайскими властями и обеспечение наиболее благоприятных условий для российско-монгольского экономического взаимодействия. Закрытость кочевой страны для других иностранцев и ханьской колонизации до последней четверти XIX в. предоставляла

Отношения с Монголией регулировали Ли-фань-юань (кит. 理藩院) — Палата по делам «зависимых территорий», или Трибунал/Палата внешних сношений, которая в 1906 г. была переименована в Ли-фань-бу (кит. 理藩部) — Министерство колоний (ведало отношениями с Монголией, Тибетом и мусульманскими окраинами империи), и Либу (кит. 礼部) — Палата церемоний или обрядов, или Ведомство церемоний и местные маньчжурские власти в Монголии. В соответствии с пунктом 12 Заключительного протокола между Китаем и иностранными государствами от 7 сентября (25 августа) 1901 г. Цзунли-ямэнь было преобразовано в Министерство иностранных дел (Вай-у-бу), организованное по европейскому образцу и ставшее главным из шести министерств Китая (Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 284).

[3] История дипломатии. Т. 1. С. 796.

[4] Образовано 20 июня 1851 г. (Сибирь в составе Российской империи. С. 114).

дипломатам широкие возможности для сближения с местными элитами и формирования позитивного имиджа России среди населения.

Ключевой дипломатической задачей консульств в Монголии на всех этапах их функционирования было завоевание и поддержание авторитета у местных маньчжурских и монгольских властей. Главным представителем цинского правительства во Внешней Монголии являлся улясутайский цзянцзюнь. Его помощниками служили хэбэй-амбани в Улясутае и Кобдо. Урга управлялась главой буддийской церкви Северной Монголии Джебдзун-Дамба-хутухтой (богдо-гэгэном), Шабинским ведомством во главе с шанцзотбой, а также назначенными для надзора за хутухтой светскими властями — маньчжурским и монгольским амбанями с их собственными ямэнями и рядом управлений[5]. В изучаемый период отношения «законных и исконных соседей»[6] — России и Китая — на межгосударственном уровне в целом характеризовались стремлением к поддержанию мира и сотрудничества, поэтому практически все трения, возникавшие в ходе двусторонних контактов, устранялись дипломатическим путем, силовое давление применялось редко[7]. В то же время на уровне взаимодействия региональных властей с российскими представителями возникало немало проблем, вызываемых межцивилизационными различиями, разночтениями в толковании двусторонних договоров, особенностями региональной политики Пекина, личными противоречиями чиновников и т.д. Так как в договорах между двумя империями не прописывались конкретные механизмы взаимодействия с местным начальством, консульский институт сам участвовал в выработке этого режима, с учетом норм законодательства России и Китая, монгольских и китайских обычаев и культурных особенностей, индивидуальных черт контрагентов.

Поскольку верховным правителем Монголии формально считался ее духовный глава Джебдзун-Дамба-хутухта, консульство в Урге в первую очередь должно было наладить дружественные отношения с ним, а также с Шабинским ведомством и высшими ламами — «настоящими господами в Монголии»[8]. Расположение хутухты консульство завоевало еще в первые годы работы Я.П. Шишмарева, которые

[5] Подробнее о маньчжурской военно-административной системе Халхи см.: *Мелихов Г.В.* Система военного и гражданского управления восемью знаменами. С. 114–124.

[6] Цит. по: *Хохлов А.Н.* Торговля — приоритетное направление политики России. С. 227.

[7] *Скальковский К.* Внешняя политика России. С. 453–454.

[8] *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии. С. 272.

совпали с началом правления восьмого хутухты (1864 г.). Консул вошел в круг «особо благоприятствуемых» лиц, принимая активное участие в ознакомлении гэгэна с атрибутами европейской цивилизации — от детских игрушек до технических новинок[9]. В отличие от неровных отношений консульства с маньчжурскими чиновниками, уважение Джебдзун-Дамба-хутухты к консульству оставалось неизменным. Порой оно символично подчеркивалось в процессе борьбы гэгэна с маньчжурскими амбанями за влияние в Урге, в том числе в период развертывания колонизации Монголии и попыток Пекина ограничить его власть[10]. В 1906 г. хубилган, по традиции не дававший личных аудиенций иностранным чиновникам, согласился даже на знакомство с консулом В.Ф. Любой[11].

Расположение влиятельных лам было фактором поддержания равновесия в отношениях с амбанями, поскольку любое посягательство правителей на авторитет хутухты оборачивалось направлением в Пекин от лица последнего доклада с жалобами на их самоуправство. Я.П. Шишмарев, а за ним и В.Ф. Люба смогли сблизиться со многими фигурами в высшей духовной иерархии Халхи, в том числе с главой Шабинского ведомства шанцзотбой, наставником седьмого хутухты Йонзон-хамбо-ламой и др. Российские дипломаты активно использовали буддийский фактор и фантастические представления монголов о происхождении «от одного предка» с «великими северными соседями» для формирования привлекательного образа своего государства в монгольской среде. Несмотря на то что при создании российской колонии в Урге в 1860–1870-х годах между консульством и местными религиозными властями возникло немало разногласий, обусловленных различными предрассудками (из-за высоты флагштока консульства, площади выгонов скота, перемещения по Куреню верхом и т.д.), дружественные жесты российских дипломатов способствовали их разрешению, и русские устроились в Урге «гораздо привольнее и удобнее монголов»[12].

Вторая группа местных властей — маньчжурские амбани и цзянцзюни — в отношениях с российскими консулами стремилась к ограничению их влияния и укреплению власти Пекина в регионе при поддержании доброжелательных отношений Китая с Россией. Однако представления каждого правителя о средствах достижения этих целей

[9] *Ломакина И.И.* Монгольская столица. С. 32.
[10] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 57; Д. 564. Л. 127.
[11] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 128.
[12] *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I. С. 146.

разнились в зависимости от индивидуальных качеств и эволюции политической линии цинского правительства в отношении Монголии. Большинство маньчжурских амбаней стремились понизить статус российского консула до позиции рядового чиновника, как это делал правитель Сектунга, с которым пришлось работать первому консулу К.Н. Боборыкину. Помимо отказа амбаня в установлении личных сношений между ним и представителями МИДа возникло множество мелких противоречий (о пересылке почты, формах обращения, отводе места для резиденции консула)[13]. В результате настойчивой борьбы консула за равенство статусов Сектунга был отозван в Пекин в начале 1862 г.[14]. Многие затруднения в коммуникации с амбанем были вызваны разночтениями в переводе положений Пекинского договора о статусе российского представителя в Монголии, однако уже в ходе переговоров кяхтинского пограничного комиссара В.Д. Карпова с наместником 15 июня 1861 г. началась работа по устранению данных разночтений.

Недоброжелательное отношение амбаней к российским подданным и консулам нередко порождалось желанием выслужиться перед начальством в Пекине. Одним из примеров серьезных споров амбаня с консулом по несущественным вопросам может служить требование прибывшего летом 1862 г. наместника Тэ Лукэна пресечь переход российскими подданными границы без билетов и в неустановленных местах. Я.П. Шишмарев выступил против создания комиссии для определения точного числа пунктов перехода границы и стремился разрешить этот вопрос на уровне Урги. В результате совместной работы консула с чиновниками Забайкалья, Иркутска, Енисейской губернии выявилось несоответствие количества пунктов въезда и выезда русских из Монголии (11 к 7). В 1868–1874 гг. Я.П. Шишмарев участвовал в тяжбах по вопросу о пограничных караулах, стараясь учесть мнение и пограничных властей обоих государств, и купцов, и посланника, призывавшего не уступать Китаю. В 1875 г. он добился увеличения числа караулов до 22 (впоследствии это было закреплено в Петербургском договоре) и отказа Цинов отправлять на границу комиссию[15]. Таким образом, консул стремился нивелировать проявления излишне нормативного подхода к двусторонним взаимо-

[13] *Ломакина И.И.* Указ. соч. С. 42.

[14] *Майский И.М.* Через 600 лет. С. 301; *Единархова Н.Е.* Взаимоотношения русского консула с ургинскими правителями. С. 70–75; *она же*. Русское консульство в Урге. С. 45–55.

[15] Русский консул в Монголии. С. 18–20.

действиям, но вместе с тем достичь компромисса с цинской администрацией.

Поскольку заявляемые консульствами претензии в нарушении трактатных прав лишь в половине случаев удовлетворялись маньчжурскими властями с первого раза, для обеспечения интересов государства и его подданных консулы использовали большой арсенал средств — от увещеваний и подарков до дипломатического давления (прежде всего заявление протеста через Дипломатическую миссию). В крайних случаях консулы способствовали удалению с должностей русофобски настроенных наместников, в том числе если их деятельность угрожала стратегическим интересам России в стране. Так, в 1880-х годах из Урги и Западной Монголии были отозваны маньчжурские наместники, потворствовавшие колонизации исконных монгольских территорий, в первую очередь старшие правители Урги Си Чан и Куй Сян[16].

Стремившийся поднять престиж Пекина в Монголии амбань Гуй Бин (ноябрь 1895 — январь 1897 г.) быстро обнаружил свою враждебность по отношению к России, желание ограничить влияние консула и развитие российской торговли в Халхе[17]. Долгое время консул терпел многочисленные претензии правителя и буквализм в толковании договоров. Однако после демонстративного проявления агрессии (разрушения Гуй Бином ворот на мосту, выстроенном на российские средства) летом 1896 г. и других подобных действий Я.П. Шишмарев, наряду с Джебдзун-Дамба-хутухтой и монгольскими князьями, стал добиваться удаления его из Урги[18]. Благодаря мерам и.о. поверенного в делах в Пекине А.И. Павлова в октябре 1896 г. Гуй Бин был отозван с должности (оставался в Урге до начала 1897 г.)[19]. Менее года в Урге задержался амбань Дэ Лин (январь–октябрь 1904 г.), восстановивший против себя хутухту и население из-за неуважения к местным обычаям и мздоимства[20].

В то же время с некоторыми маньчжурскими наместниками у консульства в Урге складывались доверительные отношения. Примером тому было сотрудничество с амбанем Ань Дэ (сентябрь 1886 — март 1895 г.)[21], справедливость и бескорыстие которого помогали эффек-

[16] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 309, 417.
[17] Там же. Л. 414.
[18] Там же. Л. 417–417 об.
[19] Там же. Л. 453.
[20] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 21–22 об.
[21] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 30, 34.

тивно решать самые сложные вопросы российско-китайского взаимодействия. Добрые отношения с сановником консульство использовало для повышения престижа России в Китае. Так, в середине сентября 1893 г. Я.П. Шишмарев тщательно подготовил достойный прием Ань Дэ российскими пограничными властями и населением во время объезда им восточной границы Ургинского округа. В докладе императору амбань упомянул о небывало радушном приеме со стороны России как доказательстве дружбы[22]. Относительно спокойно развивались контакты с амбанем Фэншэнгой (1900–1904). В то же время нерешительность этого наместника создала благоприятную почву для роста амбиций хутухты по ограничению цинской власти в Халхе[23], что только осложнило его отношения с преемником Фэншэнги.

Важнейшим фактором, определявшим характер взаимодействия российских и маньчжурских представителей в Монголии, оставалось общее состояние взаимоотношений двух империй на том или ином отрезке изучаемого периода. Нередко дружеская манера цинского наместника могла без особых причин смениться на враждебную и наоборот, в зависимости от указаний внешнеполитического ведомства. Так, амбань Лянь Шунь (1897–1900), по оценкам В.Ф. Любы, «вполне удобный и желанный для нас» правитель[24], первоначально выражавший полное расположение к русским и готовность к компромиссам[25], летом 1898 г. ограничил пользование населением Сибири монгольскими сенокосными угодьями, что было связано с решением цинского двора развивать золотопромышленность в восточных аймаках Халхи[26]. Благодаря энергичным мерам консульства запрещения были сняты[27]. Консульству удалось наладить отношения с амбанем в 1898–1899 гг. в процессе дипломатической подготовки наместником соглашения о предоставлении России концессии на добычу золота в Халхе и создании предприятия «Монголор». Я.П. Шишмарев провел разъяснительную работу с ламами и главами халхаских аймаков, защищавшими неприкосновенность недр Халхи и традиционных маршрутов кочевок, и сторонниками создания добывающего предприятия, которое должно было приносить доход[28]. Посредническая дея-

[22] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 218–218 об., 227.
[23] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 78.
[24] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 504.
[25] Там же. Л. 496.
[26] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 32.
[27] Там же. Л. 35.
[28] АВПРИ. Ф. 143. Д. 713. Л. 9–25.

тельность консула фактически предотвратила разрастание конфликта внутри монгольской светской и духовной элиты, а также кампанию против маньчжурского наместника, скрывшего от нее факт заключения соглашения с Россией.

Поражение России в войне с Японией заметно отразилось на отношениях с маньчжурскими властями в Монголии. Амбань Янь Чжи (декабрь 1904 — февраль 1908 г.) с осени 1905 г. увеличил число претензий к консульству, отказывался содействовать исполнению оговоренных в договорах обязанностей (например, в предоставлении подрядчиков для почтового сообщения), проведению мероприятий гуманитарного характера[29]. В начале 1908 г. Янь Чжи наказал китайских хлебопашцев, кредитовавшихся в Русско-Китайском банке и сдававших в аренду русским усадьбы[30]. Он также настаивал на учреждении в Кяхте вместо должности дзаргучея поста чиновника по делам границы с расширенными полномочиями[31]. Янь Чжи был энтузиастом ханьской колонизации Монголии и открытия ее для активности японцев[32], что подогревало антиманьчжурское движение, во главе которого встал Джебдзун-Дамба-хутухта. В 1908 г. хутухта стал предпринимать шаги к обретению большего объема власти в Халхе, чем у амбаней, и политический вес Урги стал постепенно возрастать[33].

По мере разворачивания мероприятий Цинов, противоречивших интересам России в Монголии, увеличились объемы работы консульства. В донесении в Первый департамент 2 января 1908 г. Я.П. Шишмарев, ссылаясь на стремительный рост русской колонии во всей Монголии и связанное с этим увеличение числа тяжб и судебных дел, ходатайствовал об учреждении при консульстве должностей вице-консула по примеру консульства в Харбине (открылось в 1908 г.) и второго драгомана для частых служебных командировок[34]. Кроме того, Я.П. Шишмарев указал на необходимость расширения полномочий консула как политического представителя[35], для того чтобы в отношениях с амбанем консул стал «более самостоятельным и свободным»[36]. В письме министру иностранных дел А.П. Извольскому

[29] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 124.
[30] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 54.
[31] Там же. Л. 56 об.
[32] Там же. Л. 50.
[33] Там же.
[34] Там же. Л. 50 об.–51.
[35] Там же. Л. 50 об.–51, 66.
[36] Там же. Л. 52 об.–53.

Я.П. Шишмарев информировал об усилении скрытой борьбы с амбанем Янь Чжи и японского влияния на маньчжурских чиновников, о возрастании политического значения Урги и Монголии в целом для российских стратегических интересов. В связи с этим он просил предоставить ему личное звание политического агента и генерального консула. Подотчетность посланнику в Пекине предлагалось сохранить по вопросам сношений с центральным китайским правительством.

Повышение официального статуса представителя России, по мнению Я.П. Шишмарева, было необходимо для привлечения симпатий местных властей, которые в кризисное для Монголии время можно было использовать в российских интересах. Консул подчеркивал, что в условиях «новой политики» Пекина критически важно приумножить существующее доверие монголов к российскому представителю: «Для самого себя ничего не ищу и ничего не желаю; просимым дела не испорчу. Власти китайские здешние, Улясутайские и др[угие] понимают хорошо, что я необыкновенный консул, так и относятся ко мне»[37]. Это предложение оказалось дальновидным, поскольку после увольнения Янь Чжи в феврале 1908 г.[38] Пекин продолжил курс на освоение и колонизацию Халхи руками нового амбаня Сань До (февраль 1908 — декабрь 1911 г.).

В Западной Монголии до учреждения представительства в Улясутае (1906 г.) консульская защита российских интересов была не слишком систематизированной. Российские подданные в этом регионе нередко подвергались безнаказанному насилию, наблюдались кражи товаров, караваны месяцами не допускались в города[39]. Сношения с западномонгольскими властями единственное консульство в Урге поддерживало посредством переписки, а также краткосрочных командировок в Улясутайский, Кобдоский округа и на границу. На рынке Западной Монголии безраздельно доминировали китайцы, и до 1870-х годов их контакты с русскими часто сопровождались недоразумениями.

Важным шагом на пути упорядочения торговых связей стало налаживание консулом Я.П. Шишмаревым непосредственных контактов с улясутайским цзянцзюнем Дэлэк-дорджи в июле–сентябре 1868 г. Это существенно упростило формальный порядок совместного решения вопросов, возникавших в улясутайском ведомстве, несмотря

[37] Там же.
[38] Там же. Л. 56.
[39] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 169–170.

на протесты Пекина, считавшего статус консула более низким[40]. Я.П. Шишмарев потребовал от цзянцзюня распространить информацию о содержании Пекинского договора и «Правил сухопутной торговли» 1862 г. среди населения округа, намеренное сокрытие которой было одной из причин напряженности в отношениях с монголами и китайцами. Знакомство с документами позволило урегулировать вопросы торговли русских в Урянхайском крае, характеризовавшейся высокой конфликтностью. Я.П. Шишмарев инициировал проведение «международных съездов» улясутайских и иркутских властей как первой «судебной инстанции» по крупным имущественным спорам, ставших регулярными с 1880-х годов[41].

В целях поддержания авторитета российского представителя среди правителей Западной Монголии и прояснения позиций местных хошунных князей по острым внутриполитическим вопросам консульство в Урге направляло своих сотрудников в поездки в разные местности региона (обычно в периоды назначения новых амбаней, выборов глав аймаков, сеймов и т.д.). В ходе командировок чиновники встречались с хошунными князьями, старшинами сеймов, ламами, разрешали текущие торговые споры, как, например, во время поездки Я.П. Шишмарева в Улясутай в 1902 г.[42]. Завоеванное доверие правителей позволяло консулу высказывать свое мнение по кандидатурам на ключевые посты в административных единицах Монголии, назначение которых зависело от размера подносимой в Пекин суммы той или иной группировкой князей. Так, в 1893 г. он поддержал избрание на должность улясутайского хэбэй-амбаня лояльного России главу Цэцэн-ханского аймака Намджил Дондока[43]. Таким образом, российский представитель мог оказывать некоторое влияние на расстановку политических сил в Монголии.

Проблемным, с точки зрения общения российских и китайских подданных (монголов, киргизов, урянхайцев) и отношения местных властей к русским, являлся Кобдоский округ, на границе которого десятилетиями развивалась долговая торговля. Амбани практиковали открытые запреты на торговлю монголов с российскими купцами, причем даже после заключения Петербургского договора[44]. Как и в Улясутае, консульство в Урге приступило к посильному разрешению

[40] Русский консул в Монголии. С. 23.
[41] Там же. С. 24.
[42] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 151.
[43] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 211 об.
[44] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 138. Л. 11 об.– 12.

претензий и борьбе с запретами маньчжурских чиновников только в 1870-е годы, в чем большую помощь ему оказывали старшины торгового общества — главы самоуправления российских купцов в Монголии. Неупорядоченность растущей двусторонней торговли была настолько велика, что, в отсутствие российских властей в Западной Монголии, для разрешения указанных противоречий маньчжурское правительство в 1902–1903 гг. создало в Кобдо и Улясутае специальные русско-китайские ямэни[45], призванные помогать торговцам оформлять сделки и разрешать споры, где работали русскоговорящие чиновники во главе цзурганами. Исполняющий обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежев в мае 1906 г. прибегнул к жестким методам борьбы с агрессией сартов по отношению к русским, вызванной торговой конкуренцией и сопровождавшейся применением насилия. Он потребовал высылки причастных к конфликтам лиц, провел перевыборы торгового старшины и заседание специальной комиссии по инцидентам[46]. Однако урегулировать сартско-русские конфликты удалось только после открытия российского консульства в Кобдо в 1913 г.[47].

Из-за обширности округа ответственности и рабочей нагрузки консульства в Улясутае районы повышенной стратегической важности для России — Кобдо, Урянхай[48] и Алтай — в 1905–1911 гг. продолжали испытывать серьезный дефицит внимания, так как консульство было географически удалено от них[49]. Промедление с открытием нового консульства имело негативные последствия как для защиты интересов российских торговцев в Северо-Западной Монголии, так и для экономического продвижения в регионе. С 1904 по 1911 г. Пекин успел выстроить в Монгольском Алтае целый город и плотно колонизовать приграничье[50].

Уже в конце января 1907 г. в заключении по докладу пекинского Военного министерства об укреплении Алтая и.о. консула В.В. Долбежев указывал на проблему нелегальной миграции китайских киргизов в Россию в конце 1905 и в 1906 г. как следствия колонизационной политики Цинов и их попыток привить кочевникам оседлый образ

---

[45] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 24 об.–25.

[46] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 3–20 об.

[47] Там же. Л. 42 об.–44.

[48] В апреле 1914 г. Николай II согласился принять урянхайцев под протекторат Российской империи (*Бондаренко Т.А.* История создания города в центре Азии. С. 109).

[49] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 396–398.

[50] Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг. С. 38.

жизни[51]. Бегство киргизов в Россию стало причиной пограничных разногласий России и Китая, а создание военных поселений вдоль границы было воспринято как угроза российскому Алтаю, так как этот участок границы с Россией не был укреплен в военном и административном отношениях (в главном пункте округа — Кош-Агаче единственным представителем власти являлся урядник)[52].

С началом военно-административного укрепления Пекином Монгольского Алтая[53] российские консулы в Урге и Улясутае приложили значительные усилия для защиты от нарушения маньчжурами прав соотечественников и российских стратегических интересов в данном регионе[54]. Наметив программу широкой колонизации Алтая и устройства военных поселений вдоль границы России, с 1904 г. маньчжурское правительство не сдерживало притеснение российской торговли в регионе, энтузиастом которого являлся энергичный амбань Си Хэн, не признававший авторитет консула в Улясутае[55]. Помимо запрещения торговли в Шара-Сумэ по его приказу в урянхайских кочевьях Кобдоского округа (по течению р. Саксай и Булугун) были снесены постройки русских купцов. Летом 1908 г. В.В. Долбежев поставил вопрос о недопустимости разрушения российских построек перед улясутайским цзянцзюнем и нашел его понимание[56]. В ходе командировки в Кобдо и Шара-Сумэ в июне 1909 г. В.В. Долбежев восстановил права соотечественников на торговлю и строительство в округе[57].

Вызывающее поведение амбаня Си Хэна было отчетливо продемонстрировано во время поездки и.о. консула в Улясутае по Кобдоскому округу и Алтаю. Амбань попытался унизить достоинство российского представителя, в нарушение статей договора от 1881 г. отказываясь от разбора судебных дел, запретив подчиненным предоставлять ему транспорт и др. В ответ на это В.В. Долбежев пригрозил вызовом в округ специального чиновника и стал разбирать дела в Шара-Сумэ непосредственно с урянхайскими и киргизскими чиновниками[58]. Узнав по результатам поездки В.В. Долбежева, что прово-

[51] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 73–76 об.

[52] Там же. Л. 80.

[53] Китайский автор Чжан Бинши считает, что специальный чиновник на Алтай был назначен в Шара-Сумэ лишь в 1906 г. (Алэтай жибао. 2006. URL: http://www.altxw.com/zt/content/2006-11/13/content_1346678.htm).

[54] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 72 об.

[55] Там же. Л. 158.

[56] Там же. Л. 161 об.

[57] Там же. Л. 156 об.

[58] Там же. Л. 150.

кационная деятельность Си Хэна и разжигание антироссийских настроений среди монгольского, урянхайского и киргизского населения поддерживается Вай-у-бу, МИД убедился в необходимости скорейшего решения вопроса о дополнительном консульстве в Западной Монголии.

В 1909–1911 гг. в Монгольском Алтае проходила усиленная ханьская колонизация, число китайских солдат в Шара-Сумэ увеличилось до 2 тыс., до Кобдо и Гучэна были проложены почтовые тракты[59]. Мероприятия Пекина по оттеснению киргизов в глубь урянхайских кочевий, созданию кольца поселений вдоль российской границы реализовались весьма успешно[60] и обостряли вопрос о деятельности русских на землях урянхайцев в Кобдоском округе. В этих условиях консулы и посланник считали необходимым не только в краткие сроки создать пути сообщения и инфраструктуру российской торговли в регионе, но и показать Пекину намерение защищать интересы России в ее монгольской сфере влияния, в том числе и силовыми методами[61]. Консул В.Ф. Люба, прибывший в Шара-Сумэ в августе 1911 г., вел борьбу с местным амбанем Чжун Жуем, который отказывался считать его деятельность легитимной. Подозрительность во взаимоотношениях амбаня и консула сохранялась и после официального открытия консульства в Кобдо и Шара-Сумэ в начале сентября 1911 г.[62]. Тем не менее благодаря учреждению консульства российские подданные стали свободно торговать и селиться в Шара-Сумэ и Бурчуме.

На поддержание связей с политическими и религиозными элитами Монголии и зондирование внутриполитической ситуации страны уходила значительная часть рабочего времени консулов. Первоначально монгольская аристократия избегала общения с российскими чиновниками и купцами, опасаясь санкций со стороны маньчжуров. Однако служащие консульств постепенно установили личные и письменные контакты со всеми центральными, региональными, хошунными, пограничными властями (дзаргучеем кяхтинского Маймачэна, с июня 1904 г. — со специальным чиновником и его малым ямэнем[63]), духовными иерархами, Шабинским ведомством, а также с властями Внутренней Монголии. Переписка консульства с амбаньскими ямэнями велась на маньчжурском языке. Одновременно консульство получало

[59] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 9 об.
[60] Там же. Л. 10.
[61] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 7 об.
[62] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 94, 96.
[63] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 33.

бумаги из ямэней на монгольском языке, составляя исходящие бумаги на русском. Уже в 1874 г. амбани практиковали дружеские (без предуведомления) визиты к консулу[64]. Привлечению симпатий хошунных князей, сеймов и пограничных караулов, населения способствовали объезды консулами подконтрольных округов.

В общении консулов с местными властями были распространены неформальные контакты, например праздничные приемы. В дни христианского Нового года, Пасхи, коронации императоров (например, Николая II и Александры Федоровны 10 мая 1896 г.)[65], тезоименитства августейших особ[66] консульства устраивали приемы с участием монгольских и маньчжурских чиновников, а также делали подарки монгольскому населению[67]. Работники консульств принимали участие во всех религиозных и народных праздниках монголов (Майдари-хурал, Цагаан Сар, Надом/Наадам), сопровождавшихся пышными церемониями. Власти и население придавали присутствию российского консула на празднествах большое значение, расценивая это как знак уважения к местным традициям и духовного единения двух цивилизаций. На праздниках заводились полезные контакты с князьями и ламами. Так, осенью 1861 г. на празднике «Долон-хошу Надом» Я.П. Шишмарев познакомился с монгольским амбанем Урги Арташидой, ставшим его союзником в поддержании равновесия в отношениях с маньчжурским правителем и каналом знакомства с монгольскими князьями, первоначально опасавшимися открыто общаться с российским чиновником[68]. В августе 1893 г. по случаю большого праздника — 25-летия хутухты — консул в Урге устроил масштабный пир в честь духовного главы Монголии. Он дал обед для амбаней, их свиты, князей и более 200 чиновников маньчжурских и монгольских управлений и отправил яства во дворец хутухте[69]. Традиция совместного участия в празднованиях и богослужениях сохранилась и после провозглашения Монголией независимости. Например, дипломатический агент А.Я. Миллер со всем штатом консульства в Урге участвовал в большом молебне, устроенном хамбо-ламой в храме Мэгжид-Жанрайсэг в день вступления России в мировую войну 1 августа 1914 г.[70].

[64] *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии. С. 294.
[65] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 390.
[66] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 15.
[67] Там же. Л. 12.
[68] *Ломакина И.И.* Монгольская столица. С. 43; *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге. С. 31.
[69] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 205–205 об.
[70] Харбинский вестник. 03.08.1914; *Майский И.М.* Современная Монголия. С. 20–21.

Неотъемлемым элементом коммуникации с местными властями являлось подношение подарков. При высоком уровне инфляции в Монголии в конце XIX — начале XX в. подарки монгольским чиновникам и ламам во время приемов, религиозных праздников, съездов требовали значительных затрат (особенно в Урге), что заставляло консула запрашивать дополнительные средства у Дипломатической миссии и Первого департамента[71].

Источником напряжения во взаимоотношениях российских и маньчжурских представителей в Монголии было вольное толкование последними двусторонних трактатов и «Правил сухопутной торговли»[72], которое служило основанием для произвола местных властей по отношению к подданным России. В спорных ситуациях консулы стремились к компромиссу с контрагентами. Так, в результате выявления неточностей маньчжурского перевода Пекинского трактата в июне 1861 г. были улажены противоречия в вопросах о статусе консулов и правах российских подданных в Халхе, о постройке консульского дома в Урге и выделении пастбищ («по взаимному соглашению» российского консула и ургинских правителей, а не «по усмотрению» последних) и т.д.[73]. Однако нередкими были случаи силового убеждения цинских властей консулами и посланником в справедливости российской формулировки. Примерами этого могут служить отстаивание прав на провоз кяхтинскими купцами чая из Калгана и Куку-хото прямым путем на Кобдо, Кош-Агач и Бийск (минуя Ургу) в 1889 г.[74] или дискуссия с маньчжурскими властями по поводу обложения таможенными пошлинами товаров, купленных по внешнюю сторону от застав вдоль Великой стены и в открытом для российской торговли г. Калгане в мае 1896 г. (дело фирмы «Коковин и Басов»)[75]. В 1896 г. управляющий консульством в Урге В.Ф. Люба участвовал в защите прав предпринимателя П.А. Бадмаева, заключившего летом 1895 г. контракт на осуществление почтового сообщения между Ургой и Кяхтой с российским почтово-телеграфным ведомством, от несправедливых требований амбаня Гуй Бина относительно строительства помещений и сенокошения по тракту[76].

[71] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 5–31.

[72] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 64–69, 70–79, 91–95, 101–107, 117–124, 125–131. Так, например, «Правила сухопутной торговли» (от 20 февраля 1862 г.) разрешали беспошлинную торговлю по всей границе России с Монголией (ст. 1) и во всей подчиненной Китаю Монголии, во всех ее аймаках (ст. 2).

[73] АВПРИ. Ф. Главный архив II-3. Д. 2. Л. 141–145 об.

[74] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 85 об.

[75] Там же. Л. 389.

[76] Там же. Л. 487 об.

В то же время свободная трактовка договоров предоставляла пространство для маневра и российским консулам[77]. Так, летом 1909 г. и.о. улясутайского консула В.В. Долбежев убеждал амбаня в Шара-Сумэ, что использованное в ст. 13 Петербургского договора понятие «место пребывания консула» означает не город, а всю Западную Монголию[78]. Этот шаг де-факто легитимизировал сооружение российскими подданными хозяйственных и жилых построек во всех частях этого региона.

Как единственные представители российской власти, консульства подвергались самой разнообразной критике со стороны соотечественников. Указывалось на их замкнутость в «дипломатическом мирке», отстраненность от нужд колонии. Кроме того, деятельности консульств, как и других государственных органов, были присущи все недостатки отечественной бюрократии. Однако негативное влияние последней испытывали сами консульские работники и на своем уровне стремились уменьшить его. Эффективность консульской защиты российских подданных в Монголии снижала и отмеченная выше нехватка консульских учреждений и соответствующих кадров. В районах, отдаленных от пунктов пребывания консулов, россияне оказывались беззащитными перед произволом китайских властей. Недостаточность же государственного надзора порождала, с одной стороны, неуважение местного начальства к букве договора, а с другой — самоуправство русских купцов. Можно согласиться с М.И. Боголеповым и М.Н. Соболевым в том, что российское правительство, невнимательно относясь к собственным заграничным представительствам, допуская, чтобы российские подданные пренебрегали нормами международных договоров, провоцировало тем самым китайского визави на неуважение и к консулам, и к договорам[79].

Тем не менее за годы работы в Монголии сотрудники императорского МИДа смогли выработать действенный механизм взаимоотношений со светскими и духовными властями этого края. Современники считали дипломатическую работу консулов в Монголии более эффективной, чем деятельность в области стимулирования торговли. Авторитет консульских работников в немалой степени зависел от характера их личных отношений с местными властями. Основателем деловых и духовных традиций российской консульской службы в Монголии

[77] *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии. С. 69–75.
[78] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 150 об.
[79] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 398.

был Я.П. Шишмарев, который благодаря своим монгольским корням и глубокой привязанности к стране получил среди монголов негласное звание «свой» («манай»). Значимость Я.П. Шишмарева для российско-монгольских отношений была настолько высока, что правительство продлевало срок его пребывания в должности генерального консула в Урге, пока он не достиг весьма преклонного возраста. Даже после выхода на пенсию и возвращения в Петербург Я.П. Шишмарев старался участвовать в решении «монгольского вопроса», давая консультации коллегам в Монголии и в МИДе. Во время визита членов монгольского правительства в Петербург в январе 1912 г. он был прикомандирован к этой чрезвычайной депутации, помогая вести переговоры[80]. Для местных правителей и населения фигура консула стала символом мощи и дружественности державы «Белого царя», а для новых поколений дипломатов в Монголии — образцом профессионализма, глубокого знания страны, честности, беспристрастности и преданности делу.

Преемники Я.П. Шишмарева (В.Ф. Люба, А.Я. Миллер, В.В. Долбежев и др.) приумножили его достижения в области поддержания авторитета и обеспечения благоприятного климата в отношениях с местным начальством. Невзирая на возникавшие межгосударственные противоречия и личные трения российских консулов с маньчжурскими (позднее — с китайскими) сановниками, им в основном удавалось приходить к оптимальным решениям проблем, как посредством компромиссов, так и с помощью давления на чиновников, нарушавших «равновесие», через Вай-у-бу. Существенно этому способствовали традиционно теплые отношения сотрудников консульства в Урге с монгольским духовенством и подчеркнутое уважение к самобытности монгольской культуры, которые стали залогом симпатии религиозных монголов к представителям России. Д. Каррутерс отмечал, что русские смогли установить с монголами дружественные отношения и преуспели в этом больше, чем китайцы[81]. На фоне стремления Пекина ограничить власть Джебдзун-Дамба-хутухты в начале XX в. и нарушить традиционный уклад монгольского общества данные симпатии в значительной мере предопределили вовлечение российских консульств в разрешение проблем политической жизни Монголии и ее противоречий с Китаем.

[80] *Ломакина И.И.* Монгольская столица. С. 49.
[81] *Carruthers G.* Unknown Mongolia. P. 317.

Информационно-аналитическая работа консульств

На рубеже XIX–XX вв. российские консульства наряду с Генеральным штабом, министерствами и пограничными администрациями активно привлекались к сбору информации о Монголии и граничащих с ней регионах Китая. Ввиду обострения конкуренции держав в Восточной и Центральной Азии в этот период сведения политического, военного, оперативного характера, доставляемые дипломатическими представительствами, имели значительную ценность[82]. Поскольку разведка на Дальнем Востоке стала приобретать организованные формы лишь после создания посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым специальной политической агентуры в 1906–1909 гг. (под руководством кяхтинского пограничного комиссара А.Д. Хитрово)[83], большой объем секретных сведений о ситуации в регионах Китая доставлялся консульствами и Дипломатической миссией.

Деятельность такого рода не именовалась «разведывательной» или «контрразведывательной», но в дипломатической переписке употреблялись термины «секретный агент», «секретные сведения», «дела секретного характера»[84], «по частным каналам», следовательно, она была негласной. Таким образом, для выполнения осведомительной работы сотрудники консульств использовали не только открытые источники информации[85]. Задача по поиску секретной информации за рубежом была сформулирована в Положении об учреждении МИДа 1803 г., вновь утвержденном императором Николаем II в 1897 г. Одной из целей дипломатов было «…всестороннее наблюдение за явлениями политической и общественной жизни в иностранных государствах, поскольку таковые затрагивают внешние политические и иные интересы России»[86].

Несмотря на то что Монголия была включена в область деятельности внешней разведки только с 1905 г., сбор сведений из закрытых источников начался российскими дипломатами в Урге задолго до создания особой политической агентуры. Кроме анализа политической и военной обстановки на вверенной их вниманию территории (отношения Пекина и Урги, военное укрепление и колонизация Цинами

---

[82] *Лебедев В.А.* О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века.
[83] *Гендунов А.Б.* Русская агентурная разведка в Китае и Монголии. С. 102.
[84] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 7 об.
[85] История дипломатии. Т. 1. С. 759.
[86] Цит. по: *Обухов В.Г.* Схватка шести империй. С. 28.

приграничных территорий[87]) в своих донесениях в МИД и посланнику консулы стремились зафиксировать данные о потенциальных внешних угрозах интересам России в этой «сфере влияния» и смежных с ней регионах. Отдельными статьями наблюдения были: деятельность Великобритании по закреплению в Тибете, проникновение Японии в Маньчжурию и Монголию и попытки подрыва российского влияния в этих регионах, ее манипулирование китайским правительством, содействие колонизации и открытию Халхи для международной торговли. Результаты информационно-аналитической работы консульств имели большое значение, поскольку сведения поступали с высокой частотой и регулярностью, из надежных и многообразных источников, отличались полнотой и точностью.

В отличие от консульств в других регионах Китая и Корее при загранучреждениях в Монголии не было офицеров-разведчиков на должностях «прикрытия». Источниками секретных данных являлись агенты консульства (приближенные к консульству ламы, мелкие чиновники маньчжурских и монгольских управлений, торговцы). Известно, что в Западной Монголии такие агенты получали отдельное жалованье. К примеру, исполняющий обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежев в 1906 г. оплачивал работу агента-монгола для сбора данных о «негласной деятельности» местных маньчжурских чиновников в различных районах, входивших в консульский округ[88]. О внутренних интригах при дворе хутухты, настроениях в «степи», созревании и развитии национально-освободительных идей консулы узнавали от хошунных князей, с которыми входили в дружественные отношения. Сведения о Тибете консул в Урге получал от паломников-бурят, периодически отправлявшихся в Лхасу. Ценным источником информации о планах иностранных держав в Китае были следовавшие через Монголию зарубежные путешественники, которым консульства оказывали всяческое содействие.

С начала 1890-х годов активизировалась информационная деятельность консульств по вопросу интегрирования Халхи в общую хозяйственную систему Китая. Катастрофичность последствий колонизации Монголии Я.П. Шишмарев объяснял директору Азиатского департамента Д.А. Капнисту еще 3 апреля 1895 г. на примере политики китаизации Цицикарской провинции[89]. Об опасности потери монголь-

[87] *Макуха Н.А.* «Китайское правительство предполагает...». С. 214–217.
[88] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 33 об.
[89] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 322 об.

ской самобытности для Халхи и России говорилось в докладе В.Ф. Любы в Троицкосавско-Кяхтинском отделении ИРГО[90]. Справедливость оценок дипломатов подтвердилась с началом активной распашки земель китайцами в Халхе в 1900 г. Донося 22 января 1906 г. об усугублении ситуации с проникновением ханьцев в Монголию, В.Ф. Люба открыто высказал поддержку халхаской аристократии во главе с шанцзотбой, заявившим протест против посягательства на традиционный уклад монголов[91].

Разворачивание подготовки колонизации халхаских земель усилило разногласия между восточными и западными аймаками. Для изучения данных противоречий и восстановления престижа России среди монгольской элиты в середине апреля 1907 г. консул Я.П. Шишмарев направился в Цэцэн-ханский аймак и на границу[92]. С началом реализации реформы землепользования за советом к консулам в Урге и Улясутае постоянно обращались князья. В конце июля 1907 г. Я.П. Шишмарев участвовал в обсуждении вопроса колонизации с хошунными князьями в Урге и поддержал намерение халхасов остановить губительные для монгольской самобытности меры цинского правительства[93]. Эта поддержка укрепила решимость князей обратиться к императору с просьбой оставить в Халхе прежние порядки, для чего в конце ноября 1907 г. они направили в Пекин специальную делегацию[94]. Отставка апологета колонизации амбаня Янь Чжи привела к сплочению князей вокруг хутухты и повысила популярность российских дипломатов, ставших главными политическими консультантами монгольской аристократии[95].

Консульство в Улясутае в сотрудничестве с коллегами в Синьцзяне в 1909–1911 гг. прилагало усилия к получению сведений о планах колонизации и устройстве военных поселений в Монгольском Алтае, а также о ситуации в Урянхайском крае. 3 июня 1909 г. и.о. консула В.В. Долбежев направил посланнику Г.А. Плансону секретно снятую в ямэне улясутайского цзянцзюня копию карты Урянхайского края с печатью его правителя Гамбо-дорджи[96]. В течение 1909 г. он собрал ценные сведения о мерах по укреплению и колонизации китайцами Алтая, о количестве солдат в Шара-Сумэ, организационной структу-

[90] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 131 об.
[91] Там же. Л. 132.
[92] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 15, 20–21.
[93] Там же. Л. 15–15 об.
[94] Там же. Л. 40–41.
[95] Там же. Л. 42.
[96] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 121–122.

ре войск, материальном обеспечении жизни крепости, административном делении китайских киргизов в ведении амбаня Си Хэна, а также подготовил характеристики некоторых ухерид и описания их алтайских кочевий[97]. В сотрудничестве с консульством в Чугучаке в феврале 1910 г. (в Шара-Сумэ был командирован агент) ему удалось получить внемасштабный план (схему) города[98].

С самого начала китайско-японской войны в 1894 г. консульство в Урге осуществляло сбор сведений о деятельности японцев в Китае, Монголии и об отношении населения к Японии[99]. С Японией правительство России связывало опасность иностранной конкуренции российской торговле, грозившей потерей рынка, и нарушение стратегического баланса сил в регионе. В 1901–1902 гг. из-за соперничества в Маньчжурии усиливалось напряжение в российско-японских отношениях, причем действия Японии против России поддержали Англия и Германия (в частности, в 1902 г. был заключен англо-японский договор). Эти обстоятельства активизировали осведомительную деятельность и Японии и России как в Маньчжурии, так и в приманьчжурской Монголии.

Консулы в Урге и Улясутае доносили в МИД о каждом японце, побывавшем в стране, — от студентов (стажеров) Японской миссии в Пекине до торговцев и ученых, большинство из которых были агентами. В октябре 1902 г. Я.П. Шишмарев сообщал о снаряженной Японией экспедиции в Монголию, Маньчжурию и на границу с Россией с целью изучения торговли. Цинское правительство приказало всем пограничным властям содействовать японским путешественникам. Консул заключал, что «открытие японцами непосредственных торговых сношений с Монголией не может быть нам желательным»[100]. В задачи первой «торговой» экспедиции Японии в Монголии также входило изучение военно-стратегических аспектов ситуации в восточных районах, прилегавших к КВЖД[101]. В июне 1903 г. управляющий консульством в Урге В.В. Долбежев запросил инструкций посланника на предмет оказания содействия экспедиции японца Осима по рекомендации Японской миссии, а также допущения его в Ургинскую школу переводчиков для изучения монгольского языка. Сам В.В. Долбежев высказался о нежелательности данной экспедиции «по многим причинам»[102].

[97] Там же. Л. 152 об.–154 об.
[98] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 5–6.
[99] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 293.
[100] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 156 об.–157.
[101] *Единархова Н.Е.* Проникновение японцев в Монголию. С. 100.
[102] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 188 об.

Уже во время Русско-японской войны МИД с помощью Дипмиссии в Пекине и консульства в Урге приступил к сбору данных о японско-китайском сотрудничестве и использовании Японией Халхи для получения разведывательных данных о военных планах и экономическом положении России и подрыва ее влияния на территории Монголии. С целью предотвращения проникновения японских агентов в страну и выяснения стратегических устремлений правительства Японии началось создание агентурной сети в районе монгольской столицы[103]. Так, в октябре 1904 г. консул в Урге В.Ф. Люба «принял меры» для ознакомления с предписанием улясутайского цзянцзюня об оказании содействия японским закупщикам скота в Дзасакту-ханском аймаке[104].

Победа в войне с Россией увеличила влияние Японии на правительство Пекина, которому она оказывала содействие в планировании колонизации и освоения богатств Монголии. С сентября 1905 г. ургинское консульство сообщало об открытой деятельности японцев в Монголии. 75% путешественников, проезжавших по Халхе, были японцами, имели свидетельство от Вай-у-бу и губернатора Чжилийской провинции, а также право бесплатного проезда по казенным станциям. По маршруту Калган–Долоннор–Пекин в месяц проезжало несколько десятков японцев[105]. Под видом студентов и ученых японские агенты собирали сведения о торговле в Монголии, приобретали образцы импортных (особенно мануфактурных и металлических) и монгольских товаров, организовали масштабную закупку сырья и скота через крупные китайские фирмы. Они спровоцировали рост цен на овчину и шерсть, таким образом заставив русских купцов отказаться от покупки этой популярной в России продукции[106].

Основной задачей японских офицеров было не столько изыскание возможностей продвижения на местный рынок японских товаров и инвестиций (только в 1910 г. японские капиталисты провели серьезные переговоры о создании промышленных предприятий в Урге), сколько осведомление о численности российских войск в приграничье и в городах пребывания консульств, отношениях монголов с российскими подданными для выработки мер по ограничению влияния России в Монголии[107]. Это отвечало политическим целям Пекина, пре-

[103] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 870. Л. 4.
[104] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 20.
[105] Там же. Л. 71 об.–72.
[106] Там же. Л. 72 об.
[107] *Li Narangoa.* Japanese Geopolitics and the Mongol Lands. P. 49–50, 62–63.

доставившего японским военным и торговцам полное покровительство. Японские агенты составляли точные планы окрестностей Урги, консульства и наблюдали за российскими дипломатами[108]. Иногда в разведывательных группах участвовали и китайцы. Инструментами подрывной деятельности японцев были подарки и помощь монгольской аристократии в получении образования в Японии, религиозная и политическая пропаганда исторической общности японского и монгольского народов, организация образовательной деятельности в хошунах (например, две школы были созданы в хошуне Харачин-вана)[109].

В сентябре 1905 г. Пекином и Токио обсуждалась возможность учреждения в Монголии японского наместничества и открытия Урги и Калгана для иностранной торговли. В ответ на это управлявший консульством в Урге секретарь М.Н. Кузминский заявил амбаню Янь Чжи протест против нарушения Китаем договорных правил, которые запрещали пребывание иностранных подданных в Урге в течение длительных сроков[110]. Намеренно переоценивая степень развития российской торговли в Монголии, Пекин выражал готовность отменить режим беспошлинного торга с Россией. Ургинским амбаням, с подачи японских советников, было дано распоряжение подготовить открытие таможен на границе с Забайкальем и Восточной Сибирью[111]. В Монголию планировалось командировать специального уполномоченного Су Циньвана, группа маньчжурских чиновников была направлена в Халху и Западную Монголию для изучения возможностей колонизации страны и ограничения экономической экспансии России. В своих донесениях М.Н. Кузминский обращал внимание МИДа на необходимость задержать открытие Монголии для международной торговли, чтобы предотвратить крах российского предпринимательства, по крайней мере до момента укрепления российской концессии в Урге и организации комиссионной деятельности Русско-Китайского банка[112]. Особый вред российским интересам могли нанести китайско-японские промышленные проекты в Монголии.

Организация контрразведывательной деятельности на Дальнем Востоке с лета 1905 г. осложнялась серьезными противоречиями, которые возникли между российскими Министерством иностранных дел и военным ведомством из-за реваншистских настроений военных

[108] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 71 об.–72.
[109] *Единархова Н.Е.* Указ. соч. С. 101–102.
[110] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 73–73 об.
[111] Там же. Л. 157 об.
[112] Там же. Л. 160 об.

по отношению к Японии и несогласия прогермански настроенных кругов Генерального штаба и Совета государственной обороны с курсом А.П. Извольского на сближение с Англией и Японией (в целом с весны 1907 г. возобладала линия МИДа)[113]. Данные противоречия, подрывавшие достижения Портсмутского мирного договора, иллюстрирует инцидент в августе 1905 г., когда командование Дальневосточной армии настаивало на аресте управляющим консульством М.Н. Кузминским двух японцев в Урге[114]. Поскольку Монголия являлась нейтральной территорией, а МИД стремился нормализовать отношения с Японией, российские власти не могли открыто препятствовать проникновению японцев в эту часть Китая. В то же время дипломаты активно участвовали в сборе сведений о деятельности японских агентов и китайско-японских договоренностях и по мере возможности ограничивали проезд подозрительных лиц в Россию.

Так как сферы компетенции консулов и пограничных военных властей в области разведки пересекались, их сотрудничество сопровождалось конкуренцией (в частности, между консулом В.Ф. Люба и кяхтинским пограничным комиссаром А.Д. Хитрово). Тем не менее консульства содействовали военным, с 1906 г. изучавшим театр военных действий Русско-японской войны и пути сообщения, осуществлявшим военно-статистическое описание сопредельных с Россией дальневосточных территорий и топографические мероприятия. Однако агентурная работа консульств осуществлялась независимо от военного ведомства.

Из донесений и.о. консула в Улясутае В.В. Долбежева следует, что с сентября 1906 г. японские агенты уже активно действовали не только в Халхе, но и в Западной Монголии (например, японец Закичай собирал сведения о торговле по всему западу страны до Кош-Агача)[115]. Некоторые из них пытались проехать из Монголии в Россию, и консульство в Улясутае находило предлоги для отказа в выдаче им заграничных билетов [116]. В этот период консульские работники, наряду с агентами Омского и Иркутского военных округов, активизировали осведомительную деятельность. Консулы устанавливали наблюдение за группами японцев в монгольских хошунах, отслеживали топографические мероприятия, их общение с местными властями[117].

[113] *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.
[114] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 598. Л. 5–8.
[115] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 30–31, 154 об.
[116] Там же. Л. 111–112.
[117] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 596, 598.

На основе консульских донесений в МИДе вырабатывалась тактика в отношении Японии и потворствовавшего ей Китая, предпринимались попытки ограничить засилье японцев в цинской администрации[118].

В октябре 1906 г. японцы завершили рекогносцировку в Монголии и приступили к реализации намеченных вместе с Пекином проектов. Для наблюдения за деятельностью агентов Японии, определения их численности в различных районах страны (Западной Монголии, Халхе, стране чахаров и Приманьчжурье), оперативного реагирования на случай водворения японцев в Монголии сотрудники консульств предлагали создать специальный пункт в Долонноре или около Калгана[119]. В связи с активным проникновением японцев в Монголию М.Н. Кузминский призывал стимулировать экономическое освоение последней и расширить площади российских землевладений в Халхе и западных округах[120].

Подписание секретной российско-японской конвенции 17(30) июля 1907 г., по ст. 3 которой Япония обязалась «воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб» специальным интересам России во Внешней Монголии[121], не остановило командирование японских разведчиков в эту часть Цинской империи. Российские консульства в Урге и Улясутае предприняли меры для пресечения деятельности японских агентов-пропагандистов в монастырях (в частности, в Эрдэни-цзу, где они хотели назначить собственного ламу) и ставках князей, проникавших в Забайкалье, а также «ученых» (к примеру, летом 1908 г. в Урге под видом таковых побывало около 20 японцев). В частности, в начале августа 1908 г. Я.П. Шишмарев смог «повлиять некоторым образом», чтобы ни один ургинский возчик не согласился отвезти очередную «научную» экспедицию Японии в Улясутайский округ. В феврале 1908 г. исполняющий обязанности консула в Улясутае воспрепятствовал посещению японцами ставок и монастырей в Улясутайском, Кобдоском округах, а также в землях дэрбэтов и урянхайцев[122]. Летом 1909 г. в ходе поездки по округу Я.П. Шишмарев собрал данные о деятельности японцев в Восточной Монголии и Приманьчжурье[123]. Активное наблюдение и посильное

[118] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 71–75 об.; Д. 565. Л. 9–11 об.
[119] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 8–9.
[120] Там же. Л. 9 об.
[121] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 538.
[122] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 72 об.–73.
[123] Там же. Л. 85.

предупреждение деятельности японских агентов в Монголии продолжалась до Синьхайской революции.

Представительства МИДа в Монголии принимали участие в наблюдении за деятельностью германских и австрийских офицеров, а иногда и предотвращали их проникновение на территорию Монголии и Алтая в 1909–1911 гг. Тем не менее, стремясь сохранить равновесие в отношениях с Англией, Германией и Японией, МИД, невзирая на противоречия с военным ведомством, в большинстве случаев содействовал пропуску иностранных путешественников[124]. С началом мировой войны летом 1914 г. консульствам в Монголии был поручен сбор данных о возможном проникновении агентов и беглых на территорию данной сферы российского влияния. Так, в июне 1916 г. консул в Улясутае А.А. Вальтер и начальник консульского конвоя Мейер разоблачили двух австрийских военнопленных, бежавших из Сибири. Распоряжением консула они были высланы из Монголии[125].

Секретная деятельность ургинского консульства в изучаемый период распространилась и на сферу отношений России с Тибетом. На этом направлении консульство проявило себя в двух ипостасях. С одной стороны, оно собирало сведения о деятельности Англии в Тибете, с другой — напрямую участвовало в определении судьбы Далай-ламы XIII Тхуптэна Гьяцо, в ноябре 1904 — июле 1906 г. искавшего помощи России на фоне продвижения английской экспедиции на Лхасу.

Консульство России в Урге содействовало контактам российских и тибетских буддистов с 1870-х годов. В начале 1890-х годов, даже в условиях нерегулярных связей со «Страной снегов», Я.П. Шишмарев собирал данные о действиях Англии на границе Индии и Тибета и стремился привлечь внимание российского правительства к проблеме Тибета[126]. Так, из полученного весной 1892 г. письма двоюродного брата наставника Джебдзун-Дамба-хутухты Я.П. Шишмарев узнал подробности закрепления Англией за собой севера и юга Сиккима и отношения к этому населения, в 1895 г. — детали продвижения «пилинов» (чужеземцев) к границам Тибета и внутритибетских дискуссий о способах отражения их наступления[127]. По мере разворачивания английской экспансии в Тибете консул отслеживал послания Далай-ламы Джебдзун-Дамба-хутухте о бесчинствах англичан в «запретной

[124] *Греков Н.В.* Указ. соч.
[125] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 25–28.
[126] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской... России. С. 152.
[127] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 162 об.–165, 312, 338 об., 345 об.

стране» (см., например, его письмо от 10 августа 1896 г.)[128]. После установления советником Далай-ламы бурятом Агваном Доржиевым прямых отношений с Петербургом в 1901 г. консульство в Урге контролировало участившиеся паломнические и торговые связи буддийских народов России с Тибетом[129]. Осенью 1903 г. было учреждено консульство в Дацзянлу в качестве наблюдательной базы за действиями Англии и Франции в Тибете и Южно-Центральном Китае, и генеральный консул в Урге Я.П. Шишмарев и посланник в Пекине П.М. Лессар были единственными каналами связи главы этого консульства Буды Рабданова с МИДом[130]. Из письма А. Доржиева, направленного через консульство, МИД узнал о критическом положении Тибета зимой–весной 1904 г.[131].

В период пребывания Далай-ламы XIII Тхуптэна Гьяцо в Урге участие консульства в Монголии в разрешении вопроса о его судьбе осуществлялось «с двух сторон» — В.Ф. Любой, занимавшим пост консула на время отпуска генерального консула Я.П. Шишмарева, и самим генконсулом, находившимся в Петербурге. Я.П. Шишмарев принял участие в совещаниях при министерствах по «тибетскому вопросу» и англо-российскому разграничению в Азии (январь 1905 г., июнь 1906 г.)[132]. По настоянию Николая II, уверенного, что сложную ситуацию, возникшую в отношениях с Монголией и Китаем из-за Далай-ламы, может разрешить лишь Я.П. Шишмарев, консул досрочно вернулся в Ургу[133].

Еще в конце 1904 г. Я.П. Шишмарев утверждал, что нахождение Далай-ламы в Урге ослабит его авторитет в Тибете, а сближение первосвященника с Россией, тем более в форме предоставления ему убежища, может быть расценено Пекином и Лондоном как вызов, что было неприемлемо в условиях войны с Японией. Он рекомендовал удалить Далай-ламу в близкую к Тибету область Монголии и оказывать иерарху финансовую поддержку, пользуясь его услугами для укрепления влияния в отдаленных монгольских районах[134]. Таким образом, Я.П. Шишмарев стремился сохранить равновесие в российско-китайских отношениях и одновременно — не допустить внутри-

---

[128] Там же. Л. 409–410.
[129] *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 102–103.
[130] Там же. С. 95–96.
[131] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 4–5 об.
[132] *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 160–161.
[133] *Ломакина И.* Великий беглец. С. 67.
[134] *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 135.

политического раскола в Тибете. В то же время консул призывал не оставлять первосвященника в беде и приложить усилия к выработке приемлемых условий для его возвращения на родину. Соображения Я.П. Шишмарева, очевидно, были приняты во внимание, поскольку к январю 1905 г. МИД смог занять более четкую позицию в вопросе о судьбе Далай-ламы, которого предполагалось вернуть в Лхасу, т.е. оставить в Урге только до поры, когда прояснятся перспективы России в войне с Японией.

На выработку приемлемых условий возвращения Далай-ламы в Тибет были направлены усилия посланника и консула в Урге с начала зимы 1905 г.[135]. В.Ф. Люба был участником консультаций российских властей о возможной эмиграции иерарха в Россию[136]. Вместе с секретарем консульства М.Н. Кузминским он поставлял в МИД оперативную информацию об изменении обстановки в Урге и в Тибете, сложных отношениях Далай-ламы с Джебдзун-Дамба-хутухтой, дискуссиях внутри свиты тибетского иерарха и в среде ургинских лам и князей о стремлении Далай-ламы получить помощь от России, об отношении простых верующих к верховному ламе[137]. В.Ф. Люба провел несколько встреч с Далай-ламой, в ходе которых владыка Тибета отчетливо выражал искренние чувства к России, несмотря на то что убедился в нереалистичности плана эмиграции в Россию[138]. Наместник правительства на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф обсуждали возможность поручить В.Ф. Любе организовать переселение Далай-ламы в Россию, если последует одобрение царя. По мнению адмирала, В.Ф. Люба был способен «...обставить дело наилучшим образом... и без огласки»[139].

В связи с начавшимся летом 1905 г. национальным движением в Халхе[140], поддержанным тибетским первосвященником, МИД активизировал подготовку возвращения духовного иерарха на родину[141]. В беседе перед отъездом из Урги в августе 1905 г. Далай-лама просил управляющего консульством М.Н. Кузминского позаботиться об оставленных им в Урге подданных, а также призвал оказать монголам помощь в освободительной борьбе[142]. В день отъезда из Урги Далай-лама

[135] Россия и Тибет. С. 67–72.
[136] Там же. С. 65.
[137] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 7, 9 об., 17.
[138] Там же. Л. 12 об., 52 об., 53, 55.
[139] Россия и Тибет. С. 64.
[140] *Белов Е.А.* Записка подполковника Генерального штаба. С. 137–139.
[141] Россия и Тибет. С. 75.
[142] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 62 об.–66 об.

публично благословил М.Н. Кузминского и не попрощался с маньчжурским амбанем, тем самым продемонстрировав свои политические симпатии[143].

После отъезда Далай-ламы из Урги на северо-запад Халхи, в Хандацинван (Ван-Хурэ), именно через консульских сотрудников в Урге он продолжал поддерживать связь с Петербургом, консульство давало консультации, а также выступало в роли посредника в переговорах Далай-ламы с Пекином[144]. Не в последнюю очередь благодаря посланнику и консулу в Урге иерарха удалось оставить в Халхе до лета 1906 г. и создать условия для постепенного налаживания диалога Далай-ламы с Пекином[145]. Даже после заключения в 1907 г. соглашения с Англией, запретившего официальные сношения России с Тибетом[146], консульство в Урге продолжало обеспечивать связь Далай-ламы с Петербургом.

Таким образом, деятельность консульств предполагала также масштабную работу по выявлению и предупреждению внешних угроз интересам России в Монголии. Консульства внесли вклад в противодействие японской разведке в Монголии и выходу страны из орбиты влияния России. Последнее было возможно в случае успешной реализации планов Пекина и его японских советников по колонизации Халхи, интернационализации торговли и созданию в регионе японской промышленности. Работа российских дипломатов в Урге, Западной Монголии и Пекине в немалой степени препятствовала завершению намеченных маньчжурами реформ в Монголии, появлению в стране «третьей силы» в лице Японии и как следствие — изменению status quo в Северо-Восточной и Центральной Азии. Негласное же посредничество консульства в Урге в решении «тибетского вопроса» помогло предупредить противоречия с Пекином и будущим партнером по «Антанте» Лондоном, а следовательно — нарушение баланса сил в международной системе в неблагоприятный для России период войны с Японией. Секретные данные, доставленные консульством, а также консультации дипломатов-монголоведов Я.П. Шишмарева и В.Ф. Любы помогли скорректировать «тибетскую» политику МИДа в оптимальном для России ключе.

[143] Там же. Л. 70–70 об.
[144] Россия и Тибет. С. 84.
[145] *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 152.
[146] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 539–541.

Российские консульства в период национально-освободительного движения в Монголии

В период борьбы монгольского народа за национальное самоопределение в 1911–1915 гг. политическая деятельность консульств России в Урге и Западной Монголии вышла на новый уровень. Поскольку Монголия рассматривалась в качестве сферы интересов России, Петербург поддержал освободительные устремления монгольской аристократии[147].

Надежды на помощь России в избавлении от маньчжурского владычества высказывались монголами еще первому консулу К.Н. Боборыкину в 1861 г.[148]. В донесении директору Азиатского департамента Д.А. Капнисту 31 мая 1895 г. Я.П. Шишмарев писал, что в «степи» были разочарованы итогами китайско-японской войны, так как надеялись на полное поражение и падение Цинской империи, после которого Монголия перешла бы под власть «Белого царя»[149]. Во время «боксерского восстания» 1899–1901 гг. монгольские князья в Урге, чувствуя слабость центральной власти, уже открыто озвучивали желание создать собственное государство под протекторатом России. Стремясь добиться расположения правительства России, власти Урги вступились за «Монголор», когда цинское правительство пыталось закрыть предприятие.

В начале XX в. Цины активизировали политику колонизации, административные и хозяйственные преобразования в Монголии. На регион планировалось распространить общенациональное китайское законодательство и постепенно лишить самостоятельности местную светскую и духовную аристократию. В историческую область Монголии — Халху маньчжурское правительство планировало провести железную дорогу, туда были отправлены войска. Все эти действия воспринимались монголами как угроза самобытности и окончательного поглощения Китаем. Локальные антикитайские выступления в Халхе наблюдались уже с конца 1904 г. В донесении от 17 декабря 1904 г. В.Ф. Люба фиксировал первую масштабную вспышку насилия в отношении китайцев — погром лавки при участии более чем 1000 лам[150]. Не имея на тот момент четкой линии в «монгольском вопросе», МИД

[147] *Tang P.* Russian and Soviet Policy. P. 288.
[148] ГАИО. Ф. 24. Оп.11/2. Д. 20/9. Л. 69–77.
[149] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 333–334.
[150] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 18.

России приказал ургинскому консульству отслеживать подобные выступления[151]. Политическая активность в монгольском обществе повысилась в связи с агитацией Далай-ламы в 1905 г. В условиях колонизационных мероприятий Пекина консульские чиновники призывали МИД отделить «монгольские дела» от «тибетских» и определить свою роль в решении политической судьбы Монголии. Дипломаты в Урге уже в 1905 г. утверждали, что эта роль должна быть ведущей, несмотря на проявление монголами скепсиса по поводу всемогущества России после ее поражения от Японии и формирование прокитайской партии при дворе хутухты. Управляющий консульством М.Н. Кузминский рекомендовал напомнить князьям и ламам, что без помощи России «Монголии нельзя дождаться улучшений своей политической жизни»[152]. По словам Дж. Фриттерса, само правительство в Петербурге по-настоящему осознало экономическую и военную угрозы, исходящие от колонизационных мероприятий Пекина, только после резкой перемены курса китайского правительства в Монголии в 1907 г.[153].

В 1906 г. цинским правительством было учреждено Особое бюро по переселенческим делам Монголии, которое в 1909 г. провело подробную перепись населения, земель и скота в данной части империи. Были составлены «план колонизации» и специальное соглашение с хошунными князьями, по которому правительством должны были быть отчуждены все пригодные для земледелия участки хошунов с компенсацией половины их стоимости. В рамках реализации «плана» маньчжурский амбань Сань До основал в Урге Бюро по колонизации халхаских земель. Отмена арендной системы землепользования и начало безвозмездного отторжения угодий[154], усиление китайского гарнизона в Урге стали мощными стимулами к активным действиям монгольской элиты против политики Пекина[155]. В связи с обострением противостояния Джебдзун-Дамба-хутухты и амбаня Сань До, сопровождавшегося вспышками гнева населения (ламский бунт весной 1910 г.)[156], еще в марте 1910 г. генконсул Я.П. Шишмарев предлагал принять меры к укреплению позиций России в Монголии, однако МИД посчитал это преждевременным. Поскольку хутухта уже в это

[151] Царская Россия и Монголия. С. 4–6.
[152] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 161 об.–162.
[153] *Fritters G.* Outer Mongolia and Its International Position. P. 54.
[154] История Монголии. С. 17.
[155] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. С. 741–743.
[156] Новое время. 03 (16).04.1910.

время пытался втянуть российских дипломатов в борьбу с амбанем, консульству пришлось заявить ему, что оно не собирается открыто содействовать реализации его национально-освободительных замыслов[157]. Тем не менее после смещения амбанем с поста шанцзотбы наставника хутухты Бадма-дорджи в декабре 1910 г. управляющий консульством В.Н. Лавдовский негласно выполнил просьбу хубилгана установить связь с его агентами, направленными в Пекин с докладом о действиях Сань До, и попросил посланника оказать «тайную поддержку и содействие» брату монгольского амбаня в Урге Чжонону, следившему за продвижением доклада богдо-гэгэна при дворе[158].

С течением времени вражда монголов и китайцев увеличивалась, подогреваемая действиями маньчжурского амбаня, с одной стороны, и хубилгана — с другой. Например, по приказу Сань До монгольские торговцы Урги под вооруженным конвоем были отправлены на отдельный от китайцев базар, а богдо-гэгэн не принял праздничных подарков амбаня[159]. В.Н. Лавдовский допускал, что Сань До намеренно раздражал хутухту, чтобы спровоцировать его на неосторожный поступок, который даст повод Пекину резко ограничить его власть и лишить Монголию самобытности[160].

С начала 1911 г. в Халхе были развернуты военные реформы, предполагавшие, в частности, замену монгольских гарнизонов пограничных постов, находившихся в ведении ургинских амбаней, китайскими войсками, вследствие чего российские подданные приграничных районов теряли возможность пользоваться монгольскими угодьями. Пограничные караулы должны были стать пунктами китайской колонизации, в шести верстах от «русского» моста на р. Толе началось строительство казарм[161]. Все военное управление Халхи, в том числе караулами и уртонами, передавалось полковнику Тан Цзэли, в руках амбаней оставалась только гражданская власть. В Тушэту-ханском и Цэцэн-ханском аймаках был объявлен набор в кавалерию (по 1000 человек с аймака). Помимо прочего, между Калганом, Ургой и Кяхтой маньчжуры планировали устроить автомобильное сообщение, а между Ургой и Кяхтой — провести телефонную линию[162]. Военная реформа Халхи должна была осуществляться преимущественно за счет

[157] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 115.
[158] Там же. Л. 114 об., 120.
[159] Там же. Л. 115.
[160] Там же. Л. 115 об.
[161] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 10 об.
[162] Там же. Л. 11.

резкого повышения налогов с монгольского и китайского населения, и лишь небольшая часть финансирования ожидалась из Пекина[163].

К лету 1911 г. ситуация в стране заставила ургинское консульство попросить МИД озвучить четкую позицию по «монгольскому вопросу». После направления хутухте секретного письма Сайн-нойон-хана о наращивании военных сил в Халхе хубилган решил собрать съезд всех князей в Урге. В донесении от 18 июня 1911 г. В.Н. Лавдовский утверждал, что России необходимо принять решение о взятии Монголии под покровительство в случае ее обращения за помощью, так как отказ грозил утратой российского влияния в стране навсегда[164]. К использованию «исторического шанса» взять Халху под защиту без аннексии призывал и генконсул В.Ф. Люба. После организационного оформления антикитайского движения на съезде князей 15(28) июля 1911 г.[165] консульство в Урге превратилось в канал российской поддержки освободительной борьбы монголов. В результате острых дискуссий о вариантах поведения в «монгольском вопросе»[166] правительство приняло решение выстраивать с Монголией отношения прагматического характера, основанные на учете жизненных интересов сторон[167]. В докладе министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе указывалось на необходимость участия России в разрешении ситуации, сложившейся в Монголии, но лишь дипломатическими методами[168].

Вследствие этого Россия отвергла просьбу о протекторате, высказанную прибывшей 15 августа 1911 г. в Петербург делегацией монгольских князей[169]. Делегация во главе с одним из лидеров национального движения Хандо-дорджи была принята и.о. управляющего Министерством иностранных дел России А.А. Нератовым и председателем Совета министров П.А. Столыпиным на следующий же день по прибытии и передала послание Джебдзун-Дамба-хутухты и князей четырех аймаков с просьбой о «помощи и покровительстве»[170]. Состоявшееся 17 августа 1911 г. Особое совещание по делам Дальнего Востока во главе с П.А. Столыпиным отказалось поддержать монголов

[163] Там же. Л. 11 об.

[164] Там же. Л. 20.

[165] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. С. 271.

[166] *Кузьмин Ю.В.* Русско-монгольские отношения. С. 75–79.

[167] *Кузьмин Ю.В.* Позиция демократической интеллигенции России в «Монгольском вопросе». С. 68–72; История Монголии. С. 20.

[168] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. С. 2167.

[169] *Белов Е.А.* Россия и Монголия. С. 39–45, 48–49.

[170] *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии. С. 268.

силой оружия. Однако Петербург согласился выступить посредником на переговорах Урги и Пекина, основой которых должны были стать сформулированные им «три требования» к Китаю[171], и оказать монголам материально-техническую помощь. 10 августа 1911 г. С.Д. Сазонов сообщал посланнику в Пекине И.Я. Коростовцу, что, если восстание монголов станет неизбежным, Россия может оказать им помощь оружием[172]. Для обеспечения общественной безопасности в Урге правительство пополнило консульский конвой на 200 казаков[173].

Синьхайская революция, начавшаяся осенью 1911 г., оказала серьезное влияние на развитие национально-освободительного движения в Монголии. Развернувшаяся острая политическая борьба и «парад суверенитетов» в Китае создали благоприятные условия для реализации устремлений монгольской элиты к освобождению от китайской власти. Монголия была не единственным зависимым регионом, сумевшим воспользоваться политической смутой и антиманьчжурской борьбой. В этот период угроза территориальной целостности Китая также усиливалась и вследствие попыток Тибета достичь самостоятельности. О важности Синьхайской революции для подъема освободительного движения в Западной Монголии писал известный русский предприниматель и монголовед А.В. Бурдуков: «…[монголы] получили первый уголек — „зарядку" от китайской революции 1911 г. ... Начавшееся поглощение Китаем Монголии и угроза неизбежной ассимиляции и разбудили у монголов чувство национального самосохранения»[174].

Переворот, ликвидировавший китайскую власть в Урге и ознаменовавший начало периода теократической монархии в истории Монголии, произошел 1 декабря 1911 г. В соответствии с установками МИДа во время переворота консульство предотвратило силовой сценарий передачи власти богдо-гэгэну[175]. По приказу консула маньчжурский амбань Сань До был доставлен в российское представительство казачьим конвоем, а затем под его охраной через территорию России переправлен в Китай[176]. Во время этих событий консульство взяло под защиту русское и китайское население Урги, предотвратило

---

[171] 1. Не заселять Халху китайцами. 2. Не посылать в Халху китайские войска. 3. Не вводить в Халхе китайское управление.

[172] Царская Россия и Монголия. С. 13.

[173] В «Краткой истории монгольского народа» этот шаг был назван «вводом российской кавалерии в Ургу» (Мэнгу цзу цзяньши. С. 325).

[174] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 27.

[175] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 76.

[176] *Семенов Г.* О себе. С. 19.

уничтожение телеграфной линии Калган–Кяхта и разграбление отделения Дайцинского банка[177].

После возведения на престол богдо-хана («великого хана») Джебдзун-Дамба-хутухты (29 декабря 1911 г.) консульства в Монголии участвовали в формировании российской политики в «монгольском вопросе» и способствовали поддержанию в Монголии административного и военного status quo[178]. Уровень сношений консульства в Урге с монгольскими властями повысился, так как теперь оно стало взаимодействовать непосредственно с правительством богдо-гэгэна[179]. Консул В.Ф. Люба отмечал небывалый всплеск восторженного отношения простых монголов к «Белому царю», стремительный рост привлекательности всего русского и отторжение всего китайского. Консул предлагал использовать благоприятную ситуацию для укрепления экономических позиций России в Халхе: «…было бы жестоко обидно, если бы мы не использовали в своих интересах со всех сторон настоящий политический момент и оттолкнули бы широко открытые для России и всего русского объятия монгольского народа»[180]. В первый день монгольского Нового года в 1912 г. В.Ф. Люба нанес второй в истории личный визит консула хубилгану[181].

Анализируя политическую обстановку в стране после переворота, консул В.Ф. Люба в письме И.Я. Коростовцу от 18 января 1912 г. дал развернутый портрет противоречивой личности главного деятеля Халхи и «души переворота» 1 декабря 1911 г. — Джебдзун-Дамба-хутухты, характеризуя его как мужественного человека и дальновидного политика, разглядевшего в маньчжурском амбане Сань До «слабую, жалкую и безвольную личность»[182]. Даже в условиях отхода от него самых близких сторонников — шанцзотбы и амбаня Пунцукцэрина — хутухта неотступно верил в помощь России, твердо придерживался пророссийской позиции ради спасения Монголии от поглощения китайцами. Востоковед А.Н. Петров, побывав в Монголии в эти дни, также подчеркивал приверженность главы монгольского духовенства союзу с Россией. Тот, как отмечал ученый, «…открыто заявлял себя сторонником России и при каждом приеме русских говорил о дружбе, которую питают монголы к России»[183].

---

[177] Известия МИД. 1912. Кн. III. С. 85–86.
[178] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 8.
[179] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 76.
[180] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 49.
[181] Там же. Л. 55–55 об.
[182] Там же. Л. 30.
[183] Далекая окраина. № 1400. 14.01.1912.

Уже в декабре 1911 г. Россия выразила свое нежелание вмешиваться во внутриполитические дела Китая[184], но по просьбе уполномоченного Пекином чиновника Гуй Фаня и нового монгольского правительства консульство в Урге стало посредником на переговорах данных сторон[185]. Тонкая дипломатическая игра в треугольнике интересов, проводившаяся консулами, заключалась в выработке стратегического компромисса между Ургой, пытавшейся «отложиться» от Китая и создать «великомонгольское» государство, Пекином, настаивавшим на исторической принадлежности Монголии Поднебесной, и Петербургом, стремившимся сохранить Монголию как сферу своего влияния и не желавшим видеть ее ни независимой, ни полностью подчиненной Китаю.

13 февраля 1912 г. Юань Шикай стал президентом Китайской Республики. Монголия и Тибет были объявлены неотъемлемыми областями Китая (вместе с Внутренней Монголией и Цинхаем)[186], а решение «монгольского вопроса» — внутренним делом республики. Находясь в тесном контакте с высшими властями страны, консульство в Урге стремилось не допустить прямых сношений монгольского правительства с Пекином во избежание принятия им поспешных и не согласованных с Россией решений, пока проходили российско-китайские переговоры. Однако в июле 1912 г. стало ясно, что Пекин не желает сотрудничать с Петербургом, тайно переговариваясь с Ургой. Поэтому официальные переговоры с Юань Шикаем были прекращены, и внимание посланника и генерального консула переключилось на правительство богдо-гэгэна. Запугивание монголов Пекином и «великомонгольские» идеи хутухты делали переговоры крайне трудными. Задачей консульства в Урге было убедить хубилгана, что Россия не поддержит независимость Монголии, но поможет добиться предоставления ей автономии и выгодных условий для сосуществования с Китаем.

Значительным препятствием для процесса урегулирования отношений Монголии и Китая было панмонгольское движение, охватившее Халху и соседние регионы, на сдерживание которого также были направлены усилия консульств. Последние внесли большой вклад в предотвращение попыток распространения власти Урги на Баргу

---

[184] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 166–167.

[185] 29 декабря 1911 г. было опубликовано официальное сообщение российского правительства о готовности принять на себя посредничество в деле урегулирования китайско-монгольских отношений (Известия МИД. 1912. Кн. III. С. 85–86).

[186] См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века. С. 723.

(Хулунбуир) и Урянхай (Сойотию) в январе 1912 г.[187]. Ургинское консульство препятствовало развитию локальных восстаний в Северной Монголии и их соединению с волнениями в Восточной и Южной Монголии (например, восстания под предводительством князя хошуна Джасакту/Чжасакту)[188]. Намерение принять подданство богдо-гэгэна выразили князья Южной Монголии, что привело к военным столкновениям с китайскими войсками. Позиция России в отношении создания «Великой Монголии» была однозначно отрицательной, поэтому попытки князей из Внутренней Монголии добиться от консулов каких-либо гарантий заканчивались неудачей. Так, в июле 1912 г. В.Ф. Люба отклонил просьбы Шэн-ду-вана и Бин-ту-вана из Барги о поддержке объединения Внутренней Монголии с Внешней и рекомендовал монгольским министрам с осторожностью относиться к подозрительным предложениям этих князей[189]. Такую же реакцию в конце июля 1912 г. встретили объединительные предложения гуйхуачэнских тумэтов[190] южномонгольских земель Северного Горлоса, Барина и Кэшиктэна[191].

Осенью 1912 г. консульство в Урге принимало активное участие в переговорах с правительством богдо-гэгэна по проекту соглашения о будущем статусе Монголии под руководством специального уполномоченного правительства — бывшего посланника в Пекине И.Я. Коростовца (находился в Урге с сентября 1912 по май 1913 г.). Донесения в Министерство иностранных дел по вопросам ведения переговоров с монгольским правительством и заключения с ним соглашения о форме взаимодействия стран после провозглашения Монголией независимости в этот период поступали преимущественно от И.Я. Коростовца.

28 сентября 1912 г. состоялась торжественная аудиенция российских представителей у хутухты[192]. В российскую делегацию входили

[187] См.: *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае. С. 26–29; *Белов Е.А.* Проблема Урянхайского края. С. 56–67.

[188] *Белов Е.А.* Антикитайское восстание князя Удая. С. 39–44.

[189] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 83 об.

[190] Гуйхуачэн (кит. 归化城, монг. Хух-хото, в российской историографии его нередко называют Куку-хото) — административный центр южномонгольских земель, важный пункт монгольско-китайских торговых контактов. Находился на западе Тумэтского аймака Внутренней Монголии (отсюда наименование местных монголов — «тумэты»), население которого в изучаемый период составляло около 200 тыс. человек. В городе располагалась резиденция Суйюаньского цзянцзюня.

[191] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 84 об.

[192] Там же. Л. 99–101.

И.Я. Коростовец, консул В.Ф. Люба, секретарь консульства М.М. Попов, чиновник по дипломатической части Иркутской губернии Н.К. Эльтеков, экономический советник Ф.С. Москвитин (прибыл в Ургу в 1912 г.) и агент Генерального штаба капитан Тонких. В.Ф. Люба и М.М. Попов обеспечили подготовительную работу по соглашению, разъясняя российскую позицию монгольским чиновникам за пределами стола переговоров. Драгоманы консульства выполняли большой объем технической работы, в том числе все обязанности по переводу[193].

Так как правительство богдо-гэгэна даже не рассматривало вариант автономии, участники переговоров длительное время обсуждали монгольский проект соглашения, и в результате российская сторона вынуждена была скорректировать свой проект. Переговоры крайне затруднялись участием в них всех монгольских министров, к тому же не знакомых с нормами европейской дипломатии, их бескомпромиссностью в вопросе о будущем статусе Монголии. Много времени было потрачено на терминологические споры. В частности, России пришлось сделать уступку и назвать в соглашении Внешнюю Монголию «Монголией»[194]. Под давлением В.Ф. Любы с поста был смещен председатель Совета министров Монголии горячий сторонник монгольской независимости Да-лама[195].

Когда обсуждение соглашения с монголами зашло в тупик, консульство во избежание ошибок и для достижения взаимопонимания с партнерами взяло на себя перевод соглашения и сопутствующих документов на монгольский язык, а также его редактирование. К 5 октября эта работа была завершена, монгольский текст был приведен в соответствие с российским[196]. В результате долгих прений и согласований формулировок кропотливый труд дипломатов увенчался успехом, и 21 октября (3 ноября) 1912 г. было подписано российско-монгольское соглашение с соответствующим протоколом. По данным документам, Россия обязывалась оказывать помощь Монголии. В свою очередь, Монголия сохраняла автономию, могла содержать войско. На ее территорию не допускалась китайская армия, запрещалась китайская колонизация. Русские получили права свободного проживания и передвижения по территории страны, занятия предпринимательской деятельностью, беспошлинной торговли товарами любых стран происхож-

[193] Там же. Л. 90.
[194] Там же. Л. 107–111.
[195] *Белов Е.А.* Россия и Монголия. С. 82.
[196] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 114; *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 227.

дения, покупки земли в любых городах и хошунах, эксплуатации горных и лесных богатств, любых транспортных артерий страны[197].

Соглашение 1912 г. давало России правовые основания для вмешательства в урегулирование конфликта на западе Монголии[198], куда для подавления революционного движения была направлена военная экспедиция из Синьцзяна. По просьбе консулов в Улясутае и Кобдо в целях обеспечения безопасности российских подданных Петербург принял решение ввести в эти города усиленные консульские конвои. В конце ноября 1912 г. в Ургу прибыли два эшелона Верхнеудинского полка с двумя орудиями. Консул В.Ф. Люба помогал высшим военным чинам из Иркутска в расквартировании прибывших с ними войск, а затем и в подготовке зимнего похода в Улясутайский округ[199]. С этой целью консульство предоставило командованию отряда переводчиков и договорилось с правительством богдо-гэгэна о подготовке лошадей по уртонам[200].

Поскольку Китай не признал подписанное в Урге российско-монгольское соглашение, министр иностранных дел С.Д. Сазонов в ноябре 1912 г. предложил Юань Шикаю подписать договор об автономии Халхи на основе соглашения с ургинским правительством, подготовкой которого и занялись российские дипломаты. В период обсуждения Россией и Китаем декларации консулы пресекали попытки монголов, недовольных результатами соглашения 1912 г. (поскольку оно закрепило лишь автономный, а не независимый статус страны), вести сепаратные переговоры с Пекином. Также было предотвращено привлечение Токио к созданию «Великой Монголии», консульство не допустило выезда премьер-министра Да-ламы для переговоров в Японию, было перехвачено письмо Сайн-нойон-хана Намнансурэна японскому императору[201]. Сомнения монгольской аристократии усиливали и письма Юань Шикая хутухте, в которых тот призывал богдо-гэгэна «одуматься» и сулил многочисленные привилегии в случае возвращения в лоно власти Китая. Консульству удавалось разоблачать и китайских разведчиков в среде монголов[202]. 23 октября (5 ноября) 1913 г. российско-китайская декларация, оформлявшая согласие Пекина на автономию Внешней Монголии, была подписана. Несмотря на недо-

[197] Русско-китайские отношения, 1689–1916. С. 122–126.
[198] *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии. С. 278.
[199] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 301.
[200] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 152–153 об.
[201] *Белов Е.А.* Указ. соч. С. 113–114.
[202] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 238.

вольство монгольской аристократии ее условиями («…лучше пусть не будет никакой независимости, чем половинчатая»[203]), она послужила шагом к будущему трехстороннему Кяхтинскому соглашению об автономии Монголии.

Консульство в Урге непосредственно занималось оказанием материально-технической помощи Монголии, направленной, в частности, на создание монгольской армии и строительство нового государства. В 1912–1914 гг. оно контролировало расходование выданных Монголии трех крупных займов — 100 тыс. руб., 2 млн и 3 млн руб.[204]. Заем в 2 млн руб. был предоставлен уже в ходе переговоров по соглашению 1912 г.[205]. Финансовая помощь России выразилась и в предоставлении 50 тыс. руб. на благотворительность и подарки князьям в октябре 1912 г., пожертвовании 30 тыс. руб. на восстановление разоренного хошуна князя Удая в ноябре 1912 г.[206], 50 тыс. руб. на строительство храма в честь Мэгжид-Жанрайсэг[207]. Для надлежащего контроля за использованием займов в 1914 г. к консульству в Урге в качестве финансового советника был прикомандирован С.А. Козин, который, наряду с главой консульства, должен был удерживать монголов от закупки оружия для вторжения во Внутреннюю Монголию и иных нецелевых трат[208]. С.А. Козин занимался также аудитом расходов и планированием бюджета богдо-гэгэновского правительства.

С обострением ситуации в Халхе по просьбе управляющего консульством В.Н. Лавдовского уже 17 октября 1911 г. военный министр В.А. Сухомлинов приказал направить в Ургу через штаб Иркутского военного округа 15 тыс. винтовок и 7,5 млн патронов. В передаче оружия монголам в Кяхте участвовали генеральный консул В.Ф. Люба и пограничный комиссар А.Д. Хитрово. Осенью 1911 г. началось обучение монгольских войск русскими инструкторами. Зимой 1911–1912 гг. консул выступал в качестве посредника на переговорах Петербурга и Урги о проблемах данного обучения. Он способствовал достижению компромисса между МИДом и монгольским правительством, которое, в связи с тяжелым финансовым положением, пыталось решить вопрос, затратив минимальные средства, — обучить 10–15 тыс. солдат с помощью всего лишь двух инструкторов, которым

[203] *Белов Е.А.* Указ. соч. С. 111.
[204] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 245.
[205] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 230, 239–240.
[206] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 174–174 об.
[207] Жизнь Бурятии. 1924. № 2. С. 18.
[208] *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 101–102.

предлагался крайне скромный месячный оклад, и это было неприемлемо для России. Понимая, какой ущерб российским интересам нанесет военное поражение монголов от китайцев, в январе 1912 г. В.Ф. Люба предложил директору Первого департамента увеличить число инструкторов, но понизить их индивидуальные оклады[209]. По состоянию на конец 1912 г., российскими инструкторами было подготовлено около 600 кавалеристов.

В сентябре 1912 г. консулу в Урге удалось получить разрешение военного ведомства на поставку 6 тыс. винтовок, 3 млн патронов, 2 тыс. драгунских шашек и нескольких орудий для перевооружения монгольской армии. В.Ф. Любе поручалось проследить, чтобы монголы не использовали предоставленные им средства на создание «великомонгольского» государства и не приобретали иностранное оружие[210], так как военный перевес монголов над китайцами не отвечал интересам России. В ноябре 1912 г. консул в Улясутае А.А. Вальтер поддержал просьбу монгольского губернатора Улясутая Джальчин Гомбоцэдэна о предоставлении монголам винтовок с патронами для борьбы с китайцами в Кобдо[211]. С началом китайских карательных мероприятий во Внутренней Монголии и выработкой Пекином плана военной операции во Внешней Монголии в декабре 1912 г.[212] правительство богдо-гэгэна, не располагая подготовленной армией, сосредоточило на границе Халхи партизанские отряды по несколько сотен человек и обратилось к России с просьбой предоставить им крупную партию оружия. После консультаций с МИДом и военным ведомством И.Я. Коростовец и В.Ф. Люба смогли договориться о выделении для обороны Монголии 30 тыс. винтовок, 20 пулеметов и двух батарей (вместо запрошенных 100 тыс. винтовок, 60 пулеметов, 30 орудий)[213]. Четыре полевых орудия были подарены Монголии на 300-летие дома Романовых в 1913 г.[214].

Российские консульства в Урге, Улясутае и Кобдо оказали серьезную поддержку в организации управления Монголией в период ее «независимости» (1911–1915) и автономии. Чиновники ургинского Министерства иностранных дел консультировались с консулами по самым различным вопросам, фактически интегрировав их в систему

[209] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 35–35 об.
[210] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 303.
[211] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 617. Л. 327–327 об.
[212] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 177–177 об.
[213] Там же. Л. 178–178 об.
[214] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 326.

принятия решений. С. Пэйн называет генконсула в Урге «главным советником» правительства, обучавшим князей искусству управления государством[215]. Объявив о независимости Халхи, богдо-хан сохранил старые формы своего политического и бытового поведения. Окружающие его ламы и князья не имели специальных знаний в области государственного управления, финансов, налогообложения, таможенного контроля, городского благоустройства и т.д. Создание новых государственных органов и растущие расходы хутухты на атрибуты монаршей роскоши[216] увеличивали налоговое бремя населения, отражались на жалованье чиновников и солдат. В.Ф. Люба пришел к выводу, что во властной верхушке Урги недостаточно подготовленных людей и монгольское государство нуждается в сильной поддержке извне. Так, помимо обращения к консулам за советами по государственному управлению монголы направляли им документы, касавшиеся экономического взаимодействия с Россией, в том числе предложения по концессиям на разработку полезных ископаемых[217].

В Западной Монголии освободительное движение протекало по более драматичному сценарию. В Улясутайском и Кобдоском округах с начала зимы 1912 г. шли военные действия повстанцев против китайских войск из Синьцзяна. Поэтому в области урегулирования китайско-монгольского конфликта деятельность консульств в регионе, представлявшем собой продолжение Халхи в этническом, этнографическом и географическом смыслах и «заслон» России от Китая[218], была не менее активной, чем генерального консульства.

С первых дней «независимости» Халхи дипломаты в Западной Монголии оказывали посреднические услуги конфликтующим сторонам и пытались предотвратить насилие в регионе. В конце января 1912 г. улясутайский цзянцзюнь сдал монголам крепость и допустил захват города. А.В. Бурдуков отмечал, что тот обратился за защитой к российскому консулу сразу же, как только несколько десятков человек, собравшихся у ворот Улясутайской крепости, потребовали, чтобы цзянцзюнь оставил должность. При этом, стремясь «не потерять лицо», сановник инсценировал званый обед, на который он отправился из крепости в гостиницу «Батартян», а также велел разобрать стену, выходящую во двор российского консульства, чтобы можно было беспрепятственно попасть туда под защиту России. Под

---

215 *Paine S.C.M.* Imperial Rivals. P. 290.
216 *Ломакина И.И.* Монгольская столица. С. 67.
217 АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 59 об.–60.
218 *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай. С. 53.

охраной 15 казаков он разместился в нескольких юртах во дворе консульства и не собирался покидать его. Таким образом, крепость была сдана без боя, а гарнизон распущен. Консул А.А. Вальтер укрыл сановника в своей резиденции, но только после новой серии жестких требований населения цзянцзюнь начал при помощи консула подготовку к отъезду, переговоры с монголами о количестве верблюдов и т.д. для возвращения в Китай через Кош-Агач[219].

Консул в Кобдо и Шара-Сумэ М.Н. Кузминский в декабре 1911 г. предложил кобдоскому амбаню Пу Жуню сдать власть монголам добровольно. Однако, получив приказ из Пекина и обещание правителя Алтайского округа Палта-вана о поддержке, Пу Жунь начал военное укрепление города, а консул — содействие монголам. Население Кобдо просило российского представителя не покидать город и защитить от китайских войск, сосредоточившихся в пункте Цаган-Тункэ и приступивших к грабежам, в то время как некоторые монгольские князья стали переходить на сторону китайцев[220]. В ответ на заявление Юань Шикая в мае 1912 г. о создании региона «Западная Монголия» и увеличении воинского контингента в Кобдо на западе страны был отмечен патриотический подъем[221], вылившийся в китайские погромы по всей степи и получивший продолжение в 45-дневной осаде г. Кобдо (июнь–август 1912 г.)[222].

Российский консул в Кобдо и Шара-Сумэ М.Н. Кузминский сыграл главную роль в проведении переговоров монголов и китайцев во время осады Кобдоской крепости, несмотря на то что он прибыл в Кобдо только в июне 1912 г., когда обстановка неотвратимо обострилась[223]. По мнению А.В. Бурдукова, российское правительство промедлило с командированием посредника, который около двух месяцев ехал через Омск, Бийск и по Чуйскому тракту, в то время как ситуация в округе стремительно накалялась. По мере уплотнения осаждающего кольца члены русской колонии стали выезжать из Кобдо. После первого крупного поражения китайцев у горы Тал-Хайрхан (убито 140 китайцев) 2 августа М.Н. Кузминский, по согласию сторон, отправился в Кобдоскую крепость для переговоров, заранее предупредив маньчжурского амбаня о месте, в котором он будет ждать уполномоченного для обсуждения условий перемирия[224]. Однако по

[219] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 55–56.
[220] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 302.
[221] *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX в. С. 133–135.
[222] Подробнее о штурме Кобдоской крепости см.: *Ломакина И.* Голова Джа-Ламы.
[223] *Бурдуков А.В.* Указ. соч. С. 77.
[224] Новое время. 11(24).08.1912.

прибытии в крепость и при пересечении Баянту-гола кортеж консула с 18 казаками, с консульским и белым флагами был обстрелян китайцами, а сам консул ранен и повернул обратно[225]. По оценкам монголов, китайцы хотели либо убить консула и напугать монголов, либо поколебать его авторитет в их глазах, хотя амбань заверял, что этот обстрел был случайностью[226]. После поступления военной помощи из Урги (баргинского отряда Дамдинсурэна и 48 солдат Тогтохо-тайджи) 7 августа 1912 г. начался штурм Кобдо[227].

Во время штурма, в ходе которого погибло более 600 человек, казаки конвоя смогли предотвратить гибель китайских купцов и разграбление русских лавок (в том числе Н.И. Ассанова, Р.И. Кузнецова). По просьбе кобдоского амбаня, наблюдавшего безуспешные попытки монгольских военачальников предотвратить мародерство в крепости, и после принесения извинений за обстрел кортежа 8 августа М.Н. Кузминский выступил парламентером на переговорах о сдаче крепости. По достижении договоренности консул с конвоем из 58 казаков обосновался в Кобдо и взял под покровительство российское и китайское население города[228]. М.Н. Кузминский был возмущен насилием монголов в отношении китайцев, разрушением города, жестокими намерениями командующих казнить амбаня и его соотечественников, сжечь город, чтобы заставить Пекин прекратить войну[229]. Из-за затянувшейся осады Кобдо большинство русских купцов приняли решение возвратиться «на Русь».

После освобождения Кобдо монголами консул М.Н. Кузминский вел трудные переговоры с руководителями штурма крепости Джалхандза-гэгэном и Дамби-Джамцаном, не имевшими согласованного плана дальнейших действий и проявлявшими необоснованную жестокость по отношению к китайцам. Узнав, что они не исключают возможности физической расправы с китайским населением, консул организовал эвакуацию китайцев через территорию России. В результате данной операции удалось предотвратить казнь амбаня и поджог города, спасти жизнь 675 человек[230]. Дорогостоящая и технически сложная эвакуация беженцев через Кош-Агач, Онгудай и Бийск в августе–декабре 1912 г. в сопровождении казаков Кобдоского консульства

[225] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 975. Л. 7–9.
[226] *Бурдуков А.В.* Указ. соч. С. 80.
[227] Там же. С. 81.
[228] Там же. С. 84.
[229] Там же. С. 86.
[230] *Белов Е.А.* Царская Россия и Западная Монголия. С. 98.

и с благотворительной помощью бийских купцов-чуйцев стала беспрецедентным актом гуманизма и, по мнению А.Н. Хохлова, способствовала проявлению уступчивости Юань Шикаем в «монгольском вопросе»[231].

Несмотря на то что консул в Кобдо и Шара-Сумэ М.Н. Кузминский предотвратил наступление китайских войск на город осенью 1912 г., он не мог сдержать амбиции военного губернатора Синьцзяна Ян Цзэнсиня относительно восстановления власти Китая над Монгольским Алтаем. В декабре 1912 г. китайский корпус численностью в 20 тыс. человек уже был на подступах к Кобдо. Фактическое взятие Россией Кобдоского округа под защиту с прибытием в Кобдо и Улясутай российского воинского контингента в начале 1913 г.[232] и давление Англии и Японии заставили Юань Шикая пойти на переговоры по разграничению с Монголией на Алтае. Отряд подъесаула Харанова, отправленный консулом в Улясутае в Цаган-Тункэ для контроля над ходом боевых действий, также способствовал отступлению синьцзянских войск на юг[233]. 2 января 1913 г. Юань Шикай прекратил наступление в Северо-Западной Монголии и встал на путь переговоров с Россией.

Больших трудов консульству в Кобдо стоило сдерживание наступательных устремлений командующего войсками Кобдоского округа Х.-Б. Максаржава в конце декабря 1912 г. в связи с возвращением китайцев в Цаган-Тункэ и выдвижением мирных инициатив Юань Шикаем[234]. Однако зимой–весной 1913 г. монголы все-таки начали подготовку новой операции в Кобдо. Х.-Б. Максаржав и управляющий Алтайским округом князь Палта информировали консулов в Западной Монголии о планах по возобновлению борьбы, благодаря чему дипломаты в Монголии, предвидя негативный для ослабевших монгольских войск исход, усилили давление на Пекин с целью прекратить военные действия в регионе. В начале апреля 1913 г. управляющий Алтайским округом Палта обратился в Пекин с просьбой начать переговоры о разграничении с монголами в Алтайском округе. Пользуясь этим, консулы В.Ф. Люба и М.Н. Кузминский призывали правительство добиться дополнительных преимуществ для России в Алтайском округе — стратегически важном для экономического освоения Синьцзяна и Западной Монголии.

---

[231] *Хохлов А.Н.* Гуманная акция России. С. 87–90.

[232] Весной 1914 г. контингент был выведен, оставались только две казачьи сотни и пулеметная команда.

[233] *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии. С. 279.

[234] Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. С. 31–32.

После сражения при Цаган-Тункэ 21 июня 1913 г. консул М.Н. Кузминский выдвинул князю Палте выгодные для монголов и русских условия перемирия (о выводе войск из Цаган-Тункэ и предоставлении привилегий и некоторых пограничных уступок русским)[235], однако 28 июня началось очередное наступление дунганских войск, которое, по предложению консулов В.Ф. Любы и М.Н. Кузминского, было остановлено посредством ввода в Шара-Сумэ пехотного и артиллерийского подразделения Верхнеудинского полка из Бийска. Эта мера стала прологом к подписанию российско-китайской декларации 23 октября (5 ноября) 1913 г.

Российское Министерство иностранных дел поставило перед консульским корпусом задачу выработать оптимальные условия перемирия Пекина и Урги в западных округах Монголии. Особенностями этого процесса было, во-первых, то, что дипломатическая подготовка и подписание документов от имени России осуществлялись не посланником, а консулом, а во-вторых, то, что договоренности заключались только с китайской стороной, без участия монголов. Самые непоколебимые позиции правитель Синьцзяна Ян Цзэнсинь занимал по вопросу о границах Кобдоского и Алтайского округов, однако в декабре 1913 г. правительство Китайской Республики приказало губернатору обеспечить подписание соглашения с Россией[236]. Петербург убедился в невозможности присоединения Алтайского округа к Халхе, поскольку этого не хотели сами власти и население округа. Несмотря на недовольство кобдоских князей по поводу присоединения к Халхе только части округа, управляющий Алтайским округом князь Палта вынужден был подписать прелиминарный договор с М.Н. Кузминским (с июня 1913 г. — консул в Шара-Сумэ)[237]. По договору 8(21) декабря 1913 г. (на восемь месяцев) стратегический пункт Цаган-Тункэ был очищен от китайских войск, вся спорная территория до Алтайской магистрали, включая Кобдо, признавалась частью Халхи. Была определена временная граница между китайскими и монгольскими войсками в Алтайском и Кобдоском округах[238]. Благодаря посредничеству консульства в Кобдо снизилась угроза наступления китайских войск[239].

Тем не менее новый управляющий Алтайским округом Лю Чанбин, как и губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь, не смирился с потерей

---

[235] *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 280.
[236] Там же. С. 288.
[237] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. С. 745.
[238] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 413–415.
[239] Царская Россия и Монголия. С. 21–25.

Кобдо и приступил к мобилизации войск на границе округа и его колонизации. В этот период консулу в Шара-Сумэ приходилось отстаивать интересы России явочным порядком. С 1914 г. правитель начал превращать Цаган-Тункэ в военно-административный центр[240]. Несмотря на это, по истечении срока перемирия (июль 1914 г.) М.Н. Кузминскому удалось договориться с Лю Чанбином и Ян Цзэнсинем оставить округа в прежних пределах на условиях невторжения китайцев и монголов на территории друг друга[241]. Благодаря этому политическое и экономическое влияние России на Алтае усилилось, и ей требовался срочный план действий в регионе. В обсуждении перспектив фактического протектората, вариантом которого могли стать исправление границы или все-таки отход Алтая к автономной Монголии, участвовали и консульские чиновники[242]. Мировая война и революционные события заставили Россию забыть о расширении влияния в Восточном Туркестане, но, так или иначе, до 1917 г. Алтайский округ оставался самой «пророссийской» частью Синьцзяна[243].

После освобождения Кобдо от китайцев местное консульство оказывало содействие в поддержании порядка в городе и Кобдоском округе. Вследствие полного разорения поселения и борьбы за власть между «освободителями» в нем еще долгое время не было отрегулировано повседневное управление. Одной из значимых мер по «успокоению» региона стало устранение из него легендарного Джа-ламы (Дамби-Джамцана), дестабилизировавшего обстановку в Кобдоском округе своими автономистскими устремлениями и жестокостью в конце 1912 — начале 1914 г.[244]. Джа-лама являлся российским подданным, калмыком из Астраханской губернии, военачальником, руководившим осадой Кобдо и впоследствии захватившим власть в округе. На определенном этапе национально-освободительного движения он вышел из-под управления Урги и намеревался создать собственное государство. Джа-лама отличался жестокостью в отношении мирного населения на контролируемой им территории. В результате многочисленных жалоб местных монголов и киргизов консул в Кобдо В.Ф. Люба и генконсул А.Я. Миллер организовали высылку Дамби-Джамцана

---

[240] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 977, 978.

[241] *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 290.

[242] *Красильников В.Д.* Синьцзянское притяжение. С. 123.

[243] *Белов Е.А.* Царская Россия и Западная Монголия. С. 102–103.

[244] В 1892 г. Я.П. Шишмарев защитил от наказания «первого» Джа-ламу, заставив амбаней выдать его как подданного России (*Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге. С. 36).

в Россию в феврале 1914 г., после чего управление в округе стало налаживаться. Примечательно, что при всей жестокости Джа-ламы определенная часть населения Кобдоского округа считала его святым, воплощением Амурсаны, и после удаления этого человека из страны ждала его возвращения, которое должно было «спасти» Монголию[245].

Консульства в Западной Монголии сыграли важную роль в консолидации национальных сил региона в 1914–1915 гг. в связи с нарастанием возмущения населения политикой Урги, не привлекавшей ойратов к управлению страной. Для преодоления раскола политических сил Улясутайского и Кобдоского округов на пророссийскую автономистскую и прокитайскую части в июне 1915 г. российские дипломаты способствовали созыву съезда западных монголов в местности Цаган-Булун. По его результатам и совету консульских работников правительство богдо-гэгэна заменило халхаского губернатора в Кобдо дэрбэтским князем Далай-ханом, что позволило восстановить межрегиональный баланс в управлении страной.

Период после подписания российско-китайской декларации 1913 г. стал для консулов в Монголии временем неустанной борьбы с падением престижа России среди местного населения. Заключение соглашения России с Китаем без участия монгольской стороны обернулось охлаждением отношения монголов к России, отдалением генконсула от ургинского двора, попытками министров обратиться к Японии за помощью в реализации освободительных замыслов. Генеральный консул в сознании «степи» превратился в проводника расчетливой «имперской» политики России. По данным М. Воллосовича, если в начале 1914 г. население Урги публично сожгло портрет Юань Шикая, то в дни монгольского Нового года (Цаган Сара — «Белого месяца») генеральный консул и дипломатический агент А.Я. Миллер не был принят Джебдзун-Дамба-хутухтой, а на площади был сожжен уже его портрет[246]. А.Я. Миллер был вынужден противостоять культивированию монгольскими властями мнения о «предательстве» России, одинаково вредного для отношений с Ургой, Пекином, западными державами и Японией, а также проводить «воспитательную» работу с российскими подданными в целях пресечения действий, негативно влияющих на имидж Российской империи[247].

---

[245] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. 2. С. 55–56.

[246] *Воллосович М.* Россия и Монголия. С. 47.

[247] К вопросу о самостоятельности Халхи // Вестник Азии. 1914. № 25-26-27. С. 131–132.

В целях нейтрализации неудовлетворенности монголов соглашением 1912 г. и российско-китайской декларацией 1913 г., а также пресечения попыток Пекина достичь тайной договоренности с Ургой российская дипломатия прорабатывала идею созыва трехсторонней конференции для обсуждения вопроса о будущем статусе Монголии. Перспектива трехсторонних переговоров, на которых были бы решены вопросы, касающиеся интересов России и Китая в Монголии, была обозначена еще в ст. 5 российско-китайской декларации от 23 октября (5 ноября) 1913 г., а также в нотах, которыми обменялись посланник России в Пекине В.Н. Крупенский и министр иностранных дел Китайской Республики Сунь Баоци в день подписания декларации[248]. Действия России в октябре 1913 г. вызвали бурную негативную реакцию многих ургинских министров, предлагавших в ответ на несогласованные с ними шаги царского правительства ограничить права российских подданных в Монголии, аннулировать ряд совместных проектов (создание Русско-Монгольского банка, участие российских инструкторов в подготовке монгольской военной бригады), затянуть подписание соглашения о железнодорожном сообщении и т.д.[249]. Это угрожало срывом трехсторонних переговоров и планов России по расширению влияния в стране. Однако силами генерального консула А.Я. Миллера, посланника в Китае В.Н. Крупенского, директора Дальневосточного отдела МИДа Г.А. Козакова удалось добиться принятия министрами решения в пользу трехсторонней встречи. Помимо того, в ходе Кяхтинской конференции А.Я. Миллер смог подписать с ургинским правительством соглашения о строительстве и соединении железной дороги в Монголии с российской и о проведении телеграфной линии от ст. Монды до Улясутая (17 сентября 1914 г.)[250].

Генеральный консул в Монголии А.Я. Миллер возглавил российскую делегацию на трехсторонней конференции, проходившей в Кяхте (26 августа 1914 г. — 25 мая 1915 г.)[251] и закрепившей автономный статус Монголии. Его задачами были приведение к единому знаменателю полярных позиций монголов и китайцев и параллельно — закрепление расширенных по документу 1912 г. привилегий России в Монголии. Поведение генконсула на переговорах китайский историк Лю Цунькуан характеризует как «ожесточенное», «вероломное», «гру-

[248] Известия МИД. 1914. Кн. I. С. 14–20.
[249] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 395.
[250] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 566–569.
[251] Там же. С. 420–426.

бое и бесцеремонное»: «…Россия… закончила переговоры только после безоговорочного принятия китайской стороной ее необоснованных требований»[252]. Однако не менее упорной была борьба между монгольскими делегатами, отказывавшимися признавать сюзеренитет Китая, и китайскими сановниками, не желавшими вести переговоры с «вассалами» на равных. Для обеих сторон были принципиальны терминологические и статусные детали. В этих условиях российскому дипломату пришлось проявлять твердость в защите своей позиции и убеждать участников в необходимости поступиться малым (например, отменить сбор с китайских товаров в Кяхте)[253] ради достижения стратегической цели — создания жизнеспособного режима взаимоотношений.

Заслуга А.Я. Миллера состояла в том, что он смог добиться принятия за основу для обсуждения именно российского проекта соглашения и привести переговоры к оптимальному в существовавшей политической конъюнктуре итогу — закреплению за Монголией статуса широкой автономии под сюзеренитетом Китая с гарантией невмешательства в ее внутренние дела. На протяжении 40 раундов переговоров были детально обсуждены и специальные вопросы взаимодействия Монголии с Китаем и Россией (разграничения в Западной Монголии, уртонно-почтовой и телеграфной связи, железнодорожного строительства и др.). Несмотря на протесты Китая, А.Я. Миллер отказался обсуждать вопрос о российско-монгольском железнодорожном соглашении 1914 г.[254]. Под нажимом В.Н. Крупенского и А.Я. Миллера китайская делегация уступила и в трудном вопросе о колонизации Халхи и сохранении кочевок в полосе между Внутренней и Внешней Монголиями. Для достижения соглашения о торговых пошлинах на приемлемых для России условиях пришлось даже прерывать переговоры. Нет сомнения, что твердость, проявленная консулом в Кяхте, была подкреплена и благоприятной конъюнктурой ослабления Китая после выдвижения Японией «21 требования»[255].

Несмотря на то что ни монголы, ни китайцы не были удовлетворены результатами переговоров, а в китайской исторической науке Кяхтинское соглашение по-прежнему считается «грабительским»[256], можно согласиться с И.Я. Коростовцом, что данный акт установил

[252] *Лю Цунькуан*. Чжун Э гуаньси юй Вай Мэнгу цзы Чжунго дэ фэньли. С. 158.
[253] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 401–404.
[254] *Paine S.C.M.* Imperial Rivals. P. 299.
[255] *Clubb O.E.* Russia and China. P. 155–156.
[256] *Лю Цунькуан.* Указ. соч. С. 161.

некий modus vivendi, разграничив интересы России и Китая, и закрепил первый шаг к восстановлению государственности Монголии[257]. Документ устранил некоторые негативные последствия Ургинского соглашения 1912 г. и помог Китаю «спасти лицо» в региональной политике. Усилия А.Я. Миллера внесли существенный вклад в отстаивание стратегических интересов России в регионе и сохранение status quo на Дальнем Востоке. Основным положительным для России результатом переговоров стало получение широчайших торгово-экономических преимуществ в Монголии[258].

Тем не менее реализация тройственного соглашения не полностью оправдала ожидания российского правительства в отношении политико-экономических перспектив в Монголии и даже негативно сказалась на имидже России в этой стране. По Кяхтинскому соглашению в Западной Монголии была восстановлена деятельность китайских властей и торговцев[259], и уже в декабре 1915 г. в Улясутай и Кобдо были назначены пекинские комиссары. В Ургу агент Китайской Республики прибыл в начале 1916 г. Штаты китайских представительств имели значительное численное превосходство над штатами российских консульств[260]. В этих условиях консульства в Монголии приняли меры по установлению контроля над взаимодействием монгольских властей с комиссарствами, пытаясь сохранить роль главных советников для местных правителей в области управления и внешних контактов. Однако России так и не удалось в полной мере использовать преимущества монгольской автономии.

Первоначально удовлетворительные, отношения генерального консульства с новым китайским сановником Чэнь Лу в Урге резко изменились после получения в Пекине известий о затруднениях Российской империи на фронтах мировой войны. Китайские чиновники стали недипломатично использовать «вакуум силы» в Монголии в своих целях, особенно после замены Чэнь Лу антироссийски настроенным Чэнь И. Последний провел ряд мероприятий, направленных на восстановление китайского суверенитета в Монголии и ослабление экономических позиций России. Он добился реанимации китайских почтовых контор в Урге, Улясутае, Кобдо и Кяхте, отмены налогов на китайскую торговлю, взимания долгов китайским купцам на основе поручительства княжеств, воздействовал на ургинское правительство

[257] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 405.
[258] *Нольде Б.Э.* Вашингтонская конференция. С. 255.
[259] *Бурдуков А.В.* Указ. соч. С. 119.
[260] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 40–40 об.

с целью ликвидации российской концессии на организацию Монгольского национального банка.

Увеличение внутренних налогов в Монголии легло тяжелым бременем не только на хошуны, но и на самих князей, многие из которых под воздействием обещаний китайских чиновников стали задумываться о достоинствах былого политического статуса Монголии. В правительстве даже был разработан проект отказа от автономии на условиях помощи, эквивалентной 5 млн руб., со стороны Пекина, однако Китай отверг этот проект, полагая, что получит Монголию с меньшими затратами. Китайской Республике не потребовалось больших усилий, чтобы посеять сомнения в стане князей, которые совсем недавно искали помощи только у России. Сделав ставку на экономические рычаги воздействия, Китай смог существенно изменить политические настроения в Монголии не в пользу России.

В Западной Монголии благодаря искусной дипломатии российских консулов монгольская аристократия и население в данный период больше симпатизировали российским, нежели китайским представителям. Еще в октябре 1914 г. для ограничения наплыва китайцев в Западную Монголию консул А.А. Вальтер предложил дипломатическому агенту и генконсулу А.Я. Миллеру повлиять на правительство в Урге с целью расширения полномочий монгольского губернатора Улясутайского округа[261]. Наряду с этим в течение нескольких месяцев до прибытия китайского комиссара Чэнь И в Улясутай консул А.А. Вальтер внушал монголам, что прибывающий чиновник является для них не начальником, а дипломатическим представителем Китайской Республики, и убедил их в необходимости секретно согласовывать с консульством любые действия в отношениях с китайскими властями[262].

Под влиянием консула улясутайский губернатор Цэцэн-ван отказался предоставить китайскому комиссару для его резиденции крепость Сангин-хото, которую ранее занимал маньчжурский цзянцзюнь, чтобы не вызывать к жизни страх и угодничество монгольского населения перед китайской властью[263]. Вопрос о крепости был принципиален для А.А. Вальтера еще и потому, что в 1914 г. консульство поднимало перед монгольским правительством вопрос об аренде Сангин-хото для обустройства русской фактории, но получило отказ. С учетом этого передача сооружения китайскому комиссару выглядела

[261] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 5–5 об.
[262] Там же. Л. 64 об.
[263] Там же. Л. 123.

бы в глазах монголов «бесспорным симптомом упадка нашего влияния и политического преобладания в стране»[264]. К решению проблемы А.А. Вальтер привлек и генконсула А.Я. Миллера. В результате китайскому комиссару было предоставлено только школьное помещение крепости с пристройками.

Для обеспечения полного контроля над деятельностью монголов и китайцев в Улясутайском округе местное консульство через своих агентов установило наблюдение за комиссаром и монгольским представителем. Таким образом оно добилось того, что монгольские власти не предпринимали никаких серьезных действий, не посоветовавшись с консульством. В декабре 1915 г. консул порекомендовал молодому улясутайскому правителю Абша-бэйсэ под предлогом службы уехать на два месяца из города в хошун, для того чтобы предотвратить оказание им чрезмерных почестей новому китайскому сановнику, а также с целью подготовки князя, обладавшего небольшим политическим опытом, к предстоящему общению с представителем Китайской Республики[265]. Важной с дипломатической точки зрения демонстрацией китайским контрагентам симпатий монгольских властей к России был совместный визит консула А.А. Вальтера и главных монгольских чиновников округа к китайскому комиссару по случаю Нового года, который «задел за живое» китайскую сторону[266].

Наблюдая за политическими процессами в округе, А.А. Вальтер смог воспрепятствовать назначению на освободившийся пост улясутайского губернатора русофобски настроенного князя и повлиять на то, что в начале 1916 г. на данном посту оказался дружественный России князь Тушэту-ханского аймака Соднон-дорджи[267]. Консул также выступал с предложением о расширении полномочий монгольского губернатора округа[268]. Посредством постоянных консультаций А.А. Вальтер добился признания авторитетности своего мнения улясутайскими властями и обеспечил «превосходное» поведение монголов[269]. Выстроив выгодную для России систему взаимоотношений в рамках треугольника «российское консульство — китайское комиссарство — монгольское губернаторство» в Улясутайском округе, он до 1917 г. мог поддерживать относительное равновесие сил с китай-

[264] Там же. Л. 124 об.
[265] Там же. Л. 64 об.–65.
[266] Там же. Л. 72.
[267] Там же. Л. 50 об.–51, 143 об.
[268] Там же. Л. 5 об.
[269] Там же. Л. 71 об.

ским комиссаром и качественную защиту интересов соотечественников в регионе.

Отдельным направлением работы консульств в Урге и Улясутае в 1911–1917 гг. было наблюдение за ситуацией в Урянхайском крае (Сойотии), так как стремление богдо-гэгэна сохранить влияние в крае препятствовало конструктивному диалогу по вопросу об автономии Монголии. С установлением протектората России над Урянхаем в 1914 г. генеральный консул А.Я. Миллер вынужден был принимать меры против отправки в Сойотию эмиссаров хутухты[270]. Протесты консульства также вызывала антироссийская пропаганда, усилившаяся после прибытия китайского комиссара в Кобдо в начале 1916 г.[271]. В апреле 1916 г. консул в Улясутае установил наблюдение за ситуацией в Урянхае и пограничном с ним Дзасакту-ханском аймаке. Благодаря тому что комиссар Чэнь И не играл важной роли в урянхайских делах, А.А. Вальтер мог держать ситуацию в крае под контролем, осознавая готовность России применить силу в случае давления со стороны Китая. Все это время консульство в Улясутае предпринимало меры по наведению законного порядка на границе Улясутайского округа с Урянхаем[272].

В Кобдоский округ после подписания декларации 23 октября 1913 г. китайцы вернулись не сразу и в небольшом количестве. В результате практически полного разрушения Кобдо (весной 1913 г. в нем оставалось лишь 15 представителей русских фирм и несколько сартов[273]) консул М.Н. Кузминский добился от ургинского правительства отведения в городе участка под российскую факторию. Дамби-Джамцан, управлявший в то время Кобдоским округом, планировал перенести его центр в Мунджик, поэтому ургинское правительство охотно согласилось на выделение земли на пепелище Кобдо для российских торговцев. Тем не менее с ноября 1913 г. консулам В.Ф. Любе и В.Г. Габрику, по мере наплыва ханьского контингента в Кобдоский округ, пришлось прилагать усилия для повышения авторитета российской власти среди монголов и китайцев как собственными мерами, так и посредством реляций в Ургу и Пекин[274].

Несмотря на достижение правительством России ряда важных тактических целей в Монголии, результаты многих его мероприятий по

[270] *Шурхуу Д.* Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях. С. 101–103.
[271] *Бурдуков А.В.* Указ. соч. С. 120.
[272] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 140.
[273] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 639. Л. 48.
[274] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 29–30.

закреплению в стране оказались не вполне удачными в стратегическом отношении. Невзирая на старания консула А.Я. Миллера и его преемника А.А. Орлова, представителей российских торгово-промышленного и финансового ведомств в Урге, администраций приграничных регионов, повышения эффективности управления страной не произошло. К тому же ход реализации этих мероприятий вызвал разочарование ургинских министров в возможностях России помочь в проведении преобразований, ожидаемых элитами[275]. Большинство мер, предложенных российскими специалистами, отвергались или саботировались.

Среди основных причин падения российского авторитета в Монголии во второй половине 1915 — 1916 г. следует назвать непостоянство «монгольской» политики МИДа, снижение внимания царского правительства к Монголии в связи с участием России в мировой войне, реанимация активности китайских торговцев, различие взглядов царского и богдо-гэгэновского правительств на содержание реформ в автономной Монголии.

Неоднозначные последствия имело и разделение обязанностей по контролю за использованием российской финансовой и военно-технической помощи, работой направленных в Монголию специалистов между несколькими ведомствами (министерствами иностранных дел, военным, финансовым)[276]. Например, организация деятельности монгольской военной бригады, созданной в Худжир-Булуне по соглашению с монгольской стороной от 16 февраля 1913 г.[277], несмотря на большую работу, проделанную российскими инструкторами, не во всем удовлетворяла монгольские власти. Во время военных действий в Западной Монголии звучала критика в адрес начальника бригады. В частности, монголы были недовольны тем, что патронами, направленными Россией в консульство, распоряжался он, а не консул, выдавая их по собственному усмотрению и нередко, по их мнению, срывая обеспечение отрядов боеприпасами[278].

Генеральное консульство держало на контроле вопросы, связанные с подготовкой монгольских солдат российскими офицерами, и в

[275] *С.Ж.* Монголия. С. 112.

[276] *С.Л.* Письмо из Монголии. С. 23–26.

[277] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. 1. С. 578; *Хишигт Н.* Монголо-российское сотрудничество. С. 31–42. По этому соглашению планировалось создание бригады численностью до 1900 человек (две кавалерийские бригады, пулеметная команда и артиллерийский взвод).

[278] *Воллосович М.* Россия и Монголия. С. 46.

последующие годы пыталось улучшить координацию этой деятельности. Однако основные трудности касались разногласий с монгольским правительством по вопросам финансирования бригады. Поскольку соглашения о бригаде заключались сроком на один год, дипломатическому агенту А.Я. Миллеру приходилось вести непростые переговоры с богдо-гэгэновским правительством, неохотно ее финансировавшим и пытавшимся достичь максимальных результатов в подготовке войск минимальными средствами. В 1914 г. А.Я. Миллер предложил увеличить количество обучаемых. Однако премьер-министр Сайн-нойон-хан Намнансурэн, ссылаясь на финансовые затруднения Монголии, попросил сократить количество инструкторов и срок подготовки солдат. Весной 1915 г. дипломатический агент также предлагал увеличить срок действия соглашения, однако монголы согласились продлить соглашение лишь на один год при очередном сокращении количества российских офицеров. В преддверии подписания нового соглашения в 1916 г. А.Я. Миллер совместно с начальником инструкторской команды есаулом А.Ф. Васильевым подготовил предложения по совершенствованию режима военной подготовки монголов. В частности, оплату работы инструкторов предлагалось взять на себя российскому правительству, численность бригады довести до 1000 человек, перевести ее в Ургу, увеличить срок службы солдат до одного года, а срок договоров с инструкторами — до трех–пяти лет. Однако заключенное соглашение не было полностью реализовано[279].

Не последнюю роль в утрате прочных позиций российских представителей в Монголии в 1916–1917 гг. сыграл личностный фактор. По мнению Я.И. Коростовца, безынициативность (а иногда и некомпетентность) ряда служащих российских военного и финансового ведомств в Монголии оказала негативное воздействие на реализацию многих значимых проектов России (деятельность монгольской военной бригады, организацию финансового агентства, русско-монгольского банка, школы и пр.)[280].

Не вполне своевременной современники называли смену генерального консула в Урге в августе 1916 г. А.Я. Миллер был переведен в Бухару, а его место занял опытный, но не знакомый со спецификой Монголии дипломат А.А. Орлов, бывший посланник России в Персии. Несмотря на непростые отношения А.Я. Миллера с монголами, нередко обвинявшими его в симпатии к Китаю, он настойчиво охра-

---

[279] *Жалсапова Ж.* Деятельность русских военных инструкторов в Монголии. С. 121–123.

[280] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 409–411.

нял автономию Монголии от вмешательства Пекина в ее дела. Одновременно генконсул противодействовал развитию чрезмерных политических амбиций монголов и пресекал антироссийскую агитацию прокитайской партии князей. Как дипломатический представитель, он последовательно отстаивал интересы России и способствовал их документальному закреплению[281]. Лишение генерального консульства «жесткой руки» в столь неблагоприятный для отношений России с Китаем и Монголией момент также оказалось фактором снижения авторитета российского представительства в стране. Тем не менее А.А. Орлов стремился как можно скорее выстроить доверительные отношения с монгольскими властями и приложил очень большие усилия для поддержания статуса «российского флага».

Февральская революция 1917 г. ослабила позиции России на международной арене, что было использовано Китаем для восстановления своих «исконных» прав в Монголии. В условиях отсутствия внимания к Монголии со стороны Временного правительства генеральному консулу в Урге А.А. Орлову оставалось лишь заявить монгольским министрам, что Россия сохранит верность Кяхтинскому соглашению. Создание исполнительных комитетов в среде русских в Урге, Кяхте, Западной Монголии, агитация против «монархистов» в феврале–марте 1917 г. внесли раскол в российское сообщество в Монголии и даже в персонал самих консульств, ставший ударом по имиджу России в глазах монголов и китайцев[282]. Нормализация особенно обострившихся отношений консульских сотрудников с колонией в Урге к лету 1917 г. не помогла восстановлению авторитета российской власти[283]. Из-за начавшегося брожения среди казаков летом 1917 г. были ликвидированы конвои консульств, притом в Улясутае этот процесс сопровождался проявлениями агрессии. Без поддержки военной силы консульства резко утратили свой высокий статус в глазах не только китайцев, но и монголов: «...Из представителей великого белого царя, окруженных нимбом почтительного страха и неприкосновенности, они превратились в надоедливых иностранцев, с которыми нечего было и церемониться»[284].

После Октябрьской революции большевистское правительство в лице министра иностранных дел Г.В. Чичерина потребовало от российских консульств признания советской власти. Однако консулы

[281] Там же. С. 411.
[282] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 392.
[283] Ургинский листок. 23.07.1917.
[284] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 413.

в Монголии проигнорировали это требование, а также запрос Иркутского исполкома о составе консульств. Большинство членов русской колонии не поддержали революцию, а монгольская политическая элита разделилась на две партии, одна из которых, во главе с Сайн-нойон-ханом, продолжала заверять консула в верности Кяхтинскому соглашению и не желала идти на контакт с большевиками, а вторая (в лице мелкого чиновничества) видела в Советах будущего покровителя. Утратив четкий правовой статус, российские консульства уже не могли контролировать монгольско-китайские связи, а тем более влиять на отношения Монголии и Китая с Россией.

По мере сил дипломатические работники старались противостоять движению за создание «великомонгольского» государства от Байкала до Тибета, разворачивавшемуся в Монголии и Забайкалье и поддерживаемому Японией[285]. Не нашедшие понимания в Халхе, планы панмонголистов оказались невыполнимыми. Посланник Н.А. Кудашев и консулы в Монголии продолжали представлять интересы России от имени Директории до конца сентября 1920 г., когда Китайская Республика отказалась признавать российских посланников и консулов[286]. Осенью 1919 г. к генеральному консулу А.А. Орлову, представлявшему в то время Омское правительство, монголы обращались за советом, с какой властью лучше сотрудничать после поражения А.В. Колчака, которое в тот момент выглядело неминуемым, — с большевистской или китайской. Однако российские дипломаты уже никаким образом не могли повлиять на ситуацию в Монголии, предотвратить оккупацию Урги китайскими войсками в июле 1919 г. и террор генерала Сюй Шучжэна, сменившего цзянцзюня Чэнь И, ликвидацию автономии Монголии (по указу президента Китайской Республики от 22 ноября 1919 г.)[287], реорганизацию управления и экономической системы страны и дальнейшие трагические события, выпавшие на долю Монголии и проживавшей в ней русской колонии[288].

Китайское правительство аннулировало Кяхтинское соглашение, объясняя это политической смутой в России, нападением большевиков и атамана Г. Семенова на Монголию. В ответ на протест Н.А. Кудашева Пекин заявил, что автономия ликвидирована по желанию Урги. Летом 1920 г. делегация монгольских большевиков (в состав которой

[285] Там же. С. 418.
[286] *Персиц М.А.* Дальневосточная Республика и Китай. С. 122.
[287] *Белов Е.А.* Россия и Монголия. С. 187.
[288] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 425–427.

входил лама Бодо (Д. Бодоо), бывший писарь ургинского консульства) провела переговоры с советской Россией о помощи Москвы в сохранении монгольской автономии и совместно с Г.В. Чичериным разработала план оттеснения китайцев из Монголии и советизации страны. В то же время над Ургой нависала опасность, которую создавало сотрудничество хутухты с добровольцами Унгерна.

После захвата Кяхты большевиками в ноябре 1920 г., сопровождавшегося расправами над контрреволюционерами, российское консульство в Урге было не в состоянии предоставить должную защиту русским поселенцам, так как уже не могло опереться на монгольские власти, опасавшиеся реакции большевиков. Генеральный консул А.А. Орлов и консулы в Западной Монголии были вынуждены закрыть возглавляемые ими учреждения и отбыть в Пекин. Осенью 1920 г. по Урге прокатилась волна насилия китайцев в отношении монгольского и русского населения, обвиненного в пособничестве белым добровольцам. В конце февраля 1921 г. Ургу занял отряд «даурского барона» Унгерна, обративший в бегство десятитысячное китайское войско и восстановивший хутухту в правах господства над Халхой. 6 июня 1921 г. город был занят объединенными войсками Д. Сухэ-Батора, частями Красной армии и Народно-революционной армии Дальневосточной республики, что впоследствии было названо «народной революцией». В тревожный период после Октябрьской революции некоторые русские поселенцы в Урге и на западе страны покинули Монголию, а осенью 1919 г. ургинские колонисты оказались заблокированными в городе китайскими войсками. Прежние русские фактории прекратили свое существование в результате погромов и остановки товаропотоков.

Таким образом, до момента своего распада система консульских учреждений Российской империи в Монголии являлась оплотом защиты интересов государства и его подданных в данной стране. Отличительной особенностью консульств было то, что в конкретных исторических условиях помимо выполнения имманентной их природе задач они сыграли значимую роль в несвойственной для консульского института политической сфере.

Участвуя в реализации «дальневосточной» стратегии МИДа, в перманентном сложном дипломатическом взаимодействии с Китаем, консулы обеспечивали профессиональную защиту интересов государства и сохранение добрососедских отношений с Цинской империей (а впоследствии с Китайской Республикой) и Монголией. Успешность выполнения этих задач во многом зависела от личных качеств и ини-

циативы консулов, характера их повседневных отношений с маньчжурскими и монгольскими сановниками.

После поражения России в войне с Японией, повлекшей существенное увеличение влияния последней на правительство Пекина, активизацию Китаем колонизации и освоения богатств Монголии, политико-дипломатическая составляющая работы консульского института в Монголии усилилась. Дипломаты интенсифицировали наблюдательную и осведомительную деятельность, а также меры давления на маньчжурских чиновников с целью пресечения проникновения третьих государств на территорию Монголии, ограничения ее китаизации и открытия для международной торговли, предотвращения роста антироссийских настроений среди монгольского, урянхайского, киргизского населения.

В период подъема национально-освободительного движения в Монголии (1911–1915) деятельность ургинского и западномонгольских консульств в области мониторинга и координации политических взаимоотношений вышла на новый уровень активности. С июля 1911 г. консульство в Урге превратилось в главный канал российской поддержки движения монголов за сохранение национальной самобытности и суверенитета страны. После переворота 1 декабря 1911 г. консульства участвовали в формировании и осуществлении российской стратегии в «монгольском вопросе», стремясь не допустить реализации максималистских сценариев ургинского и пекинского правительств, способствовали поддержанию в Монголии административного и военного status quo[289].

Представители Министерства иностранных дел принимали непосредственное участие в переговорах Монголии, России и Китая о политическом статусе Монголии в 1911–1915 гг. и выработке проекта ее автономии в составе Китая, об обеспечении финансовой и технической помощи правительству богдо-гэгэна. Дипломаты также употребили все усилия для того, чтобы отторжение Кобдоского округа от Китая в пользу Монголии и соглашение о сохранении status quo в Алтайском округе не нарушило существовавшего в регионе международного равновесия и одновременно способствовало укреплению в нем позиций России. Заключенное же при непосредственном участии генконсула А.Я. Миллера Кяхтинское соглашение обозначило первый серьезный шаг Монголии на пути к восстановлению государственности и четко закрепило интересы России в Монголии. Вместе с тем оно

[289] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 8.

способствовало сохранению целостности Китая и не нанесло серьезного ущерба российско-китайским отношениям.

Консульские работники стали главными политическими консультантами монгольских правителей всех уровней, проводниками европейской политической культуры и искусства управления, символами российской помощи. Несмотря на временное охлаждение отношения монголов к России после подписания ею декларации с Китаем в октябре 1913 г., консулы в Урге, Улясутае, Кобдо и Шара-Сумэ оказывали им поддержку в налаживании местного гражданского управления, выстраивании отношений монгольских губернаторов с вновь прибывшими в 1916 г. китайскими комиссарами, приложили большие усилия для восстановления конструктивного взаимодействия с монгольскими властями.

Вклад в развитие политических взаимоотношений с Китаем и Монголией консулы внесли и благодаря своей информационно-аналитической и агентурной работе. Ее результаты использовались центральным аппаратом Министерства иностранных дел, посланником в Китае, министерствами торговли и промышленности, финансовым, военным, Генеральным штабом, военным и гражданским губернаторами Сибири и Дальнего Востока и т.д. Агентурная работа дипломатов сыграла существенную роль в предотвращении активности иностранных разведок в Монголии.

В целом работа консулов по защите политико-стратегических интересов России в Монголии на протяжении изучаемого периода заслуживает высокой оценки. Их профессионализм, последовательная реализация указаний МИДа и проявление собственной инициативы в оперативном принятии важных тактических решений имели результатом успешное достижение отечественной дипломатией поставленных целей в отношениях с Монголией и Китаем.

ГЛАВА 4

Роль консульств в экономических отношениях России с Монголией

Консульский институт и российско-монгольская торговля

Императорским консульствам принадлежит ключевая роль в координации хозяйственных, прежде всего торговых, контактов российских и китайских подданных в Монголии и формировании материальной, финансово-кредитной и прочей инфраструктуры данных контактов.

Одной из первостепенных задач, стоявших перед российскими дипломатами в Монголии в этой области, стала организация торговых факторий. Право на строительство и аренду помещений в местах пребывания консулов было гарантировано российским подданным договорами 1860 и 1881 гг. Однако его реализация была затруднена из-за противодействия местного маньчжурского начальства, действовавшего в русле политики «чжи Э» («сдерживания России») и использовавшего для этого формальные недостатки договоров. В трактатах не закреплялись технические детали организации торговли и быта российских подданных, порядок строительства, аренды и покупки ими помещений, особенно проблематичным было получение земельных участков под строительство. Решение этих вопросов с маньчжурскими чиновниками ложилось на плечи российских консульств.

Самой старой и упорядоченной являлась российская фактория в Урге — центральном городе Халхи. С 1861 г. обороты трансграничной торговли (до 1885 г. — комиссионных переотправок чая из Китая в Кяхту, после — сбыта товаров российского производства и закупок монгольского сырья[1]) возрастали[2]. С каждым годом увеличивалась и численность посещавших Монголию российских подданных (в 1870 г. в Монголию выезжало 400 русских, в 1880 г. — 1119)[3]. После заключения Петербургского договора (ст. 13) стало неуклонно расти число лиц, проживавших в кочевой стране постоянно или на протяжении длительного времени и обзаводившихся жилыми и торговыми помещениями. По состоянию на 1870 г., в Урге проживало 60 российских подданных[4], в 1909 г. — 600[5]. Их основной контингент составляли сибирские (кяхтинские, троицкосавские, иркутские, верхнеудинские) коммерсанты, имевшие преимущественно крестьянское и мещанское происхождение[6]. По некоторым данным, к середине первого десятилетия XX в. русская колония насчитывала от 1500 до 3000 человек[7], но после поражения колчаковской армии значительно увеличилась за счет беженцев из России.

На первом этапе работы консульство в Урге не уделяло особого внимания формированию компактного российского поселения, поскольку его приоритетной задачей было обеспечение самого договорного права российских подданных на проживание и торговлю в городе. Монгольская столица состояла из двух крупных частей — Куреня (Богдо-Куреня, или «ламского города»), в котором проживало буддийское духовенство, находилось множество культовых сооружений и базарная площадь, и Маймачэна (китайского торгового квартала в четырех–шести верстах к востоку от Куреня, нередко именовавшегося местными жителями «китайским городом», где находились дома китайских купцов и служащих)[8]. В начале 1860-х годов консулы

[1] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 117 об.–118. До 1900 г. в Ургинском округе было 6 русских лавок, в 1904 г. — 15.

[2] См.: *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 138.

[3] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 615. Л. 41.

[4] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 605. Л. 8.

[5] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 91–91об. По И.Я. Коростовцу, не более 500 — против 35 тыс. китайцев (*Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 205).

[6] О структуре купеческого сообщества см.: *Старцев А.В.* Численность и состав русских предпринимателей. С. 142–148. О торговых фирмах в Урге см.: *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 205–233.

[7] *Кузьмин Ю.В., Дэмбэрэл К.* Русская колония в Урге. С. 118.

[8] *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. С. 47.

К.Н. Боборыкин и Я.П. Шишмарев боролись с непоследовательной политикой маньчжурского амбаня Сектунги, который то разрешал русским торговать в Курене, где находилась вся торговая инфраструктура, то отправлял в китайский Маймачэн[9]. Благодаря усилиям консульства русские начали не только арендовать помещения у китайцев, но и строить склады и дома в Курене в указанных консулом местах, что в итоге было легализовано амбанями. В 1879 г. правители вновь подняли вопрос о незаконности строительства российских зданий в Урге и передали его в Цзунли-ямэнь. Они настаивали на переносе лавок, домов и складов ближе к консульству, которое находилось в четырех верстах от жизненного центра Урги[10]. Однако с санкции консула русские продолжали селиться в «ламском городе». Консул Я.П. Шишмарев проявил жесткость в отстаивании этого права и в 1888 г., когда Шабинское ведомство потребовало вывести всю российскую и китайскую торговлю из Куреня, и в ноябре 1895 — январе 1897 г. в борьбе с амбанем Гуй Бином, пытавшимся ограничить приток российских купцов в Монголию в условиях дефицита площадей[11]. Уже к весне 1897 г. управляющий консульством В.Ф. Люба добился от нового амбаня Лянь Шуня выделения участка в «ламском городе» для переводчика консульства и других лиц[12].

Одной из причин отказа амбаней в выделении новых участков для расширения российской фактории в 1890–1900-х годах было нерациональное использование российскими подданными предоставленных им земель, нередко обрекавшихся на запустение[13]. В 1905–1906 гг. управляющий консульством М.Н. Кузминский выдвинул идею перераспределения выделенных земель сообразно действительным потребностям каждого купца и создания единой российской концессии в Урге. Лишние участки должны были распределяться консульством между коммерсантами, желавшими начать новое дело в Урге. В декабре 1906 г. посланник в Пекине отклонил идею концессии, однако одобрил взятие под контроль консульства пустующих участков, что предотвратило монополизацию земли неэффективными арендаторами[14]. В начале XX в. консульство в Урге стало уделять внимание упорядочению строительства с точки зрения противопожарной и эпиде-

[9] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 483.
[10] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 484.
[11] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 484 об.
[12] Там же. Л. 503.
[13] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 76 об.–77.
[14] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 164 об.

миологической безопасности. В 1903 г. оно обязало соотечественников при возведении построек руководствоваться положениями Российского строительного устава и до начала строительства согласовывать с консулом планы объектов[15].

Существенным недостатком организации российской фактории до начала XX в. была удаленность консульского комплекса от места проживания предпринимателей — Куреня, затруднявшая их сообщение с российским представительством. Территориально консульство располагалось примерно посередине между Маймачэном и Куренем на возвышенности возле берега р. Толы[16]. Со временем, исчерпав возможности строительства в «ламском городе», купцы стали обзаводиться усадьбами возле консульства. Устраиваться более основательно и приобретать удобные дома русские в Монголии стали только с 1910-х годов, в период ее «независимости» и автономии[17]. В это время колонистам в Урге удалось «замкнуть» русский квартал, который приобрел привычный для российских поселений вид[18]. На единственной улице этого поселка располагались консульский городок, дома торговцев, казаков, ямщиков и других представителей колонии. В 1913–1915 гг. генконсул А.Я. Миллер возродил проект российской концессии и добился выделения монголами для этой цели большого участка[19].

Российские фактории в Западной Монголии приобрели организованную форму лишь к середине 1910-х годов, несмотря на то что русские вели хозяйственную деятельность в этом регионе еще с 1870-х годов. В западных округах преобладала не городская (как в Урге), а хошунная (разъездная) российская торговля. Крупные населенные пункты (Улясутай, Кобдо, Цзаин-Шаби) использовались купцами в качестве организационно-складских центров. До создания в регионе консульств русские не имели права покупать, арендовать или возводить на их территории стационарные постройки. Здесь господствовали ки-

---

[15] Там же. Л. 179.

[16] Двухэтажное здание консульства было построено в 1865 г. К 1913 г. в консульский комплекс входили само консульство (в котором также помещались квартиры консула, секретаря, драгомана), Свято-Троицкая церковь, квартиры врача и начальника конвоя, казармы казаков, почтовая контора и школа. За оградой консульства находился дом священника.

[17] Монголия. Декларация по монгольским делам (23 декабря 1913 г.) // Вестник Азии. 1913. № 19–22. Сентябрь–декабрь. С. 69.

[18] *Бобрик П.А.* Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта. С. 49; АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 866. Л. 3–23.

[19] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 411.

тайские торговые фирмы, имевшие значительное влияние на местную администрацию. В этот период для россиян торговые условия в Западной Монголии были крайне неблагоприятны, и, как считали купцы, в частности автор заметки в «Сибирской газете» И.П. Котельников, лишь благодаря «настоянию и энергии» консула в Урге Я.П. Шишмарева российская торговля «держится»[20].

Запреты цинских властей не останавливали российских купцов в Западной Монголии от попыток решить вопрос о недвижимости. В данном обширном регионе получили распространение так называемые заимки, создаваемые российскими поселенцами на неосвоенных территориях по праву первого владения. По состоянию на 1910 г., российские подданные торговали и имели деревянные постройки в самых разных уголках Западной Монголии — в Улясутае, Кобдо, Шара-Сумэ, Бурчуме (ныне Буэрцзинь, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), Уланкоме (Улаангоме), Ван-Хурэ (Ван-Хурээ), Хатхыле (Хатгал), Цзаин-Шаби (Цэцэрлэг), Чжакуле (Чаа-Холь, Тыва), Мурэне, Тарятах (Тариат, Хорго), Шумалтае, по рекам Баин-Гол, Хангельцик, Кемчик, в ставках ханов и хошунных князей, ламских куренях Сайн-нойон-ханского и Дзасакту-ханского аймаков, ламских куренях, ставках дэрбэтских Далай-хана и Далай-вана, торгоутских и цзахачинских князей Кобдо-Алтайского округа, ставках танну-урянхайских ухерид (в ведомстве улясутайского цзянцзюня), ставках сойот-урянхайских и киргизских ухерид (в ведомстве старшего кобдоского амбаня), во всех ламских куренях Улясутайского и Кобдоского округов[21]. Летом 1909 г. исполняющий обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежев в ходе переговоров со старшим кобдоским амбанем Си Хэном смог отстоять право русских осуществлять строительство по всей Западной Монголии, а не только в городах пребывания консульств[22]. Большинство пунктов проживания русских, за исключением тех, где находились представительства МИДа России (Улясутай, Шара-Сумэ, Кобдо), а также Уланкома, Ван-Хурэ (в 1915 г. — 100 человек) и Цзаин-Шаби (в 1915 г. — 70 человек), не являлись крупными торговыми центрами, и численность российских фирм не превышала 5, а колонистов — 35 человек[23].

[20] *Котельников И.* Наши торговые сношения с Монголией // Сибирская газета. 1881. № 10. С. 290–292.

[21] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 166.

[22] Там же. Л. 150 об.

[23] ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 101. К середине 1910-х годов в некоторых пунктах русские коло-

В Улясутае колония была небольшой и росла медленно[24]. Несмотря на многолетнее проживание российских торговцев в данном пункте, они не стремились обустраиваться и использовали, наряду с китайцами, наемные фанзы в Маймачэне, следовательно, не имели какого-либо влияния на «культурное лицо» города. Вопрос о праве российских подданных на постройку жилых домов и лавок в Улясутае поднимался перед маньчжурскими властями посланником в Пекине еще в середине 1890 г.[25] и консулом в Урге в 1904 г. Однако МИД откладывал его решение через Вай-у-бу до назначения в город консула[26]. Тем не менее открытие консульства в Улясутае в 1906 г. (официально — в 1909 г.) не сразу сказалось на численности колонии[27] и разрешении вопроса приобретения недвижимости в городе. Само императорское консульство до признания автономии Монголии располагалось в китайской фанзе, внешний вид которой не соотносился с высоким статусом чиновника МИДа[28]. Вопрос о строительстве и покупке помещений русскими в Улясутае был решен консулом с местным губернатором только в конце 1915 — начале 1916 г.[29]. По соглашению дипломатического агента с ургинским правительством был выделен земельный участок под факторию в восточной части Улясутайской долины[30]. Застройка началась весной 1916 г., к февралю 1917 г. здания консульства, помещения для конвоя, почтово-телеграфной конторы были построены, и вокруг них группировались новые дома российской колонии[31].

В Кобдоском округе русские (в основном бийские купцы) стали селиться с 1864 г. В самом же городе Кобдо численность российских подданных в «маньчжурский» период была невелика (в 1910 г. 40–

нии численно увеличились. Например, по данным компании "Legend Tour", в Хатхыле (Хатгале) в начале XX в. русское поселение насчитывало до 200 человек (URL: http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/regions/hatgal.shtml).

[24] В 1879 г., по данным М.В. Певцова, в Улясутае насчитывалось всего девять русских купцов, и селились они на общем дворе (*Певцов М.В.* Путешествие по Китаю и Монголии. С. 201). По данным консульства в Урге, в 1891 г. в Улясутае торговало 5 лавок, в 1904 г. — 16 (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 143–143 об.).

[25] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 619. Л. 2–3.

[26] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 620. Л. 3–6 об.

[27] В 1913 г. из 3 тыс. жителей города насчитывалось не более 50 русских (Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб., 1913. Отд. IV. С. 480).

[28] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 76.

[29] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 91.

[30] Там же. Л. 127.

[31] Там же. Л. 126–126 об.

50 человек — не более 5% населения города[32]). Русским не разрешалось строить собственные и приобретать китайские дома, поэтому почти все они арендовали фанзы[33]. В результате разрушения города монголами в августе 1913 г. усилилась его экономическая зависимость от России. В Кобдо был назначен императорский консул, и колония в данном пункте стремительно выросла. При содействии консула с 1914 г. в городе стала формироваться российская фактория, он начал активно застраиваться русскими купцами и практически превратился в «экстерриториальную концессию»[34]. Если в 1910 г. российская колония в Кобдо насчитывала 50 человек, то к 1917 г. она увеличилась до 250 человек[35].

Вопрос о создании российской фактории в Шара-Сумэ обсуждался сразу после учреждения консульства в 1911 г. Несмотря на малую численность российских подданных в Алтайском округе (около 50 хошунных торговцев-киргизов в 1912 г.), этот регион имел политическое значение по причине высокой плотности китайского населения в городе и его окрестностях[36]. Из-за преувеличенных опасений Пекина насчет амбиций России в Монгольском Алтае в 1900-х годах старший кобдоский амбань Чжун Жуй затянул переговоры о фактории с управляющим консульством в Кобдо и Шара-Сумэ В.Ф. Люба в 1911 г.[37]. Только в мае 1912 г. новый консул М.Н. Кузминский подписал соглашение об отводе в городе четырех участков для консульства и фактории с и.о. старшего кобдо-алтайского амбаня Янь Нянем и тремя цзурганами[38]. Из переписки консула в Шара-Сумэ с Дипмиссией и МИДом в 1913 г. следует, что велась подготовка к строительству здания консульства[39].

Важной и старейшей обязанностью консулов в области упорядочения российско-монгольских торговых связей было обеспечение непрерывного движения торговых караванов и прогона скота из Монголии в Россию. Данный вид деятельности был в первую очередь характерен для консульства в Урге, контролировавшего транспортировку

---

[32] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 23.

[33] *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. С. 74–96; *Сапожников В.В.* По Алтаю. С. 323–328.

[34] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 639. Л. 48.

[35] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 392.

[36] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 122.

[37] Там же. Л. 124.

[38] Там же. Л. 313–318.

[39] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 976. Л. 5–6.

чая по маршруту Калган–Урга–Кяхта[40]. Российские торговцы нуждались в защите от рисков, связанных с неаккуратной доставкой товара монгольскими извозчиками (затягивание сроков, потеря части груза и укрывного материала, подмочка чая из-за его складирования в степи)[41]. Для минимизации недостатков чайного транзита из Калгана в Кяхту Я.П. Шишмарев еще в конце 1860-х — начале 1870-х годов в условиях резкого повышения цен на транспорт из Калгана в Ургу и из Урги в Кяхту (с 4–8 руб. до 12 руб.) пытался внушить купцам мысль о необходимости самостоятельно регулировать перевозки чая из Калгана в Кяхту[42]. Однако консервативное кяхтинское купечество не желало кооперироваться и продолжало платить значительные суммы за транспорт[43].

Видя, что сотрудничество купцов не налаживается, консул установил личные отношения с губернатором Калгана, договорился о назначении в город агента консульства по контролю над перевозками в лице начальника ургинской почтовой конторы. Увеличение объемов российско-монгольской торговли в 7,5 раза со времени основания консульства по 1885 г. (до 1 642 468 руб.) стало возможным во многом благодаря организационным мерам консульства[44]. В 1870-х годах секретарь консульства А.Д. Кормазов, исследовавший пути доставки чая на направлении Калган–Кяхта, предложил учредить базу наблюдения за провозом чая в пустыне Гоби. Правительство не отреагировало на эту рекомендацию, и в 1886 г. консульство создало такое агентство самостоятельно на средства кяхтинских купцов («копеечный сбор»)[45]. С 1894 г. консул в Урге договорился с амбанями об установлении в весеннее время силами хошунных князей контроля над движением караванов для предотвращения складирования чая в степи[46]. С 1900 г. большая часть российского чая стала перевозиться по железной дороге[47], а в результате «боксерского» восстания перевозки через Кяхту сократились еще на $^{2}/_{3}$[48], но осенью 1904 г. логистические мероприятия, инициированные консульством, возобнови-

[40] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 609. Л. 7.
[41] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 398.
[42] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 605. Л. 14.
[43] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 606. Л. 10.
[44] Русский консул в Монголии. С. 21.
[45] Там же.
[46] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 316–317.
[47] Там же. Л. 496 об.
[48] Новости дня. 08(21).03.1902.

лись[49]. Помощь консулов в области грузоперевозок потребовалась и в Западной Монголии в период освободительного движения 1911–1915 гг. В связи с беспорядками в регионе с начала 1912 г. монгольские извозчики отказывались брать заказы, считая это рискованным. Консулу в Улясутае А.А. Вальтеру путем привлечения к решению проблемы местных властей удалось организовать транспортировку российских грузов до границы[50].

Стремление дипломатов «цивилизовать» транзит выразилось и в инициативах консульского института по организации в городах Монголии складской инфраструктуры. Российские купцы нередко жаловались в консульство в Урге на плохую сохранность товара (порча, кражи) при складировании в Курене, в связи с чем консул призывал их арендовать и строить временные склады[51]. Желая минимизировать инвестиции в товар, купцы не строили постоянных деревянных складов вплоть до 1880-х годов. Из-за неаккуратного пользования монголами огнем деревянные сооружения были уязвимы для пожаров, но до 1910 г. консулу не удавалось убедить предпринимателей строить лабазы из камня. В целях активизации распределения российской продукции по ставкам, куреням, кочевьям в обмен на сырье и скот Я.П. Шишмарев в 1909 г. настаивал на решении вопроса с товарными складами в Урге и других крупных пунктах[52]. Перемены на данном направлении стали происходить с марта 1912 г. в результате создания Русско-Монгольского товарищества комиссионных складов. Этот первый опыт деловой русско-монгольской кооперации[53] облегчил заботы консульства в области создания распределительной инфраструктуры торговли в Монголии. Осенью 1912 г. В.Ф. Люба содействовал созданию оптовых складов (в Урге и Улясутае) еще одного нового предприятия — «Русского экспортного товарищества»[54].

Консул Я.П. Шишмарев и его преемники стимулировали поиски купцами новых торговых путей и сами участвовали в этой деятельности. В 1862–1863 гг. по указанию Я.П. Шишмарева изучался маршрут из Урги на Амур, а в 1864 г. он сам с топографом Доржигаровым про-

---

[49] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 36 об.

[50] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1913. № 25. С. 113–114; АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 478. Л. 120 об.

[51] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 605. Л. 14.

[52] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 105–105 об.; Об устройстве при русских консульствах складов образцов русских товаров // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 180–181.

[53] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 67–68; *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. С. 165–170.

[54] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 87.

ехал до Верхнеульхунского караула на р. Онон, подтвердив удобство этого торгового пути[55]. Консулы поддерживали использование купцами альтернативных путей вывоза товаров в Россию и их инициативы по развитию торговли с Внутренним Китаем, Западной Монголией, Туркестаном. В 1867 г. с одобрения консула Я.П. Шишмарева два российских торговых дома испытали новые маршруты перевозки чая из Калгана в Россию через Улясутай, минуя Ургу[56]. Консул оказал поддержку нерчинским купцам Бутиным в апробации пути через Восточную Монголию, в 1887 г. помог экспедиции Т.С. Морозова в разведке маршрута во Внутренний Китай и подобрал для нее караванного старшину (А.Д. Васенева)[57]. В 1892 г. Я.П. Шишмарев в переписке с иркутским генерал-губернатором А.Д. Горемыкиным одобрил идею снаряжения торговой экспедиции надворного советника Талызина в Западную Монголию с целью поставить торговое дело «на серьезных основаниях»[58].

Российские дипломаты содействовали реализации инициатив по строительству транспортной инфраструктуры в Монголии. Возведенные в конце XIX в. по предложению консульства в Урге мосты и переправы через реки возле столицы Монголии не только способствовали транспортировке товаров, но и играли важную роль в благоустройстве города и развитии российско-монгольско-китайского социально-культурного обмена. Консульство организовало сбор взносов с проходящего через Ургу российского чая, и уже в 1887 г. через р. Толу и ее протоку были выстроены первые мосты, которыми безвозмездно пользовались и монголы[59]. При разливах рек, приводящих к сносу мостов потоками воды (например, летом 1890 г.), консул объединял купечество для ремонта мостов[60]. В результате образования р. Толой новых русел осенью 1897 г. управляющий консульством В.Ф. Люба вместе с маньчжурским амбанем Лянь Шунем инициировал строительство новых мостов. К апрелю 1898 г. в Урге было построено три моста на средства китайских лавок в Маймачэне и Урге (5000 лан серебра) и кяхтинского купечества (3000 лан)[61]. Мосты были переданы в бесплатное пользование подданных обеих империй. Консульские

[55] Русский консул в Монголии. С. 17.
[56] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 610. Л. 9.
[57] Русский консул в Монголии. С. 22.
[58] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 171.
[59] Там же. Л. 431.
[60] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 4.
[61] Там же. Л. 5.

сотрудники по просьбе монгольских князей смогли получить согласие ургинских амбаней на устройство переправ на караванном и почтовом путях через реки Тола, Иро и Хара. Переправы через р. Толу были организованы в 1884 г., содержались на взносы монголов и русских и контролировались казачьим полковником Петровым[62]. Создание этих инфраструктурных объектов в Монголии значительно повышало престиж российских властей среди местного, в том числе китайского, населения.

Представители российского МИДа внесли вклад в организацию почтовой службы и регулярного почтово-телеграфного сообщения, без которого невозможно было поддерживать связь русских в Монголии с внешним миром, следить за изменениями экономической политики правительства, ориентироваться в конъюнктуре мировых рынков и ценах на сырье[63]. Почтовая связь Кяхты с Ургой, Калганом, Пекином, Тяньцзинем была налажена еще в 1862 г. В 1897 г. открылось телеграфное сообщение между Ургой, Кяхтой и Калганом. Одной из мер в области совершенствования почтовой службы было улучшение условий работы российских почтовых управлений в городах Монголии. В связи с ростом объемов корреспонденции и неудобством ее разбора в консульстве в марте 1900 г. генконсул в Урге Я.П. Шишмарев обратился к приамурскому генерал-губернатору и Министерству внутренних дел с просьбой выделить средства на строительство отдельного помещения для почтовой конторы в Урге[64] и добился осуществления проекта. Подобную задачу также успешно решил в 1916 г. консул в Улясутае А.А. Вальтер[65].

Велика была роль консулов в распространении почтово-телеграфной сети в Западной Монголии — наиболее активного с внешнеторговой точки зрения региона, но лишенного регулярного почтового сообщения и поддерживавшего связь с Ургой и Россией за счет «оказий». Первый постоянный чиновник МИДа в Улясутае В.В. Долбежев с середины 1906 г. пытался привлечь внимание правительства к устройству почтовой и телеграфной связи между Кобдо и Онгудаем через Кош-Агач[66]. В 1910 г. консулу в Улясутае В.Ф. Любе удалось добиться

---

[62] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 499 об.–501 об.

[63] *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. С. 102; *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 376; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 511.

[64] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 72–73 об.; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 106–107.

[65] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 127.

[66] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 15 об.

от Петербурга финансирования почтово-телеграфного сообщения между Улясутаем, Кобдо и Кош-Агачем, однако выделенных 7 тыс. руб. не хватило на его устройство. Вследствие этого он вел переговоры, подключив к ним генконсульство в Урге[67], об увеличении ассигнований минимум до 10 тыс. руб. и пытался найти предпринимателей, готовых выполнить подряд за данную сумму. Попытки эти оказались безуспешными, что М.И. Боголепов и М.Н. Соболев объясняли «меркантильной» политикой почтового ведомства и ретроградным характером российской бюрократии. Наконец, в 1914 г. российский дипломатический агент в Урге А.Я. Миллер подписал с правительством богдо-гэгэна соглашения, регламентировавшие условия проведения телеграфа от Кош-Агача до Кобдо и от Монды до Улясутая[68]. Телеграф в Кобдо был введен в действие 8 ноября 1914 г.[69]. Регулярное почтовое сообщение между Иркутском и Улясутаем и между Кош-Агачем и Кобдо, а также телеграфное по тракту Улясутай–Монды было открыто осенью 1915 г.[70].

Другой крупный блок вопросов, в решении которых приходилось участвовать консулам, был связан с содействием развитию кредитно-финансовой инфраструктуры российско-монгольских связей. В условиях слабого развития товарно-денежных отношений в Монголии, отсутствия у Петербурга продуманной экономической политики в этой стране российская торговля была уязвима перед спекуляциями китайского ростовщического капитала[71], а также инфляцией, форс-мажорами, колебаниями курса российского рубля на монгольском рынке. Эти факторы препятствовали складыванию в Монголии развитых форм российского предпринимательства. Негативный эффект от отсутствия доступного кредита и возможности оперативных денежных переводов с особой остротой проявился в начале XX в.[72]. Исходя из этого, консульства стремились привлечь внимание министерств к проблеме

---

[67] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 129–129 об.; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 419.

[68] Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 561–562, 566–567.

[69] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1916. № 57. С. 56.

[70] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 44, 90.

[71] Российские предприниматели в Монголии кредитовались в китайских банках и филиалах крупных фирм («Та-шэн-фу», «Тянь-и-дэ», «Юань-шэн-дэ»), выдававших суммы под очень высокие проценты (Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. Отд. IV. С. 213).

[72] Русский экспорт. 1912. № 1. С. 33; *Степанов С.Ф.* Монголия (общий очерк). С. 54–56.

создания государственных и частных финансовых учреждений в Монголии, а также минимизировать отрицательное воздействие на развитие торговли внешней среды (со стороны китайских властей, банков и купцов).

Российский банковский капитал пришел в Монголию достаточно поздно. Только в 1900 г. в Урге и Улясутае появились отделения Русско-Китайского банка[73]. В свою очередь, консулы в Урге и Улясутае, чтобы обеспечить доступ к дешевому кредиту не только русских, но и монголов, боролись с произвольными действиями цинских властей, запрещавших монголам кредитоваться в российском банке. После того как Русско-Китайский банк, не сумев адаптироваться к местным условиям, закрыл свои отделения в 1909 г.[74], а успешные операции Китайского банка[75] катализировали рост объемов китайской торговли[76], Я.П. Шишмарев призывал МИД безотлагательно учредить в Монголии новый банк, а также способствовать организации денежных переводов через почтовую контору в Урге[77]. Известно, что переводы стало осуществлять и консульство в Улясутае[78]. В условиях общего кризиса российской торговли в Монголии в 1910 г. управляющий консульством в Урге В.Н. Лавдовский предлагал обеспечить доступный кредит хотя бы выходцам из России и вменить банкам функции перепродажи и транспортировки[79]. Вопрос об открытии в Монголии специального банка для кредитования российских купцов, а также конторы для скупки сырья и торговли российскими промышленными товарами активно обсуждался московскими деловыми кругами в 1910–1911 гг.[80].

После переворота 1911 г. и прекращения операций Китайского банка в Монголии консульство в Урге, невзирая на «вредительскую»

---

[73] Русско-Китайский банк был опорой экономической экспансии России на Дальнем Востоке. Работал с 1895 по 1910 г. После объединения с Северным банком в 1910 г. стал называться Русско-Азиатским банком. Имел восемь отделений в Китае, шесть в Маньчжурии и два в Монголии (Урга и Улясутай).

[74] Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. Отд. IV. С. 480.

[75] Китайский банк — крупнейший и старейший государственный банк Китая. Основан в 1905 г. под названием Банк Дайцинского министерства финансов, в 1908 г. был переименован в Дайцинский банк. После Синьхайской революции был переименован в Банк Китая и играл роль центрального банка Китайской Республики.

[76] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 67–69; РГИА. Ф. 23. Оп.18. Д. 222. Л. 165–166 об.

[77] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 105–105 об.

[78] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 415–418.

[79] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 129 об.–130.

[80] Новое время. 06(19).02.1911.

деятельность банка в отношении русских до этого времени, оказало ему поддержку, поскольку банк находился в тяжелом положении и просил консульство стать «отцом и матерью» в деле возвращения ссуд, выданных им монголам[81]. Консулы настойчиво обращали внимание посланника в Пекине и Первого департамента на необходимость замещения банковской ниши в Урге и Улясутае, в том числе «принятия дел» Китайского банка, во избежание «окончательной утраты» монгольского рынка[82]. Однако требования консулов стали обсуждаться в Петербурге, лишь когда Дайцинский банк возобновил операции из-за создавшегося в Монголии кредитно-финансового вакуума[83], а курс рубля начал стремительно падать. В этой ситуации для подъема курса генконсул В.Ф. Люба в августе 1912 г. предлагал выпустить на монгольский рынок банкноты Русско-Азиатского банка, на что он получил согласие монгольских властей[84].

Консулы принимали личное участие в организации объектов финансовой инфраструктуры в Монголии после заключения российско-монгольского соглашения 1912 г. В мае 1915 г. в форме Монгольского национального банка[85] воплотилась высказанная еще в ноябре 1913 г. дипломатическим агентом А.Я. Миллером идея создания российского банка в Урге[86]. Генеральное консульство добивалось разрешения на организацию данного учреждения[87]. Идею создания российского банка в Монголии горячо приветствовал консул в Улясутае А.А. Вальтер, связывавший с ним надежды на прекращение ростовщичества в округе[88]. Еще в августе 1913 г. он поддержал ходатайство Улясутайского торгового общества об открытии в городе отделения Русско-Азиатского банка[89]. Генеральный консул А.А. Орлов в 1916 г. совместно с председателем Сибирского торгового банка и экономистом М.И. Боголеповым разработал программу деятельности Мон-

[81] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 58 об.

[82] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 478. Л. 112 об.–115.

[83] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 59.

[84] Там же. 87 об.

[85] Монгольский национальный банк (Русско-монгольский торгово-промышленный банк) создан на капиталы Сибирского торгового банка по концессии монгольского правительства в мае 1915 г. Имел филиалы в Улясутае, Кобдо, Уланкоме, Тарятах, Цзаин-Шаби и Гоби-Туше-ване. Упразднен монгольским правительством в конце 1918 г. Директором банка являлся Д.П. Першин.

[86] *Tang P.* Russian and Soviet Policy. P. 344–345.

[87] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 21. Л. 7.

[88] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 84–85.

[89] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 21. Л. 10–10 об.

гольского национального банка, предполагавшую использование его как посредника по закупкам товаров в Китае[90]. Однако банк, открывшийся с большим запозданием, при стремительном падении курса российского рубля, отсутствии четкой финансовой стратегии России в Монголии и недальновидности его руководства, не смог оказать существенного содействия экономической активности русских в Монголии[91].

Как представители государства, консулы делали все возможное для снижения зависимости российских предприятий от китайского капитала. Поскольку их увещевания о необходимости учреждения российских банков не имели большого эффекта, более действенным средством уменьшения эксплуатации российских торговцев и монголов китайскими банковскими домами было дипломатическое воздействие на маньчжурские власти. Так, посредством давления на амбаня Гуй Бина консул Я.П. Шишмарев добился в 1896 г. снижения чрезвычайно высоких процентных ставок кредита банков для российских торговцев в Тушэту-ханском и двух западных аймаках[92]. Ограничительные методы превалировали над стимулирующими и в период автономии Монголии. По решению Особого междуведомственного совещания от 2 апреля 1916 г. генконсул в Урге должен был предотвратить открытие в Монголии Китайского банка[93].

Большой вклад консульства внесли в поддержание стабильного курса российского рубля. Они вели перманентную борьбу с Китайским банком и крупными фирмами, стремившимися вытеснить российскую валюту с монгольского рынка. Также консульства регулировали объем находившейся в обращении рублевой массы. Еще в июле 1900 г., когда на ургинском рынке прекратилось обращение российского рубля, Я.П. Шишмарев через МИД направил в Министерство финансов просьбу о предоставлении Кяхтинскому казначейству серебра в слитках на сумму 100 тыс. руб. для обмена на кредитные рубли сотрудниками консульства. Однако министр финансов С.Ю. Витте отказал в содействии консулу, поскольку в финансовом ведомстве не было серебра в китайских слитках, используемых в торговых операциях в Урге, и дал совет адресовать эту просьбу агенту Русско-Китайского банка в Монголии В.Ю. фон Гроту, что, судя по всему, консул и сделал[94]. В 1905 г. консул предлагал компенсировать падение курса

[90] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 155.
[91] Там же. С. 148.
[92] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 397.
[93] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 25. Л. 15 об.
[94] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 87–88, 90–90 об.

рубля за счет приравнивания стоимости одного цзуцзана (кирпича) чая к стоимости одного рубля[95]. В ноябре 1911 г. и декабре 1912 г. в связи с получением сведений о неблагонадежности Китайского банка генеральное консульство организовало для российских купцов в Урге обмен китайских бумажных долларов на рубли (40 тыс. руб.), тем самым предотвратив крупные денежные потери предпринимателей[96]. После выхода в 1912 г. из оборота в Алтайском округе слиткового серебра консульство в Шара-Сумэ помогло соотечественникам избавиться от порядка 100 тыс. банкнот Алтайского казначейства, курс которых резко упал из-за прекращения обмена на серебро[97].

Заключение соглашения 23 октября 1913 г. было воспринято китайцами как шаг к ограничению свободы действий России в Монголии и способствовало снижению конкурентоспособности российских денег. В 1914–1915 гг. консулу в Улясутае А.А. Вальтеру пришлось прибегнуть к мерам внеэкономического воздействия, чтобы пресечь объявленный местным китайским торговым обществом бойкот рубля и повышение стоимости лана (с 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 80 коп.)[98]. Консул заставил китайцев снять претензии, запретив денежные переводы через Почтовое управление Улясутая[99]. Отъезд половины российских торговцев на фронт, возвращение китайцев на рынки Западной Монголии к концу 1915 г. привели к регрессу российской торговли в регионе. С этого времени и до 1917 г. искусственное занижение курса рубля китайцами не прекращалось, чему не могли воспрепятствовать даже меры консульств[100]. Предложения генерального консула А.А. Орлова (1916 г.) по введению монгольских бумажных денег, ограничению вывоза рублей в Китай и установлению их курса Монгольским национальным банком в зависимости от международного курса[101] не были приняты Министерством финансов.

Еще одним важным вопросом, относящимся к сфере организации российской торговли в Монголии, было упорядочение купеческого самоуправления. В конце 1880-х — начале 1890-х годов Я.П. Шишмарев инициировал создание института торговых старшин, являвшихся по-

[95] Там же. Л. 128 об.

[96] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 172–173, 175 об.

[97] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1913. № 34. С. 22.

[98] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 37–37 об.

[99] Там же. Л. 38, 72 об.

[100] Там же. Л. 128, 198.

[101] *Бурдуков А.В.* Указ. соч. С. 155.

средниками между консульством и российским торговым сообществом в Монголии, агентами последнего по торговым, правоохранительным, судопроизводственным делам. Особое значение деятельность старшин имела в Западной Монголии, где до 1906 г. не было постоянных представителей МИДа. От авторитета «аксакалов», их знания местных условий, умения находить общий язык с китайскими и монгольскими чиновниками во многом зависел успех отечественной торговли в регионе, а также моральный климат в купеческой среде. По просьбе консульств они доставляли сведения о торговле и общей ситуации в округах страны, оказывали содействие научным экспедициям и путешественникам, проезжавшим через Монголию[102]. Кандидатуры на эти общественные должности утверждались консульствами, которые выдавали старшинам свидетельства и печати[103], а также представляли особо отличившихся к правительственным наградам. Медалями «За усердие» были награждены старшины в Улясутае (А.Д. Васенев, И.Г. Игнатьев), в Кобдо (Н.И. Ассанов, Г.Г. Бодунов), в Урге (П.П. Игнатьев)[104]. Добросовестный труд старшин высоко ценился и в китайской торговой среде, некоторые из них получили знаки отличия от цинского правительства (орденом Двойного Дракона награждены Н.И. Ассанов, А.Д. Васенев[105]).

В связи с увеличением рабочей нагрузки на лиц, занимавших должности старшин в 1900-х годах и отсутствием правительственной поддержки торговли в Западной Монголии этот общественный орган вступил в фазу кризиса. Так, конфликты русских с китайскими сартами в Кобдо привели к хаосу в колонии, частой смене людей на посту главы торгового общества. В 1906–1908 гг. и.о. консула В.В. Долбежев дважды провел выборы старшины в Кобдо[106]. В отсутствие желающих занять этот пост в Улясутае В.В. Долбежев в мае 1909 г. предложил сделать должность старшины оплачиваемой[107], что было одобрено на общем съезде торговцев округа в июне 1910 г.[108]. Назначение консулов в Улясутай и Кобдо способствовало восстановлению позиций старшин, которые стали помощниками консульских представителей в деле консолидации городских и хошунных торговцев. С 1915 г.

[102] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2067. Л. 1–1 об.
[103] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 23. Л. 2.
[104] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2067, 2075, 2087.
[105] Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. Отд. II. С. 76.
[106] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 114.
[107] Там же. Л. 145.
[108] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 411.

деятельность глав торговых обществ стала регламентироваться «Положением о торговых старшинах в Монголии»[109]. Тем не менее институт старшин так и не смог развиться до уровня биржевого комитета, центра выработки общей стратегии поведения купцов на монгольском рынке, как на это надеялись ученые и дипломаты.

Российские консульства в Монголии занимали активную позицию в развитии инфраструктуры и координации российско-монгольских торговых связей до самого конца изучаемого периода. В.Ф. Люба, А.Я. Миллер, А.А. Орлов, А.А. Вальтер, М.Н. Кузминский, В.Г. Габрик в 1912–1917 гг. прилагали существенные усилия для реализации организационных и технических преобразований (обустройство торговых путей, введение льготных тарифов и т.д.), проводимых правительством с 1913 г. в целях улучшения обслуживания монгольского рынка, живо интересовались проблемами купечества. Однако уже в 1912 г. российская торговля в Монголии приобрела «пассивный» характер[110], а экономическая политика России в данной стране оставалась стихийной. С началом мировой войны ухудшились общие торговые условия в Китае и Монголии[111], с конца 1916 г. наступил «чайный голод»[112]. В условиях сокращения объемов промышленных товаров для экспорта в Монголию российские предприниматели сконцентрировались на импортных операциях, увеличив поставки в Россию монгольского сырья[113].

С середины 1917 г. прекратился ввоз в Монголию большей части товаров из России. Наблюдались массовая ликвидация российских предприятий в городах, резкое снижение численности русских колоний по всей стране. Большая часть мелких и средних торговцев продали остатки своих товаров крупным фирмам и покинули страну, что впоследствии сделали и крупные фирмы, не выдержав конкуренции с китайскими. На совещании по проблемам российско-монгольской торговли с участием нескольких министров, бывшего посланника в Китае И.Я. Коростовца, монголоведов В.Л. Котвича и А.Д. Руднева 20 августа 1917 г. в Петербурге подчеркивалась особая важность монгольского сырья для России в военное время. При этом на критиче-

---

[109] *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии. С. 180.

[110] *Н.К.* Исторический очерк торговли. С. 23.

[111] Торговля Китая в 1916 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. № 32. 13(26) августа 1917. С. 165; Государственный долг Китая // Там же. № 36. 10(23) сентября 1917. С. 295–296.

[112] *Шапова Л.В., Дружинина А.В.* Деятельность Иркутской таможни. С. 116.

[113] *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 197.

скую степень упадка торговли российскими товарами и уход в прошлое идей об экономическом преобладании в Монголии указывало заключение участников о том, что успехом в тот момент можно было бы считать даже «если бы удалось наладить доставку иностранных товаров при русском посредничестве»[114].

В условиях мировой войны, кризиса в России и постепенной утраты контроля над ситуацией в Монголии ни сами торговцы, ни консульские учреждения не могли бороться с повышением цен, понижением курса рубля и товарным дефицитом, вследствие чего торговой инициативой в стране завладели китайцы, распространявшие товары японского и американского производства[115]. В результате российско-монгольская торговля приобрела спекулятивный характер, а роль консульств в ее регулировании была сведена на нет.

Судопроизводственная и контрольно-административная деятельность российских консульств в Монголии

Уголовное и гражданское судопроизводство, вмененное в обязанность консулам российско-китайскими договорами и Уложением о наказаниях (ст. 175, прим. 2), являлось важной сферой деятельности консульств в Монголии. Юрисдикция российских консулов в Китае была значительно шире, чем в других странах Востока (Персии, Турции). Однако из-за отсутствия единой системы российских консульских судов, а также документов, адаптировавших судопроизводство российских представительств к условиям Дальнего Востока, судебная функция была одной из самых противоречивых функций консульств в Монголии[116].

До начала XX в. в производстве единственного российского консульства в Урге находился большой объем жалоб, претензий и дел, в том числе уголовных, возникавших как на густонаселенной границе четырех российских губерний от Томска до Амура, так и внутри российской и монгольской территорий. Также консульство выполняло требования судебных следователей по допросам монголов и китайцев в рамках ведения дел в России[117]. По мере увеличения объемов тор-

[114] Там же. С. 198.
[115] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 25. Л. 148–149.
[116] *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай. С. 402–403.
[117] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 329 об.

говли с Монголией в конце XIX в. отправление сыскных и судебных обязанностей отнимало у консульства все больше времени, придавая его работе «канцелярский» характер[118]. В письме И.А. Зиновьеву от 28 ноября 1886 г. Я.П. Шишмарев указывал на неприемлемые объемы переписки с китайскими властями, особенно с улясутайским цзянцзюнем, затягивавшими разрешение споров между российскими и китайскими купцами. Отсутствие помощников в Западной Монголии консульство в Урге старалось компенсировать командированием в регион своих работников[119].

В компетенции консулов в Монголии находились все гражданские дела российских подданных (без ограничений по суммам исков), назначение различных наказаний, в том числе ареста, а также предварительное следствие по уголовным делам[120]. Консульства могли передавать подозреваемых в Россию для прокурорского расследования[121], отбывания наказаний в пограничных администрациях, высылать из Монголии в административном порядке, а также, при вынесении судебных решений консулом, исполнять их на базе консульства (например, при консульстве в Урге имелось специальное тюремное помещение)[122]. Решения консулов по уголовным делам, а также в отношении лиц, подрывавших престиж России, были довольно жесткими (вплоть до высылки из страны с вечным запретом на въезд)[123]. В большинстве случаев конфликты между русскими решались в первой инстанции, т.е. в самих консульствах или местных монгольских органах управления, частично в административном порядке[124]. Второй инстанцией по судебным делам, рассматриваемым консульствами в Китае, была Дипломатическая миссия в Пекине.

Распространенным явлением в удаленных от Урги районах Центральной (например, в Прикосоголье) и Западной Монголии до появления там консульств был самосуд и произвол цинских чиновников в отношении русских. Несмотря на трактатную неподсудность российских подданных китайским властям, цинские чиновники практиковали санкции против них (например, в деле П.А. Бадмаева в 1896 г.)[125].

[118] Там же. Л. 10–10 об.
[119] Там же. Л. 12–12 об.
[120] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 120; *Горяинов С.М.* Руководство для консулов. С. 475–481.
[121] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 65.
[122] Там же. Л. 62.
[123] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 406.
[124] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 17 об.
[125] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 467.

Такие действия маньчжурских чиновников резко пресекались российскими представителями как самостоятельно, так и посредством протестов посланника, но не обо всех инцидентах им становилось известно.

Дела с участием подданных двух государств разбирались двусторонними комиссиями. В Урге до конца 1911 г. наряду с консулом в них председательствовал маньчжурский амбань, с 1912 г. — представитель правительства богдо-гэгэна. В Западной Монголии в разборе смешанных дел участвовали консул и цзурган (для рассмотрения мелких дел на место направлялись драгоман консульства и мэрин/мэрийн). С 1906 г. разбор торговых споров в Улясутае и Кобдо производился консулом и улясутайским цзянцзюнем, менее значимых — представителем консульства с чиновниками маньчжурской канцелярии или цзурганами[126]. Решения по делам являлись окончательными, и ответчики рассчитывались с истцами или обменивались документами в зале суда. При больших суммах исков консул в Улясутае обращался к улясутайскому цзянцзюню с официальными документами для понуждения ответчиков к расчету[127]. Наибольшее количество гражданских и уголовных дел в Улясутае и Кобдо возбуждалось с апреля по сентябрь, когда торговцы съезжались в города для заключения сделок. В Алтайском округе, где кочевали китайские киргизы, консулы прибегали также к передаче дел на рассмотрение «международных съездов», где мусульмане по обе стороны границы улаживали споры с помощью норм традиционного права[128]. Судопроизводство по смешанным делам с участием официальных властей в Алтайском округе отсутствовало до 1911 г. из-за саботирования сотрудничества старшим кобдоским амбанем[129], но постепенно наладилось после реорганизации управления в 1913–1914 гг.

Пограничные дела на пространстве от оз. Далай до верховьев р. Амур консульство в Урге разрешало с цицикарским цзянцзюнем, хулунбуирским, хайларским амбанями и солонскими управлениями[130]. До создания консульства в Улясутае дела по границе от оз. Далай до Кобдо рассматривались на съездах караульных властей и местных жителей и крайне редко поступали в консульство и к ам-

[126] Об обстановке и порядке судопроизводства в канцелярии высшего начальства Улясутая с участием российских и китайских чиновников см.: *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I. С. 250–251.

[127] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 3–3 об.

[128] *Обухов В.Г.* Схватка шести империй. С. 82–84.

[129] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 3 об.–4.

[130] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 212.

баням[131]. Именно так разрешались конфликты на границе Минусинского округа Енисейской губернии и Урянхайского края в 1860–1870-х годах, связанные с угоном скота[132]. Улаживанию пограничных недоразумений способствовали поездки консулов на границу.

Рассмотрение смешанных дел требовало учета культурных особенностей регионов, представители которых участвовали в судебных тяжбах. Председательство консула на подобных процессах всегда было чревато ущербом для его престижа среди местного населения, поскольку вопиющая коррупция китайских чиновников и бесчеловечное обращение, допускаемое монгольской правовой системой[133], в сознании людей автоматически экстраполировались и на него[134]. В целях нивелирования негативных для «русского имени» последствий консулы пробовали добиться от амбаней и цзянцзюня замены маньчжурских членов комиссий, рассматривавших суд как источник выгоды, монгольскими[135]. Однако цинское начальство не находило убедительных причин для такой замены.

Длительная переписка, уход от ответов маньчжурских и монгольских властей препятствовали нормальному порядку реализации консульской юрисдикции. Исполнение судебных решений зачастую осложнялось и неспособностью маньчжурских властей найти ответчиков, особенно если ими выступали киргизы Кобдоского округа, откочевывавшие в степь[136]. Российские истцы могли годами ожидать исполнения судебного решения (особенно по материальным искам). Показательным примером являлось дело о возмещении долоннорскими и байринскими властями убытков купцу А.В. Швецову за сожженную в 1885 г. в Гоби крупную партию чая[137]. Несмотря на своевременное раскрытие дела и назначение взыскания ургинскими амбанями, реше-

[131] Там же. Л. 213 об.

[132] *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии. С. 120–121.

[133] Уложение Китайской Палаты внешних сношений. Т.II. С. 75–175.

[134] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 408–409.

[135] Там же. С. 147–148.

[136] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 14 об.

[137] Товар (563 ящика чая) принадлежал А.В. Швецову — комиссионеру торгового дома Боткиных, старейшей российской фирмы, специализировавшейся на чайной торговле с Китаем. Ургинские амбани и российское консульство разобрали данное дело и обязали виновников возместить Швецову 12 тыс. лан серебра. Ответчики уклонялись от уплаты, а монгольские и маньчжурские ведомства, к которым относились монголы, перевозившие эту партию чая, способствовали их укрытию. По степным законам, если ответчик несостоятелен, за него несли ответственность хошуны и аймаки, однако и власти таковых всячески старались уклониться от уплаты (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 134–134 об., 212–212 об.).

ние не было исполнено до 1894 г. из-за того, что ответчики укрывались в хошунах. Приняв принципиальный характер, дело фактически было политизировано, и для его разрешения консулу пришлось обратиться к самому Ли Хунчжану. В знак «искреннего почтения» к России цинское правительство было вынуждено пойти на такой экстраординарный шаг, как выплата долга частного лица[138].

Серьезные затруднения у консульств вызывали расследования тяжких уголовных преступлений, совершенных китайскими подданными в отношении российских. Так как за тяжкие преступления в Китае назначались жесткие наказания, виновники часто скрывались от суда в хошунах. Кроме того, местные сыскные органы были малоэффективны, практически невозможным было проведение следственных экспериментов. В заключениях следственных комиссий нередки были фальсификации и неточности (например, было вынесено ложное заключение о причине смерти сына иркутского мещанина Иннокентия Устюгова в сентябре 1893 г.[139]). Расследование преступлений, совершенных российскими подданными, как правило, осуществлялось более оперативно (например, дело об убийстве Гао Сайцуна в Троицкосавске)[140]. Для судебно-медицинской экспертизы консулами привлекались специалисты из пограничных губерний[141]. При невозможности раскрыть дело в течение долгого времени консульство практиковало созыв съездов российских и китайских чиновников для поиска приемлемого решения (что и было осуществлено, к примеру, в деле Устюгова)[142].

---

[138] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 212 об., 233–238, 263–263 об.

[139] Сообщение об обнаружении тела российского подданного в Дархатском курене поступило генеральному консулу Я.П. Шишмареву от иркутского генерал-губернатора К.Н. Светлицкого. Генконсул обратился к ургинским властям с просьбой незамедлительно расследовать данное происшествие. Китайские чиновники, работавшие над делом, пытались убедить консульство, что смерть Устюгова наступила в результате злоупотребления спиртным. Я.П. Шишмарев доказал амбаням необходимость дополнительного расследования. Иркутский окружной врач И. Попов, осмотрев тело, пришел к заключению о возможности насильственной смерти, поскольку на теле жертвы присутствовали повреждения. Кроме того, следствие установило, что Устюгов был ограблен. Дело расследовалось несколько лет, проводились многочисленные сыскные мероприятия, очные ставки подозреваемых, совместные заседания представителей российских и китайских властей (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 228–230, 275–278, 279–284, 358–367). Однако в донесении генконсула в Азиатский департамент от 31 января 1897 г. сообщается, что дело было закрыто «по соглашению со здешними правителями за недостаточностью улик» (там же. Л. 489–489 об.).

[140] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 141–142 об.

[141] Там же. Л. 279–284.

[142] Там же. Л. 278.

Консульские сотрудники пытались совершенствовать процедуры судопроизводства по смешанным делам. В сообщении поверенному в делах в Пекине от 28 декабря 1896 г. В.Ф. Люба указывал на необходимость повлиять на ургинского амбаня для привлечения его к рассмотрению исков российских купцов к монголам и китайцам, не находившимся под юрисдикцией амбаней Внешней Монголии (суннитским, абагаским, чахарским и пр.)[143]. Он также просил инициировать вынесение Цзунли-ямэнем указания, которое обязало бы амбаня оказывать помощь при допросах извозчиков из Внутренней Монголии, подряжавшихся перевозить российские грузы и нарушавших условия сделок, устанавливать личности подозреваемых и направлять дела в административные органы регионов, из которых прибыли подрядчики[144]. В донесении от 31 января 1897 г. В.Ф. Люба предлагал упростить бюрократически перегруженную процедуру подачи исковых претензий китайских подданных к российским, негативно влиявшую на готовность к сотрудничеству маньчжурских чиновников при рассмотрении российских исков[145].

Поскольку торговля в Монголии велась преимущественно в кредит, к числу правоохранительных функций консульств в Монголии также относилось взыскание долгов по кредитам, выданным русскими монголам[146]. Консул составлял представление монгольским хошунным властям (и далее — маньчжурским) о необходимости удовлетворить требования кредитора и на основании монгольского права о несостоятельности должника взыскать долг с хошуна. Но из-за спорной юридической силы кредитных сделок, незнания русскими монгольского письменного языка, а монголами — русского (в то время как данные о долгах записывались только в кредитную книгу русского купца) долговые дела были крайне сложными.

Российские кредиторы нередко требовали излишние проценты с должников-монголов, что негативно отражалось на отношении монголов к русским (а следовательно — и к России). При рассмотрении долговых претензий консулу приходилось опираться не столько на документы из хошунных управлений, сколько на жизненный опыт, интуицию и принцип справедливости. Он не имел юридических инструментов воздействия на соотечественников, требовавших излишние суммы с монгольских ответчиков, так как назначение первоначальной

[143] Там же. Л. 475–476.
[144] Там же. Л. 476 об.
[145] Там же. Л. 489.
[146] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 401.

цены товаров являлось делом частным[147]. Единственное, что консульство могло сделать для ограничения ростовщичества российских купцов, — способствовать достижению истцом и ответчиком соглашения о приемлемой сумме выплаты. Примером крупных дел такого рода было взыскание 70 тыс. руб. в пользу доверенного лица Русско-Китайского банка после закрытия в 1909 г. его отделения в Улясутае[148]. Для предупреждения спорных ситуаций при заключении крупных международных кредитных сделок консулы требовали, чтобы документы были засвидетельствованы маньчжурскими властями, и оказывали помощь в их оформлении. После объявления Монголией независимости в 1911 г. судопроизводственная деятельность российских консульств еще более осложнилась, так как монголы отказывались от уплаты долгов как русским, так и китайским торговцам[149].

Серьезные усилия прилагались сотрудниками российского МИДа в Монголии для борьбы с преступностью, активизировавшейся в начале XX в., — кражами, убийствами, исчезновением людей[150], «деятельностью» банд, препятствовавших нормальному движению караванов[151]. В конце 1890-х — начале 1900-х годов консульство в Урге в сотрудничестве с пограничными российскими и китайскими властями участвовало в выдворении из Монголии люмпенизированных китайских рабочих, оставшихся не у дел по завершении строительства Сибирской железной дороги и грабивших по берегам рек Ара-Гоол, Иро, Орхон[152]. Отдельной проблемой было распространение фальшивых денег в Монголии, наводнявших местный рынок в 1890–1910-х годах. Консульства обеспечивали оперативное выявление источника поддельных банкнот, информирование МИДа и сибирских администраций[153].

Значительное внимание консульский институт уделял регулированию пользования российским приграничным населением природными ресурсами Монголии и монгольского населения — ресурсами Сибири, имевшего длительную историю. Монголы переходили границу в годы бескормицы и для зимовок, в то время как русские широко использовали дары Северной Монголии (рыбо- и звероловство, земле-

---

[147] Там же. С. 404.
[148] Там же. С. 229.
[149] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 76.
[150] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 26.
[151] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 543.
[152] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 86.
[153] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 54, 70.

пашество, выпас скота, рубка леса, добыча ископаемых) на пространстве от Мензы до Аргуни, порой обзаводясь целыми хозяйствами[154]. Эта практика постоянно вызывала претензии маньчжурских амбаней, утверждавших, что единственным оговоренным в трактатах видом хозяйствования русских в 50-верстной полосе была торговля. С 1866 г. под разными предлогами амбани вводили запреты на пользование угодьями Халхи забайкальским населением[155]. В свою очередь, хошунные правители жаловались на злоупотребления казаков при пользовании ресурсами их родовых уделов (жалобы приселенгинского дзасака на обеднение хошуна из-за бесконтрольной распашки земель русскими и т.д.[156]). В 1880-е годы поводом для жалоб ургинских амбаней стало якобы притеснение русскими монголов (требования улясутайского цзянцзюня прекратить хлебопашество в Урянхайском крае и золотодобычу на границе края этого региона и т.д.)[157].

Чиновники МИДа в Урге, а затем в Улясутае и Кобдо стремились, с одной стороны, противостоять запретам маньчжурских правителей, а с другой — контролировать деятельность забайкальских жителей в Монголии, предотвращать хищническое нарушение хозяйственных систем монгольских удельных владений и прав хошунных князей. Многие претензии монгольских правителей и казачьих станиц консулы улаживали в частном порядке. При этом они тесно сотрудничали с сибирскими и дальневосточными генерал-губернаторами и военными губернаторами, кяхтинским пограничным комиссаром, которым передавали жалобы местных властей на безвозмездное и неограниченное пользование ресурсами[158]. Тем не менее из-за протяженности границы и ее неудовлетворительной охраны полностью предотвратить браконьерство и другие нарушения не удавалось. Я.П. Шишмарев в донесении директору Азиатского департамента в январе 1883 г. так характеризовал произвол казаков в приграничной полосе: «Русские хозяйничали в Монголии хуже, чем у себя дома. Такая беззастенчивость с их стороны вывела из терпения добродушнейших по природе монголов»[159].

Одним из таких серьезных нарушений была незаконная золотодобыча целыми командами русских по рекам Онон, Тэрэльджи и Ке-

[154] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 329–329 об., 485.
[155] *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии. С. 90.
[156] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 128.
[157] ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 42. Л. 1–10.
[158] Там же. Л. 485 об.
[159] Цит. по: *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 24.

рулен, в верховьях Енисея[160]. При выявлении нелегальных золотоискателей консулы выдворяли их из страны, однако, не имея физических возможностей для выполнения полицейских функций, в деле пресечения «золотой лихорадки» они опирались на сибирские администрации. Так, в декабре 1897 г. управляющий консульством В.Ф. Люба обращался за содействием к Приамурскому генерал-губернатору за помощью в ликвидации прииска в местности Цухалик на р. Онон[161]. В свою очередь, российские дипломаты вели работу и с ургинским правительством, оградив его от финансовых потерь в период «независимости» Халхи (1911–1915), когда богатую полезными ископаемыми страну наводнили охотники получить концессии на золотодобычу. Они предоставляли министрам информацию о степени благонадежности этих лиц, а также вели борьбу с кяхтинским пограничным комиссарством, бесконтрольно выдававшим заграничные паспорта российским подданным из Верхнеудинска, Кяхты, Харбина, увеличивая наплыв в Монголию искателей легкой наживы[162].

С 1880-х годов консул в Урге призывал МИД выработать с Китаем специальные правила пользования угодьями в Монголии[163], однако таковые не были введены в действие до 1910-х годов. В этих условиях консульство в Урге пыталось своими силами установить справедливый порядок использования природных ресурсов. В частности, в 1889 г. Я.П. Шишмарев предложил перейти на письменное закрепление арендных сделок на покос, распашку земли и рубку леса в хошуне приселенгинского дзасака непосредственно в канцелярии последнего[164]. В то же время консулы не поддерживали чересчур жесткие меры. Я.П. Шишмарев выступил против полного запрета губернатором Забайкалья на пользование природными богатствами за границей в 1888 г., а В.Ф. Люба летом 1896 г. опротестовал решение амбаня Гуй Бина о недопущении пользования угодьями Ургинского округа[165].

Заключение российско-монгольского соглашения в 1912 г., усилия консулов в Урге В.Ф. Любы, А.Я. Миллера, финансового советника С.А. Козина в 1912–1913 гг. способствовали корректировке режима

---

[160] *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы. С. 109–110, 112; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 52–53; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии. С. 142–144.

[161] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 567.

[162] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 59 об.

[163] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 52–52 об.

[164] Там же. Л. 128.

[165] Там же. Л. 487.

двусторонних отношений в сфере использования ресурсов, в частности в области аренды и продажи земли, пашен и сенокосов. Консульство в Урге и Дипмиссия в Пекине участвовали в выработке «Правил для производства изысканий и эксплуатации горных богатств в Монголии», регламентировавших деятельность российских предприятий и местных властей в сфере добычи полезных ископаемых[166].

Вследствие отсутствия в Монголии органов охраны общественного порядка российские консульства являлись своеобразными гарантами безопасности населения городов и окрестностей кочевой страны. Это обстоятельство было особенно значимым в периоды политических неурядиц в Китае — антицинских волнений в Синьцзяне в 1860–1870-х годах[167], восстания ихэтуаней[168], а также в период «независимости» Монголии, когда страну наводнили маргинальные элементы из Забайкалья, безработные китайцы и южные монголы, формировались многочисленные нелегальные группировки (во главе с Тогтохо, Баиром и др.)[169]. Так, консульский отряд в 1901–1902 гг. проводил разведывательные операции и патрулирование Урги и близлежащих районов[170]. По приказу консула В.Ф. Любы в декабре 1911 — 1912 г. общественный порядок в столице поддерживали ночные патрули из офицеров конвоя[171]. В период «независимости» страны консульства взяли под защиту не только русское и монгольское, но и китайское население в Урге и Западной Монголии.

Интенсификация контактов Российской и Цинской империй повышала ответственность консульств в контрольно-регистрационной[172] и нотариальной областях. В 1900–1910-х годах ежегодно консульство

---

[166] Журнал Особого Междуведомственного совещания. С. 55.

[167] Весной 1870 г. на основе сообщений консульства в Урге о возможном нападении мусульманских повстанцев на город по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова в Ургу был введен русский отряд. С февраля 1871 г. безопасность консульского состава и населения Урги обеспечивалась с помощью усиленного конвоя (АВПРИ. Ф. Главный архив. IV-2. Д. 2. Л. 4–5).

[168] Во время «боксерского» восстания консул в Урге приказал обнести консульские здания валом, рвом и проволочными заграждениями, которые сохранились и после Синьхайской революции (Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. Отд. IV. С. 489).

[169] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 88–89.

[170] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 862.

[171] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 89.

[172] За пределами исследования остается деятельность консульств, связанная с засвидетельствованием актов гражданского состояния, выдачей пенсий подданным России, процедурами по перенесению праха и имущества умерших на родину (см.: *Горяинов С.М.* Руководство для консулов. С. 326–338, 499–528).

в Урге составляло 2500–3000 документов (переписка с китайскими и монгольскими властями, требования, претензии, извещения, их переводы, документы по гражданским делам, не считая паспортов и договоров по сделкам)[173].

Традиционная паспортно-визовая работа консульств в Монголии выражалась в выдаче российским подданным билетов (заграничных паспортов) на поездку в Китай и китайским — в Россию, визировании паспортов соотечественников, выполнении обязанностей паспортного контроля и учета[174]. С 1890-х годов число заграничных паспортов, выдаваемых консульством в Урге подданным Китая и визируемых подданным России, неуклонно возрастало. При этом если количество билетов для китайцев увеличилось в разы, то число визируемых российских паспортов оставалось в пределах 50–70. Так, в 1897 г. консульство выдало китайцам 65 билетов, а в 1910 г. — уже 212[175]. В 1897 г. было визировано 50 билетов российских подданных, проживавших в Урге или пребывавших в городе временно[176], а в 1910 г. — 65[177]. По замечанию В.Ф. Любы, к этим документам приграничное население России питало «органическое отвращение»[178], и консульские сотрудники тратили немало энергии на ограничение безбилетного пересечения границы и проверку документации коммерсантов.

Из-за слабой организации пограничного контроля на северо-западном участке российско-китайской границы в Западной Монголии случаи безбилетного проезда были не менее часты, чем в Урге[179]. Однако с назначением в Кобдо и Улясутай в 1902–1903 гг. специальных чиновников, которые должны были помогать российским подданным оформлять документы при заключении сделок с подданными Китая («русских цзурганов»), консул в Урге пришел к соглашению с кобдоским амбанем о необходимости регистрации старшинами всех прибывавших в город российских торговцев, что позволило устранить многие недоразумения в торговле и судопроизводстве[180].

Большой проблемой паспортного контроля, затруднявшей и отправление правосудия, было несоблюдение пограничными админист-

---

[173] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 76 об.
[174] *Горяинов С.М.* Указ. соч. С. 289–291, 292–295.
[175] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 17 об.
[176] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 490.
[177] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 17 об.
[178] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 566 об.
[179] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 148.
[180] Там же. Л. 161–161 об.

рациями России трактатного требования о переводе паспортов, выдаваемых выезжающим в Монголию, на монгольский или китайский язык. Консульство в Урге в 1902–1903 гг. и в Улясутае в 1907 г. обращалось к Томскому губернатору с просьбой об устранении этого нарушения, но она не была исполнена[181]. Нарушение паспортного режима вызывало серьезное недовольство администраций Западной Монголии, поэтому консульства обязывали следить за его соблюдением самих торговцев. В середине 1909 г. и.о. консула в Улясутае В.В. Долбежев приказал всем российским подданным получить двуязычные паспорта в консульстве, пригрозив, что не будет разбирать иски, поданные русскими, не имевшими билетов с монгольским переводом[182].

К концу 1890-х — началу 1900-х годов проблемой для консульства в Урге стало наводнение округа безбилетными бурятами, калмыками и татарами, приезжавшими в столицу Монголии для богомолья и торговли. Российские инородцы, как правило, останавливались у монголов, и отследить их передвижения было невозможно[183]. Только в 1897 г. Ургу посетило более 10 тыс. российских ламаистов, но лишь 100 из них оформили заграничные билеты[184]. Пребывание в городе большого количества безбилетных инородцев беспокоило амбаней, порождало социальную напряженность, особенно во время религиозных праздников. Консульство неоднократно предлагало сибирскому и центральному руководству усовершенствовать пограничный режим, не допускать в Ургинский округ «праздношатающихся».

В январе 1908 г., отмечая неспособность консульства полностью контролировать въезд и выезд российских подданных даже в Урге, Я.П. Шишмарев призвал правительство ужесточить пограничный контроль и выдавать заграничные билеты только на основе документов соответствующих волостных и станичных управлений, удостоверяющих личность и «надобность» поездки того или иного лица в Монголию. Безбилетный переход границы консул предлагал сохранить для жителей ряда приграничных станиц (например, Мензинской), занимавшихся сенокосом, рубкой леса и звериным промыслом[185]. Ограничить свободный въезд в Монголию предлагал и В.Н. Лавдовский в 1910 г.[186]. Предложение было частично реализовано в 1911–1915 гг.

[181] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 100–100 об.
[182] Там же. Л. 146 об.–147.
[183] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 2.
[184] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 522 об.–523 об.
[185] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 62 об.–63.
[186] Там же. Л. 130–132 об.

Ответственной задачей консулов было заверение (и нередко — составление) контрактов, заключаемых между российскими и китайскими подданными[187]. Дипломаты активно участвовали в совершенствовании документального оформления сделок, адаптируя его к особым условиям российско-монгольско-китайских деловых отношений. В сентябре 1894 г. консул в Урге Я.П. Шишмарев поддержал требования ургинских властей и монгольских общин по перевозке чая о необходимости письменно заверять все условия сделок и заявлять о них в соответствующие управления, невзирая на жалобы российского купечества на излишний бюрократизм[188]. Таким образом, наиболее распространенными документами для засвидетельствования были условия сделок между монголами и комиссионерами по транспортировке чая из Урги в Кяхту. Если возчиками грузов из Урги в Кяхту выступали русские, консульство не требовало от комиссионеров заключения с ними условий, но обязывало визировать документы для въезда в Монголию. Годовой объем документов зависел от динамики двусторонней торговли. Так, в 1907 г. консульство в Урге зарегистрировало 346 документов, в 1908 г. — 551, а в 1909 г. всего 284 документа[189]. По состоянию на 1895 г., для проверки в драгоманат в год поступало более 1500 документов по сделкам[190].

Консульский институт, совместно с маньчжурским начальством, внес вклад в оптимизацию механизма контроля над совершением сделок в Западной Монголии, где отношения между русскими, китайскими и монгольскими участниками торговли характеризовались высокой степенью конфликтности. Осенью 1902 г. генконсул Я.П. Шишмарев поддержал решение улясутайского цзянцзюня о назначении поручителей-китайцев при заключении письменных договоров между российскими и китайскими купцами. Сделки с монголами на сумму более 100 лан серебра в Улясутайском, Кобдоском округах и Урянхае должны были также фиксироваться обеими сторонами лично в цзянцзюньском ямэне или джасаке («монгольском дежурстве»), а если сделки заключались в хошунах, то в хошунных управлениях[191]. Во время командирования консульских служащих в западномонгольские округа сделки могли заверяться ими. С назначением летом 1906 г. в Улясутай консульского сотрудника документальное обеспечение

[187] *Горяинов С.М.* Указ. соч. С. 493–499.
[188] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 297 об.–298 об.
[189] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 65, 68 об., 107 об.–108.
[190] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 422.
[191] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 162–162 об.

международной торговли в Западной Монголии значительно улучшилось.

Большинство российских купцов избегали заключения письменных соглашений, с одной стороны, из-за привычки вести дела на доверии, с другой — имея в виду возможность взыскания с монголов произвольных штрафов при некачественном выполнении работы. Нежелание оформлять условия на бумаге объяснялось также высокой стоимостью услуг консульств. Она была определена еще Консульским уставом и «Тарифом о консульских пошлинах» 1903 г. и не соотносилась со ставками, закрепленными в законе о гербовых и других пошлинах[192].

Консульский суд в Монголии из-за непроработанности его правовой базы, недостатка юридической подготовки у чиновников МИДа, а также специфики традиционной кочевой среды, где нормы законодательства России не всегда оказывались применимыми, нередко вызывал нарекания купечества. В отличие от европейских консулов на Дальнем Востоке, юрисдикция российских консулов не была четко определена, что служило причиной коллизий с пограничными администрациями Сибири и местными властями Монголии. Одним из путей преодоления недостатков консульского судопроизводства специалисты считали создание при загранпредставительствах специальных судебных институтов во главе с профессиональными юристами[193]. Однако до Первой мировой войны реформа консульских судов не завершилась, а после нее капитуляционный режим отношений России и Китая был ликвидирован. При всем несовершенстве системы консульского суда в Монголии, будучи дополненной инструментами традиционного судопроизводства, она оказалась жизнеспособной и помогла разрешению тысяч дел как с участием лишь подданных России, так и смешанных. В свою очередь, контрольно-регистрационная работа консульств, несмотря на технические сложности, внесла существенный вклад в охрану правопорядка в Монголии и на границе, систематизацию и совершенствование режима документального оформления динамично развивавшихся российско-монгольско-китайских трансграничных отношений.

---

[192] Справочная книга по торгово-промышленной части. С. 17–28.

[193] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 439.

Аналитико-статистическая работа консульских учреждений в торгово-экономической сфере

Одной из важных функций консульств в Монголии являлось предоставление государственным и торгово-промышленным кругам России систематизированных и регулярных сведений о хозяйственных контактах с этим слабоизученным регионом Китая, что обрело особое значение в связи с повышением активности российских предпринимателей в конце XIX — начале XX в.

Донесения и отчеты консульств были практически единственным постоянным источником достоверной информации о состоянии международного экономического обмена в Халхе, Западной Монголии и Урянхае и способствовали принятию взвешенных решений для выстраивания отношений с Пекином и Ургой. Консулы подавали ежегодные отчеты на имя директора Азиатского (с 1897 г. — Первого) департамента МИДа и генерал-губернатора Восточной Сибири (с 1887 г. — иркутского), содержавшие статистические данные по торговле, анализ тенденций развития отрасли, предложения по усовершенствованию торговых операций (по их организации, ассортименту) и перспективным сферам приложения капитала[194]. С 1908 г. помимо торговых отчетов консульства составляли полные отчеты о своей деятельности по особой схеме, установленной Министерством иностранных дел[195]. Эти документы использовались в работе различными ведомствами, а наиболее содержательные из них просматривал сам государь, поэтому требования МИДа к их качеству были весьма высокими. Ценились отчеты, включавшие анализ влияния конкретных внутриполитических, этнокультурных факторов на состояние российско-монгольского экономического взаимодействия, оценку рисков и

[194] С 1880 г. консульские отчеты публиковались отдельными томами, с 1898 г. включались в «Сборники консульских донесений», «Известия по внешней торговле», в сборник документов «Известия МИД» (с 1913 г.) (см.: *Первенцев В.В.* Консул и внешняя торговля. С. 76). При составлении отчетов о российско-монгольском товарообороте консульством не учитывались строевой лес, сено и дрова, продаваемые самими монголами в Кяхте.

[195] Циркуляр Первого департамента от 28 ноября 1907 г. (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 250 об.). Отчет включал семь пунктов: 1) торговля и промышленность, 2) торговое мореплавание, 3) сношения с российскими и иностранными правительственными учреждениями, 4) количество засвидетельствованных актов и документов, 5) паспортная деятельность, 6) смертность и дела о наследствах (включая рождаемость), 7) просьбы и жалобы частных лиц.

угроз отечественным интересам в регионе[196]. За донесения же без конкретных предложений и деталей, даже в адрес такого ветерана службы, как Я.П. Шишмарев, следовали нарекания дирекции Департамента[197].

При составлении торговых отчетов консульства пользовались данными, собранными посредством самостоятельных опросов предпринимателей и региональных властей (князей, старшин сеймов)[198], а также доставленными кяхтинской таможней, пограничными начальниками разных уровней, торговыми старшинами. Наибольшую сложность представлял сбор важных для сравнительного анализа сведений о деятельности китайских фирм, поскольку они старались их скрывать[199]. Еще сложнее консулам было получить информацию о хозяйственных мероприятиях китайского правительства в Монголии, поскольку регулярная статистика была недоступна, в том числе из-за засекречивания цинским двором переписей, кадастров, хошунных росписей. Такую информацию приходилось искать путем личных расспросов участников торговли, чиновников, монгольских князей, а также через агентов консульств в местных органах власти[200]. При этом консулам до 1911 г. негде было почерпнуть дополнительные знания о динамике и тенденциях торговли в Монголии, сверить статистику, так как круг литературы по данной тематике в России был узок. Комментируя сложность торгово-статистической работы чиновников МИДа, М.И. Боголепов и М.Н. Соболев отмечали: «...Наши консульства с трудом добывают такие пустяшные документы, как названия хошунов, и совершенно чужды заботам о получении более интересных сведений»[201].

Ведение консульской торговой статистики затруднялось по ряду причин. Основной из них было отсутствие постоянных и регулярно обновляемых источников информации, какие были у консулов в пор-

---

[196] Так, на торговом отчете В.Ф. Любы за 1905 г. глава Первого департамента МИДа написал: «Очень интересный отчет» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 136–144).

[197] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 125–125 об.

[198] Например, о встрече генерального консула с князьями и старшинами сеймов в Улясутае в 1902 г. см.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 151. Сейм (чуулган-дарга) — это объединение хошунов. Главы хошунов собирались на съезды раз в три года, а в периоды между съездами сеймом управлял старшина, выполняя роль посредника между хошунными князьями, с одной стороны, и Ли-фань-юанем и амбанями — с другой.

[198] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 151.

[199] *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай. С. 357.

[200] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 13.

[201] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 118.

товых городах Китая, в Европе и Америке. Во-вторых, низким было качество данных, доставляемых кяхтинским пограничным комиссарством, Зайсанской таможней и уездными начальниками, купеческим сообществом. Пограничные и таможенные чиновники регистрировали сделки бессистемно, допускали халатность при записи количества и стоимости провозимых товаров, фальсификацию, дублирование одних и тех же цифр[202]. Например, в отчете и.о. кяхтинского пограничного комиссара за 1905 г. количество прогнанного через пограничные пункты Тунку, Кудару и др. крупно- и мелкорогатого скота обозначалось термином «масса», а троицкосавское окружное полицейское управление представило в отчете за 1905 г. две произвольные цифры за треть мая и сентябрь — 1500 руб. и 3000 руб., из чего консул заключил, что «русская торговля как бы и не производилась вовсе»[203]. Отсутствие консульского надзора в Западной Монголии до 1906 г. исключало возможность получения регулярных данных о торговле, поскольку многие купцы не желали давать старшинам точные сведения или делали это неисправно[204]. Составление же самостоятельных отчетов было редкостью среди предпринимателей, в основном записывавших в «дневной журнал» только долговые сделки[205]. В-третьих, из-за малых штатов консульств и больших расстояний между пунктами проживания российских торговцев перепроверка купеческих сведений была технически невозможна.

Однако, несмотря на трудности ведения торговой статистики российскими консульскими учреждениями в Монголии в изучаемый период, консульские отчеты до 1917 г. оставались источником наиболее полных и систематизированных сведений о состоянии экономических отношений России и Монголии.

Официальные российские представительства в Монголии осуществляли и активную консультационную деятельность. Мнения сотрудников МИДа по различным вопросам государственной экономической и внешней политики запрашивали как центральные ведомства (министерства иностранных дел, финансов, торговли и промышленности), так и губернские и областные администрации[206]. Предприниматели получали от консулов практические советы относительно инвестирования,

[202] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1913. № 34. С. 12.
[203] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 141 об.
[204] Там же. Л. 142 об.
[205] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 138. Л. 3 об.
[206] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 257–257 об.

освоения новых сегментов рынка, сфер приложения капитала (добыча ископаемых, переработка сырья), новых организационных форм предпринимательства (кооперативы, товарищества). Зачастую консулы содействовали внедрению в деловую среду инноваций, хотя в силу объективных причин были менее осведомлены, чем их коллеги в Европе[207].

Чиновники МИДа в Монголии участвовали в обсуждении вопроса о возможной отмене беспошлинного режима в российско-монгольской торговле, неоднократно поднимавшегося Пекином в начале XX в. в связи с планируемым пересмотром договора 1881 г. Дипломаты считали существовавший в Монголии режим выгодным и призывали правительство не переусердствовать с требованием новых выгод. В ответ на запрос Министерства финансов о возможных дополнениях торгового договора с Китаем в феврале 1901 г. Я.П. Шишмарев предлагал внести в договор лишь пункт о разрешении на закупку русскими товаров в Китае и производстве таковых в Монголии[208]. При этом консул советовал воздержаться от требования новых уступок от Китая, а лишь отстоять достигнутое и сосредоточиться на внутренних факторах стимулирования российской торговли в Монголии. В донесении в Министерство финансов в 1903 г. он отмечал: «…более выгодных условий никакими трактатами мы выговорить не можем»[209]. Управляющий консульством В.В. Долбежев в 1904 г. уверял Первый департамент в недопустимости введения пошлин для России из-за неспособности отечественной продукции конкурировать с европейской и китайской[210]. Наибольший урон, по мнению консулов, введение пошлин могло нанести торговле в Западной Монголии, вывоз сырья из которой превышал вывоз из Урги и Восточной Монголии. Исполняя обязанности консула в Улясутае, В.В. Долбежев отвергал рассматриваемую МИДом идею сохранения права свободной торговли лишь в ряде пунктов Западной Монголии в силу кочевого характера российского торга в регионе[211]. Против отмены беспошлинной торговли во всей Западной Монголии в 1909–1910 гг. боролся и консул в Улясутае В.Ф. Люба[212].

В круг ключевых проблем экономического взаимодействия России и Монголии, к которым в изучаемый период консульствами постоян-

[207] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 400.
[208] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 95 об.
[209] Там же. Л. 140 об.
[210] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 65 об.–66 об.
[211] Там же. Л. 167.
[212] РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 148 об.

но привлекали внимание правительства и торгово-промышленных кругов, входили следующие.

В каждом годовом отчете консульств в Урге и Западной Монголии акцентировалась неразвитость путей сообщения и средств связи, являвшаяся одним из критических вызовов трансграничной торговле и ее консульской защите[213]. Данная проблема обсуждалась консулами с министерствами, региональными чиновниками, учеными и предпринимателями, которые видели в налаживании путей сообщения ключ к «освоению» Монголии[214]. С 1860-х годов указывалось на необходимость решения следующих вопросов: устройства путей сообщения на р. Чуе[215] (Чуйского тракта) и в верховьях Енисея (в том числе создания нормальных условий доставки через Минусинск и устранения Верхне-Енисейского порога для открытия водного сообщения)[216], улучшения крупных путей в Западную Монголию и Синьцзян (в том числе проведения железной дороги по территории Бийского уезда Томской губернии и в Иркутской губернии к границе Западной Монголии)[217], пароходного сообщения в приграничной полосе по рекам Енисей и Иртыш[218], организации безопасных переправ через реки между Ургой и Кяхтой[219] и т.д. После объявления Монголией независимости в декабре 1911 г. консулы рекомендовали использовать участие в решении транспортных проблем как канал влияния России в стране, особенно в западных округах[220]. Многие из этих рекомендаций были учтены при разработке программы практических действий в Монголии на Междуведомственном совещании в июне 1913 г.[221], но отнюдь не все реализованы.

Консулами подчеркивалась необходимость исправить ситуацию, когда российский импорт из Монголии превышает экспорт. Для наращивания торговых оборотов и успешной конкуренции с китайскими и европейскими предпринимателями представители МИДа в Монголии рекомендовали стимулировать спрос на российскую промыш-

---

[213] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 395.

[214] *Петров А.Н.* Русско-монгольский торговый договор. С. 293.

[215] *Чмелев Н.Г.* Чуйский тракт; Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1912. № 15. С. 18.

[216] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 94 об.–95.

[217] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 91 об.–92.

[218] Там же. Л. 63–63 об.

[219] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 129–129 об.

[220] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1912. № 15. С. 2–4, 18; 1913. № 34. С. 27; 1916. № 57. С. 56.

[221] Журнал Особого Междуведомственного совещания. С. 15–16, 18, 22.

ленную продукцию среди монголов. Во второй половине 1880-х — 1890-х годах консул Я.П. Шишмарев убеждал купцов в полезности изучения потребностей кочевников и распространения продуктов российской индустрии непосредственно в хошунах. Это было принято на вооружение торговцами в Западной Монголии, но так и не освоено кяхтинцами[222]. Тревогу консульских сотрудников вызывали узость ассортимента российской торговли, малые объемы ввоза мануфактуры и технических новинок, особенно в связи с тем, что российские товары из Троицкосавска начали завозить в Монголию даже китайцы, одновременно принимая на комиссию европейскую и американскую продукцию[223]. Дипломаты неоднократно обращали внимание правительства на необходимость учета отечественными предпринимателями потребностей и предпочтений местного населения, поставки в Монголию товаров его повседневного быта (металлические изделия, атрибуты для верховой езды, огнива, трубки, кожаная и катаная обувь, укрывной материал для юрт), как это делали промышленники Англии[224]. Тем не менее в результате анализа динамики, ассортимента, приемов экономической деятельности российских подданных в Монголии работники консульств с сожалением приходили к выводу, что с 1860-х годов до начала XX в. они не претерпели значительных количественных и качественных изменений[225].

В конце 1880-х — 1890-х годах консульство в Урге настойчиво призывало российских коммерсантов обратить внимание на новые торговые ниши и сферы экономической деятельности. С подачи консула Я.П. Шишмарева российский капитал в Монголии стал проникать на рынок шерсти[226]. Консулу удалось добиться разрешения Джебдзун-Дамба-хутухты на устройство шерстомоек на р. Толе возле его летнего дворца, невзирая на сакральность данного места для монголов[227]. Однако лишь с появлением в Урге агентов московской фирмы «Стукен и К°» шерстяной рынок начал осваиваться русскими систематично[228]. В это же время дипломаты активно призывали к освоению недр Монголии. В 1897 г. управляющий консульством В.Ф. Люба выступил с идеей разведки месторождений каменного угля, обнару-

[222] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 576. Л. 59 об.–60.

[223] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 396.

[224] Там же. Л. 257 об.; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 94; Д. 565. Л. 31 об.–32; РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87.

[225] См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 139 об.–140.

[226] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 288 об.

[227] *Ломакина И.И.* Монгольская столица. С. 49.

[228] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 140 об.

женных в Цэцэн-ханском и Тушэту-ханском аймаках, который мог быть использован на КВЖД[229]. В 1902 г. Я.П. Шишмарев оказывал помощь Иорданскому, участнику золотопромышленного товарищества «Гр. Апраксин и Попов», получившего концессию в Монголии, в сношениях с монгольскими и маньчжурскими властями для беспрепятственного проведения изысканий[230]. Консульство в Урге поднимало вопрос об обеспечении доступа российских товаров, поступавших в Монголию, на рынки Внутреннего Китая, для чего в 1894 г. Я.П. Шишмарев предлагал правительству добиться предоставления русским права проезда через заставу Гуйхуачэн, а также обмена товаров, получаемых в Монголии и в Притяньшанье[231].

Учитывая тяжелые условия торга в Монголии, консулы добивались от российского правительства введения налоговых и иных льгот для предпринимателей. Однако нередко их рекомендации по либерализации деятельности соотечественников в Монголии недооценивались правительством, и фискальные интересы торжествовали над «экономической целесообразностью». Так, в январе 1905 г. министр финансов В.Н. Коковцов отклонил просьбу консула в Урге В.Ф. Любы о снижении налогового бремени для бийских купцов, являвшихся опорой отечественной торговли с Западной Монголией, не усмотрев связи между объемом российского экспорта и размером промыслового налога[232]. Другим примером игнорирования государством специфики торговли в Монголии было отклонение ходатайства консула в Улясутае А.А. Вальтера об освобождении российских купцов в Улясутае от мобилизации на фронт мировой войны. В донесении главе 4-го Политического отдела МИДа Г.А. Козакову от 16 марта 1915 г. он предупреждал о катастрофических последствиях отъезда из Монголии этих опытных и активных людей, десятилетиями создававших немногочисленный (50–60 человек), но сплоченный и твердый «духом и традициями» костяк отечественного предпринимательства в регионе[233]. Несмотря на то что в 1916 г. консулы в Урге и Улясутае смогли вернуть в страну почти всех мобилизованных колонистов, благоприятный момент отсутствия китайской конкуренции был упущен, и к февралю 1917 г. доминирующие позиции русских на рынке были утрачены[234].

---

[229] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 511, 562.
[230] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 144.
[231] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 258.
[232] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1296. Л. 1–4 об.
[233] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 15 об.–17 об.
[234] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 146–148.

По мере сил консулы пытались разрешить проблему нездоровой конкуренции среди российских купцов. Из-за отсутствия у них солидарности цены на монгольском рынке сырья в «высокий» сезон достигали немыслимых размеров, что имело результатом вывоз в Китай больших объемов российских металлических денег. Для предотвращения этого представители МИДа в начале XX в. рекомендовали московским фирмам-закупщикам договориться о максимальной цене на сырье в Монголии[235].

Помимо указанных проблем в донесениях и отчетах консульств неизменно предлагалось принять меры, чтобы снизить высокие цены на российскую продукцию, преодолеть превалирование объемов розничной торговли над оптовой, поддержать средних и мелких торговцев, подавляемых крупными фирмами, усовершенствовать механизмы контроля над российскими подданными, развить финансовую инфраструктуру трансграничных отношений и т.д.[236]. Большинство из этих проблем не было решено и в 1910-х годах.

В середине первого десятилетия XX в. для налаживания связи между производством в России и рынками сбыта за границей, стимулирования увеличения российского экспорта Министерство торговли и промышленности предприняло попытку расширить осведомительную функцию консулов и значительно дополнило перечень сведений о торговле, которые должны были доставлять консульства[237]. Речь шла о совмещении консулами традиционных функций с обязанностями торговых агентов. Для консульства в Урге при его загруженности исполнением политических, административных и судебных функций, а также в условиях неготовности правительства выделить для выполнения данной задачи дополнительные штат и средства, это предложение было нереалистичным.

В 1906 г. консульство в Урге предложило министерству снять с него несвойственные консульскому учреждению комиссионно-разведочные функции и обязанности по анализу потребностей местного рынка и передать их специальному коммерческому агенту. Управляющий консульством М.Н. Кузминский призвал учредить такую должность при Ургинском отделении Русско-Китайского банка за счет самих купцов. Агент должен был установить связь между российским, монгольским и китайским рынками, организовать и направлять торговлю, интегрировать заказы мелких и средних фирм, способствовать коопе-

[235] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 32–33.
[236] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 609. Л. 4–6; Д. 608. Л. 6; Д. 610. Л. 10; Д. 563. Л. 133 об.
[237] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 156.

рации купечества[238]. Необходимость назначения в Монголию торговых агентов, но уже от Министерства торговли и промышленности, подчеркивал в декабре 1910 г. и управляющий консульством В.Н. Лавдовский. Такие должности предлагалось учредить в Урге и Заин-гэгэн-курене, при этом четко разграничить сферы компетенции торговых агентов и консулов, чтобы избежать борьбы ведомств[239]. На практике эта идея была реализована в 1912–1913 гг. с прикомандированием к консульству агента данного министерства А.П. Болобана[240].

После переворота в декабре 1911 г., в результате которого Монголию покинули китайские власти и коммерсанты, консулы стремились внести вклад в укрепление позиций российской торговли, воздействуя одновременно на государственные и предпринимательские круги[241]. В своих донесениях дипломаты убеждали правительство использовать благоприятную конъюнктуру и стимулировать экономическую деятельность российских подданных в Монголии, в первую очередь путем предоставления купцам таможенных, транзитных льгот, улучшения коммуникаций в приграничной зоне и пр.[242].

Консульские донесения сыграли большую роль в формировании у МИДа и правительства целостного представления о состоянии «русского дела» в Монголии. В 1911–1913 гг. были предприняты меры, нацеленные на разрешение некоторых проблем российско-монгольской торговли. В частности, по результатам Междуведомственного совещания 1911 г. было выделено 2,6 млн руб. на устройство транспортных путей в приграничных с Монголией регионах России[243]. В 1913 г. были введены меры по стимулированию российско-монгольских экономических связей (премирование вывоза промышленных товаров, понижение железнодорожного тарифа до Верхнеудинска, возврат акциза на сахар и спички)[244].

С другой стороны, с конца 1911 г. консулы активизировали работу среди российских подданных, рассчитывая на всплеск предпринимательской инициативы в Монголии. Консул в Улясутае А.А. Вальтер указывал на необходимость преодоления российскими торговцами

---

[238] Там же. Л. 153–156 об.

[239] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 132 об.

[240] См.: *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-промышленном отношении.

[241] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 86.

[242] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1912. № 15. С. 37.

[243] *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 184.

[244] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1915. № 52. С. 176–177.

«косности и небрежения» и выполнения ими «долга в отношении отечественных интересов в Монголии». По его мнению, нужно было учитывать спрос монголов на определенные товары, отказаться от философии быстрой наживы[245]. Для снижения товарного дефицита, наступившего с отъездом китайских торговцев, консульские сотрудники собирали для предпринимателей сведения о товарах, наиболее востребованных на местных рынках[246], возможностях дополнительных форм хозяйственной деятельности, в том числе добычи полезных ископаемых. Например, консул в Шара-Сумэ М.Н. Кузминский предлагал использовать отсутствие китайской конкуренции для завоевания чайного рынка Монгольского Алтая и развития торговых связей Монголии и Туркестана. Он рекомендовал установить льготный транзит кирпичного чая из России, открыть регулярную навигацию по Черному Иртышу для привлечения к транспортировке по реке грузов из Синьцзяна[247], смог договориться об аренде участка около Бурчума для устройства российской фактории, рассчитывая на превращение Бурчумской пристани в распределительный центр округа[248].

Тем не менее после некоторого всплеска воодушевления в начале 1912 г. освоение новых товарных ниш и видов предпринимательства в Монголии российскими коммерсантами шло медленно. В условиях политической нестабильности в стране они охотно использовали льготы, введенные правительством в 1913 г., пытались адаптировать ассортимент торговли к потребностям местного населения, но не многие брали на себя риск нового дела. По данным консульства в Урге, в 1913 г. российско-монгольские торговые операции оживились, но с началом мировой войны вошли в кризисную фазу[249]. Уже летом 1914 г. в Западной Монголии реанимировалась деятельность китайских купцов, и в 1915 г. был отмечен резкий спад оборотов российской торговли[250]. Начиная с 1915 г. сбор и систематизация более или менее точных сведений о российско-монгольской торговле становились для консульств все более затруднительными. Оставшиеся в стра-

[245] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 478. Л. 131–132 об.

[246] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1912. № 15. С. 8–9; 1913. № 34. С. 20.

[247] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1912. № 15. С. 2–4; 1913. № 34. С. 27; ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–66.

[248] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1914. № 46. С. 113–115.

[249] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1915. № 52. С. 176–177.

[250] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 21. Л. 45–46; Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 82–83.

не российские купцы неохотно предоставляли сведения о своих снижающихся оборотах[251].

В стране ощущался дефицит российской мануфактурной продукции, производители которой, даже после того как А.П. Болобан лично развез многим промышленникам образцы товаров, требуемых в Монголии, не проявили должного интереса к адаптации своих товаров к монгольскому рынку и сбывали их в Монголию по завышенным ценам[252]. Из-за отсутствия государственных субсидий не были реализованы многие инфраструктурные проекты, начатые в 1912–1913 гг., в том числе не оправдались надежды в отношении устройства российской фактории в устье Бурчума и получения выгод от открытия навигации по Черному Иртышу[253]. Дипломаты и торговый агент А.П. Болобан ходатайствовали перед МИДом и Министерством торговли и промышленности о поддержке «русского дела» в Монголии в кризисное время, чтобы по окончании мирового конфликта Россия не утратила сформированный базис экономического влияния в Монголии[254]. Правительству предлагалось поддержать российскую торговлю хотя бы введением льготных тарифов, а предпринимателям — осваивать новые товарные ниши (керосин, товары для монгольского быта и т.д.)[255]. Однако в условиях мирового политического кризиса проблемы торговли в Монголии отошли на периферию внимания Петербурга.

* * *

Анализ деятельности консульств России по защите экономических интересов государства в Монголии показывает, что консульства стали поистине ключевым звеном системы регулирования российско-монгольско-китайских хозяйственных контактов. Это частично обуславливалось мировой тенденцией в эволюции консульского института: в условиях бурного развития капитализма и колониализма с последней трети XIX в. центр тяжести в деятельности консульских представительств перемещался из «дипломатической» сферы в «торговую»[256].

---

[251] *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. С. 196.
[252] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 21. Л. 44–45.
[253] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1917. № 1. С. 16.
[254] АВПРИ. Ф. 292. Оп. 732. Д. 21. Л. 48–49.
[255] Донесения Императорских Российских консульских представителей. 1915. № 52. С. 183; 1917. № 1. С. 5–8.
[256] *Рапопорт С.И.* О коммерческой службе в иностранных государствах. С. 200–201; Консульская служба и торговые агенты. С. 148–149.

Эффективность защиты отечественных экономических интересов в Монголии снижалась из-за того, что консульства и патронирующие их министерства иностранных дел, финансов, торговли и промышленности придерживались разных взглядов на ее цели и содержание. Так как до 1911 г. основой российско-монгольских отношений была торговля, консулы считали заботы о ней своей главной задачей. Служащие МИДа в Монголии были глубоко интегрированы в торговую среду и жили ее проблемами, в отличие от их непосредственного начальства в Петербурге, занятого вопросами геополитики и дипломатии. Но до окончания Русско-японской войны, пока у России не было прямых политических интересов в Монголии, многие рекомендации консульств по улучшению условий предпринимательства не учитывались правительством. Поскольку у государства отсутствовала проработанная экономическая стратегия в отношении Монголии, консулы принимали самостоятельные тактические меры, как путем договоренностей с российскими пограничными и местными властями в Монголии, так и стимулируя кооперацию купцов. Следовательно, критику современников за невнимание к экономической стороне отношений с Монголией нужно относить, скорее, к правительству, нежели к самим консульствам, а тезис о том, что их работа «вырodилась в дипломатию»[257], чрезмерно категоричен.

Консулы в Монголии стремились содействовать созданию здоровых рыночных механизмов для развития российско-монгольской торговли, но правительство, промышленники и банки не могли обеспечить достаточной поддержки «русскому делу». В результате его развитие осталось в значительной степени зависимым от частной инициативы и не приобрело положительного баланса даже в близких к идеальным условиях автономной Монголии. Мероприятия правительства по улучшению транспортных путей и финансовой инфраструктуры в пограничных с Монголией Сибири и Дальнем Востоке, начатые в 1910 г., запоздали, и до 1917 г. Россия не смогла занять на местном рынке доминирующих позиций.

Качество выполнения консульских обязанностей по защите торговли в Монголии страдало от отсутствия в России проработанного устава, регламентирующего полномочия консула, объем его власти, обязанности в области защиты торговых интересов, судебной деятельности и т.д. В последний раз до революции консульский устав обновлялся лишь в 1906 г. и не учитывал региональную специфику

[257] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 439.

деятельности представительств в странах Дальнего Востока. Лакуны в правовом регулировании работы консульств и неопределенность экономической политики в Монголии имели результатом фактическое расширение полномочий консульских работников, которые нередко были вынуждены действовать по обстоятельствам. Препятствиями к проявлению «свободной и зрелой инициативы» консульств были их подчинение нескольким ведомствам и сложная административно-бюрократическая система принятия решений, в рамках которой предложения по рационализации торговой политики рассматривались и согласовывались годами.

Среди других постоянных объективных факторов, снижавших эффективность работы консульств в области продвижения экономических интересов России были: скудное финансирование, малые штаты загранпредставительств, их немногочисленность на обширной территории[258], не всегда безупречная подготовленность консульских сотрудников в экономической и юридической областях в сложных и постоянно меняющихся условиях трансграничного взаимодействия, отсутствие удобных путей сообщения и средств связи, противодействие маньчжурских (с начала 1916 г. — китайских) властей, жесткая торговая конкуренция Китая, «экзотические» климатические, бытовые, культурные условия страны.

Кроме того, к объективным факторам можно отнести преимущественно низкую культуру и разобщенность российских купцов, а также неготовность торгово-промышленных кругов России делать серьезные инвестиции в изучение потребностей монгольского рынка и адаптировать к нему ассортимент продукции, несмотря на улучшение торговой конъюнктуры в период после провозглашения Монголией независимости и до подписания Кяхтинского соглашения. Именно эта неготовность в первую очередь и привела к снижению активности торговли в Монголии в 1911–1917 гг. Ориентация крупных российских фирм на получение в Монголии только больших прибылей как условия работы на рынке этой страны и утрата возможности получения таковых с началом Первой мировой войны и возвращением китайских конкурентов вызвали быстрый вывод капиталов из Монголии. По словам А.В. Бурдукова: «Как оптовики, они ориентировались на посредников, но никто не хотел всерьез наладить широкую работу непосредственно с населением»[259]. И дело,

[258] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 395.
[259] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 133.

как отмечал автор, было «не в Князеве и Миллере», т.е. не в недостаточных усилиях российских пограничных властей и консульств в Монголии.

Принимая во внимание недостатки организации заграничной службы России изучаемого периода и сложности, с которыми столкнулись консулы-пионеры в Монголии, трудно переоценить значимость усилий дипломатов по защите российских экономических интересов, созданию условий для развития отечественной торговли в далеком от европейской цивилизации крае. Многовекторная деятельность российских дипломатов внесла существенный вклад в превращение примитивного товарного обмена сибирских купцов с «полудикой» и патриархальной страной во вполне цивилизованные торговые и производственные связи, с положительной динамикой и действенными механизмами регулирования, а также благоприятствовала росту производительных сил Монголии.

Несмотря на разрозненность российских поселенцев в Монголии, несовершенство системы консульского надзора на обширной территории степной страны, а также слаборазвитость путей сообщения и действие прочих неблагоприятных факторов, физическое присутствие представителей российской власти дисциплинировало соотечественников, проживавших и торговавших в Монголии, придавало двусторонним торгово-экономическим связям относительно упорядоченный характер. Правовая, организационная, информационная, моральная поддержка, а в отдельные периоды и физическая охрана подданных России, обеспечиваемая консульствами, были существенным подспорьем в развитии колонии и экономического взаимодействия с Монголией и Китаем. В районах Монголии, на которые не распространялась деятельность консульств или где она осуществлялась спорадически, деловые контакты были не столь упорядоченны, чаще случались злоупотребления, конфликты между подданными двух стран, а также нарушения прав выходцев из России со стороны китайских властей.

В изучаемый период российские консульства в Монголии содействовали созданию материальной и кредитно-финансовой инфраструктуры российских факторий, осуществляли консульский суд, статистико-аналитическую и другую деятельность. Являясь консолидирующим началом российского торгового сообщества в Монголии, они представляли его интересы перед правительством России и местными властями, а также стимулировали кооперацию в среде соотечественни-

ков. Консульские учреждения в Монголии стали важным координирующим центром российско-монгольско-китайских экономических отношений и внесли заметный вклад в совершенствование условий международного торгово-экономического обмена в Монголии и распространение влияния России в данном регионе.

ГЛАВА 5

Социально-культурная деятельность консульств России в Монголии

Осуществление «цивилизаторской» миссии, вверенной консульствам в Монголии, было тесно связано с организацией общественной жизни российской колонии и созданием положительного имиджа России как государства и очага великой культуры среди местного населения. Российская колония в Монголии была довольно разобщенной и пестрой по составу[1]. До начала 1910-х годов ее быт носил отпечаток временности, а общественная жизнь была пассивной и не направленной на формирование «русского мира» с четкими культурными и духовными ориентирами. В свою очередь, до этого времени правительство России не имело планомерной стратегии поддержки русской колонии и распространения культурного влияния в этой стране[2]. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев подчеркивали «ничтожность» влияния русских в Урге, Улясутае и Кобдо[3]. В 1894 г. В.Ф. Люба констатировал, что консульство в Урге за 30 с лишним лет функционирования реализовало слишком мало культурных инициатив и это не способствовало созданию комфортных условий пребывания русских в Монголии и «успеху цивилизаторского значения» среди местного населения[4]. Тем не менее задолго до выработки

[1] *Старцев А.В.* Русские предприниматели в Монголии. С. 74.

[2] Журнал Особого Междуведомственного совещания. С. 28–39, 45–50.

[3] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 104–113.

[4] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 495.

в 1911–1913 гг. правительством программы гуманитарного проникновения в Монголию российские дипломаты прилагали усилия по «собиранию» российской колонии[5], инициировали общественно-культурные проекты и участвовали в руководстве большинства из них, разъясняли коммерсантам важность культуртрегерства, внеся заметный вклад в осуществление Россией «культурной дипломатии» в Монголии.

Наиболее эффективным каналом культурного влияния России в кочевой стране стали мероприятия в области медицины и ветеринарии, организованные как на государственные, так и на частные средства. Эпидемии чумы и других заболеваний (тиф, оспа, сифилис) подрывали демографический фонд и производительные силы Монголии, наносили ущерб российскому предпринимательству в стране и пограничным с ней территориям России.

До создания консульства в Урге в 1861 г. в Монголии отсутствовала европейская медицина. Врачеванием, распространением лекарств занимались ламы и некоторые русские поселенцы. Помощь, оказываемая противочумными и научными экспедициями, посещавшими страну во второй половине XIX в., была несистематической. С первых лет работы консульство в Урге прилагало усилия для организации в Монголии медицинской помощи, однако поставить ее на относительно регулярную основу удалось лишь в начале XX в.[6]. Российские врачи и ветеринары пользовались большим уважением монголов, что являлось фактором углубления симпатий местного населения к России. Генеральный консул А.А. Орлов писал: «Былое недоверие к европейским врачам трудами наших больниц в Монголии быстро обратилось в слепую, непоколебимую веру в могущественность и знание русских врачей, всюду пользующихся безграничным уважением и почетом»[7]. Помимо того, по словам генконсула, российская медицинская помощь способствовала отходу монголов от суеверий, внушаемых ламством, и отказу от «стремления населения обеспечить своим детям безбедное тунеядческое существование»[8].

Начальным шагом к налаживанию здравоохранения в Монголии стала деятельность консульских фельдшеров (в Урге это были Осипов, Абрамов, в Улясутае (с 1913 г.) — А.И. Беляев, М.А. Владимирский, в Шара-Сумэ (с 1914 г.) — А.И. Беляев, в Кобдо (с 1915 г.) —

---

[5] *Лиштованный Е.И.* Монголия в истории Восточной Сибири. С. 85.
[6] Журнал Особого Междуведомственного совещания. С. 32–33.
[7] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 189.
[8] Там же. Л. 181 об.

Э.Б. Лутович)[9], которые оказывали помощь российскому, монгольскому и китайскому населению. Консульские врачи уже с начала 1860-х годов инициировали вакцинацию против оспы и чумы, приготовление детрита (вакцины)[10] и передачи его технологии русским и монголам, делились опытом с ламами, чьи методы были бессильны против жестоких эпидемий[11]. Ярким примером отклика на призыв присоединиться к оспоприviванию монголов является деятельность, которую развернула семья торговца А.В. Бурдукова в Западной Монголии.

Тем не менее из-за немногочисленности врачебного персонала не все нуждавшиеся в медицинской помощи получали ее. Обращения консульства в Урге с просьбой прислать постоянного фельдшера с аптечкой поступали в МИД с начала 1880-х годов, но не имели результата[12]. Первые врачи, пребывавшие в Урге в течение относительно продолжительного срока, были направлены военным ведомством вместе с отрядами, охранявшими консульство и колонию во время «боксерского» восстания (военный врач Сережников) и Русско-японской войны (фельдшер Корнеев)[13]. Доктор Сережников помогал управляющему консульством В.В. Долбежеву бороться с эпидемией оспы в конце 1902 — начале 1903 г. По настоянию управляющего консульством в Урге В.Ф. Любы в 1906 г., в целях «сближения нашего со страной и ее населением и привлечения на нашу сторону народных симпатий»[14], услуги врачей оказывались монголам бесплатно за счет средств МИДа.

Поскольку потребность в медицинской помощи значительно превосходила возможности военных врачей, консульство в Урге настаивало на создании в Урге полноценной российской больницы с постоянным врачом[15]. На протяжении 1902–1908 гг., сопровождавшихся вспышками смертоносных эпидемий, консулы обращались в МИД с просьбой назначить в Ургу врача и фельдшера[16]. В донесении управляющего консульством в Урге от 21 февраля 1903 г. доводилось до сведения

---

[9] См. Прил. 4.

[10] *Шишмарев Я.П.* Сведения о халхаских владениях. С. 81.

[11] *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге. С. 59. Подробнее о деятельности российских врачей в Монголии см.: *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 113–130. Об эпидемиях чумы в 1896–1899 гг., холеры в 1862, 1872, 1877, 1895 гг., тифа, оспы в Китае и Северной Монголии и состоянии медицины см.: *Корсаков В.В.* Пять лет в Пекине. С. 7–11, 47–67, 79, 84, 94–95.

[12] *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I. С. 148; *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи. С. 6.

[13] *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 121.

[14] Там же.

[15] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 66 об.

[16] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 589. Л. 4–5.

российского поверенного в делах в Пекине, что за четыре месяца в городе умерло более 1500 монголов и около 300 китайцев, имелось множество заболевших среди российских подданных, семь из которых скончались[17]. Правительство долго не откликалось на призывы консульства, периодически присылая временных врачей (М.Ф. Шрейбер, В.И. Шендриковский, Н.Н. Овсянников). Их появление вызывало ажиотаж среди российского и монгольского населения. Так, за год (1906/1907) к Н.Н. Овсянникову обратилось более 15 тыс. человек, половина из которых были монголы. В 1906 г. В.Ф. Люба добился выделения из казны 4 тыс. руб. на постройку лазарета, медикаменты, наем фельдшера[18].

Постоянный врач у консульства в Урге (С. Цыбыктаров) появился только весной 1909 г. и проработал там до 1921 г.[19]. К нему обращались больные из всех аймаков и округов Монголии и прилегающих к ней регионов, даже Тибета, что пробудило благоговение перед российской медициной у аратов и знати. Доктор С. Цыбыктаров был приглашен в ямэнь маньчжурского амбаня для оспопрививания[20]. При финансовой поддержке Русско-Китайского банка и фирмы «Коковин и Басов» С. Цыбыктаров открыл клинику с несколькими отделениями и аптеку с профессиональным провизором. С 1910 г. в клинике на деньги Дипломатической миссии в Пекине (2000 руб. в год) существовала и бесплатная амбулатория для монголов[21]. Консульство в Урге в 1910 г. предлагало создать казенные амбулатории не только в столице, но и Заин-гэгэн-курене и Цзянь-цзюнь-ван-курене, где проживало большое количество русских[22].

В Западной Монголии ситуация со здравоохранением была еще более сложной. Несмотря на то что консульство в этом регионе было открыто уже в 1909 г., постоянный врач в Улясутае появился лишь в 1913 г. В случае серьезного недуга российского подданного консульство вынуждено было заботиться о нем «путем воздействия на сердечность и нравственный долг» соотечественников, искать для него жилье и организовывать отправку заболевшего на родину[23]. Консулы в Улясутае В.Ф. Люба и А.А. Вальтер приветствовали инициативы

---

[17] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 181–181 об.

[18] *Свечников А.П.* Русские в Монголии. С. 26–27.

[19] Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. Отд. IV. С. 491.

[20] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 599. Л. 35.

[21] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 13–19.

[22] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 133.

[23] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 188; *Горяинов С.М.* Руководство для консулов. С. 318–325.

самих торговцев в области здравоохранения, в частности оспопрививания (Д.А. Ермолин, А.И. Бурдукова и др.)[24].

Учитывая затруднения с государственным финансированием медицинской помощи для российских подданных за границей, консульские работники в Монголии содействовали созданию частных больниц: на Иринских приисках в 1906 г., в Тологойты в 1908 г., в Кударе и Могое в 1913 г. В 1913 г. Общественное управление, учрежденное российскими колонистами в Урге, основало в столице Монголии больницу и аптечку. В начале 1910-х годов фельдшеры и аптечки содержались силами поселенцев в Кобдо, Улясутае, Цзаин-Шаби, Хатхыле[25].

После подписания 21 октября 1912 г. соглашения об автономии Монголии правительством России был предпринят ряд мер по улучшению медицинской помощи соотечественникам и монголам в разных регионах страны, организацией которой занимались сотрудники консульств. В 1913 г. в Ургу и Улясутай были отправлены два отряда окулистов[26]. Консул А.Я. Миллер всемерно поддерживал деятельность присланного в ноябре 1913 г. отряда Красного Креста, открывшего амбулаторию для монгольской воинской бригады в Худжир-Булуне[27]. В 1913–1915 гг. в консульства в Улясутае и Кобдо, в военный отряд в Кобдо были назначены врачи и фельдшеры, деятельность которых тем не менее не могла покрыть столь масштабные округа. Однако в 1916 г. правительство отказало в выделении недостающей суммы (4–4,5 тыс. руб.) на постройку больницы, которую под руководством консульства возводила колония в Улясутае (при уже разработанных проекте и смете)[28]. В отсутствие надлежащего медицинского обслуживания население Северо-Западной Монголии вновь оказалось беспомощным перед эпидемией оспы в январе 1916 г.[29]. Медицинская помощь со стороны России привлекала к ней симпатии кочевого населения, но это обстоятельство не было использовано правительством для укрепления престижа «русского имени» в Монголии в полной мере.

Консульские учреждения принимали меры, чтобы предупредить эпидемии и поддерживать удовлетворительные санитарные условия в городах пребывания[30]. Вместе с врачами они вели санитарно-про-

[24] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 374.
[25] *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 128.
[26] Труды совещания. С. 80.
[27] *Имшенецкий Б.И.* Монголия. С. 25–27.
[28] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 183–184, 190.
[29] Сибирская жизнь. 15.01.1916. № 22. С. 1.
[30] *Горяинов С.М.* Указ. соч. С. 352–354.

светительную работу, способствовали уборке нечистот в городах. Консульства выступали в качестве источников достоверных сведений о распространении эпидемий, эпизоотий, о стихийных бедствиях в Монголии и российском приграничье. К примеру, в 1909 г. Я.П. Шишмарев оповещал пограничные власти о распространении в Урге цереброспинального менингита[31], во время эпидемии чумы в феврале 1911 г. консульство в Урге досматривало посылки с личными вещами из районов Китая и Маньчжурии, охваченных эпидемией[32].

Не менее активно дипломаты в Монголии работали над организацией и популяризацией российской ветеринарной помощи. Консульство в Урге неоднократно разъясняло чиновникам в Петербурге, что она станет действенным средством укрепления влияния России в этой стране. Противочумное прививание скота российских поселенцев в Монголии начал в 1901 г. троицкосавский врач А.П. Свечников. Консул Я.П. Шишмарев настаивал на том, чтобы прививки оплачивались казной и были доступны монголам[33]. В 1903–1910 гг. он помогал читинскому врачу А.А. Дудукалову в реализации проекта первой ветеринарной противочумной станции, созданной на средства кяхтинских купцов и вырабатывавшей сыворотку для всей Монголии.

После первого опыта массового прививания монгольского скота весной–осенью 1910 г. Я.П. Шишмарев призвал правительство взять на себя расходы по организации противочумной станции в Монголии для снижения издержек в торговле сырьем и скотом[34]. Консул поддержал идею ветврачей готовить противочумную сыворотку в Урге и осенью 1910 г. выделил участок в 9600 кв. м между консульством и Маймачэном для скотного двора и лаборатории филиала Читинской противочумной станции, которая оказалась крайне востребованной[35]. С начала 1912 г. весь привитый скот, купленный сибирскими торговцами в Монголии, поступал в Россию, не проходя карантин[36]. В Западной Монголии с 1909 г. работу российских экспедиций, прививающих животных, курировало консульство в Улясутае[37]. В марте 1912 г. в связи с недостатком ветеринаров на скотопрогонных путях из Монголии в Иркутск и Забайкалье Я.П. Шишмарев просил МИД

---

[31] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 93.

[32] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 3.

[33] *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 100.

[34] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 119.

[35] Там же. Л. 117 об.–118.

[36] Голос Сибири. 28.01.1912. № 316.

[37] Журнал Особого Междуведомственного совещания. С. 32–33.

поднять перед МВД и Министерством торговли и промышленности вопрос об обучении противочумному прививанию монгольского населения, что позволило бы уменьшить государственные расходы[38].

После подписания российско-монгольского соглашения 1912 г. обсуждалась идея прикрепить к каждому консульству в Монголии по ветеринарному врачу, а также учредить на российские средства сеть ветпунктов по всей стране. Ургинское правительство отказалось от данного предложения, усмотрев в нем возможную угрозу экономической безопасности страны. В 1913 г. генконсул А.Я. Миллер поддержал ходатайство врачей Читинской станции о создании в Урге постоянного ветеринарного пункта с лабораторией и квартирой для его сотрудников (с этой целью МВД выделило 14 тыс. руб.)[39] и способствовал распространению информации о заразных болезнях скота через издававшийся в Урге научно-популярный журнал на монгольском языке «Шинэ толь хэмээх бичиг» («Новое зерцало»). А.Я. Миллер предпринимал также попытки объединить ветеринарные службы Восточной Сибири и Монголии, но и этот проект не был реализован[40], и прививание продолжалось отдельными экспедициями.

Важными для распространения культурного влияния России в Монголии и сохранения «русского мира» в степной стране были образовательные и культурные инициативы консульств. Основной контингент российских подданных в Монголии был представлен сибирскими купцами, комиссионерами, скотопрогонщиками, культурные запросы которых были невысоки. В то же время трудно согласиться с мнением Ф. Парнякова (1914 г.), что в Урге «...единственным развлечением является грязный иллюзион и кафештатный ресторан...»[41]. Благодаря объединенным усилиям дипломатов и предпринимателей в 1910-х годах и в Урге, и в Западной Монголии удалось достичь некоторых успехов на ниве просвещения и облагораживания культурного досуга поселенцев, что, в свою очередь, представляло собой вклад в «цивилизаторскую» миссию России.

Детищем консула Я.П. Шишмарева стала Ургинская школа переводчиков и толмачей, созданная им в 1864 г. в целях восполнения недостатка специалистов со знанием восточных языков в российских

[38] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 65–65 об.

[39] *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 106.

[40] Там же. С. 111.

[41] История православия в Монголии // Православие в Монголии. URL: http://www.pravoslavie.mn/istorprav.html?did=80

пограничных администрациях[42]. В ней преподавали монгольские, маньчжурские чиновники и сам консул, а инспектором являлся секретарь или драгоман консульства[43]. Школа находилась под покровительством генерал-губернатора Приамурья, но только в 1884 г. была переведена на баланс Государственного казначейства. В 1894 г. Я.П. Шишмарев предложил начать подготовку переводчиков тюркских наречий для Степного края и Туркестана[44]. Образовательный уровень школы был высок, и в условиях острого дефицита переводчиков ученики были всегда востребованы. На выпускных экзаменах иногда присутствовали сами маньчжурские амбани (к примеру, в июле 1898 г. членом экзаменационной комиссии был амбань Лянь Шунь, лично вручивший аттестаты)[45]. Тем не менее финансовое положение школы переводчиков было сложным, она не имела собственного здания, а выпускники редко возвращали ссуды на обучение, полученные от «Общества вспомоществования недостаточным учащимся в Ургинской школе»[46]. Я.П. Шишмарев в 1885–1901 гг. постоянно обращался в Петербург с просьбой об увеличении финансирования и квот для слушателей. На средства созданного в 1906 г. Я.П. Шишмаревым благотворительного общества и Иркутского военного округа (по 5 тыс. руб.) консульство собиралось построить здание школы и расширить ее деятельность, однако из-за затянувшегося спора между Министерством финансов и МИДом, а также начавшейся мировой войны проект не был реализован. Эта школа, работавшая до 1920 г., по замечанию современников, была «единственным рассадником просвещения» в Монголии[47] и стала важной площадкой взаимодействия культур, подготовки востоковедов, дипломатов и «воздействия» на маньчжурскую и монгольскую элиты[48].

Вторым серьезным образовательным проектом консульства в Урге было создание в 1908 г. трехклассной русской школы с программой Министерства народного просвещения, в которой обучалось 20 детей. Несмотря на усилия Я.П. Шишмарева, школа не поступила под августейшее покровительство императрицы Александры Федоровны,

---

[42] Цит. по: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 242.

[43] Русский консул в Монголии. С. 32.

[44] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 108–109, 285–286.

[45] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 23.

[46] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 18 об.

[47] Московская торговая экспедиция в Монголию (1910). С. 41.

[48] Подробнее о школе переводчиков и толмачей см.: *Даревская Е.М.* Ургинская школа переводчиков и толмачей; *она же*. Сибирь и Монголия. С. 131–146; *Дацышен В.Г.* История изучения китайского языка в Российской империи. С. 131–146.

и учреждение существовало на средства попечительского совета, председателем которого являлся консул. Сумма на содержание заведения (1000 руб. в год) покрывалась за счет арендной платы за дом в «ламском городе», а также небольшого школьного капитала. После окончания школы родители могли отдавать детей в Троицкосавское реальное училище или женскую гимназию. В целях популяризации российского образования консул предлагал принимать на учебу детей влиятельных монголов[49], чего удалось добиться только в 1913 г. консулу А.Я. Миллеру.

Принимая во внимание, что многие дети купцов продолжали дело родителей, консульство в Урге предлагало преобразовать школу в среднее специальное учебное заведение, а также организовать торгово-промышленный музей с образцами предметов монгольского быта и производимых в стране товаров[50]. Проведением в жизнь идеи 8-классного коммерческого училища занимался генконкул А.Я. Миллер. Он возглавлял попечительский совет училища, добивался спонсорской помощи кяхтинских и троицкосавских купцов, помогал в организации благотворительных спектаклей. К сентябрю 1915 г. совет собрал сумму, необходимую, чтобы начать занятия. Генеральный консул написал устав училища, который был утвержден товарищем министра торговли и промышленности в апреле 1916 г.[51], а также составил его учебную программу. А.Я. Миллер настаивал на бюджетном статусе училища, что стимулировало бы желание монголов отдавать в него своих детей, а совместное обучение русских и монголов обеспечило бы воспитание лояльных России монголов. В связи с этим в июне 1916 г. А.Я. Миллер подготовил смету на содержание училища (29 680 руб.), рассчитывая получить от государства аванс в 14 250 руб., однако средства вновь пришлось изыскивать у самих купцов. Государственная субсидия в 15 тыс. руб., назначенная лишь в 1917 г., не была выплачена, и до 1919 г. общественная деятельность колонии и нового консула А.А. Орлова была направлена на добывание средств для училища и строительства его здания[52].

Консульства в Урге и Западной Монголии поддерживали стремление российских поселенцев организовывать собственные школы и взяли на себя переговоры с местными властями по этим вопросам. В 1913 г. при содействии консульства купеческое самоуправление

[49] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 53 об.
[50] Там же. Л. 133; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 18 об.
[51] *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 151.
[52] Там же. С. 151–154.

в Урге создало школу, в которой на начало 1916 г. обучалось 55 детей. В 1917 г. она была объединена с консульской школой[53] и поступила в распоряжение МИДа. В 1914–1915 гг. консульство способствовало организации школы для детей русских офицеров монгольской воинской бригады в Худжир-Булуне. В ноябре 1915 г. открылась небольшая школа (на 15 учеников) в поселении Раздольное в 50 верстах от Урги, которую купец Н.Н. Назимов создал для обучения детей своих служащих. В 1916 г. генконсул А.Я. Миллер ходатайствовал о передаче ее в ведение Министерства народного просвещения[54]. Известно, что содержанию школ значительно помогали средства, собранные возглавляемым генеральным консулом ургинским приходским попечительством, в работе которого деятельное участие принимал священник Ф.А. Парняков.

Консул в Улясутае А.А. Вальтер в 1912–1915 гг. вел интенсивную переписку с министерствами и иркутским генерал-губернатором о направлении в Улясутайский округ учителя для начальной школы, здание для которой российское торговое сообщество в Улясутае выстроило еще в 1912 г.[55]. Поскольку Министерство финансов требовало провести решение об оплате услуг учителя через Государственную думу, а улясутайское самоуправление было не в состоянии содержать школу полностью за свой счет, учитель так и не был назначен. В 1914 г. консул нашел и согласовал с Министерством народного просвещения кандидатуру на должность учителя — К.И. Иванова из Иркутской губернии. Однако ходатайство А.А. Вальтера о субсидии на жалованье учителю удовлетворено не было, а улясутайское купечество отказалось платить ему жалованье из своих средств. В феврале 1917 г. консул в Кобдо поддержал ходатайство А.В. Бурдукова об открытии в Кобдо и Уланкоме начальных школ. Для нужд школы с 22 учениками консульство в Кобдо выделило часть своего помещения (собственное здание школы было построено лишь в марте 1918 г.), а купечество ассигновало более 8,5 тыс. руб. на содержание учителей, пособия, завтраки[56]. Таким образом, большинство российских учебных заведений в Монголии было создано без государственной поддержки, благодаря кооперации самих купцов и содействию консульства.

---

[53] По данным Е.М. Даревской, в 1915 — начале 1916 г. в данной школе обучалось 20 детей.

[54] Там же. С. 146–147.

[55] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 187.

[56] *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 147.

В целях развития торговых контактов и в качестве инструмента «культурной дипломатии» консульства предлагали государству инвестировать в обучение монгольской молодежи. Незнание монголами русского языка (в отличие от китайцев) являлось причиной многих недоразумений в торговых отношениях[57]. Несмотря на то что ламаистская церковь была против светского просвещения, еще в мае 1894 г. Я.П. Шишмарев, заручившись поддержкой ургинских амбаней, ходатайствовал через посланника перед Цзунли-ямэнем об учреждении в Урге языковой школы для молодых монголов[58]. Проект Я.П. Шишмарева был одобрен пекинскими чиновниками, в том числе Ли Хунчжаном, но не получил финансирования со стороны амбаней[59]. После переворота 1911 г. деятельность по созданию школы русского языка и перевода возобновилась с подачи Министерства иностранных дел Монголии. Консульство в сжатые сроки предложило российскому поверенному в делах в Пекине смету расходов по школе (3000 руб. на шесть учеников в год)[60]. Реализацию проекта школы начали В.Ф. Люба и специальный уполномоченный И.Я. Коростовец. Директором школы назначили интеллигентного бурята Ц.Ж. Жамцарано, бывшего преподавателя Петербургского университета, редактора первой монгольской газеты. Учителем школы также был бурят Н.Т. Данчинов[61]. Летом 1912 г. интернат для шести монгольских стипендиатов и приходящих учеников был открыт. В условиях недостатка финансов МИД Монголии не раз обращался к специалистам консульской школы, чтобы те помогли наладить работу первой монгольской общеобразовательной школы (основана 24 марта 1912 г.). Консульство в Урге совместно с Ц.Ж. Жамцарано предприняло также попытку отправить группу монголов в учебные заведения Иркутска, но ургинское правительство не смогло оплачивать их учебу[62].

Императорские консульства служили важными центрами российско-монгольского информационного обмена. Получая газеты, журналы, агентские телеграммы[63] из России, дипломаты и предприниматели знакомили с ними власти и население Монголии. Книги, журналы,

[57] *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии. С. 286–287.

[58] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 267 об.

[59] *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 146–147.

[60] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 57–57 об.

[61] Стоит отметить, что впоследствии консульскую школу оканчивал будущий лидер революции Х. Чойбалсан.

[62] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 218.

[63] Листок «Кяхтинской агентуры Российского телеграфного агентства» (1896), Агентские телеграммы российского и петербургского агентств (1906).

альбомы (в том числе по медицине, географии, истории), карты консул в Урге выписывал из России для самого богдо-гэгэна и других лам. До 1910-х годов администрация и население Монголии в информационном отношении существенно зависели от российских подданных. Например, большую часть оперативных сводок с фронтов китайско-японской войны 1894–1895 гг. амбани в Урге получали из российского консульства.

Обмен информацией между русскими и монголами усилился в период освободительного движения в Монголии (1911–1915). Возрос интерес монголов к образованию, углублению знаний о соседних странах. Монгольская интеллигенция стала активно использовать прессу приграничных регионов России в целях общения с «северным соседом» — предупреждения жителей Сибири об эпидемиях и природных бедствиях в пограничной зоне, рекламы товаров.

Для информирования монгольского населения о событиях в России и в целях «нравственного воздействия» на него в 1911–1912 гг. при генконсульстве в Урге была создана российско-монгольская типография, печатавшая первую в истории страны газету на монгольском языке[64]. В марте 1913 — сентябре 1915 г. издавался журнал на монгольском языке «Шинэ толь хэмээх бичиг» (сокращенно «Шинэ толь»)[65]. Издание рассылалось бесплатно в монгольские учреждения и в качестве одной из целей ставило избавление монгольских читателей от обусловленных религиозными догмами предрассудков. С сентября 1915 г. до начала 1918 г. вместо «Шинэ толь» стала издаваться газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг» («Столичные новости»), к работе в которой удалось привлечь представителей формировавшейся монгольской интеллигенции[66].

Важнейшим направлением деятельности российских консулов было участие в создании общественного управления российских колоний в городах Монголии. Попытки упорядочить отдельные сферы повседневной жизни соотечественников консульство в Урге предпринимало с последней трети XIX в. Летом 1900 г. Я.П. Шишмарев предложил ввести сбор средств на общественные нужды (по 2 коп. с тюка товаров, проходящих через столицу). Их расходование должно было осуществляться под контролем консульства и комитета колонистов[67]. Однако на основании заключения Московского биржевого комитета

[64] *Коростовец И.Я.* Указ. соч. С. 218.
[65] Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. Отд. IV. С. 489–491.
[66] *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 167.
[67] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 109 об.–110.

о том, что Урга является не более чем одним из «перевалочных пунктов на пути из Тяньцзиня в Кяхту»[68], осенью 1902 г. Министерство финансов запретило делать данный сбор обязательным, и деньги собирались добровольно.

В январе 1907 г. консул в Урге предложил на рассмотрение Первого департамента и посланника в Пекине Д.Д. Покотилова проект организации общественного управления русской колонии и ее муниципального устава[69]. В состав комитета самоуправления должны были войти избранные представители местного российского сообщества — старшина, его заместитель, два члена колонии и делопроизводитель[70]. Однако в 1907 г. данная инициатива реализована не была. В связи с резким ростом колонии в Урге (в 1909 г. — 600 человек) консульство вновь поставило вопрос о введении самоуправления, важного как для сохранения престижа России, так и с точки зрения поддержания необходимых пожарных и санитарных условий. Оно представило посланнику новый проект организации, поддержанный торговым сообществом[71]. Требуемые для мероприятия расходы, по плану Я.П. Шишмарева, должны были поступать от сборов с вывозимых в Россию товаров. Однако идею общественного управления в Урге удалось реализовать только после признания Россией автономии Монголии (1912 г.)[72]. В немалой степени этому способствовало принятие программы государственной поддержки «русского дела» в автономной Монголии. Основные приоритеты гуманитарной деятельности консульства в новых условиях определил дипломатический агент А.Я. Миллер[73]. С июля 1914 г. в управлении жизнедеятельностью русской колонии, решении ее повседневных вопросов (в том числе формирования полиции, пожарной команды) консульству в Урге стало помогать существовавшее при нем Попечительство[74].

В результате относительного упорядочения жизнедеятельности российского торгового сообщества в Монголии к середине 1910-х годов общественно-культурная активность русских резко возросла. Деятельность Попечительства при ургинском консульстве дала дополнительный, мощный импульс развитию культурного обмена в Монголии

---

[68] Там же. Л. 145.

[69] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 1.

[70] Там же. Л. 23–23 об.

[71] Там же. Л. 91–92 об.

[72] Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. Отд. IV. С. 490.

[73] *Воллосович М.* Письма из Монголии.

[74] Подробнее о деятельности попечительства см.: *Единархова Е.М.* Русские в Монголии. С. 193; *Даревская Е.М.* Три портрета — три судьбы. С. 132; *Старцев А.В.* Русские предприниматели в Монголии. С. 75.

и самодеятельности русской колонии в столице страны. Благодаря усилиям настоятеля Свято-Троицкой церкви Ф.А. Парнякова и председателя Попечительства генерального консула и дипломатического агента А.Я. Миллера был осуществлен ряд крупных культурных проектов. Летом 1914 г. на средства Святейшего Синода и ургинских фирм консульством была организована поездка Ф.А. Парнякова по Западной Монголии с целью религиозного просвещения, сбора информации о нуждах и интересах соотечественников, сплочения русской колонии. Эта командировка вызвала волну общественно-культурных начинаний колонии в Улясутае, Ван-Хурэ, Цзаин-Шаби, а также стала актом «культурной дипломатии», укрепившим симпатии к «русскому» светских и духовных властей.

В 1915 г. в Урге были созданы хор и оркестр струнных инструментов, проводились публичные лекции с участием сотрудников консульства (В.Г. Габрика), врачей, учителей, есаула консульского конвоя[75]. Консульство в Урге разработало устав популярного среди поселенцев Русского клуба, созданного еще 22 июля 1903 г.[76]. В клубе имелись сцена, бильярд, казачий оркестр балалаечников, устраивались танцы под граммофон и любительские спектакли. Предпринималась, но не реализовалась попытка создать монгольский оркестр под управлением русского капельмейстера. К 1919 г. клуб уже располагал собственным двухэтажным зданием[77]. В эти годы досуг ургинцев стал более разнообразным. Управляющий консульством В.Н. Лавдовский летом 1911 г. добился разрешения на открытие в Урге датчанином Рихардом кинематографа, ставшего одним из любимых развлечений русских, монголов и китайцев[78]. Любительские театральные постановки устраивались и на праздничных вечерах в консульстве. По воспоминаниям И.Я. Коростовца, на приеме генерального консула В.Ф. Любы по случаю Нового 1913 года «вместо обычной карточной игры нас угостили любительским спектаклем. Ургинские артисты дружно сыграли „Аз и ферт“ и „Горящие письма“ при участии генерального консула, у которого оказался недурной драматический талант»[79].

В Улясутае острая торговая конкуренция и бытовая неустроенность препятствовали появлению «общественности»[80]. Из-за отсутст-

---

[75] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 186.
[76] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 868. Л. 3.
[77] *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. С. 170.
[78] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 23.
[79] *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. С. 355.
[80] *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. С. 75–76.

вия сильного консолидирующего начала социальная и культурная жизнь российских поселенцев округа была «несорганизована и бедна»[81]. Прообразом общественного управления в Улясутае стало Торговое общество, учрежденное пионерами российско-монгольской торговли в 1880-х годах, но не обладавшее уставными документами и четкими целями. По роду деятельности оно являлось, скорее, форумом для принятия тактических решений на рынке[82]. Прибывший в 1906 г. и до весны 1909 г. находившийся на неофициальном положении консул не мог уделять должного внимания благоустройству и общественной жизни местной фактории.

Организацией общественного управления консульство в Улясутае занялось лишь в период автономии Монголии. Консул А.А. Вальтер в начале 1915 г. разработал устав Попечительства православной церкви при консульстве[83] с широким диапазоном деятельности. Первостепенными задачами организации были сбор средств на возведение и функционирование православного храма, забота о приходском кладбище, создание условий для богослужений в других пунктах Улясутайского округа. Среди прочих задач значились устройство учебных заведений, библиотек, содействие науке, в том числе посредством «собирания предметов древности», проведение культурных мероприятий (вечеров, чтений, концертов), издательская деятельность, благотворительность, с 1916 г. — создание потребительского магазина и театрального зала.

В 1916 г. Попечительство было преобразовано в «Общественное попечительство при Императорском российском консульстве в Улясутае» и действовало на основе юридически выверенного устава, по примеру ургинского[84]. Участие консула в руководстве Попечительством придало организации высокий статус и способствовало объединению в ее рамках всех колонистов Улясутая и большинства хошунных торговцев. Управлявший в 1916–1917 гг. консульством А.Н. Кульков не только обеспечил «энергичную поддержку и крепкую защиту» интересов отечественной торговли[85], но и способствовал систематизации общественной жизни. Он поддерживал объединительные тенденции в купеческом сообществе (по учреждению в Улясутае биржи, кооператива российских торговцев, российского печатного органа), межре-

[81] Там же. С. 71; ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 14.
[82] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 185–186.
[83] Там же. Л. 11–14 об.
[84] Там же. Л. 158–158 об., 187.
[85] ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 14.

гиональное сотрудничество российских подданных в Монголии. В сжатые сроки А.Н. Кулькову удалось сформировать бюджет Попечительства в размере 10 тыс. руб.[86].

В Улясутае с 1916 г. работал просветительный комитет для россиян и консульского конвоя. Его стараниями любительской театральной труппе был предоставлен отдельный зал. В 1914–1917 гг. в городе действовали хор и оркестр струнных инструментов, проводились музыкальные спектакли, концерты по сбору средств на военные нужды[87]. Мероприятия проходили на открытой сцене во дворе консульства и в доме торгового старшины Н.П. Игнатьева. В 1916–1917 гг. колония в Улясутае выстроила здание для библиотеки и Общественного собрания.

В Урге и Улясутае на средства торговцев и при поддержке консулов А.Я. Миллера и А.А. Вальтера были организованы библиотеки-читальни[88], которые посещало и местное население. Была налажена регулярная доставка периодики и литературы в Ургу (20 журналов и газет)[89]. У сотрудников МИДа (Я.П. Шишмарева, В.Ф. Любы и др.), торгового и финансового министерств (А.П. Болобана, С.А. Козина), офицеров конвойной команды, врачей, некоторых предпринимателей также имелись книжные коллекции, которыми пользовались как соотечественники, так и монголы[90].

Противоположная ситуация сложилась в Кобдо, где консульство, до 1915 г. сосредоточенное исключительно на решении политических и экономических задач, не сыграло существенной роли в развитии общественной жизни колонии. Общественное собрание в этом пункте было создано лишь в конце 1916 г. и до революции 1917 г. не успело реализовать социально значимые проекты, кроме музыкальных вечеров и спектаклей с участием казаков конвоя. К тому же, очевидно, в силу субъективных причин последнему консулу в Кобдо не удалось глубоко интегрироваться в местное торговое сообщество[91].

Большую роль с точки зрения пропаганды нравственных основ среди населения Монголии играло поддержание престижа правосла-

---

[86] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 187.

[87] *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. С. 378.

[88] *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 163–164. По данным А.В. Бурдукова, в Улясутае библиотека насчитывала до 1000 томов, была оформлена подписка на 30 периодических изданий (*Бурдуков А.В.* Указ. соч. С. 378).

[89] *Майский И.М.* Современная Монголия. С. 92; *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 158–159.

[90] *Пайчадзе С.А.* Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. С. 127–129.

[91] *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 171.

вия. Одним из первых культурных начинаний консульства в Урге стало строительство православного храма, на которое Я.П. Шишмарев начал сбор средств уже с 1863 г. При финансовой поддержке кяхтинских купцов строительство Свято-Троицкой церкви завершилось в 1875 г.[92]. Первую литургию в столице Монголии 22 марта 1864 г. отслужил приглашенный из Забайкалья священник И. Никольский. На протяжении почти 30 лет богослужения в Урге преимущественно проводились приезжавшими представителями сибирских епархий. С 1893 г. в Урге появился постоянный священник, выплата жалованья которому осуществлялась из казны. С 1893 г. Госсовет определил ежегодный отпуск из казны по 1900 руб. серебром на содержание причта при консульской церкви в Урге (1200 руб. — священнику, 700 руб. — псаломщику)[93]. Настоятелями Свято-Троицкого храма в разное время являлись Н. Шастин, Вс. Иванов, М. Чефранов, Ф. Парняков. Он был единственным в Монголии православным храмом. Торговые общества в Западной Монголии, начав культурную деятельность лишь в 1914 г., не успели реализовать планы по строительству сооружений культа[94].

Сотрудники консульства в Урге хорошо понимали бытовые и духовные нужды купечества и предпринимали энергичные действия для поддержания надлежащего функционирования храма, однако решение церковных вопросов оказалось весьма сложным из-за межведомственных и личностных противоречий[95]. В 1889 г. генконсул Я.П. Шишмарев выпустил постановление о копеечном сборе в копилку храма с ящика проходящего через Ургу чая[96] (с 1888 по 1898 г. чаеторговцы пожертвовали на нужды церкви 14 112 руб.[97]), что позволило полностью обустроить церковь и быт священнослужителей. В 1897 г. между священником и консульством разразился конфликт из-за права на сбор пожертвований[98]. Для его разрешения Я.П. Шишмарев предложил создать при церкви, с согласия архиепископа Иркутского и Верхоленского, специальное попечительство для распоряжения пожертвованиями. К 1900 г. сформированный церковный комитет состоял из генерального консула, секретаря и драгомана консульства, священника, директора

[92] *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге. С. 61.

[93] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 146 об. По данным А.М. Позднеева, штаты церкви были утверждены Госсоветом в 1892 г. (*Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I. С. 147).

[94] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 11–14 об.

[95] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 149, 166–168 об., 172–178, 182–191.

[96] Там же. Л. 148.

[97] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 49.

[98] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 557–557 об.

Общества рудного дела в Монголии, управляющего почтовой конторой и представителей двух комиссионерских домов[99]. Отношения прихожан со священниками также не всегда складывались благоприятно, что отражалось на материальном положении храма (в 1905–1906 гг. он обеднел из-за недопонимания между настоятелем М. Чефрановым и паствой, прихожане практически перестали ходить в церковь)[100]. Дипломатия консульства помогала нейтрализации этих негативных явлений, но состояние церковного дела в Монголии в первую очередь зависело от личности священника. Так, созидательный настрой Ф. Парнякова, назначенного на место настоятеля храма в апреле 1914 г.[101], способствовал нормализации взаимодействия церкви с прихожанами и оживлению культурной жизни русских в Урге в 1910-х годах.

Не менее проблематичным было сохранение престижа «русского имени» в Монголии при небрежном отношении поселенцев к состоянию православных кладбищ[102]. Консульство в Урге не раз обращалось к соотечественникам с призывами собрать средства на возведение ограды вокруг основного кладбища, но не встречало сочувствия. В результате из-за того, что скот и стаи собак без помех забредали на кладбище, оно подвергалось разорению, деревянные кресты расхищались монголами на топливо, а каменные разрушались от времени и от рук вандалов[103]. Дипломаты отмечали, что непочтительное отношение русских к умершим подрывает репутацию православной цивилизации в глазах монголов. В 1897 г. консул обратился к Государственному казначейству с просьбой выделить 1000 руб. на изготовление каменной ограды вокруг русского кладбища, однако в итоге ограда была устроена на средства главноуправляющего рудного дела в Монголии В.Ю. фон Грота[104].

Эффективным средством привлечения симпатий монгольского населения к России и христианским ценностям была организация консульствами благотворительной деятельности. Для помощи беднякам, старикам и больным консульство использовало как частные, так и государственные источники. В частности, в 1896–1898 гг., отмеченных затяжными зимами и бескормицей, в Урге был организован сбор

---

[99] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 80 об.

[100] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 18; Ф. 188. Оп. 761. Д. 879. Л. 12–16, 45 об.

[101] Ф.А. Парняков был переведен из Воскресенской церкви в г. Иркутске и прослужил в Урге до 1921 г.

[102] *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I. С. 145–146.

[103] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 478 об.

[104] Русский консул в Монголии. С. 20; *Ломакина И.И.* Монгольская столица. С. 43.

средств для покупки шуб для детей из неимущих семей, раздачи мяса и кирпичного чая в первые дни монгольского Нового года. К «благому делу» консульство привлекало всех возможных спонсоров. Например, проезжавший в июне 1897 г. по Монголии князь Э.Э. Ухтомский передал для этих целей консульству более 1000 руб.[105]. В 1897–1898 гг. консульство устроило бесплатную столовую для 40 бедняков и больных на сумму 1200 руб.[106]. Финансовая поддержка монголов правительством России заключалась в оплате медицинской помощи врачом консульства, а также периодической выдаче пособий особо нуждавшимся. При консуле Я.П. Шишмареве была заведена традиция финансовой помощи монгольским казенным почтовым станциям[107], несмотря на то что по трактатам российские чиновники могли пользоваться ими бесплатно. С 1869 г. по ходатайству консульства в Урге генерал-губернатор Восточной Сибири периодически испрашивал в Министерстве внутренних дел по 1500–1800 руб. для дополнительного вознаграждения монгольских станций (примерно по 150 руб. на каждую), что расценивалось как добродетельный поступок со стороны российского правительства и являлось определенным каналом влияния России[108]. В 1908 г. по ходатайству консульства в Урге Россия выделила крупную сумму в качестве помощи монгольским станциям, пострадавшим от стихийных бедствий[109].

Создание положительного образа России требовало от консулов в Монголии энергичных действий в области воспитательной работы среди российских торговцев. «Некультурность» и разрозненность действий предпринимателей, стремление многих к быстрой выгоде и непонимание ими «государственных задач» в Монголии считались современниками препятствиями к прогрессу в российско-монгольских торговых отношениях[110]. Сотрудники консульств стремились внушить предпринимателям, что у них и российского государства общие задачи в Монголии. Отсутствие у купцов мотивации к расширению круга покупателей, «насаждению» культуры в Монголии консул В.Ф. Люба называл «печальным приговором» отечественной торговле в Монголии[111]. Критикуя по-

[105] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 561.

[106] Там же. Л. 561 об.–562.

[107] Уртонная служба являлась формой государственной повинности монголов.

[108] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 425 об.

[109] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 69.

[110] *Хохлов А.Н.* Торговля — приоритетное направление политики России. С. 204–206, 223–224.

[111] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 138–139 об.

ведение соотечественников, консулы обращали их внимание на практичность, «широкий взгляд на вещи» и сплоченность китайских конкурентов[112]. Одновременно дипломаты поднимали вопрос о долге государства создать условия для взращивания коммерсантов нового типа («культурных») — подлинных агентов цивилизации в кочевом мире. Особенную популярность эта идея приобрела в кризисные для торговли 1910–1911 гг.[113].

Консульства также вели борьбу с асоциальным поведением представителей российского торгового сообщества (пьянством, азартными играми, драками и т.д.) и нечистоплотностью в сделках. Российские коммерсанты широко практиковали обвес, оплату перевозок залежалым товаром (партиями зонтов, чулок или женских перчаток "a la Сара Бернар")[114], продажу аристократии технических диковин по спекулятивным ценам. Среди мер «воспитания» купцов превалировали запретительные, а не стимулирующие. Так, в 1892 г. для пресечения противоправной деятельности русских по соглашению с консульством томский губернатор запретил выдавать заграничные билеты лицам, уличенным в «предосудительных поступках» как в российских, так и в китайских пределах[115].

Особым направлением деятельности российских дипломатов в Монголии было содействие востоковедению. Урга являлась исходным пунктом для разнопрофильных экспедиций по изучению Центральной Азии и Китая. Служащие консульств оказывали деятельную поддержку путешественникам, обеспечивая беспрепятственное движение экспедиций по стране, договариваясь с маньчжурскими и монгольскими властями об оказании путешественникам всестороннего содействия, предоставляя им информацию об особенностях маршрутов, помогая в найме транспорта, помещений в монгольских городах и т.д.[116].

Среди отечественных экспедиций, которым императорские консульства оказали организационную и информационную поддержку, были экспедиции и поездки П.А. Ровинского[117], Г.Н. Потанина (1877, 1892–1894)[118], М.В. Певцова (1879)[119], А.М. Позднеева (1876–1879,

---

[112] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 879. Л. 15; Д. 478. Л. 132 об.
[113] РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 252. Л. 138 об.
[114] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 136–137 об.
[115] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 14 об.
[116] АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 716. Л. 3–4; Д. 717. Л. 3–21; Д. 719. Л. 10–37.
[117] *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии. С. 249.
[118] Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. С. 102–103.
[119] *Певцов М.В.* Путешествие по Китаю и Монголии. С. 178.

1892)[120], Н.М. Пржевальского (1871, 1881, 1883–1884)[121], П.К. Козлова (1899–1901, 1907–1909)[122], В.А. Обручева (1892)[123], Д.А. Клеменца (1896)[124], Э.Э. Ухтомского (1897)[125], экспедиции и отдельные миссии Генштаба (1903)[126]. Например, весной 1901 г. Я.П. Шишмарев договорился с ургинскими амбанями об отправке ургинских чиновников на поиски тибетской экспедиции П.К. Козлова после получения сведений о ее гибели[127]. Консульство также размещало на своей территории участников экспедиции П.К. Козлова, поддерживало связь путешественников с родиной, доставляло корреспонденцию[128]. В 1914–1916 гг. консульства в Монголии содействовали исследованию экономического состояния хошунов Тушэту-ханского и Цэцэн-ханского аймаков, понесших большие потери скота в начале 1910-х годов, которое проводила российско-монгольская экспедиция под руководством барона П.А. Витте[129].

Помощь российских дипломатов получали и иностранные путешественники, в том числе члены французской экспедиции Ж. Шаффанжона по изучению геологических и этнографических проблем Маньчжурии (в конце апреля 1896 г.), австриец Габергауэр, изучавший Западную Монголию и Урумчи[130]. В 1909 г. консул В.В. Долбежев помог начальнику экспедиции Финно-угорского общества магистру И.Г. Гранэ, лишившемуся багажа в результате обмана киргизских ямщиков возле Кобдо, а также английскому путешественнику Р. Гайнэ[131].

Дипломаты в Монголии оказывали серьезную поддержку российской востоковедной науке, делясь информацией и интересными находками с научным сообществом. Они сотрудничали с учебными заведениями в Петербурге, научными обществами России (Императорским Русским географическим обществом, Русским комитетом для

[120] *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I. С. 147.

[121] *Пржевальский Н.М.* Из Кяхты на истоки Желтой реки. С. 28, 32.

[122] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 100–100 об.

[123] Во время пребывания В.А. Обручева в Урге в составе экспедиции Г.Н. Потанина по Монголии секретарь консульства сопровождал его для изучения окрестностей (см.: *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи. С. 6).

[124] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 490.

[125] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 2.

[126] Там же. Л. 135–138; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 135–135 об.

[127] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 100–100 об.

[128] *Козлов П.К.* Монголия и Кам. С. 421; *он же.* Русский путешественник в Центральной Азии. С. 104; *он же.* Монголия и Амдо. С. 34, 119, 317.

[129] *Ломакина И.И.* Монгольская столица. С. 75–77.

[130] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 490.

[131] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 123 б–123 б об., 134.

изучения Средней и Восточной Азии, Императорским Обществом востоковедения)[132]. Консулы Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, В.В. Долбежев, агент в Урге А.П. Болобан лично принимали участие в сборе информации и вовлекали в изучение страны коллег, российских поселенцев, вели переписку с путешественниками, учеными и купцами, изучавшими Монголию во время поездок по стране[133]. Например, Я.П. Шишмарев вел переписку с Н.М. Пржевальским, П.К. Козловым, Г.Н. Потаниным, Д.А. Клеменцем, В.А. Обручевым, В.И. Роборовским, А.М. Позднеевым[134], был знаком с П.П. Семеновым-Тян-Шанским, С.Ф. Ольденбургом. В.Ф. Люба переписывался с бийским предпринимателем А.Д. Васеневым, с ученым Г.Н. Потаниным и др.[135].

Многие консульские работники внесли самостоятельный вклад в научное исследование Монголии и Китая (Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, В.В. Долбежев, И.В. Падерин, В.М. Успенский)[136]. Дипломаты собирали коллекции предметов культуры народов Китая, являлись авторами страноведческих и лингвистических работ, составляли словари и разговорники монгольского, маньчжурского, китайского языков. Перу Я.П. Шишмарева принадлежат географические, этнографические, экономические статьи и заметки, которые стали путеводными для некоторых исследователей Центральной Азии. В частности, опираясь на результаты наблюдений Я.П. Шишмарева, П.К. Козлов прокладывал путь в район Керулена[137]. Особый вклад Я.П. Шишмарев внес в научное исследование Тибета благодаря сбору сведений о «Стране снегов», координации связей российских, монгольских и тибетских буддистов (в том числе монгольского посольства 1873 г.[138]), описанию цинской «посольской дороги» из Урги в Лхасу (1873) и т.д.[139]. За труды в различных областях монголоведения консул Я.П. Шишмарев был награжден серебряной медалью Русского географического общества и избран действительным членом его Сибирского отдела[140]. Секретари консульства в Урге И.В. Падерин и В.М. Успенский переводили ки-

[132] См.: Россия. 04.05.1910. № 1365. С. 3.

[133] Записки ВСО РГО по общей географии; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 278.

[134] Русский консул в Монголии. С. 30.

[135] ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 161–172, 195 об.–196, 238–240 об.

[136] *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 278.

[137] *Козлов П.К.* Монголия и Амдо. С. 39.

[138] *Андреев А.И.* Неизвестная страница из истории Большой игры. С. 126–128.

[139] *Андреев А.И.* Я.П. Шишмарев. С. 119–123; *он же.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 67–72.

[140] *Лиштованный Е.И.* Монголия в истории Восточной Сибири. С. 41.

тайские карты, описания кочевий и т.д. для исследовательских экспедиций по Монголии[141]. И.В. Падерин осуществлял поиски древней столицы Каракорума (1873 г.), занимался естественно-научными изысканиями[142]. Консул В.В. Долбежев исследовал Улясутайский, Кобдоский и Алтайский округа[143], а его брат Б.В. Долбежев сделал подробное описание Дархатского округа, изучил следы древнего города Бишбалыка, оставив ценный фотографический альбом[144]. В.Ф. Люба являлся автором ряда работ по землепользованию и другим экономическим вопросам жизни монголов, талантливым аналитиком политической жизни страны[145]. А.В. Постников указывает на ценность картографических, письменных (особенно китайских) источников, собранных консулами в ходе объездов своих округов и общения с местными властями и духовенством[146].

Значение деятельности российских консульских учреждений для развития гуманитарных контактов с Монголией и распространения российского культурного влияния в этой стране во второй половине XIX — начале XX в. можно назвать определяющим. Несмотря на весьма сложные условия несения службы, особый культурный контекст страны пребывания, они смогли наладить конструктивные контакты с колонией соотечественников и прилагали усилия для удовлетворения насущных духовно-культурных и бытовых нужд выходцев из России. Наряду с этим консульства стали координаторами разносторонних контактов российской диаспоры, монголов, китайцев и других народов, пребывавших на территории Монголии в этот период. Дипломаты в Монголии были активными участниками и кураторами изучения Монголии и сопредельных регионов, сыграв важную роль в ознакомлении европейского мира с особенностями политической жизни, хозяйства, культуры монгольского мира, истории, антропологии и этнопсихологии монгольского народа. Кроме того, их деятельность способствовала популяризации русской культуры, формированию благоприятного имиджа России среди народов, населявших страну, и усилению российского культурно-духовного влияния в целом.

[141] *Певцов М.В.* Указ. соч. С. 124.
[142] Там же. С. 178; *Венюков М.* Барометрическая нивелировка в Монголии.
[143] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 10–16, 116, 144.
[144] *Долбежев Б.В.* Дархатский округ; *он же.* В поисках развалин Бишбалыка.
[145] АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 131 об.
[146] *Постников А.В.* Становление рубежей России. С. 230–232.

Заключение

Система консульских учреждений Российской империи в Монголии прошла долгий и сложный путь развития. Ее формирование было обусловлено в первую очередь политическими интересами государства и зависело от целей дальневосточной политики России во второй половине XIX — начале XX в., главными из которых были обеспечение безопасности российских дальневосточных рубежей, сохранение status quo в условиях экспансии великих держав в регионе, поддержание дружественных отношений с Китаем при учете особого положения Монголии.

Интенсификация торговых контактов с Монголией в изучаемый период не сыграла решающей роли в расширении консульской системы России в этой стране. Правительство невысоко оценивало торгово-экономический потенциал региона и до начала 1910-х годов не считало целесообразным расходовать средства на создание инфраструктуры для развития торговли с ним, предоставив инициативу в этой области предпринимателям. Консульство в Урге создавалось в 1861 г. с целью упорядочения уже существовавшей двусторонней торговли, а не содействия ее зарождению. Правом же на создание консульств в Западной Монголии правительство воспользовалось только в начале XX в., когда потребовалось укрепить позиции в данной «сфере интересов» в условиях неблагоприятных для России политических изменений на Дальнем Востоке (проведения Пекином политики колонизации Маньчжурии, Халхи и Алтая, активизации Японии в регионе и т.д.).

Развитие консульской сети России в Монголии до 1917 г. было поступательным, характеризовалось ростом числа и повышением статуса

заграничных учреждений. Однако реализация трактатного права России на открытие консульств в Западной Монголии встретила противодействие Пекина, для преодоления которого был использован широкий спектр политических методов — от уступок до политического давления. Промедление с открытием консульств в Западной Монголии, как и с созданием транспортной, банковской, почтово-телеграфной, социальной инфраструктуры для развития торговли и промышленности России в регионе, стесненные условия работы консульств отрицательно сказались на реализации политико-экономических интересов России в Монголии. Российские подданные не могли приобретать помещения в пунктах, где не было консульств, а в Западной Монголии российские фактории начали создаваться только с 1914 г. К этому времени российско-монгольские экономические отношения уже вступили в фазу кризиса в связи с движением за независимость в Монголии, а позднее — с возвращением в страну китайских купцов. Из-за вступления России в Первую мировую войну возможности правительства по реализации намеченных в 1912–1913 гг. мер поддержки российской торговли в Монголии были ограниченны. В результате, начав работу соответственно в 1906 и 1911 гг., консульства в Улясутае и Кобдо, невзирая на старания дипломатов, не смогли оправдать всех надежд, возлагавшихся на них российскими предпринимателями.

Особенности и проблемы, присущие консульской службе России на Востоке (двойственность функций, одновременное подчинение МИДу и Министерству финансов, а с 1905 г. — Министерству торговли и промышленности, несовершенство международной и национальной правовой базы консульской деятельности, перманентный кадровый дефицит и т.д.), в Монголии дополнялись рядом специфических черт, практически не менявшихся на протяжении изучаемого периода и определявших уникальность характера работы консульств в этой стране. Среди них — масштабность консульских округов, расширенные политические функции, большая самостоятельность в принятии решений, малые штаты, дефицит служащих со знанием языков региона, тяжелые бытовые, финансовые, климатические условия службы и т.д. Каждая из этих особенностей по-своему отразилась на складывании уникального облика консульской службы России в Монголии и результативности ее работы.

Консульства в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. выполняли большой объем политико-дипломатических функций. Несмотря на то что таковые вменялись консульствам и в других регионах Застенного Китая, сфера компетенции консульств в Монголии

была шире из-за особого юридического статуса страны в составе Китая. Их политические функции активизировались после поражения России в войне с Японией в 1905 г. и в связи с интенсификацией мероприятий Пекина по интеграции кочевой страны в хозяйственную систему Китая и открытию ее для международной торговли. Большое влияние на успех политической деятельности консульств оказывал личностный фактор — индивидуальные качества и страноведческая компетенция консулов, характер их отношений с местными властями. Политические полномочия консульств существенно расширились в чрезвычайных условиях антикитайской борьбы в Монголии (1911–1915).

В изучаемый период российские консульства оказали существенное влияние на внутриполитические процессы в Монголии, в особенности в 1911–1915 гг., сыграв одну из ключевых ролей в достижении страной автономии. Обладая широкими полномочиями, постоянно находясь в формальном и неформальном взаимодействии с местными элитами и администрацией всех уровней, они глубоко интегрировались в региональную политическую жизнь.

С точки зрения оценки значимости политической деятельности консульств в Монголии следует отметить, что в изучаемый период деятельность эта внесла существенный вклад в выработку оптимальной позиции России по «монгольскому вопросу», в эффективную реализацию дальневосточной стратегии России и защиту ее национальных интересов (в том числе в сфере безопасности, укрепления политико-экономического влияния в стране пребывания), в разрешение проблем в отношениях с Монголией и Китаем внутри консульских округов и на границе. Вследствие отсутствия у правительства России четкой политической линии в отношении Монголии до начала XX в. важная роль дипломатов в этой стране состояла в формировании адекватной и взвешенной точки зрения правительства на события и задачи России в Монголии, причем нередко, чтобы убедить некоторых государственных деятелей в резонности оценок текущей ситуации в регионе, дипломатам приходилось прилагать серьезные усилия.

Консулам в Монголии в разные периоды были делегированы полномочия по подготовке и заключению официальных актов от имени правительства России, в том числе по вопросу об автономии Монголии, формированию правил двусторонней торговли и т.д., они были непременными участниками значимых переговоров по совершенствованию режима двусторонних отношений. В период после ургинского переворота 1911 г. консульские сотрудники приняли активное участие

в организации материально-технической и военной помощи правительству богдо-гэгэна, создании и налаживании деятельности местных органов власти, обучении монгольской элиты навыкам государственного управления, хозяйственном и культурном преобразовании страны.

Подписание в 1913 г. Россией и Китаем совместной декларации по вопросу о статусе Монголии обусловило охлаждение отношений России с монгольскими властями, ургинский двор «закрылся» от российских дипломатов, стал предпринимать попытки обратиться за помощью в решении проблемы обретения независимости к правительству Японии. В этой ситуации Россия была вынуждена оказать политическое давление на Ургу, вменив эту задачу консульскому институту в Монголии под контролем посланника в Пекине. Динамика формирования агрессивного образа России и культивирование его монгольскими властями внимательно анализировались консульствами и были признаны весьма опасными для имиджа России на Дальнем Востоке. В.Ф. Люба, А.Я. Миллер, А.А. Орлов и другие главы консульств приложили существенные усилия для реставрации образа «русского богатыря» и друга монголов, создания такого режима взаимодействия, который хотя бы относительно устроил и Петербург, и Ургу, и Пекин.

Деятельность консульств также способствовала снижению уровня конфликтности на Дальнем Востоке и в Центральной Азии в начале XX в. Они выступали в качестве посредников в монгольско-китайском конфликте и при разграничении в Кобдоском и Алтайском округах, последовательно защищали права Монголии на автономию, оказывали помощь ее мирному населению в период военных действий. Все это позволяет говорить о важной роли российского консульского института в обеспечении региональной безопасности.

Необходимо отметить роль российских консульств и в поддержании «баланса сил» в международной системе на фоне борьбы великих держав за раздел сфер влияния в последней трети XIX — начале XX в. Завоевав авторитет у местных властей и населения и занимаясь активной информационной работой, консульства в Монголии посильно содействовали сдерживанию экспансии Англии и Японии в зонах интересов России, т.е. поддержанию status quo в отношениях держав.

Консульства были надежным инструментом защиты экономических интересов России и ее подданных, помощи развитию хозяйственных связей России, Монголии и Китая во второй половине XIX — начале XX в. Сотрудники представительств МИДа содействовали созданию инфраструктуры торговли, развитию российских факторий, внедрению

инноваций в хозяйственную деятельность соотечественников в Монголии. Консулам принадлежит заслуга в разъяснении правительственным и торгово-промышленным кругам России перспективности Монголии как рынка и стимулировании российского экспорта. Консульства являлись ключевыми источниками актуальной и систематизированной информации о ситуации в стране и российско-монгольских торгово-экономических отношениях для государственных органов, научных и деловых кругов. При отправлении судебных обязанностей консульства в Монголии вынуждены были не только ориентироваться на букву национального законодательства и российско-китайских (а с 1912 г. — и российско-монгольских) актов, но и принимать во внимание многочисленные обычаи, цивилизационные особенности монгольского и китайского социумов, что делало суд чрезвычайно сложной частью их работы. Судопроизводственную деятельность консульств значительно осложняло отсутствие в Российской империи консульского судебного устава.

Консульская защита экономических интересов России не раз подвергалась критике современников. С одной стороны, ее недостатки объяснялись перегруженностью консульской службы (совмещение обязанностей дипломатического и торгового институтов). С другой стороны, до начала 1900-х годов Петербург отводил Монголии роль перевалочного пункта российско-китайской торговли, что предопределяло игнорирование реальных нужд отечественной торговли и русской колонии в кочевой стране. Это обусловило и противоречие между консулами в Монголии, стремившимися стимулировать двусторонние торговые контакты, и министерствами в Петербурге, не желавшими нести расходы на обустройство их инфраструктуры. В освоении проблемного монгольского рынка не спешила участвовать и финансово-промышленная элита России. В этой ситуации консульская помощь была ограничена установлениями российской внешнеэкономической политики. Эффективность работы консульских сотрудников снижал и ряд других факторов, в том числе противодействие местной администрации, жесткая китайская конкуренция российской торговле, правовая, культурная и иная специфика Монголии, отсутствие развитых путей сообщения и средств связи и т.д. Тем не менее в немалой степени благодаря усилиям работников консульств к началу XX в. экономические отношения России и Монголии имели стабильный характер и положительную динамику. В кочевой стране, где хозяйство преимущественно сохраняло традиционные черты, российским подданным удалось наладить вполне цивилизованную торговлю с китай-

цами и монголами, основать целые поселения, для обитателей которых консульства выступили интегрирующим началом и информационным центром.

Российский консульский институт в Монголии внес неоценимый вклад в формирование привлекательного образа России и распространение ее культурного влияния в Монголии и Китае. Дипломаты способствовали развитию межцивилизационных контактов России, Монголии и Китая в широком диапазоне измерений, в том числе социально-культурном и духовном, поддерживая правительственные и частные инициативы в этой области, а также содействовали изучению Монголии и сопредельных регионов (Урянхайского края, Синьцзяна, Тибета, внутренних районов Китая). Работа консулов в значительной степени помогала формированию образа «друга» в лице России, и пророссийская культурная ориентация монголов сохранилась и в дальнейшем.

Консульские представительства являлись консолидирующим началом для весьма разобщенной русской колонии в Монголии. При их содействии было реализовано множество проектов по усовершенствованию порядка ведения торговли, развитию общественной жизни колонии, созданию социально значимых служб. Духовным базисом общественной деятельности консульств была забота консульских сотрудников о формировании идеологии общего «русского дела» в Монголии. Н.В. Богоявленский, говоря о консульствах в Западном Китае (а это его высказывание справедливо и для консульств в Монголии), подчеркивал, что они являлись «тем прибежищем, к которому обращаются все русские подданные и учреждения в надежде получить какую-либо помощь и содействие, и, большей частью, они в этом не ошибаются»[1].

Деятельность российских консульств сыграла значимую роль в судьбе Монголии как в отношении обретения последней статуса автономии в составе Китая, так и в области ее культурного и хозяйственного развития. Дипломаты совместно с представителями русской колонии зачастую являлись источниками культурных импульсов, формировавших воззрения элиты и народа Монголии на политико-экономическую действительность, на взаимоотношения с Россией и Китаем, взаимодействие с другими культурами, научно-технический прогресс и т.д.

К 1916–1917 гг. многие дипломатические, организационные и культурные начинания консульств в Монголии были сведены на нет. Среди

[1] *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай. С. 366.

факторов, повлиявших на это, были неопределенность курса России в этой стране, противоречия внешнеполитического и военного ведомств при осуществлении военно-технической помощи Урге. Неудачные кадровые решения при назначении представителей России в Монголию обусловили некачественную реализацию Россией взятых обязательств по материально-техническому содействию и недостаточно энергичную защиту государственных интересов. Негативными факторами стали также неудовлетворенность монголов результатами Кяхтинской конференции 1914–1915 гг., неопытность, консервативность и внутренние неурядицы монгольской администрации. Объективными причинами снижения влияния России в Монголии стала неспособность правительства реализовать все мероприятия, запланированные для закрепления в стране, из-за военных затруднений и развития революционного движения.

Несмотря на то что с февраля 1917 г. консулы практически утратили возможность регулировать российско-монгольско-китайские контакты, проекты в области культуры, совершенствования торговой и социальной инфраструктуры в городах Монголии, реализованные государством и русской колонией во второй половине XIX — начале XX в. при прямом участии консульств, а также выработанные дипломатами принципы организации двух- и трехстороннего экономического и культурного обмена, специфическая практика защиты российских интересов в данной стране продолжали оказывать большое влияние на российско-монгольские и российско-китайские связи, а также на развитие самой Монголии. Это наследие не утратило значимости и после ликвидации представительств «старой» России в разных частях страны, став той базой, на которой выстраивались российско-монгольские и российско-китайские отношения в последующие периоды.

Список использованных источников и литературы

Сокращения

На русском языке

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН
АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
Автореф. — автореферат
Акад. — академик
АлтГУ — Алтайский государственный университет
АОН — Академия общественных наук
БГПУ — Благовещенский государственный педагогический университет
БГУЭП — Байкальский государственный университет экономики и права
Б.и. — без издательства
Библиогр. — библиография
Биогр. — биографический
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БурГУ — Бурятский государственный университет
Вост. лит. — Издательская фирма «Восточная литература» РАН
ВПШ — Высшая партийная школа
ВСО РГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
Вступ. — вступительный, вступление
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАСИС — Государственная академия специалистов инвестиционной сферы
ГГО — Государственное географическое общество
Географгиз — Государственное издательство географической литературы
Гос. — государственный
Госиздат — Государственное издательство РСФСР
Госполитиздат — Государственное издательство политической литературы
Госсоцэкономиздат — Государственное социально-экономическое издательство
ГПНТБ — Государственная публичная научно-техническая библиотека
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Губ. — губернский

Д. — дело
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ДЛС и ХД — Департамент личного состава и хозяйственных дел
Дис. — диссертация
Д-р — доктор
ЗабГПУ — Забайкальский государственный педагогический университет
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗСО ИРГО — Западно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества
ИВ РАН — Институт востоковедения РАН
ИВИ РАН — Институт всеобщей истории РАН
ИВЛ — Издательство восточной литературы
ИГПИ — Иркутский государственный педагогический институт
ИГПУ — Иркутский государственный педагогический университет
ИГТУ — Иркутский государственный технический университет
ИГУ — Иркутский государственный университет
ИДВ РАН — Институт Дальнего Востока РАН
Изд. — издательский, издание
Изд-во — издательство
ИИЛ — Издательство иностранной литературы
ИМЭМО РАН — Институт мировой экономики и международных отношений РАН
Информ. — информационный
[И]РГО — [Императорское] Русское географическое общество
ИРИ РАН — Институт российской истории РАН
ИС РАН — Институт социологии РАН
ИСП РАН — Институт системного программирования РАН
Ист. — исторический
Канд. — кандидатский
Картогр. — картографический
КГПУ — Красноярский государственный педагогический университет
Кн. — книга, книжный
Ком. — комитет
Коммент. — комментарии
Конф. — конференция
КрасГУ — Красноярский государственный университет
Мат-лы — материалы
Междунар. — международный
Мин-во — министерство
МОНФ — Московский общественный научный фонд
Н. — наука
Науч. — научный
Науч.-практ. — научно-практический

Науч.-теоретич. — научно- теоретический
Обл. — областной
Общ. — общий
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
Окр. — окружной
Оп. — опись
Отв. — ответственный
Отд. — отдел
Пар. — паровая
Пед. — педагогический
Пер. — перевод
Печ. — печатный
ПИМ — Памятники исторической мысли
Подгот. — подготовлено
Практ. — практический
Прил. — приложение
Примеч. — примечания
Пром-сть — промышленность
Проф. — профессор
РАГС — Российская академия государственной службы при Президенте РФ
РГИА — Российский государственный исторический архив
Регион. — региональный
Ред. — редакция, редактор
Респ. — республика, республиканский
РОССПЭН — Российская политическая энциклопедия
С. — страница
Сб. — сборник
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СО РГО — Сибирское отделение Русского географического общества
Сост. — составитель, составлено
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
Ст. — статья
Стат. — статистический
Т. — том
Т-во — товарищество
ТГУ — Томский государственный университет
Тип. — типография
Типолит. — типолитография
Ун-т — университет
Упр-ние — управление
Учеб.-пед. — учебно-педагогический
Учпедгиз — Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР
Ф. — фонд

Филос. — философский
Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ
Ч. — часть
Элтип. — электротипография

На английском языке

Ed. — edited, editor
Introd. — introduction
P. — page
Pt — part
Trans. — translated, translation
Vol. — volume

Источники

Архивные документы

АВ ИВР РАН. Ф. 44. А.М. Позднеев.

АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол; Ф. 188. Миссия в Пекине; Ф. 292. Консульство в Урге; Ф. 300. Консульство в Хакодате; Ф. ДЛС И ХД. Формулярные списки; Ф. Главный архив. II-3.

ГААК. Ф. 71. Барнаульское отделение Русского для внешней торговли банка.

ГАИО. Ф. 24. Главное управление Восточной Сибири; Ф. 25. Канцелярия Иркутского генерал-губернатора, третье делопроизводство; Ф. 293. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.

РГИА. Ф. 23. Министерство торговли и промышленности; Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.

Законодательные акты

Полный свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями и с дополнительными узаконениями по 1 сентября 1910 года. В 2 кн. / Под ред. А.А. Добровольского, обер-прокурора Судебного департамента Правительствующего Сената, сост. А.Л. Саатчиан. Изд. неофициальное. СПб: Изд. книжного магазина «Законоведение», 1911. 3522 с.

Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, изданными в порядке ст. 87 законов основных, и позднейшими узаконениями. Изд. неофициальное / Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В. Герценберг. Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1–5. СПб.: Деятель, 1912. 8679 с.

Уложение Китайской Палаты внешних сношений. Пер. с маньчжур. Липовцов С.В. М.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. Т. I. 362 с.; Т. II. 319 с.

Документальные публикации

Донесения Императорских Российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам (Журнал Министерства торговли и промышленности. Отдел торговли). СПб.: Мин-во торговли и пром-сти, 1912–1916.

Журнал Особого Междуведомственного совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством иркутского генерал-губернатора, егермейстера Л.М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск: Губ. тип., 1913. 55 с.

За три века. Тувинско-русско-монгольско-китайские отношения (1616–1915). Архивные документы к 380-летию начала русско-тувинских связей / Сост. В.А. Дубровский. Кызыл: Тувинский респ. краеведческий музей, 1995. 88 с.

Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. Сб. мат-лов к 100-летию со дня окончания войны / [Авт.-сост. Е.М. Османов]. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 468 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917. Сер. 2. Т. 18–20. М.: Госполитиздат, 1938–1940. Сер. 3. Т. 1–10. М.: Госсоцэкономиздат, 1931–1938.

Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. Тула: Аквариус, 2014. 960 с.

Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Ч. 1. / Сост. Канцеляриею Гос. Думы. СПб.: Гос. тип., 1912. 640 с.

Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911–1912. Т. I. (№ 1–210). СПб.: Гос. тип., 1911. 2698 с.

Россия. Договоры. Соглашение об аренде русскими в Монголии земельных участков под застройки. Урга: Русско-монгольская тип., 1917. 7 с.

Россия. Договоры. Торговые договоры России с Китаем. СПб.: Мин-во торговли и пром-сти. СПб., 1909. 50 с.

Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов 1900–1914 гг. М.: Вост. лит., 2005. 231 с.

Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / Сост., вступ. ст., примеч., библиогр. Н.Е. Единарховой. Иркутск: Оттиск, 2001. 120 с.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: ПИМ, 2004. 696 с.

Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М.: ИВЛ, 1958. 139 с.

Русско-китайские отношения в XIX в. Материалы и документы / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. Т. 1. М.: ПИМ, 1995. 1021 с.

Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX — начале XX в. Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2014. 624 с.

Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноября 1913 г.). СПб.: В.Ф. Киршбаум, 1914. 125 с.

Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1889. 298 с.

Сборник консульских донесений. СПб.: Т-во художественной печати, 1898–1910.
Труды совещания по вопросам о развитии торговых сношений с Монголией, созванного иркутским генерал-губернатором, егермейстером Л.М. Князевым в декабре 1912 года и в январе — феврале месяцах 1913 года. Иркутск: Губ. тип., 1913. 141 с.
Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг. // Красный архив. Т. 7 (37). М.–Л., 1929. 68 с.

Статистические материалы

Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск: Пар. тип. И.П. Казанцева, 1911. 598 с.
Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 445 с.
Памятная книжка Амурской губернии на 1916 год. Благовещенск: Амурский обл. стат. ком., 1916. 254 с.
Памятная книжка Енисейской губернии [на 1891–1915 гг.]. Красноярск: Енисейская губ. элтип., 1891–1915.
Памятная книжка Забайкальской области [на 1891–1914 гг.]. Чита: Тип. Забайкальского обл. правления, 1891–1914.
Памятная книжка Западной Сибири на 1881 год. Омск: Тип. Округ. штаба, 1881. 415 с.
Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск: Губ. тип., 1891. 266 с.
Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. Семипалатинск: Семипалатинский обл. стат. ком., 1897. 141 с.
Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск: Тип. губ. правления, 1910.
Справочная книжка Амурской области на 1890 год. Благовещенск: Канцелярия гражд. упр-ния, 1890. 222 с.
Статистические сведения относительно внешней торговли России с Китаем через Кяхту за 1875–1894 гг. СПб.: Б.и., 1910.

Мемуары, дневники, письма, труды путешественников, научные труды сотрудников консульств

Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями // Записки ЗСО ИРГО. Кн. 3. Омск, 1881. С. 1–31.
Бичурин Иакинф. Записки о Монголии. СПб., 1828. Т. 1. 340 с. Т. 2. 383 с.
Бобрик П.А. Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта (Поездка в Монголию 1913 г.). Владивосток: Типоцинкография газеты «Далекая окраина», 1914. 70 с.
Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 419 с.

Васенев А. От Кобдо до Чугучака (Маршрут купеческого каравана) // Известия ИРГО. 1883. Т. XIX. С. 292–312.

Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Госсоцэкономиздат, 1960. Т. 2. 639 с.; Т. 3. 723 с.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: ГГО. Т. 2. 1926. 896 с.; Т. 3. Вып. 1. 1926. 414 с.; Т. 3. Вып. 2. 1930. 858 с.

Грумм-Гржимайло Г. Россия и Монголия // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Чита. 1922. № 3–4. С. 3–18.

Долбежев Б.В. В поисках развалин Бишбалыка // ЗВОРАО. Т. XXIII. Вып. I–II. Пг., 1915. С. 77–122.

Долбежев Б.В. Дархатский округ / Под ред. В.Л. Котвича // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1909. Т. XII. Вып. 1–2 и последний. СПб.: Сенатская тип., 1911. С. 96–107.

Долбежев Б.В. Задолженность монгольских княжеств / Сост. офицеры Заамурского округа // Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 11. Харбин: Тип. КВЖД, 1907. С. 72–83.

Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги. Карашарское ханство // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI (86). СПб.: Изд. Военно-ученого ком. Главного штаба, 1913. С. 1–52.

Долбежев В.В. Русская торговля в Халхаской Монголии // Сборник консульских донесений. 1907. Год десятый. Вып. IV. СПб.: Т-во художественной печати, 1907. С. 291–297.

Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых / Сост., вступ. ст., подготовка текста, биогр. словарь и коммент. А.А. Хисамутдинова, общ. ред. С.М. Лендерса. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Клеменц Д.А. Об укреплении русского влияния в Монголии // Сибирские вопросы. 1909. № 50–51. С. 21–30.

Клеменц Д.А. Письма с дороги // Восточное обозрение. 1892. № 50.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. 2-е изд. М.: Географгиз, 1947. 434 с.

Козлов П.К. Монголия и Кам. М.: ОГИЗ, 1948. 438 с.

Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 523 с.

Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. Пг.: 15-ая Государственная типография, 1920. 110 с.

Колоколов С.А. О китайской колонизации монгольских земель // Известия МИД. 1916. Кн. V–VI. С. 59–77.

Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге И.Я. Коростовец. Август 1912 — май 1913 г. // Россияне в Азии. Ч. 1. 1994. № 1. С. 133–249. Ч. 2. 1994. № 2. С. 85–213. Ч. 3. 1996. С. 225–292.

Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. Изд. второе. СПб.: Изд. книжного склада Н. Аскарханова, 1898. 625 с.

Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.

Корсаков В.В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май — август 1900 года. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. 394 с.

Корсаков В.В. Пять лет в Пекине. Из наблюдений над бытом и жизнью китайцев. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. 183 с.

Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1888. 471 с.

Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи: Путешествие в Центральную Азию и Китай. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 61 с.

Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1883. Кн. V. С. 1–354.

Певцов М.В. Путешествие по Китаю и Монголии / Ред. и коммент. Я.А. Марголина. М.: Географгиз, 1951. 286 с.

Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / Отв. ред. акад. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М.: ПИМ, 2010. 358 с.

Письма Г.Н. Потанина / Сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль и др. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987–1991. Т. 2. 1988. 344 с. Т. 3. 1989. 296 с. Т. 4. 1990. 428 с. Т. 5. 1991. 272 с.

Письма Я.П. Шишмарева к Н.М. Пржевальскому / Подготовка к печати и примеч. А.И. Андреева // Mongolica-VI. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 118–123.

Позднеев А. Города Северной Монголии. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1880. 116 с.

Позднеев А.М. Монголия и монголы. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. Т. I. 1896. 696 с. Т. II. 1898. 517 с.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1887. 492 с.

Потанин Г.Н. От Кош-Агача до Бийска (Отрывок из путевых записок) // Древняя и новая Россия (Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник). 1879. № 6. С. 131–151.

Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии. М.: Географгиз, 1948. 481 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1881. 427 с.

Потанин Г.Н. Русские в Монголии // Русское богатство. 1892. № 9. С. 239–248.

Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М.: Географгиз, 1950. 652 с.

Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов: трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. М.: Географгиз, 1946. 333 с.

Пржевальский Н.М. Из Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. М.: ОГИЗ, 1948. 365 с.

Пясецкий П.Я. Путешествие в Китай в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай). Из дневника члена экспедиции. В 2 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 1122 с.

Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М.: ОГИЗ, 1949. 492 с.

Ровинский П.А. Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. 1874. № 7. С. 213–304.

Сапожников В.В. По Алтаю. Монгольский Алтай. В истоках Иртыша и Кобдо. М.: ОГИЗ, 1949. 579 с.

Семенов Г. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: Фирма «Изд-во АСТ»: Гея итэрум, 1999. 319 с.

Сибирский купец А.Д. Васенев / Сост., вступ. ст., примеч., библиогр. А.В. Старцева. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. Ч. 1. Дневники. 192 с. Ч. 2. Документы и письма. 112 с.

Успенский К.В. Русская концессия в Тяньцзине // Известия МИД. 1914. Кн. I. С. 148–189.

Ухтомский Э.Э. Из китайских писем. СПб.: Пар. скоропечатня «Восток», 1901. 31 с.

Шишмарев Я.П. Маршрут из Урги в Хлассу // Известия ИРГО. 1873. Т. IX. № 6. С. 185–191.

Шишмарев Я.П. Сведения о дархатах-урянхах ведомства Ургинского хутухты // Известия СО РГО. 1871. Т. 2. № 3. С. 38–43.

Шишмарев Я.П. Сведения о халхаских владениях // Известия СО РГО. 1864. Кн. 7. Ч. 1. С. 55–90.

Шишмарев Я.П., Барсуков И.И. Положение бурятского населения при Н.Н. Муравьеве / Доржи Банзаров: воспоминания, отзывы, рассказы современников, ученых и общественных деятелей XIX — начала XX вв. Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 63–64, 103.

Библиографические и справочные издания

Бойкова Е.В. Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг. М.: Вост. лит., 2005. 687 с.

Дипломатический словарь / Под ред. А.А. Громыко. М.: Наука. Т. I. 1984. 422 с. Т. II. 1986. 499 с. Т. III. 1986. 750 с.

Ежегодник Министерства иностранных дел / Annuaire Diplomatique de L'Empire de Russie. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1862–1916.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 1. Справочник. М.: Международные отношения, 1992. 286 с.

Справочная книга МИД для должностных лиц центральных и заграничных установлений МИД. Составил по поручению МИД М. Никонов. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1869. 1014 с.

Справочная книга по торгово-промышленной части для Императорских Российских консулов. СПб.: Мин-во торговли и пром-сти, 1912. 747 с.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. 384 с.

Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолит. И.А. Ефрона. Т. 20. 1893. 901 с. Т. 38. 1896. 895 с. Т. 41. 1897. 780 с.

Монографии и статьи

На русском языке

Абдуллаев А. Мой прадед Абдулов Ахмед-Гирей и его время. URL: http://diplomat-2007.narod.ru/materials/praded.htm

Алексеев А.И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1976. 92 с.

Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.

Андреев А.И. Неизвестная страница из истории Большой игры. Дело о посылке русского агента в Тибет (1869–1873) // Ариаварта. 1999. № 3. С. 120–133.

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ, Нартанг, 2006. 468 с.

Андреев А.И. Я.П. Шишмарев: дипломат, путешественник, исследователь Монголии // Mongolica-VI. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 119–123.

Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб.: Паровая скоропечатня Пожарова, 1900. 89 с.

Ба-ов. Г. Чуйский торговый путь в Монголию (его настоящее, как вьючного пути, и будущее, как колесного) // Дорожник по Сибири и азиатской России. Кн. II. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1899. С. 74–86.

Баранов. Китайская пресса о русско-монгольском соглашении // Вестник Азии. 1913. № 13. С. 77–86.

Бармин В.А. К вопросу о сотрудничестве бывших консулов царского и временного правительств России в Синьцзяне с белогвардейским движением // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Мат-лы конф. / Под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 172–177.

Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск–Улан-Удэ: Оттиск, 2014. 384 с.

Батсайхан О. Монголо-русское соглашение 1912 г. // Восток. 2009. № 3. С. 60–69.

Белов Е.А. Антикитайское восстание князя Удая во Внутренней Монголии (1912 г.) // Восток. 1996. № 3. С. 39–44.

Белов Е.А. Баргинский вопрос в русско-китайских отношениях (1912–1915 гг.) // XXIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. II. М.: ИВ РАН, 1991. С. 72–77.

Белов Е.А. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности в Урге 1906 года // Восток. 1996. № 4. С. 136–141.

Белов Е.А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911–1914 гг.) // Восток. 1995. № 1. С. 56–67.

Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: ИВ РАН, 1997. 315 с.

Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 239 с.

Белов Е.А. Царская Россия и Западная Монголия в 1912–1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. №1. С. 96–105.

Беннигсен А.П. Несколько данных о современной Монголии. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 103 с.

Берендтс Э.Н. Соображения о срочной необходимости переработать заново Российский устав консульский. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1913. 18 с.

Би Оунань и др. Китайско-российские отношения и проблема Монголии (1911–1924 гг.) // Спорные проблемы в истории китайско-советских отношений и их решение. Экспресс-информация. № 6. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 17–36.

Бира Ш., Ишжамц Н. Национально-освободительное движение в Монголии в конце XIX — начале XX вв. Доклады монгол. делегатов на XIV Междунар. конгрессе ист. наук (Сан-Франциско, 22–29 августа 1975 г.). Улан-Батор, 1975.

Блищенко И.П. Дипломатическое право. М.: Высшая школа, 1990. 287 с.

Бобрик П.А. Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта (Поездка в Монголию 1913 г.). Владивосток: Типоцинкография газеты «Далекая окраина», 1914. 70 с.

Бобылев Г.В., Зубков Н.Г. Основы консульской службы. М.: Международные отношения, 1986. 320 с.

Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск: Типолит. Сибирского т-ва печ. дела, 1911. 498 с.

Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: ГРВЛ, 1984. 262 с.

Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 418 с.

Богоявленский Н.В. Юрисдикция русских консулов в Западном Китае и судебная деятельность Чугучакского консульства // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 3. С. 28–70.

Бойко В.П. Внешняя торговля западносибирских купцов в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX вв. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 46–55.

Болобан А.П. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85–127.

Болобан А.П. Монголия в ее современном торгово-промышленном отношении. Отчет агента Мин-ва торговли и пром-сти за 1912–1914 гг. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. 207 с.

Болобан А.П. Северо-Восточная Монголия и ее хлеба // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 68–94.

Бондаренко Т.А. История создания города в центре Азии. К 95-летию Белоцарска — Урянхайска — Красного — Кызыла // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 109–119.

Боткин П.С. К вопросу о преобразованиях в Министерстве иностранных дел. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. 85 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.

Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических отношений России с Китаем. Т. 1. Порт-Артур: Новый край, 1902. 240 с.

Бурдуков А.В. Сибирь и Монголия // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 146–160.

Буяков А.М. Восточники на фронтах Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Восточного института. 1995. № 2. С. 18–24.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина, под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 186 с.

Васенев А.Д. Русские задачи в Монголии // Русский экспорт. 1912. № 6–7. С. 171–174.

Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. Сб. ст. М.: Наука, 1976. С. 52–82.

Вейнер А.П. Консулы в христианских государствах Европы и Северо-Американских Соединенных Штатах. СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1894. 251 с.

Венюков М. Барометрическая нивелировка в Монголии // Известия ИРГО. 1876. Т. XII. Отд. II. С. 134–135.

Вклад российских соотечественников в культуру и науку зарубежных стран. Сб. ст. 447 с. URL: http://www.ruvek.ru/?module=docs&action=view&id=719

Воллосович М. Письма из Монголии: Исследование Монголии. Монгольская туманность. Трансмонгольский путь. О новом уставе для русской фактории в Урге // Вестник Азии. 1916. № 38–39. Кн. 2–4. С. 34–50.

Воллосович М. Письма из Монголии: Преобразование Монголии // Вестник Азии. 1916. № 37. Кн. 1. С. 44–50.

Воллосович М. Россия и Монголия // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 42–50.

Воллосович М. У соседей. Письма из Монголии // Вестник Азии. 1915. № 34. С. 209–223; № 35–36. С. 62–69.

Воскресенский А.Д. «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор // И не распалась связь времен… К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М.: Вост. лит., 1993. С. 257–273.

Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей, 2004. 600 с.

Воскресенский А.Д. Эволюция международных отношений в АТР (1900–1920-е гг. XX в.) // Восток–Россия–Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию акад. В.С. Мясникова. М.: ПИМ, 2001. С. 537–558.

Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX в.: граница. М.: Изограф, 2001. 335 с.

Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая. В 4 кн. М.: СПСЛ, Русская панорама, 2011. Кн. I. Две нации — две трансформации (XVII — начало XX в.). Кн. II. Два государства — три партии (1917–1949). 464 с.

Галиев В.В. Российские консульства в Синьцзяне (конец XIX — начало XX вв.). Алматы: Атамұра, 2011. 463 с.

Галийма Н. Внешняя политика Монголии на рубеже XX–XXI вв. // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия. Мат-лы и тезисы докладов к междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 24–27 мая 2000 г.). Т. 1. Иркутск: Оттиск, 2000. С. 35–39.

Ганжуров В.Ц. Россия–Монголия (история, проблемы, современность). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 181 с.

Гао Шуцинь. Российско-китайские отношения в условиях глобализации. М.: Центр дальневосточных и центральноазиатских политических исследований ИСП РАН, 2005. 192 с.

Гейкинг А.А. Консульская служба России и в других странах // Море. 1907. № 19–20.

Гейкинг А.А. Четверть века на российской консульской службе. Берлин: Puttkammer & Muhlbrecht, 1921. 472 с.

Гендунов А.Б. Русская агентурная разведка в Китае и Монголии в начале XX в. (по материалам Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева) // Россия и Монголия сквозь призму времени: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Улымжиевские чтения-3». Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2007. С. 101–109.

Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М.: Наука, 1980. 189 с.

Горяинов С.М. Руководство для консулов. СПб.: Тип. Скороходова, 1903. 791 с.

Границы Китая: история формирования. М.: ПИМ, 2001. 469 с.

Грасс А.О. О российских консулах. Рига: Тип. «Астра», 1912. 7 с.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. 355 с.
URL: http://militera.lib.ru/research/grekov/01.html

Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 519 с.

Гунтупов А.В. Формирование идеологии Великого Монгольского государства. Автореф. канд. дис. Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2006. 25 с.

Гурбадам Ц., Бат-Очир Р. Размышления об идее панмонголизма // Монголоведческие исследования. Вып. 4. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2003. С. 146–169.

Гуревич П.С. Культурология. М.: Гардарики, 1999. 288 с.

Гурьев Б. Политические отношения России к Монголии. СПб.: С.Н. Черемхин, 1911. 21 с.

Гурьев Б. Русская торговля в Западной Монголии // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 48–89.

Гурьев Б. Экономическое положение Монголии // Вестник Азии. 1910. № 8. С. 74–89.

Гусев Б. Петр Бадмаев. Крестник императора, целитель, дипломат. М.: Олма-Пресс, 2002. 349 с.

Гусева И.А. Отечественная историография российско-монгольских отношений первой четверти XX в. Автореф. канд. дис. Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2005. 27 с.

Даревская Е.М. Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии. Труды Иркутского государственного университета. Серия историческая. Т. 55. Вып. 1. Иркутск: Б. и., 1968. С. 107–129.

Даревская Е.М. Русско-монгольские экономические и культурные связи в конце XIX — начале XX вв. // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск: Б. и., 1960. С. 9–12.

Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск: ИГУ, 1994. 400 с.

Даревская Е.М. Три портрета — три судьбы (С.А. Козин, И.И. Корнаков, Ф.А. Парняков). Улан-Батор: Наука, 1997. 160 с.

Даревская Е.М. Ургинская школа переводчиков и толмачей (Из истории русско-монгольских связей) // Свет над Байкалом. 1958. № 1.

Даревская Е.М., Единархова Н.Е. Шишмаревы в Монголии и Китае // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской науч.-теоретич. конф., посвященной памяти проф. В.И. Дулова (г. Иркутск, 30–31 марта 2007 г.). Кн. 1. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2007. С. 198–205.

Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 472 с.

Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX — начале XX вв. Кызыл: Респ. тип., 2000. 215 с.

Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Типолит. Ю.Я. Римана, 1913. 151 с.

Денисов В.И. Русский экспорт // Русский экспорт. 1911. № 1. С. 3–4.

Дугаров В.Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв.: вопросы историографии / Отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2004. 260 с.

Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. М.: Наука, 1953. 126 с.

Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. Иркутск: Оттиск, 2002. 122 с.

Дятлов В.И. Диаспора: исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Сб. ст. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 245–267.

Единархова Н.Е. Взаимоотношения русского консула с ургинскими правителями (60-е годы XIX в.) // Четвертые востоковедные чтения БГУЭП. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Иркутск, март 2005 г.). Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. С. 70–75.

Единархова Н.Е. Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 81–99.

Единархова Н.Е. Проникновение японцев в Монголию в начале XX века // Восток в прошлом и настоящем. Тезисы докладов к регион. конф. (г. Иркутск, 14–17 мая 1992 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. С. 100–102.

Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003. 252 с.

Единархова Н.Е. Русские купцы в Монголии // Восток. 1996. № 1. С. 76–89.

Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 136 с.

Единархова Н.Е. Сибирь и проблема пересмотра русско-китайского договора 1881 г. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады междунар. науч.-практ. конф. (гг. Москва — Иркутск, 12–15 октября 1995 г.). М.–Иркутск: АРКОМ, 1995. С. 248–252.

Единархова Н.Е. Торгово-экономические связи России с Китаем (70-е годы XIX века) // Экономические и политические связи народов России и стран Востока во второй половине XIX — начале XX вв. Сб. науч. трудов. Иркутск: ИГПИ, 1981. С. 36–48.

Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960. 396 с.

Жалсапова Ж. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916) // Власть. 2008. №12. С. 120–123.

Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 2009. 272 с.

Железняков А.С., Тикунов В.С. Монгольский мир: методы исследования. М.: ИС РАН, 2014. 152 с.

Желтикова С.О. Из истории консульской службы России XVIII века // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия. Мат-лы и тезисы докладов к междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 24–27 мая 2000 г.). Т. 1. Иркутск: Оттиск, 2000. С. 244–250.

Задваев Б.С. Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв. Автореф. канд. дис. СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН, 2006. 35 с.

Зайцев М.В. Краткий очерк Монголии. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1925. 30 с.

Записки ВСО РГО по общей географии. Т. 1. Вып. 1. Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск: Тип. К.И. Витковской, 1890. 283 с.

Зинченко Н.Е. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли. Доклад Н.Е. Зинченко общему собранию Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1898. 16 с.

Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: Наука, 1957. 250 с.

Зонова Т.В. Духовные основы и идеологические постулаты российской дипломатии // Религия и политика в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 260–281.

Зонова Т.В. Контуры дипломатической службы XXI века // Десять лет внешней политики России. Мат-лы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 205–214. URL: http://www.mgimo.ru/publish/document28527.phtml

Зонова Т.В. Основные этапы становления российской дипломатической службы (1549–1917 гг.) // Дипломатическая служба / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 11–29.

Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1986. 304 с.

Известия Восточного института. Т. I–II. Владивосток: Пар. типолит. газеты «Дальний Восток», 1901. 286 с.

Ильин Ю.Д. Основные тенденции в развитии консульского права. М.: Юридическая литература, 1969. 150 с.

Имшенецкий Б.И. Монголия. Пг.: Изд-во П.П. Сойкина, 1915. 40 с.

И.Н. (Носков И.). О русской торговле с Китаем. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1867. 20 с.

История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / Под ред. А.П. Окладникова. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1951. 574 с.

История внешней политики России. Конец XIX — начало XX вв. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. 672 с.

История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.

История дипломатии. 2-е изд. / Под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова и др. М.: Госполитиздат. Т. 1. 1959. 897 с.; Т. 2. 1963. 820 с.; Т. 3. 1965. 832 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII. Китайская Республика (1912–1949) / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М.: Вост. лит., 2013. 863 с.

История Монголии. XX век / Отв. ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

История Монгольской Народной Республики / Гл. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 423 с.

История православия в Монголии.
URL: http://www.pravoslavie.mn/istorprav.html?did=80

Калинников А. Национально-революционное движение в Монголии. М.–Л.: Московский рабочий, 1926. 118 с.

Калинский Б.С. Монголия (интервью с А.Н. Петровым) // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914–1915. Отд. II. С. 205–219.

Кальянов А.В. Зарубежная русская диаспора в контексте межцивилизационного диалога / Россия в современном диалоге цивилизаций. М.: Культурная революция, 2008. С. 317–328.

Каневская Г.И. Оправдавший надежды приамурского генерал-губернатора // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 20–27.

Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. М.: Автор, 1995. 288 с.

Коваленко С.А. По поводу торговли бийских купцов с китайцами (Извлечено из архивного дела за 1864 год) // Сибирский наблюдатель. Томск: Тип. П.А. Макушина, 1903. Кн. 1. С. 71–76; Кн. 2. С. 55–68.

Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Астана: Кн. изд-во, 2000. 138 с.

Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX вв.): миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006. 160 с.

Консульская служба и торговые агенты // Русский экспорт. 1912. № 4–5. С. 148–149.

Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. Прил. к карте, составленной по данным бывшего Российского уполномоченного в Урге И.Я. Коростовца. СПб.: Картогр. заведение А. Ильина, 1914. 44 с.

Котельников [*И.*]. Наши торговые сношения с Монголией (Письмо из Бийска) // Сибирская газета. 1881. № 10. С. 290–292.

Красильников В. Синьцзянское притяжение. М.: Изд. дом «ДИПАКАДЕМИЯ», 2007. 384 с.

Краткая записка о Кяхтинской железной дороге. По поводу экономического обследования района дороги, произведенного Мин-вом путей сообщения летом 1912 года. Иркутск: Пар. типолит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1914. 32 с.

Краткая история Генерального консульства в Шанхае. URL: http://www.rusconshanghai.org.cn/caidan1_6.asp

Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту. Изд. Кяхтинского купечества. М.: Типолит. Кушнарева, 1896. 90 с.

Крит Н.К. Заметка о торговых путях из Китая в Россию через азиатскую границу // Известия ИРГО. 1865. Т. I. Отд. II. С. 17–37.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 768 с.

Кузьмин Ю.В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 233 с.

Кузьмин Ю.В. Монголоведные исследования Я.П. Шишмарева // Основные направления функционирования внешнеэкономического комплекса России в условиях глобализации и регионализации мирового хозяйства. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 69–75.

Кузьмин Ю.В. Позиция демократической интеллигенции России в «Монгольском вопросе» после Синьхайской революции // XXIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.II. М.: ИВ РАН, 1991. С. 68–72.

Кузьмин Ю.В. Русско-монгольские отношения в 1911–1912 годах и позиция общественных кругов России // Mongolica-III. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 75–79.

Кузьмин Ю.В. Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений (1911–1916 гг.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады междунар. науч.-практ. конф. (гг. Москва–Иркутск, 12–15 октября 1995 г.). М.–Иркутск: АРКОМ, 1995. С. 49–52.

Кузьмин Ю.В. Я.П. Шишмарев — генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 гг. // Bulletin of the International Association for Mongol Studies. Ulaanbaatar. 1997. № 2 (20). 1998. № 1 (21). P. 78–86.

Кузьмин Ю.В., Дэмбэрэл К. Русская колония в Урге (1861–1920) в российской историографии // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. С. 117–121.

Кургузов В.Л. Русское культурное пространство и менталитет как факторы сближения народов России и Монголии // Россия — Монголия: самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации / Отв. ред. В.М. Дианова, К.Ю. Солонин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 294–302.

Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб.: Русская скоропечатня, 1912. 121 с.

Ладыгин В.Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 гг., снаряженной ИРГО в Центральную Азию // Известия ИРГО. 1902. Т. XXXVIII. С. 371–466.

Лапин Г.Э. Консульская служба. Учебное пособие. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2005. 240 с.

Лебедев В.А. О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века. URL: http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=724

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 27. 643 с.; Т. 31. 671 с.

Лепарский А.И. Монголия и мясо-продовольственное дело в России. Пг.: Тип. «Виктория», 1915. 108 с.

Лигуу Б. Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX — начале XX вв. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 18 с.

Лиштованный Е.И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX — 30-е гг. XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 173 с.

Лиштованный Е.И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. 195 с.

Ломакина И. Великий беглец. М.: ДИК, 2001. 288 с.

Ломакина И. Голова Джа-Ламы. Улан-Удэ–СПб.: Экоарт, 1993. 222 с.

Ломакина И.И. Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М.: Т-во науч. изданий КМК, 2006. 362 с.

Лузянин С.Г. Проблема возрождения Монгольского государства и позиция России, 1911–1921 гг. // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2001. С. 17–30.

Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Наука, 2000. 352 с.

Лузянин С.Г. Русско-монгольские отношения (1911–1917 гг.). Автореф. канд. дис. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 24 с.

Лузянин С.Г. Русско-монгольские торгово-экономические отношения в 1911–1917 гг. // Страны Востока в политике России в XIX — начале XX вв. Сб. науч. трудов. Иркутск: ИГПИ, 1986. С. 33–40.

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М.: Восток–Запад, 2007. 598 с.

Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

Майский И.М. Монголия накануне революции. 2-е изд. М.: ИВЛ, 1960. 310 с.

Майский И.М. Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ «Центросоюз»). Иркутск: Иркутское отделение Гос. изд-ва, 1921. 332 с.

Майский И.М. Через 600 лет // Альманах «Арабески истории». Вып. 3–4. «Русский разлив». Т. 2. М.: ДИ ДИК Танаис, 1996. С. 288–311.

Макуха Н.А. «Китайское правительство предполагает...». Секретные донесения русских чиновников о китайском заселении Северной Маньчжурии. 1898 г. // Исторический архив. 2008. № 3. С. 213–218.

Манханова А.С. Становление монгольской государственности и эволюция межгосударственных отношений Монголии и России: политологический анализ. Автореф. канд. дис. М.: Изд-во РАГС, 2008. 27 с.

Маньковский В. Исторический очерк развития торговых сношений с Китаем по Чуйскому тракту и современное положение этой торговли // Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск: Тип. губ. правления, 1910. С. 97–120.

Мартенс Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1873. 600 с.

Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай: историко-политическое исследование. СПб.: Гартье, 1881. 83 с.

Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 425 с.

Мелихов Г.В. Система военного и гражданского управления восемью знаменами как часть государственного аппарата маньчжуров // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (вопросы истории и экономики). М.: Наука, 1969. С. 114–124.

Мещанинов М.Б. Регионы России в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 168 с.

Михалев А.В. Русские в постсоциалистической Монголии: диаспора как воображаемое сообщество // Россия и Монголия сквозь призму времени: Мат-лы международ. науч.-практ. конф. «Улымжиевские чтения-3». Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2007. С. 133–139.

Михеев С.П. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию и Урянхайскую землю. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1910. 176 с.

М.К. Об исправлении русско-китайской границы между Кяхтой и Шабин-дабаном // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 95–101.

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Томск: Изд-во ТГУ. Вып. I. 2001. 206 с. Вып. II. 2003. 177 с.

Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX — 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003. 346 с.

Монголия как резерв продуктового скотоводства (беседа с А.И. Лепарским) // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914–1915. Отд. II. С. 144–161.

Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. 353 с.

Мясников В.С., Шепелева Н.В. Империя Цин и Россия в XVII — начале XX вв. // Китай и соседи в новое и новейшее время. М.: ГРВЛ, 1982. С. 126–152.

Мясников В.С., Шепелева Н.В. Китай и Монголия // Китай и соседи в новое и новейшее время. М.: ГРВЛ, 1982. С. 34–89.

Накамото Нобуюки. Толстой и Лао-цзы: преемники идей Л.Н. Толстого в Японии // Печатный Двор. Дальний Восток России, 2001–2010 / Сост. Л. Студенчикова и др. Владивосток: Тип. изд-ва «Дальнаука» ДВО РАН, 2011. С. 144–151.

Намсараева С.Б. Система охраны российско-монгольской границы в период правления династии Цин // Историческое развитие Монголии и монголо-российские отношения. Мат-лы науч. конф. молодых российских монголоведов. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2006. С. 104–111.

Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1973. 323 с.

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 899 с.

Наумов А. Русский след в Монголии. URL: http://ricolor.org/rz/mongolia/mr/4/

Нацагдорж Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 122 с.

Н.К. Исторический очерк торговли с Западным Китаем и Западной Монголией через Семипалатинский край // Наше хозяйство. 1926. № 4. С. 3–25.

Нольде Б.Э. Вашингтонская конференция // Современные записки. 1921. Кн. VIII. С. 240–258.

Нольде Б.Э. Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж: Современные записки, 1930. 284 с.

Об устройстве при русских консульствах складов образцов русских товаров // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 180–181.

Обухов В.Г. Потерянное Беловодье: история русского Синьцзяна. М.: Центрполиграф, 2012. 654 с.

Обухов В.Г. Схватка шести империй: битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.

Омельченко Е.И. Русская торговля с Монголией в районе Южно-Сибирской магистрали // Район Южно-Сибирской железной дороги в экономическом отношении. СПб.: Тип. акционерного общества «Альфа», 1913. С. 317–371.

Осокин Г.М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 304 с.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. 860–1917 гг. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Олма-Пресс, 2002. 606 с.

Очерки истории российской внешней разведки / Гл. ред. и авт. предисл. Е.М. Примаков. Т. 1. М.: Международные отношения, 1996. 238 с.

Пайчадзе С.А. Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (очерки истории второй половины XIX — начала XX столетий). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1995. 205 с.

Паркер Э. Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. Пер. с англ. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1903. 569 с.

Первенцев В.В. Консул и внешняя торговля (российская консульская служба в начале XX в.) // Дипломатический вестник. 1993. № 5–6. С. 73–76.

Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай. Роль ДВР в борьбе Советской власти за дружбу с Китаем в 1920–1922 гг. М.: ИВЛ, 1962. 304 с.

Першин Д.П. Современная Монголия // Сибирь. 24.02.1912; 03, 10, 15, 24.03.1912.

Петров А. Монголия как мировой мясной резерв // Русский экспорт. 1912. № 7. С. 47–61.

Петров А. Русские интересы на Дальнем Востоке // Русский экспорт. 1911. № 1. С. 10–12.

Петров А. Русско-монгольский торговый договор в связи с последними событиями в Монголии // Русский экспорт. 1912. № 12. С. 292–293.

Поздняев Д. Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyaev/index.html

Полевой С.А. Периодическая печать в Китае. Владивосток: Изд-во Восточного института, 1913. 191 с.

Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XXI в. / Отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул: Азбука, 2014. 460 с.

Попов А.В. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 194–201.

Попова Л.П. Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М.: ГРВЛ, 1987. 158 с.

Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования. Монография в документах / Под общ. ред. и с предисл. акад. В.С. Мясникова. М.: ПИМ, 2007. 462 с.

Потанин Г.Н. К 65-летию Я.П. Шишмарева // Всемирная иллюстрация. 1892. № 1198. С. 40–42.

Принтц А. Торговля русских с китайцами на реке Чуе и поездка в г. Хобдо // Известия ИРГО. 1865. Т. I. Отд. II. С. 1–14.

Радлов В.В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 2. СПб., 1871. С. 339–383.

Рапопорт С.И. О коммерческой службе в иностранных государствах // Вестник ФПТ. 1917. № 5. С. 200–201.

Ращупкин Ю.М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск, 2003. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/rasp/

Решетнев И.А. Деятельность органов государственной власти Российской империи по борьбе с правонарушениями подданных азиатских стран в дальневосточном регионе (1858–1917 гг.). Автореф. канд. дис. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. 21 с.

Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX вв. М.: Наука, 1987. 167 с.

Российское Зарубежье во Франции, 1919–2000 = L'Émigration russe en France, 1919–2000. Биографический словарь / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 2. М.: Дом-музей Марины Цветаевой; Наука, 2010. 683 с.

Русские в Китае. Исторический обзор / Под общ. ред. А.А. Хисамутдинова. М.: Шанхай: Изд. Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. 570 с.

Сабанин А.В. Еще к вопросу о задачах консульской службы // Известия МИД. 1916. Кн. V–VI. С. 279–291.

Сабанин А.В. К вопросу о положении консульской службы // Известия МИД. 1913. Кн. II. С. 139–160.

Сандаг Ш. Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни. Улан-Батор: Госиздат–Улан-Батор, 1966. 144 с.

Сафронова Е.В. Историческое развитие консульской юрисдикции и организация консульских судов России на Востоке // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 3. С. 505–517.
URL: www.optim.su/bh/2002/3/safronova/safronova.asp

Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII — начале XX в. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 273 с.

Свечников А. Русская торговля в северо-западной Монголии по личным наблюдениям с 1905 по 1907 г. // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 61–93.

Свечников А. Русские в Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 159–173.

Свечников А.П. Русские в Монголии (наблюдения и выводы). СПб.: Типолит. «Энергия», 1912. 150 с.

Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1999. 400 с.

Семенов С.А. Предпосылки согласованной кластерной политики в российско-монгольском трансграничном сотрудничестве (на примере Байкальского региона) // Развитие социально-экономического сотрудничества России и Монголии. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 11 мая 2007 г.). М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 59–63.

Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Сизова А.А. Дипломатическая роль зарубежных представительств МИД России в событиях движения за национальное освобождение в Западной Монголии (1910-е гг.) // Сотрудничество России с государствами Восточной Азии. Доклады, представленные на II науч. конф. молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Москва, 22–23 октября 2014 г. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 167–174.

Сизова А.А. Культурная дипломатия России в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв.: задачи, особенности и роль заграничных учреждений МИД // Исторические события в жизни Китая и современность. Мат-лы Всероссийской науч. конф. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией (г. Москва, 3–4 апреля 2013 г.). Информ. мат-лы. Серия Е: Проблемы новейшей истории Китая. Вып. 3. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 286–303.

Сизова А.А. Особенности и проблемы реализации консульской юрисдикции России в Монголии во второй половине XIX — начале XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор–Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 134–142.

Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник ТГУ. 2011. № 1. С. 103–107.

Сизова А.А. Противодействие учреждений МИД России в Монголии японской разведке в начале XX века // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2013. С. 176–185.

Сизова А.А. Роль российской дипломатии в урегулировании миграционных процессов на центральноазиатских рубежах России и Китая (вторая половина XIX в.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Барнаул, 29 апреля 2010 г.). Вып. II / Под ред. А.В. Старцева. Барнаул: Азбука, 2010. С. 69–77.

Сизова А.А. Российское консульство в Урге и жизнь русской диаспоры в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Общество и государство в Китае. XL науч. конф. М.: ИВ РАН, 2010. С. 212–221.

Сизова А.А. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольских экономических отношениях второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Международного центра азиатских исследований. Вып. 15. Доклады междунар. науч. конф. «Страны Востока: история, культура, международные отношения» (г. Иркутск, 26 ноября 2008 г.). Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2008. С. 51–63.

Сизова А.А. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 100–113.

Сизова А.А. Социально-культурная деятельность русских консульств в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. VI. Сб. ст. Барнаул: Азбука, 2009. С. 120–128.

Сизова А.А. Торгово-экономическое взаимодействие России и Китая и русские консульства в Синьцзяне (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник алтайской науки. 2009. Вып. 3 (6). С. 162–170.

Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. 560 с.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

С.Ж. Монголия (о лекции профессора Б.П. Вейнберга «Путевые впечатления о Монголии вдоль пути Кяхта–Урга–Улясутай–Кобдо–Кош-Агач») // Вестник Азии. 1914. № 23–24. С. 112–117.

С.Л. Письмо из Монголии. Развал большого дела // Вестник Азии. 1916. № 40. С. 23–26.

Сладковский М.И. Очерки торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: ГРВЛ, 1974. 439 с.

Смирнов Н.Н. Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией. Автореф. канд. дис. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. пед. ун-та, 1995. 22 с.

Старцев А.В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 414 с.

Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 308 с.

Старцев А.В. Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. IV. Сб. ст. Барнаул: Аз Бука, 2004. С. 63–85.

Старцев А.В. Торговля предпринимателей Алтая с Монголией и Китаем во второй половине XIX — начале XX в. // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. — 1920-е годы. Барнаул: День, 1993. С. 93–112.

Старцев А.В. Численность и состав русских предпринимателей в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые науч. чтения памяти Е.М. Залкинда. Мат-лы конф. (г. Барнаул, 14 мая 2003 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003. С. 142–148.

Старцев А.В. «Чтобы поблагодарила Вас и Россия...» (К биографии А.Д. Васенева) // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 56–74.

Старцев А.В., Старцева А.А. «Монгольский вопрос» начала XX в. в современной китайской историографии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Третьи науч. чтения памяти Е.М. Залкинда. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Барнаул, 18 мая 2007 г.). Барнаул: Аз Бука, 2007. С. 194–212.

Степанов С.Ф. Монголия (общий очерк) // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1913. Отд. II. С. 41–56.

Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX вв.: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М.: Наталис, 2008. 256 с.

Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с.

Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX — нач. XX вв.). Благовещенск: БГПУ, 2003. 302 с.

Тихвинский С.Л. Маньчжурское владычество в Китае // Маньчжурское владычество в Китае. М.: ГРВЛ, 1968. С. 5–76.

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. И.Е. Киселевой, М.Ф. Носовой. М.: Изд. группа «Прогресс»-«Культура», 1995. 478 с.

Томилин В. Монголия и ее современное значение для России. М.: Верность, 1913. 20 с.

Треугольник Россия — Китай — США в АТР: факторы неопределенности / Отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 114 с.

Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX вв.: Петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 1997. 216 с.

Уляницкий В.А. Русские консульства за границею в XVIII веке. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Ч. I. 879 с. Ч. II. 671 с.

Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 76 с.

Ухтомский Э.Э. Англо-японские виды на Китай // Московские ведомости. 20.12.1894.

Фельдман Д.М. К оценке государства как актора мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО (У), 2008. С. 68–80.

Фрозе Б. Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 90–136.

Харитонов М. «…И моя капелька труда будет участвовать в этом великом деле». Монголия в открытках А.В. Бурдукова // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Улан-Батор–Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 341–346.

Харламов С. История Генерального консульства России в Шанхае. URL: http://www.russedina.ru/?id=11635

Хишигт Н. Монголо-российское сотрудничество в военной области (1911–1916 гг.) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в. Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2001. С. 31–42.

Хохлов А.Н. Гуманная акция России в отношении населения Китая и Монголии в 1912 г. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 83–92.

Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и причины ее упадка (вторая половина XIX — начало XX в.) // Страны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития. Тезисы докладов на регион. конф., Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. С. 3–6.

Хохлов А.Н. Н.К. Рерих с семьей в Синьцзяне в 1925–1926 годах (по материалам АВП РФ) // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Мат-лы междунар. науч.-общественной конф. Москва, 2008. М.: Международный центр Рерихов, 2009. С. 457–466.

Хохлов А.Н. Подготовка кадров для российской консульской службы в Китае (студенты-стажеры при Посланнике дипломатической миссии в Пекине) // Российская дипломатия: история и современность. Мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 450-летию создания Посольского приказа. 29 октября 1999 г., МГИМО / Редкол. И.С. Иванов и др. М.: РОССПЭН, 2001. С. 336–359.

Хохлов А.Н. Российские дипломаты и коммерсанты — создатели восточных фондов музеев России // XXVIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Т. 2. М.: ИВ РАН, 1998. С. 416–430.

Хохлов А.Н. Российские купцы в Китае 60-х — 80-х гг. XIX в.: трудные будни и редкие праздники // Общество и государство в Китае. XIX науч. конф. Тезисы докладов. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 1988. С. 210–222.

Хохлов А.Н. Стажеры при российской дипломатической миссии в Пекине: судьбы людей и научных трудов // Страны и народы Востока. Вып. XXXI. Кн. 6. Страны и народы бассейна Тихого океана. СПб.: Наука, 2002. С. 159–181.

Хохлов А.Н. Торговля — приоритетное направление политики России в отношении Китая // И не распалась связь времен… К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М.: Вост. лит., 1993. С. 197–229.

Цендина А.Д. Живой бог и хан монголов // Восточная коллекция. Весна 2006. С. 153–158.

Цыденова Н.В. Сибирские купцы в торговых отношениях России с Китаем и Монголией в XIX — начале XX вв. // Вестник БурГУ. Серия 18 Востоковедение. 2006. Вып. 3. С. 82–97.

Черникова Л. Землю под фундамент привезли с Родины. Очерки истории Генерального Консульства России в Шанхае. URL: http://www.russianshanghai.com/literature/consulate.php&h

Черных А.В. Торговые связи Монголии и Восточной Сибири. Иркутск: Власть труда, 1926. 57 с.

Чертилина М.А. Источниковедческий анализ первых киносъемок о взаимоотношениях России и Монголии. По документам Российского государственного архива кинофотодокументов // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 134–143.

Чимитдоржиев Ш.Б. Из истории русско-монгольской торговли в начале XX века (1903–1910) // Труды Томского университета. Т. 167. Сборник научных работ исторических кафедр. Томск: Изд-во ТГУ, 1964. С. 85–93.

Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: ГРВЛ, 1987. 235 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торгово-экономические связи в конце XIX в. // Россия и страны Востока в середине XIX — начале XX в. Сб. науч. трудов. Иркутск: ИГПИ, 1984. С. 52–60.

Чмелев Н.Г. Чуйский тракт и наша торговля в Китайской Империи // Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 5. С. 23–32. Кн. 6. С. 1–8. Кн. 7. С. 21–26. Кн. 8. С. 103–105. Кн. 9. С. 124–127.

Чойбалсан Х. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. Пер. с монг. М.: ИИЛ, 1952. 78 с.

Шапова Л.В., Дружинина А.В. Деятельность Иркутской таможни в конце XIX — начале XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 114–117.

Шафрановская Т.К. Путешествие Лоренца Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // Страны и народы Востока. Вып. II. М.: ИВЛ, 1961. С. 188–205.

Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. М.: ГРВЛ, 1971. 400 с.

Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX вв. (история социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. 518 с.

Шишмарев А. Российский консул Шишмарев: жизнь и происхождение. URL:http://www.proza.ru/2012/03/05/995

Шмидт С.Ф. Сибирь в перспективе мир-системного анализа // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты. Доп. мат-лы междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 10–12 апреля 2000 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. С. 11–16.

Штейнфельд Н. Русская торговля в Монголии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 112–129.

Штейнфельд Н.П. Важная недомолвка в Ургинском договоре // Вестник Азии. 1913. № 15. С. 23–27.

Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX в. // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2001. С. 97–117.

Щукина Н.А. Как создавалась карта Центральной Азии. М.: Наука, 1978. 205 с.

Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002. 370 с.

Яскина Г.С. Россия и Монголия: новый этап взаимоотношений (1990 — начало первого десятилетия XXI века) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2001. С. 201–219.

На западноевропейских языках

Baabar Bat-Ėrdėniĭn. Twentieth Century Mongolia / Ed. by C. Kaplonski. Cambridge: White Horse Press, 1999. 448 p.

Bawden C.R. The Modern History of Mongolia. N.Y.: Frederick A. Praeger, 1968. 460 p.

Bedeski R.E. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State // The Mongolian Journal of International Affairs. 2006. No. 13. P. 77–87.

The Cambridge History of China / Ed. by J.K. Fairbank, A. Feuerwerker, D.C. Twitchett. Vol. 13. Pt 2. Republican China, 1912–1949. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 1092 p.

Carruthers G. Unknown Mongolia. A Record of Travel and Exploration North-West Mongolia and Dzungaria. New Delhi: Asian Educational Services, 1994. 319 p.

Cheng Tien-Fang. A History of Sino-Russian Relations / Introd. by J.L. Stuart. Wash.: Public Affairs, 1957. 389 p.

Clubb O.E. Russia and China: The “Great Game”. N.Y.–L.: Columbia University Press, 1971. 293 p.

Consten H. Weideplätze der Mongolen im Reiche der Chalcha. B. 2. Berlin: Dietrich Reimer (Ernst Vohsen), 1920. 314 s.

Dashpurev D., Usha Prasad. Mongolia: Revolution and Independence. 1911–1992. New Delhi: Subhash & Associate, 1993. 148 p.

Endicott E. Russian Merchants in Mongolia: The 1910 Moscow Trade Expedition // Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan / Ed. by S. Kotkin, B.A. Elleman. Armonk: M.E. Sharpe, 2000. P. 59–68.

Ewing T.E. Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911–1921. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1980. 300 p.

Fairbank J.K. The Great Chinese Revolution, 1800–1985. N.Y.: Harper and Row, 1986. 396 p.

Fritters G. Outer Mongolia and Its International Position. L.: Duke University Press, 1951. 493 p.

Heissig W. A Lost Civilization: The Mongols Rediscovered / Transl. by D.J.S. Thompson. L.: Thames & Hudson, 1966. 271 p.

High M.M., Schlesinger J. Rulers and Rascals: The Politics of Gold in Mongolian Qing History // Central Asian Survey. 2010. Vol. 29. Issue 3. P. 289–304.

The History of Mongolia / Ed. by D. Sneath, C. Kaplonski. Vol. 1–3. Folkestone: BRILL / Global Oriental Ltd., 2010. 1122 p.

Hoyt E.P. The Rise of the Chinese Republic: From the Last Emperor to Deng Xiaoping. N.Y.: McGraw-Hill, 1989. 355 p.

Hsieh Pao-Chao. The Government of China (1644–1911). Baltimor: Johns Hopkins Press, 1925. 414 p.

Hsu Shu-Hsi. China and Her Political Entity (A Study of China’s Foreign Relations with Reference to Korea, Manchuria and Mongolia). N.Y.–L.: Oxford University Press, 1926. 438 p.

Humphrey C. The Moral Authority of the Past in Post-Socialist Mongolia // Religion, State and Society. Vol. 20. No. 3–4. L., 1992. P. 375–389.

Hyer E. “The Great Game”. Mongolia between Russia and China // The Mongolian Journal of International Affairs. 1997. № 4. P. 89–104.

Jackson R., Sorensen G. Introduction to International Relations. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 294 p.

Korostovets I.J. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit. Berlin–Leipzig: W. de Gruyter & Co., 1926. 361 s.

Krausse A. Russia in Asia. A Record and a Study. 1558–1899. L.: Curson Press. N.Y.: Barnes & Noble, 1973. 411p.

Lattimore O. Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. N.Y.: Oxford University Press, 1962. 272 p.

Lattimore O., Nachukdorji Sh. Nationalism and Revolution in Mongolia. Oxford: Oxford University Press, 1955. 186 p.

Lensen G.A. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia: A Handbook of the Representatives of Tsarist Russia and the Provisional Government in China, Japan and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet Representatives in Japan from 1925 to 1968. Compiled on the Basis of Russian, Japanese and Chinese Sources with a Historical Introduction. Tokyo: Sophia University, 1968. 294 p.

Li Narangoa. Japanese Geopolitics and the Mongol Lands, 1915–1945 // European Journal of East Asia Studies. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 45–67.

Lin Hsiao-ting. Modern China’s Ethnic Frontiers: A Journey to the West. N.Y.: Routledge, 2010. 224 p.

Lobanov-Rostovsky A. Russia and the Asia. N.Y.: The Macmillan Co., 1933. 333 p.

Lobanov-Rostovsky A. Russia and Mongolia // The Slavonic Review. 1927. Vol. 5. No. 15. March. P. 515–522.

Louis V.E. The Coming Decline of the Chinese Empire / With a Dissenting Introd. by H.E. Salisbury. N.Y.: Times Books, 1979. 198 p.

Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan / Ed. by S. Kotkin, B.A. Elleman. Armonk: M.E. Sharpe, 2000. 313 p.

Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle For Power and Peace. Fifth Edition, Revised. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. 650 p.

Onon U., Pritchatt D. Asia’s First Modern Revolution. Mongolia Proclaims Its Independence in 1911. Leiden: Brill Academic Pub., 1989. 203 p.

Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. L.: M.E. Sharpe Inco, 1996. 387 p.

Perry-Ayscough H.G.C., Otter-Barry R.B. With the Russians in Mongolia. L.: John Lane the Bodley Head, 1914. 344 p.

Phillips G.D.R. Russia, Japan and Mongolia. L.: F. Muller Ltd., 1942. 104 p.

Quan Hexiu. The Two Systems of Diplomacy of Late Qing China. External Relationship, Modernization and Transitional Phase // Journal of Northeast Asian History. June 2006. Vol. 5. No. 1. P. 21–44.

Quested R. The Russo-Chinese Bank: A Multinational Financial Base of Tsarism in China. Birmingham: University of Birmingham, 1977. 69 p.

Rockhill W.W. The Question of Outer Mongolia // Journal of the American Asiatic Association. May 1914. Vol. 14. P. 102–109.

Rossabi M. Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists. Berkeley: University of California Press, 2005. 397 p.

Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the M.P.R. (1900–1978). Stanford: Stanford University Press, 1979. 451 p.

Rupen R. The Mongols of the Twentieth Century. Vol. 1. Bloomington: Indiana, 1964. 324 p.

Soni S.K. Mongolia–China Relations. Modern and Contemporary Times. New Delhi: Pentagon Press, 2006. 328 p.

Soni S.K. Mongolia–Russia Relations: Kiakhta to Vladivostok. Delhi: Shipra Publications, 2002. 272 p.

Swartz H. Tsars, Mandarins and Commissars: A History of Chinese–Russian Relations. Philadelphia–N.Y.: J.B. Lippincott Company, 1964. 252 p.

Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911–1931. Durham: Duke University Press, 1959. 494 p.

Teng Ssu-yü, Fairbank J.K. China's Response to the West. A Documentary Survey, 1839–1923. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 296 p.

Treat P.J. The Far East: A Political and Diplomatic History. N.Y.–L.: Harper & Brothers, 1928. 549 p.

Who's Who in China. 3rd ed. Shanghai: The China Weekly Review. 1925. 965 p.

Zhou Fangyin. The Role of Ideational and Material Factors in the Qing Dynasty Diplomatic Transformation // Chinese Journal of International Politics. 2007. Vol. 1. P. 447–474.

На китайском языке

Би Аонань, Алтанвчир. Чжун Э гуаньси юй мэнгу вэнти, 1911–1924 (Китайско-российские отношения и «монгольский вопрос», 1911–1924) // Чжунсу лиши сюаньань дэ чжунцзе (Решение спорных вопросов в истории китайско-советских отношений). Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 2010. С. 21–77.

Би Гуйфан. Вай Мэн цзяошэ ши моцзи. Чэнь Лу. Чжиши бицзи (Протоколы переговоров Китая с Россией о Внешней Монголии. Записки Чэнь Лу) // Цзиньдай Чжунго шиляо цункань (Сборник материалов по истории Китая в Новое время). Сб. 17. Вып. 168–169. Тайбэй: Вэньхай чубаньшэ, 1968. 258 с.

Ван Сяоцзюй. Эго дунбу иминь кайфа вэньти яньцзю (Исследование миграции в восточную часть России). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. 300 с.

Го Тинъи. Цзиньдай Чжунго шиган (История Китая в Новое и Новейшее время). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1999. 785 с.

Го Юньшэнь. Чжун Э чае маои ши (История чайной торговли между Китаем и Россией). Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1995. 208 с.

Гу Минъи. Чжунго цзиньдай вайцзяо шилюэ (Очерки внешних сношений Китая в Новое время). Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 1987. 234 с.

Дун Я ши цун шицянь чжи 20 шицзи мо (История Восточной Азии с древности до конца XX в.) / Гл. ред. Ян Цзюнь, Чжан Най. Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 2006. 285 с.

Ли Юйшу. Мэн ши лунь цун (Сборник статей о монгольской проблеме). Тайбэй: Юн'юй иньшуачан, 1990. 566 с.

Лю Цунькуан. Чжун Э гуаньси юй Вай Мэнгу цзы Чжунго дэ фэньли, 1911–1915 (Китайско-российские отношения и отделение Внешней Монголии от Китая, 1911–1915 гг.) // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфын: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 151–166.

Лян Баошань. Шиюн линши чжиши (Практические консульские знания). Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2000. 482 с.

Мэнгу цзу цзяньши (Краткая история монгольского народа). Хух-хото: Нэй Мэнгу жэньминь чубаньшэ, 1985. 503 с.

Сюн Цзяньцзюнь, Чэнь Шаому. Гуаньюй Миньго шици Вай Мэнгу дули шицзянь дэ хуэйгу юй сыкао (Размышления об отделении Внешней Монголии от Китая в период Китайской Республики) // Дан ши яньцзю юй цзяосюэ (Исследование и преподавание истории партии). 2007. Вып. 2. С. 72–77.

Фань Минфан. 1912 нянь «Э Мэн сеюэ» цзи Э Мэн «Шанъу чжуаньтяо» чжи цяньдин (Заключение «Российско-монгольского соглашения» и российско-монгольского «Торгового протокола» 1912 г.) // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфын: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 167–185.

Фу Суньмин. Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь (Очерки истории агрессии царской России в Китае). Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1982. 430 с.

Хуан Динтянь. Дунбэй Я гоцзи гуаньси ши (История международных отношений в Северо-Восточной Азии). Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1999. 394 с.

Хуан Юаньюн. Юань шэн ичжу. Ди эр цзюань (Посмертное издание произведений Хуан Юаньюна. Часть вторая). Т. 2. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1984. 246 с.

Цзиньдай гоцзи гуаньси ши (История международных отношений в Новое время) / Гл. ред. Ши Сихэ. Хэфэй: Анхуэй дасюэ чубаньшэ, 2003. 428 с.

Цун Пэйюань. Пин Жи Э чжаньчжэн цянь Эго дэ юаньдун чжэнцэ (Политика России на Дальнем Востоке накануне Русско-японской войны) // Шицзе лиши (Всемирная история). 1981. № 5. С. 41–48. № 6. С. 52–55.

Чжан Бинши. Чэнхуа сы дэ дичжи цзай хэфан цзи цита (Каков адрес монастыря Чэнхуа?) // Алэтай жибао. 13.11.2006.

URL:http://www.altxw.com/zt/content/2006-11/13/ content 1346678.htm

Чжунго дабайкэ цюаньшу. Чжунго лиши (Большая китайская научная энциклопедия. История Китая) / Гл. ред. Вэй Юаньхуэй. Пекин: Чжунго дабайкэ чубаньшэ, 2002. Т. 2. С. 541–1170. Т. 3. С. 1171–1793.

Чжунго ши да вайцзяоцзя (Десять выдающихся дипломатов Китая) / Гл. ред. Ши Юаньхуа. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1999. 439 с.

Чжунхуа Миньго вайцзяо ши цзыляо сюаньбянь. 1911–1949 (История дипломатии Китайской Республики. Избранные материалы. 1911–1949) / Сост. Чэн Даодэ. Ч. 1. 1911–1919. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1988. 613 с.

Чжун Э бяньмао фалунь (О нормативных актах российско-китайской приграничной торговли) / Ред. Лян Маобан и др. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1993. 321 с.

Ша Э циньлюэ Хуа ши (История агрессии русского царизма в Китае). Т. 1. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1978. 347 с.
Ша Э циньлюэ Чжунго сибэй бяньцзян ши (История агрессии царской России в северо-западных районах Китая). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1979. 462 с.
Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России против Китая) / Отв. ред. Мо Юнмин. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1986. 499 с.
Ян Жу Цинсинь цуньгао (Рукописи Ян Жу в год Цинсинь) // Цзиньдай ши цзыляо (Сборник материалов по истории Нового времени). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1980. 325 с.

На монгольском языке

Батбаяр Ц. Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилца (Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного). Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүррээлэн, 2008. 177 с.
Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ, 1911–1916 (Монгольская независимость и китайско-русско-монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., 1911–1916). Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2007. 160 с.
Жамсран Л. Монголын сэргэн мандалтын эхэн, 1911–1913 (Начало эпохи возрождения Монголии, 1911–1913). Улаанбаатар: Соёмбо хэвлэлийн газар, 1992. 198 с.
Лхамсурэн Б. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда и государственная независимость Монголии). Улаанбаатар: Б. и., 1995. 126 с.
Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ туух (Новейшая история Монголии). Улаанбаатар: Туухийн хурээлэнба Монгол улсын засгийн газрын архив, 1994.

Периодическая печать

На русском языке

Агентские телеграммы российского и петербургского агентств. Иркутск. 1906
Биржевые ведомости. СПб. 1910–1916.
Вестник Азии. Харбин. 1909–1917.
Вестник Европы. СПб. 1874.
Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб. 1917.
Восточная Сибирь. Иркутск. 1906.
Восточное обозрение. СПб., Иркутск. 1892, 1905–1906.
Всемирная иллюстрация. СПб. 1891.
Голос Сибири. Иркутск. 1910–1912.
Далекая окраина. Владивосток. 1912.
Дипломатический вестник. М. 1998–2014.
Жизнь Бурятии. Верхнеудинск. 1924.

Известия МИД. СПб. 1912–1917.
Информационный бюллетень Историко-документального департамента МИД РФ. М. 2000–2014. URL: http://www.idd.mid.ru/
Иркутские губернские ведомости. Иркутск. 1861–1864, 1911–1916.
Искры. М. 1913.
Монголия сегодня. Улан-Батор. 2010–2014.
Московские ведомости. М. 1894.
Наше хозяйство. Семипалатинск. 1926.
Новое время. СПб. 1910–1916.
Новое русское слово. Шанхай. 1940.
Новости дня. М. 1902–1906.
Новости Монголии. Улан-Батор. 2010.
Обзор монгольской прессы агентства МОНЦАМЭ. Иркутск. 2006–2010.
Огонек. СПб. 1913.
Правительственный вестник. СПб. 1908.
Православная Бурятия. Улан-Удэ. 2013.
Россия. СПб. 1910.
Россия и Монголия. Иркутск. 2009–2011.
Россияне в Азии. Торонто. 1994–1996.
Русский вестник. СПб. 1905.
Русский экспорт. СПб. 1911–1917.
Русское слово. М. 1911.
Сибирская газета. Томск. 1881–1887.
Сибирская жизнь. Томск. 1915–1917.
Сибирский наблюдатель. Томск. 1902–1903.
Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб. 1913–1915.
Сибирь. Иркутск. 1910.
Современные записки / Annales contemporaines. Париж. 1921.
Торгово-промышленная газета. СПб. 1913.
Троица. Улан-Батор. 2008–2012.
Ургинский листок. Урга. 1917.
Харбинский вестник. Харбин. 1914.
Шире круг. Вена. 2009.

На английском языке

Asian Survey. N.Y. 2004–2006.
Central Asian Survey. Routledge. 2010.
China Daily. Beijing. 2004–2007.
The China Mission Year Book. Shanghai. 1911–1917.
The Chinese Journal of International Politics. Beijing. 2007.
Daily Express. L. 1913.
Daily Telegraph. L. 1911.
East Asian Strategic Review. Tokyo, 2004–2010.

Far Eastern Review. Manila (since 1912 — Shanghai). 1911–1915.
The Financial Times. L. 1900–1917.
Foreign Policy. Wash. 2004–2014.
International Affairs. Wash. 2006–2007.
The Journal of East Asian Affairs. N.Y. 2004–2006.
Mongolian Journal of International Affairs. Ulaanbaatar. 2006–2008.
New York Journal of the American Asiatic Association. N.Y. 1904–1916.
Washington Post. Wash. 1910–1917.

На китайском языке

Алэтай жибао. Алтай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). 2006.
Бэйцзин жибао. Пекин. 1911–1913.
Жэньминь жибао. Пекин. 2004–2014.
Чжунго бао. Пекин. 1912.
Чжэнфу гунбао. Пекин. 1912–1915.

Ресурсы сети Интернет

http://china.org.cn — Сайт Китайского информационного центра «Чжунго ван»
http://drevo-info.ru — Сайт Открытой православной энциклопедии «Древо»
http://eap.bl.uk/ — Сайт проекта «Endangered Archives Programme» (British Library)
http://forum.asuultserver.com/ — Интернет-форум «Asuult.NET»
http://frontiers.loc.gov — Сайт проекта «Meeting of Frontiers»
http://irkipedia.ru/ — Сайт «Энциклопедия и новости Приангарья»
http://jds.cass.cn — Сайт «Цзиньдай Чжунго яньцзю» («Исследования по Новой истории Китая»)
http://militera.lib.ru/ — Сайт «Военная литература»
http://mnb.mn — Сайт монгольской телерадиокомпании «Mongolian National Broadcaster»
http://mng.rs.gov.ru/ — Сайт Представительства Россотрудничества в Монголии
http://msrs.ru — Сайт Международного совета российских соотечественников
http://owasia.ru — Сайт НГК «ИнтерБАЙКАЛ»
http://pribaikal.ru — Сайт проекта «Прибайкалье»
http://rs-gov.ru — Сайт Федерального агентства Россотрудничество
http://siberia.forum24.ru/ — Сайт форума «Гражданская война в Сибири»
http://users.livejournal.com/_petrusha/ — Блог «Инверсия как способ рождения и трансформации культурных форм»
http://vgv.avo.ru/ — Интернет-энциклопедия «Виртуальный город Владимир»
http://visualhistory.livejournal.com/ — Блог «История и современность»
http://www.altxw.com — Сайт «Алэтай синьвэнь ван» («Новостная сеть Алтая», КНР)
http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ — Сайт Министерства иностранных дел КНР

http://www.idd.mid.ru/ — Сайт Историко-документального департамента МИД России «Дипломатия России от Посольского приказа до наших дней»
http://www.irk-mongolia.ru — Сайт Представительства Иркутской области в Монголии
http://www.legendtour.ru — Сайт компании «Legend Tour Mongolia»
http://www.mfa.gov.mn/ — Сайт Министерства иностранных дел Монголии
http://www.mid.ru — Сайт Министерства иностранных дел РФ
http://www.mongolia.mid.ru/ — Сайт Посольства Российской Федерации в Монголии
http://www.montsame.mn/ — Сайт Информационного агентства МОНЦАМЭ
http://www.mrcsf.org/home/ — Сайт Музея русской культуры г. Сан-Франциско (The Museum of Russian Culture, San Francisco)
http://www.oac.cdlib.org/ — Сайт «Online Archive of California»
http://www.pravoslavie.mn — Сайт «Православие в Монголии»
http://www.proza.ru/ — Сайт «Проза.ру»
http://www.rusconshanghai.org.cn — Сайт Генерального консульства России в Шанхае
http://www.russedina.ru — Сайт «Соотечественники»
http://www.russianbeijing.com — Сайт Русского клуба в Пекине
http://www.russianshanghai.com — Сайт Русского клуба в Шанхае
http://www.russkie.org — Сайт Сетевого центра русского зарубежья
http://www.russkiymir.ru — Сайт фонда «Русский мир»
http://www.ruvek.info — Портал для российских соотечественников «Русский век»
http://www.vgd.ru/ — Сайт проекта «Всероссийское генеалогическое древо»
https://www.wikipedia.org/ — Сайт энциклопедии «Wikipedia»
http://www.xinhuanet.com — Сайт Информационного агентства «Синьхуа»

Список иллюстраций*

Фото на 1-й сторонке переплета. Общий вид консульства России в Урге в начале XX в. // Московская торговая экспедиция в Монголию.

Илл. 1. К.Н. Боборыкин — консул в Урге в 1861–1865 гг. // *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края.

Илл. 2. Я.П. Шишмарев — консул (с 1882 г. — генеральный консул) в Урге в 1865–1911 гг. // *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия.

Илл. 3. А.П. Хионин — сотрудник консульств в Урге, Улясутае и Кобдо в 1910–1920 гг. URL: http://vgv.avo.ru/

Илл. 4. И.Я. Коростовец — чрезвычайный посланник в Пекине в 1909–1911 гг., специальный уполномоченный российского правительства в Урге в сентябре 1912 — мае 1913 г. // *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики.

Илл. 5. Джебдзун-Дамба-хутухта. 1892 г. // *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I.

Илл. 6. Сайн-нойон-хан Намнансурэн — первый премьер-министр Монголии. URL: http://mnb.mn/i/42061

Илл. 7. Хандо-дорджи — министр иностранных дел правительства богдо-гэгэна // *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама.

Илл. 8. Сань До — маньчжурский амбань в Урге в 1908–1911 гг. URL: https://mn.wikipedia.org

Илл. 9. Далай-лама XIII Тхуптэн Гьяцо // *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама.

Илл. 10. Группа монгольских князей. URL: http://users.livejournal.com/_petrusha/374299.html

Илл. 11. Панорама Урги (фрагмент). 1888 г. // Всемирная иллюстрация. 1891. Т. 46. № 1178.

Илл. 12. Летний дворец хутухты в Урге // *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I.

Илл. 13. Императорское российское генеральное консульство в Урге. Конец XIX в. // *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Т. I.

---

* Полное библиографическое описание источников см. в Списке использованных источников и литературы.

Глоссарий

Аймак (монг.) — административная единица в Монголии, в дореволюционной историографии термин нередко употреблялся как синоним понятия «ханство».

Амбань (маньчж., кит. — 办事大臣 баньши дачэн) — маньчжурский наместник, подчинялся цзянцзюню и правительству в Пекине.

Богдо-гэгэн Джебдзун-Дамба-хутухта (монг. Богд гэгээн — «светлейший владыка», монг. Жавзандамба хутагт — примерно «высочайший святой») — титул главы монгольской буддийской сангхи, духовного лидера Монголии, перерожденца в Монголии Джебдзун-Дамбы. В соответствии с условиями, на которых Халха присоединилась к Цинской империи при императоре Канси в 1691 г., богдо-гэгэн состоял в унии с маньчжурским императором и являлся верховным правителем страны, а амбани лишь наблюдали за соблюдением условий соглашения.

Бэйсэ (монг.) — звание монгольских владетельных князей, которое присваивалось в маньчжурской административной иерархии.

Вай-у-бу (кит. 外务部) — внешнеполитический орган Китая, аналог Министерства иностранных дел.

Гэгэн (монг. — «светлый») — высокий титул духовных лиц в монгольском буддизме, присваиваемый хубилганам (перерожденцам).

Даотай (кит. 道台) — в системе маньчжурского управления чиновник, ответственный за определенную сферу управления в регионе, промежуточная должность между губернатором и уездным начальником.

Дзаргучей / цзаргучей, цзаргучи (монг., кит. — 部员 бу юань) — чиновник, совмещавший судебные и административные функции.

Дзасак / джасак, цзасак (монг.) — хошунный князь, глава хошуна.

Курень (монг. хурээ — «круг, кольцо») — традиционное монгольское становище в средневековой Монголии, послужившее основой планировки многих монастырей и городов. Слово «хурээ» («хурэ») сохранилось в названиях населенных пунктов (например Урги — «Их-Хурээ»). В Урге русские называли «куренем» район, в котором проживали ламы.

Лама (букв. «высший») — в тибетском и монгольском буддизме монах, представитель духовенства.

Лан (монг., кит. — 两 лян) — денежная единица и мера веса в Китае, содержала около 37,3 г серебра.

Мэрин / мэрийн (монг.) — чиновник монгольского территориального управления.

Нойон (монг. ноён — «господин», «владыка») — владетельный правитель монгольского княжества, старинный монгольский титул; наследование и должности нойонов во властной иерархии при Цинах утверждались императором.

Тайджи (монг.) — титул, который при маньчжурской династии присваивался в основном монгольским невладетельным князьям.

Уртон (монг. орто) — почтовая станция, а также форма повинности населения в Монголии, заключавшаяся в предоставлении чиновникам при проезде через определенную местность сменных лошадей, проводников, продовольствия и корма для животных. Станции располагались на расстоянии примерно 30 км друг от друга.

Ухерида / огурда, угурда, укурдай (монг.) — правитель в Алтайском, Тарбагатайском и Урумчинском округах Синьцзяна, Урянхайском крае, пользовался правами дзасака.

Хошун (монг. — «знамя») — удельное княжество, основная военно-административная единица в Монголии в период правления Цинской династии (в военном отношении приблизительно приравнивалась к дивизии). Единица упразднена в 1931 г.

Хубилган (тиб. тулку) — буддийский перерожденец, титул, который присваивается высшим духовным лидерам, считающимся воплощением особо чтимых лам или буддийским божеством.

Хутухта (монг. — «святой») — высший титул духовных лиц в монгольском буддизме, присваивавшийся перерожденцам-хубилганам.

Хэбэй-амбань (маньчж.) — военный помощник цзянцзюня, советник.

Цзунли-ямэнь (кит., полное название 总理各国事务衙 Цзунли гэго шиу ямэнь) — Канцелярия по общему управлению делами различных стран, или Управление иностранными делами.

Цзурган — цинский чиновник, заведовавший делами монголов при управлениях улясутайского цзянцзюня и кобдоского амбаня.

Цзянцзюнь (кит. 将军) — в маньчжурской военно-административной системе генерал-губернатор, начальник гарнизона провинции (знамени), военной и гражданской администрации.

Цзюнь-цзи-чу (кит. 军机处) — Государственный военный совет при императоре.

Циньван (кит. 亲王) — великий князь, один из высших маньчжурских княжеских титулов.

Шабинское ведомство (монг. Их шавийн яам, или Ихэ-Шаби) — государственное учреждение в Цинской империи, созданное с целью контроля над имущественным положением главы монгольской буддийской церкви в Монголии и управления шабинарами (аратами, приписанными к церкви).

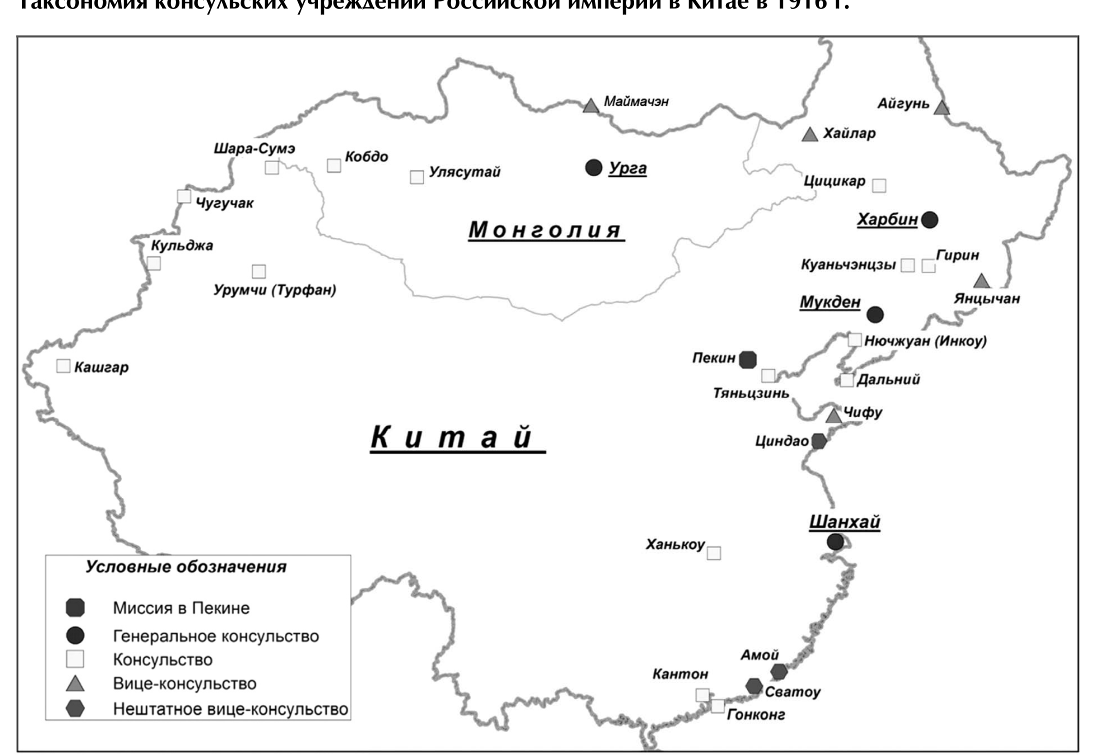
Шанцзотба (тиб.) — одна из высших должностей в монгольском буддийском монастыре, на которую назначали старейших лам для заведования хозяйственными делами и распоряжения казной хутухты. Управлял шабинарами Джебдзун-Дамба-хутухты — данниками Шабинского ведомства.

Ямэнь / ямынь (кит. 衙门) — административный орган, управление. В учреждении, как правило, располагались резиденции главного чиновника и его помощников, казначейство, помещения для расследования, суда и отбывания наказания и др. В 1902–1903 гг. в Улясутае и Кобдо были созданы специальные русско-китайские ямэни.

Указатель имен

Приложения

Приложение 1
Таксономия консульских учреждений Российской империи в Китае в 1916 г.

Приложение 2

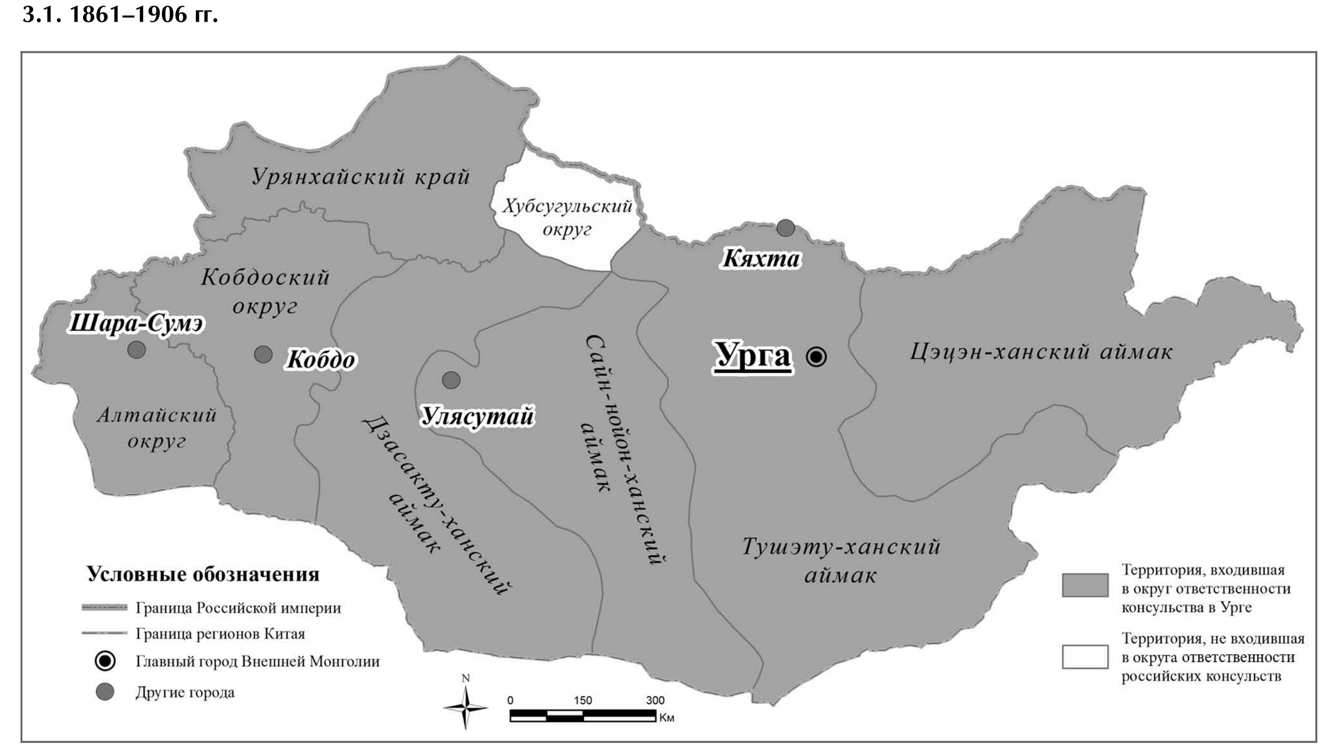
Карта-схема Монголии и сопредельных регионов Китая и России (по состоянию на 1914 г.)

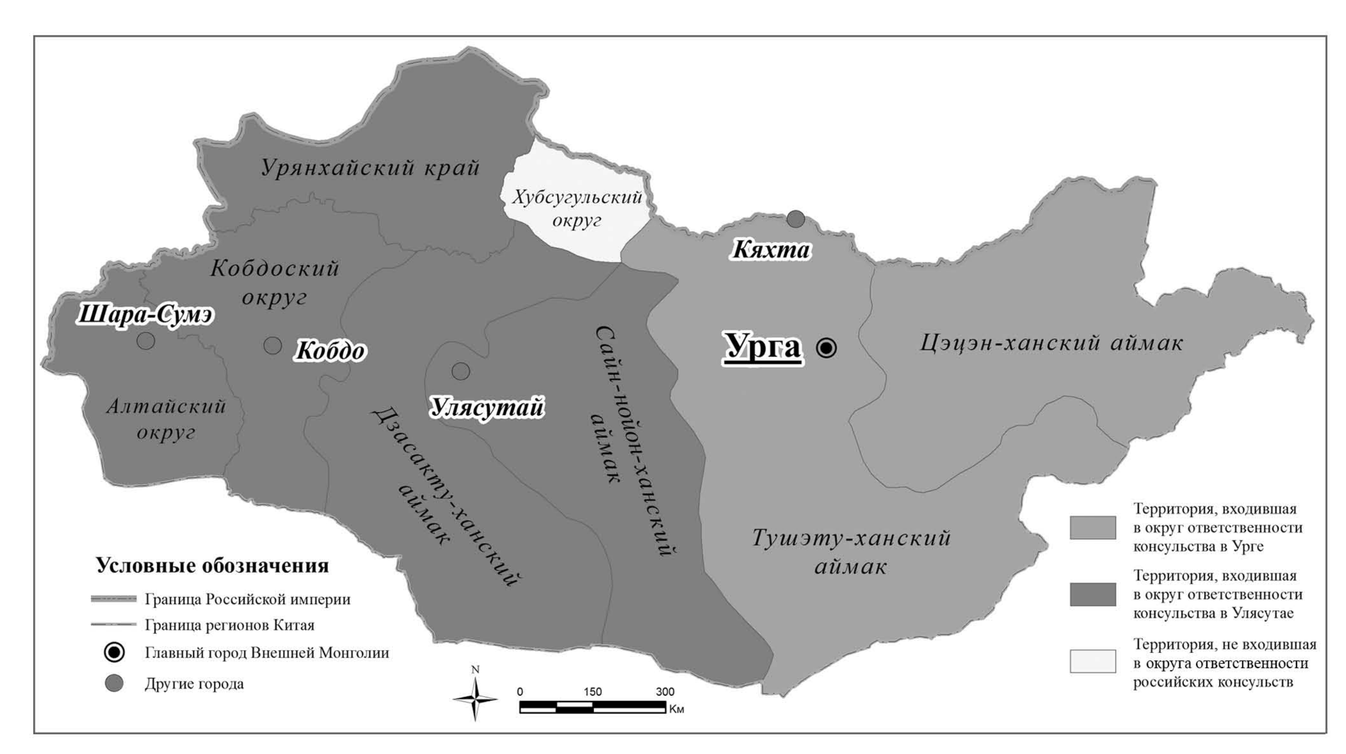
Приложение 3

Округа ответственности консульств России в Монголии

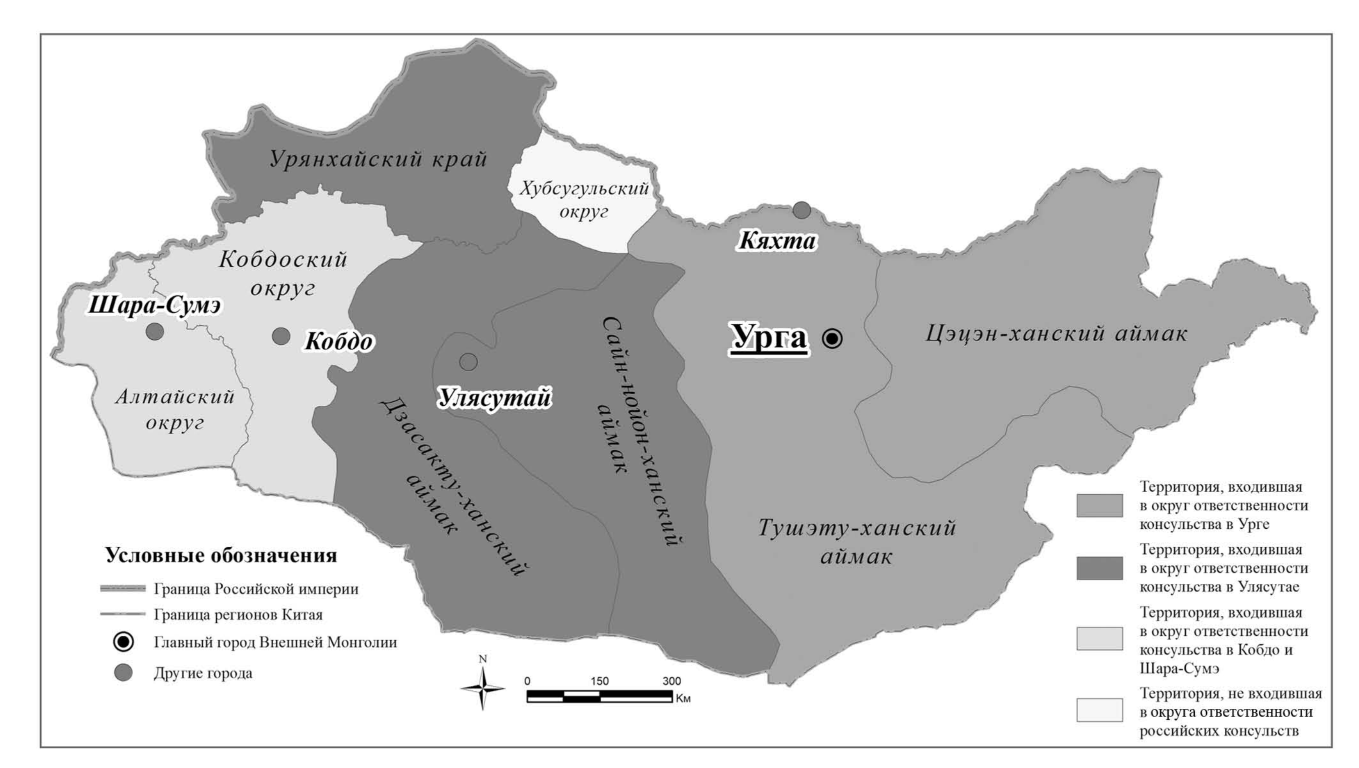
3.1. 1861–1906 гг.

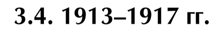

3.2. 1906–1911 гг.

3.3. 1911–1913 гг.

3.4. 1913–1917 гг.

Урянхайский край
Хубсугульский округ
Кобдоский округ
Шара-Сумэ
Кобдо
Алтайский округ
Улясутай
Дзасакту-ханский аймак
Сайн-нойон-ханский аймак
Кяхта
Урга
Цэцэн-ханский аймак
Тушэту-ханский аймак

Условные обозначения

Граница Российской империи
Граница регионов Китая
Главный город Внешней Монголии
Другие города

0 150 300 Км
N

Территория, входившая в округ ответственности консульства в Урге
Территория, входившая в округ ответственности консульства в Улясутае
Территория, входившая в округ ответственности консульства в Кобдо
Территория, не входившая в округа ответственности российских консульств
Сфера ответственности вице-консульства в кяхтинском Маймачэне с 1915 г.
Территория, входившая в округ ответственности консульства в Шара-Сумэ
Территория, вошедшая в состав России в 1914 г.

Приложение 4

Штаты консульских учреждений Российской империи в Монголии (1861–1917)

Пункт пребывания	Генеральный консул	Консул	Секретарь	Первый драгоман	Второй драгоман	Вице-консул	Врач	Агент Мин-ва торговли и пром-сти
1861 г.								
Урга	–	Боборыкин К.Н.	Шишмарев Я.П.	Шишмарев Я.П.	–	–	–	–
1862–1863 гг.								
Урга	–	Боборыкин К.Н. (факт. Шишмарев Я.П.)	Шишмарев Я.П. (факт. Гомбоев Н.)	Шишмарев Я.П. (факт. Гомбоев Н.)	–	–	–	–
1864 г.								
Урга	–	Боборыкин К.Н. (факт. Шишмарев Я.П.)	Шишмарев Я.П. (факт. с января — Цыбыктаров)	Шишмарев Я.П. (факт. с января — Цыбыктаров)	–	–	–	–
1865 г.								
Урга	–	Боборыкин К.Н. (с марта — Шишмарев Я.П.)	Шишмарев Я.П. (факт. с февраля — Борзаковский)	Шишмарев Я.П. (факт. с февраля — Борзаковский)	–	–	–	–
1866–1870 гг.								
Урга	–	Шишмарев Я.П.	Кормазов А.Д. (с апреля 1866 г.)	Кормазов А.Д. (с апреля 1866 г.)	–	–	–	–

1871–1875 гг.								
Урга	–	Шишмарев Я.П.	Падерин И.В. (и.о.)	Падерин И.В. (и.о.)	–	–	–	–
1876–1878 гг.								
Урга	–	Шишмарев Я.П.	Падерин И.В.	Протасьев И.П.	–	–	–	–
1879–1881 гг.								
Урга	–	Шишмарев Я.П.	Успенский В.М.	Протасьев И.П.	–	–	–	–
1882 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Успенский В.М.	Протасьев И.П.	–	–	–	–
1883–1884 гг.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Успенский В.М.	Федоров С.А.	–	–	–	–
1885 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	–	Федоров С.А.	–	–	–	–
1886 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Федоров С.А.	Вахович А.С.	–	–	–	–
1887–1890 гг.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Федоров С.А.	–	–	–	–	–
1891–1893 гг.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Федоров С.А.	Люба В.Ф. (факт. с октября 1890 г.)	–	–	–	–
1894 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Федоров С.А. (с марта — Люба В.Ф.)	Люба В.Ф. (до марта)	–	–	–	–

Пункт пребывания	Генеральный консул	Консул	Секретарь	Первый драгоман	Второй драгоман	Вице-консул	Врач	Агент Мин-ва торговли и пром-сти
1895–1897 гг.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Люба В.Ф.	–	–	–	–	–
1898–1899 гг.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Люба В.Ф.	Долбежев В.В.	–	–	–	–
1900 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	–	Долбежев В.В. (и.о.)	–	–	–	–
1901 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	–	–	–	–	–	–
1902 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	–	Добошинский Д.И.	–	–	–	–
1903 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	–	Смелков В.В.	Никитин В.К.	–	–	–	–
1904 г.								
Урга	Шишмарев Я.П.	Люба В.Ф. (с марта)	Смелков В.В.	Никитин В.К.	Дьяков А.А.	–	–	–

1905 г.								
Урга	–	Люба В.Ф.	Кузминский М.Н.	Долбежев Б.В.	Попов М.М.	–	–	–
1906 г.								
Урга	–	Люба В.Ф.*	Вальтер А.А.	Попов М.М.	–	–	–	–
Улясутай	–	Долбежев В.В. (и.о.)	Кузминский М.Н.	Кузминский М.Н.	–	–	–	–
1907 г.								
Урга	Шишмарев Я.П. (и.о.)	–	Кузминский М.Н.	Зинькевич А.П.	–	–	–	–
Улясутай	–	Долбежев В.В. (и.о.)	–	–	–	–	–	–
1908 г.								
Урга	Шишмарев Я.П. (и.о.)	–	Кузминский М.Н.	Зинькевич А.П.	–	–	–	–
Улясутай	–	Долбежев В.В. (и.о.)	Долбежев В.В., Лучич К.В.	Лучич К.В.	–	–	–	–
1909 г.								
Урга	Шишмарев Я.П. (и.о.)	–	Кузминский М.Н.	Зинькевич А.П.	–	–	Цыбыктаров С.Б.	–
Улясутай	–	Долбежев В.В. (и.о.) (с ноября Люба В.Ф. — консул)**	Беренс Э.Л. (и.о.)	Беренс Э.Л. (и.о.)	–	–	–	–

Пункт пребывания	Генеральный консул	Консул	Секретарь	Первый драгоман	Второй драгоман	Вице-консул	Врач	Агент Мин-ва торговли и пром-сти
1910 г.								
Урга	Шишмарев Я.П. (и.о.)	–	–	Щербаков Д.И.	–	–	Цыбыктаров С.Б.	–
Улясутай	–	Люба В.Ф.	Беренс Э.Л. (и.о.) (?)	Беренс Э.Л. (и.о.) (?)	–	–	–	–
1911 г.								
Урга	Шишмарев Я.П. (и.о.)	Люба В.Ф. (с марта)***	Лавдовский В.Н.	Щербаков Д.И.	–	–	Цыбыктаров С.Б.	–
Улясутай	–	Люба В.Ф. (с марта — А.А. Вальтер)	Хионин А.П. (и.о.)	Хионин А.П. (и.о.)	–	–	–	–
Кобдо и Шара-Сумэ	–	Кузминский М.Н.	–	–	–	–	–	–
1912 г.								
Урга	–	Люба В.Ф.	Лавдовский В.Н. (с октября — Попов М.М.)	Щербаков Д.И.	–	–	Цыбыктаров С.Б.	–
Улясутай	–	Вальтер А.А.	Хионин А.П. (и.о.)	–	–	–	–	–
Кобдо и Шара-Сумэ	–	Кузминский М.Н.	Успенский А.И.	–	–	–	–	–

1913 г.								
Урга	Миллер А.Я. (с августа)****	Люба В.Ф. (до августа)	Попов М.М.	Щербаков Д.И.	–	–	Цыбыктаров С.Б.	Болобан А.П.
Улясутай	–	Вальтер А.А.	Хионин А.П. (и.о.)	–	–	–	–	–
Кобдо и Шара-Сумэ*****	–	Кузминский М.Н. (с августа — Люба В.Ф.)	Мецлер К.Э.	–	–	–	Беляев А.И.	–
1914 г.								
Урга	Миллер А.Я.	–	Хионин А.П.	Кульков А.Н.	Пестовский Б.А.	Лавдовский В.Н.	Цыбыктаров С.Б.	Болобан А.П.
Улясутай	–	Вальтер А.А.	–	–	–	–	Владимирский М.А.	–
Кобдо	–	Люба В.Ф.	Габрик В.Г. (и.о.) (?)	–	–	–	Ямпилов (и.о.) (?)	–
Шара-Сумэ	–	Кузминский М.Н.	Мецлер К.Э.	–	–	–	Беляев А.И.	–
1915 г.								
Урга	Миллер А.Я.	–	Хионин А.П.	Кульков А.Н.	–	Лавдовский В.Н.	Цыбыктаров С.Б.	Болобан А.П.
Улясутай	–	Вальтер А.А.	–	–	–	–	Владимирский М.А.	–
Кобдо	–	Люба В.Ф.	Габрик В.Г. (и.о.)	–	–	–	Лутович Э.Б.	–
Шара-Сумэ	–	Кузминский М.Н.	Мецлер К.Э.	–	–	–	Беляев А.И.	–

Пункт пребывания	Генеральный консул	Консул	Секретарь	Первый драгоман	Второй драгоман	Вице-консул	Врач	Агент Мин-ва торговли и пром-сти
1916 г.								
Урга	Миллер А.Я. (с августа — Орлов А.А.)	–	Грамматикати Е.И.	Кульков А.Н.	–	Хионин А.П.	Цыбыктаров С.Б.	Болобан А.П.
Улясутай	–	Вальтер А.А.	–	–	–	–	Владимирский М.А.	–
Кобдо	–	Люба В.Ф.	Габрик В.Г. (и.о.)	–	–	–	Лутович Э.Б.	–
Шара-Сумэ	–	Кузминский М.Н.	Мецлер К.Э.	–	–	–	Беляев А.И.	–
Кяхтинский Маймачэн	–	–	–	–	–	Лавдовский В.Н. (и.о.)	–	–
1917 г.								
Урга	Орлов А.А.	–	Грамматикати Е.И.	Сенько-Буланый Н.С.	–	Хионин А.П.	Цыбыктаров С.Б.	Болобан А.П.
Улясутай	–	Вальтер А.А.	–	–	–	–	Владимирский М.А.	–
Кобдо	–	Габрик В.Г. (и.о.) (позднее — Хионин А.П.)	–	–	–	–	Лутович Э.Б.	–

Шара-Сумэ	–	Кузминский М.Н.	Мецлер К.Э.	–	–	–	Беляев А.И.	–
Кяхтинский Маймачэн	–	–	–	–	–	Лавдовский В.Н. (и.о.)	–	–

* По другим данным, с конца марта 1906 г. — генеральный консул.

** С предоставлением звания «генерального консула лично».

*** С предоставлением звания «генерального консула лично».

**** Полное наименование должности — «дипломатический агент и генеральный консул» (с присвоением А.Я. Миллеру звания «дипломатический агент лично»).

***** В сентябре 1913 г. учреждено отдельное консульство в Кобдо. Консульство в Шара-Сумэ возглавил М.Н. Кузминский.

Составлено по: АВПРИ. Ф. 143; АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Формулярные списки; *Бармин В.А.* К вопросу о сотрудничестве бывших консулов царского и временного правительств; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли; *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай; *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии; *она же.* Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев; Ежегодник Министерства иностранных дел. 1862–1916; *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения; *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке; *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia.

Приложение 5

Краткие биографические сведения о сотрудниках консульских учреждений России в Монголии (1861–1917)

Фамилия, имя отчество, годы жизни	Биографическая справка
Беренс Эдуард Людвигович (?–?)	Выпускник Факультета восточных языков Петербургского университета. Был студентом-стажером Дипломатической миссии в Пекине. В 1908 г. исполнял обязанности секретаря консульства в Чугучаке, в 1909 г. — секретаря-драгомана в Улясутае. В 1912–1915 гг. секретарь генерального консульства в Кашгаре. В августе 1915 г. причислен к отделу печати МИД в Петербурге. Интересовался археологией Китая.
Боборыкин Константин Николаевич (12.10.1829–1904)	Первый российский консул в Урге (1861–1865). Окончил Михайловское артиллерийское училище. В 1844–1861 гг. на военной службе. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1857–1861 гг. был сначала адъютантом начальника штаба императора, а затем — начальником штаба. В 1861 г. назначен консулом России в Монголии. С июня 1865 г. и.о. Оренбургского губернатора (утвержден в должности в марте 1866 г.) и наказной атаман Оренбургского казачьего войска. С марта 1875 по январь 1888 г. являлся Орловским губернатором.
Вальтер Александр Александрович (23.04.1879–15.04.1940)	Окончил Факультет восточных языков Петербургского университета. В июне 1901 г. был причислен к Первому департаменту МИДа, а в сентябре назначен студентом (стажером) Дипломатической миссии в Пекине. С ноября 1901 г. драгоман консульства в Кульдже. С июля 1902 по сентябрь 1903 г. управляющий консульством в Кульдже. С апреля 1904 по январь 1906 г. являлся секретарем консульства в Чугучаке, с января 1906 г. — в Урге. В январе 1907 — сентябре 1909 г. служил секретарем-драгоманом консульства в Нючжуане. С конца декабря 1907 по середину августа 1908 г. управляющий консульством в Нючжуане. В октябре 1909 — марте 1911 г. секретарь консульства в Кашгаре. С марта 1911 по октябрь 1917 г. был консулом в Улясутае. В 1920 г. эмигрировал в Китай (Шанхай), был на преподавательской работе. Автор статей по экономике Монголии. Скончался в Шанхае.
Вахович Александр Степанович (05.11.1858–?)	Дипломат и известный владивостокский предприниматель. В 1883–1885 гг. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1886 г. драгоман консульства в Урге. В 1887–1893 гг. второй драгоман миссии в Пеки-

	не. В 1894–1902 гг. консул в Ханькоу. Инициатор создания российской концессии в Ханькоу. Похоронен во Владивостоке.
Габрик Владимир Григорьевич (1876–11.02.1945)	Окончил Либавское реальное училище, служил в армии (штабс-капитан). В 1906–1910 гг. обучался по китайско-монгольскому разряду в Восточном институте во Владивостоке. С 1914 г. на дипломатической службе в Монголии. В октябре 1913 — январе 1914 г. сопровождал посольство Сайн-нойон-хана в Петербург. С февраля 1914 г. (по другим данным — с 1915 г.) исполнял обязанности секретаря консульства в Кобдо, в 1917 г. — консула в Кобдо. В октябре 1917 г. командирован на службу в Ургу. В 1919 г. и.о. консула в Кобдо, летом 1920 г. — консула в Урге. Остался в эмиграции. Есть сведения, что умер в Мукдене.
Грамматикати Евгений Иванович (1888–1934)	Сотрудник МИДа с 1912 г. В 1916–1917 гг. секретарь консульства в Урге. После 1917 г. в эмиграции в Китае и далее в США.
Добошинский Дмитрий Иосифович (?–?)	Драгоман консульства в Урге в 1902 г.
Долбежев Борис Васильевич (1881–1910)	Выпускник Факультета восточных языков Петербургского университета, переводчик с восточных языков при МИДе. Драгоман консульства в Урге в 1905 г. В 1906 г. секретарь консульства в Чугучаке. Позднее секретарь консульства в Урумчи. Автор статей по истории и археологии Китая и Монголии, истории калмыков. Скончался в Урумчи в 1910 г.
Долбежев Владимир Васильевич (03.02.1873–09.05.1958)	Выпускник Факультета восточных языков Петербургского университета. В 1898–1900 гг. драгоман генерального консульства России в Урге, в 1902–1904 гг. управлял этим консульством. В 1905–1906 гг. (до мая) консул в Турфане (факт. в Урумчи). В 1906–1909 гг. — и.о. консула в Улясутае. В 1909 г. также являлся секретарем консульства в Турфане (Урумчи). В 1910–1917 гг. (факт. до конца 1920 г.) консул в Чугучаке. Активно помогал белогвардейскому движению. В конце 1920 г. выехал из Синьцзяна в Пекин, преподавал восточные языки. В июне 1951 г. эмигрировал в США, похоронен в Сан-Франциско. Автор публикаций по Монголии и Китаю.
Дьяков Алексей Алексеевич (1876–?)	Окончил Тотемское духовное училище, учился в Вологодской духовной семинарии. Выпускник Факультета восточных языков Петербургского университета. В 1903 г. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1904 г. драгоман консульства России в Урге. В 1905 г. драгоман, в 1906–1912 гг. секретарь консульства в Кульдже. С 1913 (факт. с 1912 г.) по 1917 г. включительно

	консул в Турфане (факт. в Урумчи). После Октябрьской революции остался в эмиграции. В 1934 г. являлся уполномоченным главы русской эмиграции на Дальнем Востоке Д.Л. Хорвата по провинции Синьцзян. Автор переводов, занимался историей и археологией Центральной Азии. Участвовал в раскопках экспедиции К.Г.-Э. Маннергейма, помогал экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточном Туркестане в 1914–1915 гг. Собрал коллекцию восточных рукописей.
Зинькевич Ананий Павлович (?–?)	Выпускник китайско-монгольского отделения Восточного института во Владивостоке. В 1907 г. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1907–1909 гг. драгоман консульства (позднее генерального консульства) в Урге. В 1910–1912 гг. и.о. секретаря консульства в Куаньчэнцзы, в 1911 г. управлял этим консульством. В 1913–1914 гг. секретарь и драгоман консульства в Ханькоу. В 1915–1917 гг. секретарь консульства в Кульдже. После Октябрьской революции признал советскую власть. В 1926 г. работал драгоманом генерального консульства СССР в Урумчи.
Кормазов (Кармазов) А.Д. (?–?)	Выпускник Факультета восточных языков Петербургского университета. Стипендиат генерал-губернатора Восточной Сибири. В 1866–1869 гг. секретарь и драгоман консульства в Урге. В 1871–1873 гг. секретарь консульства в Тяньцзине. Во время службы в Монголии изучал торговые пути в Монголии, социально-политическую и религиозную жизнь страны.
Кузминский Михаил Николаевич (?–?)	Окончил Факультет восточных языков и Юридический факультет Петербургского университета. В 1902–1904 гг. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1904–1905 гг. секретарь консульства в Урге, в 1906 г. секретарь-драгоман консульства в Улясутае. В январе 1907 — сентябре 1909 г. секретарь консульства в Урге. В 1906–1907 гг. управляющий этим консульством. С октября 1909 по август 1911 г. секретарь генерального консульства в Харбине. С августа 1911 по сентябрь 1913 г. консул в Кобдо и Шара-Сумэ (прибыл в июне 1912 г.). С сентября 1913 до октября 1917 г. консул в Шара-Сумэ. После 1917 г. — в эмиграции. Автор ряда китаеведческих статей.
Кульков Алексей Николаевич (?–?)	В 1914–1916 гг. драгоман генерального консульства в Урге. В 1916–1917 гг. управляющий консульством в Улясутае.
Лавдовский Владимир Николаевич (1880(?)–1947)	Окончил Факультет восточных языков Петербургского университета, а также курс Археологического института. В 1905–1906 гг. студент (стажер) Дипломатической

	миссии в Пекине. С 1907 г. драгоман консульства в Кульдже. В конце 1910 г. управляющий консульством в Урге. В 1911–1913 гг. секретарь консульства в Урге. В 1911–1912 гг. управлял этим консульством. В 1913–1914 гг. секретарь консульства в Гирине. В 1914 — январе 1915 г. вице-консул в Урге. С сентября 1915 до конца 1917 г. (факт. до конца 1919 г.) — вице-консул в Маймачэне. Эмигрировал в Китай.
Лучич Корнелий Васильевич (?–?)	В 1905–1906 гг. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1908 г. секретарь и драгоман консульства в Улясутае, в 1912 г. — в Чугучаке. В 1913 г. секретарь и драгоман вице-консульства в Айгуне. В 1914 г. секретарь-драгоман, в 1915–1916 гг. секретарь генерального консульства в Харбине, в 1916–1917(?) гг. — генерального консульства в Шанхае.
Люба Виктор Федорович (1861–14.07.1928)	Выпускник Факультета восточных языков Петербургского университета. С 1886 по апрель 1890 г. исполняющий обязанности переводчика китайского и маньчжурского языков при Степном генерал-губернаторе. На службе в МИДе с 1888 г. С начала октября 1890 до марта 1894 г. драгоман, в 1895–1899 гг. секретарь генерального консульства в Урге. В 1899–1902 гг. чиновник МИДа на правах консула в Гирине. В 1904–1906 гг. консул в Урге, с начала марта 1906 по середину января 1907 г. генеральный консул в Урге. В 1907 — августе 1909 г. генеральный консул в Харбине. В ноябре 1909 — марте 1911 г. консул в Улясутае. С марта 1911 по август 1913 г. генеральный консул в Урге. С августа 1913 по 1916 г. включительно временно управляющий консульством в Кобдо. В 1915 г. был на несколько месяцев прикомандирован к 4-му Политическому отделу МИДа. В 1917–1919 гг. исполнял обязанности консула в Кульдже. После Октябрьской революции остался в эмиграции в Китае. Активно содействовал белогвардейскому движению. С 1920 г. служил на КВЖД. Умер в Харбине. Востоковед, автор работ по истории, социально-экономическому развитию Китая и Монголии. Был членом Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО. Преподавал в Ургинской школе переводчиков. Участвовал в организации преподавания китайского языка для русских эмигрантов в Китае.
Мецлер Карл Эдуардович (1886–1940)	Окончил Петербургский университет. В 1912 г. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1913 г. секретарь и управляющий консульством России в Кобдо и Шара-Сумэ, в 1914 — сентябре 1915 г. секретарь консульства в Шара-Сумэ. С конца 1915 — 1917 г. секретарь консульства в Кантоне. В октябре 1917 — 1924 г. вице-консул генерального консульства в Шанхае.

	С апреля 1935 г. председатель Российского эмигрантского комитета, председатель Юридического общества в Шанхае. Убит в Шанхае в 1940 г.
Миллер Александр Яковлевич (1868–16.03.1940)	В 1893 г. студент (стажер), а в 1894–1899 гг. драгоман политического агентства России в Бухаре. В 1899–1905 гг. вице-консул в Сейстане, в 1906 г. первый драгоман Дипломатической миссии в Тегеране. В 1907–1908 гг. консул в Ливерпуле. В ноябре 1908 — 1910 г. консул в Астрабаде, в октябре 1910 — январе 1913 г. генеральный консул в Тавризе. С августа 1913 по август 1916 г. дипломатический агент и генеральный консул в Монголии. В 1915 г. со стороны России подписал тройственное соглашение с Монголией и Китаем об автономии Монголии. В октябре 1916 — феврале 1917 г. политический агент, в марте–апреле 1917 г. резидент в Бухаре. Способствовал проведению комплексных реформ в Бухарском ханстве. После Октябрьской революции участвовал в Гражданской войне в Вооруженных силах Юга России и Русской армии. Впоследствии эмигрировал во Францию. Служил переводчиком посольства Афганистана. Умер в Левалуа-Перре, под Парижем. Автор работ по истории стран Востока, продолжал исследовательскую деятельность в эмиграции.
Никитин Владимир Константинович (1877–?)	На дипломатической службе с 1901 г. В 1901 г. (по другим данным — в 1903 г.) студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1902 г. секретарь генерального консульства в Шанхае. В 1903–1904 гг. драгоман консульства России в Урге. В 1905–1906 гг. секретарь-драгоман консульства в Нючжуане, в 1907–1910 гг. — консульства в Мукдене. В 1911 г. вице-консул в Харбине, в августе 1911 — 1917 г. — в Айгуне.
Орлов Аркадий Александрович (1870–1940)	Выпускник Факультета восточных языков Петербургского университета (1894) и Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте. В 1896 г. студент (стажер) посольства в Константинополе. В 1897–1900 гг. первый драгоман генерального консульства в Константинополе. В 1900(?) г. назначен секретарем чрезвычайной миссии в Абиссинии, в 1900–1903 гг. поверенный в делах в Аддис-Абебе. В январе–сентябре 1903 г. вице-консул в Скутари. В октябре 1903 — декабре 1906 г. консул в Митровице. С декабря 1906 по июль 1911 г. консул в Ускюбе. С июля 1911 по сентябрь 1913 г. генеральный консул в Багдаде. С сентября 1913 по август 1916 г. генеральный консул в Тавризе. С августа 1916 по октябрь 1917 г. (факт. до осени 1920 г.) дипломатический агент и генеральный консул в Урге. С конца 1920 г. в эмиграции в Китае. В 1928–1933 гг. председатель Русской национальной общины в Тяньцзине. Востоковед,

	автор путевых дневников о поездке вдоль турецко-персидской границы (1913).
Падерин Иннокентий Васильевич (?–1893)	В 1870–1875 гг. исполнял обязанности секретаря и драгомана консульства в Урге, в 1876–1878 гг. секретарь этого консульства. В 1878–1882 гг. второй драгоман Дипломатической миссии в Пекине. В 1882–1885 гг. консул в Кульдже, в 1885–1892 гг. — в Тяньцзине, в 1892–1893 гг. — в Чугучаке. Исследователь Монголии и Китая, коллекционер китайских и маньчжурских литературных памятников.
Пестовский Борис Алексеевич (?–?)	Драгоман генерального консульства в Урге в 1914 г. Востоковед, автор работ по страноведению Монголии, монгольской и калмыцкой литературе.
Попов Михаил Михайлович (?–?)	В 1904 г. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1905–1906 гг. драгоман консульства в Урге, в 1907–1912 гг. — генерального консульства в Харбине. В 1912–1913 гг. секретарь консульства в Урге. После Октябрьской революции в эмиграции в Китае. Востоковед, исследователь Монголии.
Протасьев Иван Петрович (1850–1886)	Окончил Факультет восточных языков Петербургского университета в 1873 г. (китайско-маньчжурско-монгольское отделение). В 1874–1875 гг. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1876–1884 гг. секретарь консульства в Урге. В 1884–1885 гг. второй драгоман миссии в Пекине. В 1885–1886 гг. консул в Ханькоу. Востоковед, переводчик.
Сенько-Буланый Николай Самуилович (1877–?)	Окончил корейско-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (предположительно в 1904 г.). Участвовал в военных действиях во время Русско-японской войны в качестве переводчика с апреля 1904 г., в том числе в составе разведывательного отдела генерал-квартирмейстерской части штаба 3-й Маньчжурской армии (ноябрь 1904 — сентябрь 1905 г.). В 1906–1916 гг. драгоман генерального консульства в Сеуле. В 1917 г. первый драгоман генерального консульства в Урге. После 1917 г. в эмиграции в Китае. Автор статей по востоковедению.
Смелков Валентин Васильевич (?–?)	В 1903–1904 гг. секретарь консульства в Урге.
Успенский Александр Иванович (?–1932)	В 1910–1911 гг. студент (стажер) Дипломатической миссии в Пекине. В 1912 г. секретарь консульства в Кобдо, в 1913–1917 гг. — в Куаньчэнцзы. В 1917 г. (факт. до 1920 г., по некоторым данным и позднее) генеральный консул в Кашгаре. После Октябрьской революции помогал белогвардейскому движению. Умер в Харбине.

Успенский Виктор Матвеевич (1845–?)	Выпускник Петербургского университета. В 1871 г. студент (стажер) консульства России в Хакодатэ, в 1872–1873 гг. – Дипломатической миссии в Пекине. В 1874–1875 гг. секретарь консульства в Тяньцзине, в 1879–1884 гг. — в Урге. В 1885–1896 гг. консул в Кульдже, в 1897–1901 гг. генеральный консул в Турфане (факт. в Урумчи). Автор работ по истории Китая и переводов. Путешественник, член ИРГО. Собрал большую коллекцию книг о Дальнем Востоке.
Федоров Сергей Александрович (?–?)	В 1883–1885 гг. драгоман, в 1886–1894 гг. секретарь консульства в Урге. В 1896 г. консул в Урумчи, в 1897–1912 гг. — в Кульдже. Изучал Монголию и Западный Китай.
Хионин Алексей Павлович (16.03.1879–11.01.1971)	Выпускник китайско-монгольского отделения Восточного института во Владивостоке (1903). После окончания института утвержден в должности ассистента-профессора на кафедре монголоведения. Во время Русско-японской войны как специалист-монголовед служил при Главной квартире полевого штаба главнокомандующего, Мукденском военном комиссаре, Штабе главнокомандующего в Харбине. С июня 1907 г. атташе Азиатского департамента МИДа. С конца января 1909 г. драгоман консульства России в Кашгаре, с декабря 1910 до конца 1913 г. исполнял обязанности секретаря консульства в Улясутае. В 1914–1915 гг. секретарь, с октября 1915 г. вице-консул генерального консульства в Урге. В 1917 г. (факт. до августа 1920 г.) исполнял обязанности консула в Кобдо. С августа по сентябрь 1920 г. управляющий генеральным консульством в Урге, был дезавуирован правительством Китая, выехал в Тяньцзинь. В 1921–1950 гг. жил в Харбине. В 1950 г. переселился с семьей в Австралию. Скончался в Сиднее 11 января 1971 г. Исследователь, автор многочисленных переводов, русско-китайского, китайско-русского, монгольско-русско-японского словарей.
Шишмарев Яков Парфеньевич (14.09.1833–18.01.1915)	Консул и генеральный консул в Урге в 1865–1911 гг. Потомок старинной династии известных селенгинских служивых-толмачей. Окончил Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу (1849). В 16-летнем возрасте поступил на службу и до 1855 г. служил в различных учреждениях. В 1855 г. поступил на службу в канцелярию градоначальника Кяхты. В 1855–1858 гг. губернский секретарь и переводчик при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве-Амурском. Участвовал в Амурских экспедициях, в переговорах по Айгуньскому договору, подписании Пекинского договора, помогая миссии графа Н.П. Игнатьева. В 1861–1865 гг. секретарь и драгоман российского консульства

	в Урге, с 1864 г. управляющий консульством, и.о. консула. В 1878 г. участвовал в работах по пограничному размежеванию в Кульдже. Основатель Ургинской школы переводчиков. Оставил службу в 1911 г. Скончался 18 января 1915 г. в Санкт-Петербурге. Автор статей о хозяйстве, системе управления, культуре Монголии. Собирал этнографические коллекции и востоковедческую литературу. Сотрудничал с ИРГО, участвовал в составлении одной из первых карт Восточной Монголии.
Щербаков Дмитрий Иванович (?–?)	Выпускник китайско-маньчжурского отделения Восточного института во Владивостоке (1903). В 1910–1913 гг. драгоман консульства в Урге.

Источники:

Архивные документы:
АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491; Ф. ДЛС и ХД. Формулярные списки.

Опубликованные источники и исследования:

Абдуллаев А. Мой прадед Абдулов Ахмед-Гирей и его время; *Андреев А.И.* Неизвестная страница из истории Большой игры; *Бармин В.А.* К вопросу о сотрудничестве бывших консулов царского и временного правительств; *Боголепов М.И., Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли; *Богоявленский Н.В.* Западный Застенный Китай; *Бурдуков А.В*. В старой и новой Монголии; Владимирские фамилии — Хионины. URL: http://vgv.avo.ru/5/1/XIONIN/1_1.HTM; *Буяков А.М.* Восточники на фронтах Русско-японской войны; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия; Ежегодник Министерства иностранных дел. 1862–1916; *Единархова Н.Е*. Русские в Монголии; Известия Восточного института. Т. I–II; Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых; Коллекции Музея-архива русской культуры в Сан-Франциско. URL: http://www.mrcsf.org/ru_collections; *Коростовец И.Я*. От Чингисхана до Советской Республики; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…»; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии; Московская торговая экспедиция в Монголию; *Накамото Нобуюки.* Толстой и Лао-цзы; Письма Г.Н. Потанина; *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии; Российское Зарубежье во Франции, 1919–2000; Русский консул в Монголии; Сайт проекта «Всероссийское генеалогическое древо». URL: http://www.vgd.ru/; Сайт форума «Гражданская война в Сибири». URL: http://siberia.forum24.ru/; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения; *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае; *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке; *Хохлов А.Н.* Н.К. Рерих с семьей в Синьцзяне; *он же.* Подготовка кадров для российской консульской службы в Китае; *Шишмарев А.* Российский консул Шишмарев: жизнь и происхождение; *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia.

Summary

The consulates in Mongolia were the important institutes of coordination of the Russian Empire's international contacts with the East Asian region in the second half of the 19th and the early 20th centuries. In this study based on a wide range of archival materials, the author attempts to make a comprehensive analysis of their activities and role in protecting Russian interests in Mongolia and in the East Asian international relations from 1861 to 1917.

The opening of consulates was necessitated by the growth of Russian economic and political interests in Mongolia which was considered a zone of Russia's "special interests" in the context of the increased great powers' competition in the Qing Empire. The consulate in the central city of Mongolia, Urga (Ikh Khüree; after 1911, Niĭslel Khüree), was established in 1861, while the consulates in the western part of the country, in Uliastai, Khovd and Sharasume (Chenghua), were opened up in the early 20th century. The vice-consulate in Maimaicheng (Maimachen) was founded in 1915. The legal basis for the establishing and operating of Russian consulates in Mongolia primarily lies in the Sino-Russian Tianjin Treaty (1858), the Beijing Treaty (1860), the Saint-Petersburg Treaty (1881) and the Russian-Mongolian agreements signed in 1911–1915. The main objectives of the Russian consulates during the given period were protecting Russian strategic interests and supporting Russian trade in Mongolia, but in fact they also included a whole range of other important goals over this long period.

The characteristic feature of the consulates in Mongolia was a great variety of functions they had to fulfill. As long as the consulates were the only institutions representing the Russian state in this region until the beginning of the 20th century, the consular competences were both diverse and extensive. The consuls in Mongolia exercised especially broad powers and during the period of operation played a significant diplomatic role. They were responsible for maintaining official contacts with the local Manchurian (after 1915, Chinese) and Mongolian authorities, protecting Russian traders' rights, collecting commercial, political and cultural infor-

mation about Mongolia and neighboring regions (Xinjiang, Inner Mongolia, Manchuria), assisting the Russian diaspora in legal, administrative, commercial, personal and practical matters, promoting Russian trade and culture and other issues related to Russia's policy in Mongolia. A special consular court was established to solve disputes among the Russian subjects and between the latter and the local population.

The consulates in Mongolia faced numerous difficulties, which often made their "mission" nearly "impossible". The diplomats were the first Europeans who resided in this remote and unexplored part of Asia for long periods of time. The main obstacle to their activities lay in the uneasy relations with the local Qing authorities (after 1915, Republican representatives) striving to prevent Russia's influence in Mongolia from spreading. Another obstacle was the tough commercial competition with the Chinese traders. The remoteness of Russian merchants' settlements across the vast territories of Mongolia, insufficient attention of the Russian government to the needs of the consulates, frequent understaffing, rather harsh climatic conditions as well as other factors made the consular service in this country very challenging. Performing consular duties required a high degree of expertise in political, economic and juridical fields, an in-depth knowledge of Chinese, Manchurian and Mongolian (in the West of the country, also of Turkic) languages and cultures and strong diplomatic, administrative and cross-cultural skills. It is important to note that the overwhelming majority of the consular employees in Mongolia possessed a very high professional level and true devotion to duty.

The Russian consulates made a great contribution to the promotion of cooperation in Russian-Chinese and Russian-Mongolian relations as well as to the maintenance of peace and "status-quo" in the Far East in the second half of the 19th and the early 20th century, while defending Russia's political interests. The consulates had a key role to play in the Mongolian national liberation movement in 1911–1915, assisted the Urga government in its quest for autonomy and took part in the elaboration of important international agreements which guaranteed the Mongolian autonomy. The Russian diplomats were also involved in settling the Mongolia-China disputes, they put a lot of effort into limiting the Pan-Mongolian movement and sought to curb Japanese and other foreign influence in the region. Besides that, they collected and delivered information about political and economic development of the country to the Ministry of Foreign Affairs, other central ministries and authorities of the Russia's border regions. After Mongolia declared independence in 1911, the Bogdo-gegen government members and local administrations received from the consulates sig-

nificant help in mastering public administration, civil service and economic management skills.

The consular institutions in Mongolia were very important for the Russian trade and entrepreneurship. Despite the obstacles which the Russian traders faced in Mongolia, Russia's economic ties with Mongolia developed, and by 1911 the trade turnover rose up to more than 10 million rubles. The consuls attempted to introduce new ideas and techniques into the commercial activity of the Russian merchants, initiated and assisted in implementation of the infrastructure projects in Mongolia, informed traders about economic and political changes in Russia and the world.

In addition, the consulates became the centers of the "Russian world" in Mongolia, dealing with the development of medicine, education, culture, maintenance of public order and organization of recreation activities for the Russians in the Mongolian cities and *khoshuns*. The Chinese and Mongols had access to the facilities located at the Russian settlements (for example, hospitals), thus, they had a chance to become better acquainted with Russians, their culture and traditions, which in turn strengthened mutual understanding of the Russian settlers and local population, as well as favored the spreading of Russian cultural influence in the country. At the same time, the consulates' employees contributed to the exploration of Mongolia and its neighboring regions of China and introduced into scientific use a generous amount of unique data related to those areas, including peoples and cultures.

As can be seen from the above, the Russian consulates in Mongolia played a great role in Russian-Mongolian and Russian-Chinese relations, in the protection of Russian political, economic and cultural interests in this country, and became significant instruments of maintaining security and cooperation on the regional level in the second half of the 19th and early 20th century.

Оглавление

Научное издание

Сизова Александра Александровна

КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА
РОССИИ В МОНГОЛИИ
(1861–1917)

Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока РАН

Редактор *М.А. Унке*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *Л.В. Халатова*

Подписано к печати 18.11.15
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 18,5 + 1,0 (вкл.). Усл. кр.-отт. 19,5. Уч.-изд. л. 18,3
Тираж 400 экз. Изд. № 8602. Зак. №

Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма «Восточная литература»
119049, Москва, Мароновский пер., 26
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6